

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств

REGIONAL ARCHITECTURAL AND ART SCHOOLS

Материалы Международной научно-практической конференции
"Региональные архитектурно-художественные школы"

30 октября 2019 г.
г. Новосибирск, Россия

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ШКОЛЫ

2019

№ 1

Новосибирск

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
**ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств»**

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ
АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ШКОЛЫ**

2019

№ 1

Новосибирск
2019

УДК 72+711+72:378+7.07
Р 32

Р 32 **Региональные архитектурно-художественные школы.** — 2019. — № 1.
ISBN 978-5-89170-257-8

ISBN 978-5-89170-257-8

© Новосибирский государственный
университет архитектуры, дизайна и искусств, 2019

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

Протасова Ю.А.
protasovay@mail.ru
 Нитиевская Е.Е.
nitiev@bntu.by
 БНТУ, г. Минск, Беларусь

УДК: 712.00

ОЗЕЛЕНЕНИЕ ДВОРОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ МИНСКА

Аннотация. В статье рассматривается состояние озеленения жилых территорий города Минска, анализируется озеленение дворовых пространств 1970-х и 2010-х гг. строительства. Даются предложения по совершенствованию озеленения пространств городских дворов.

Ключевые слова: система озеленения города; дворовые пространства.

Введение. Проблема совершенствования качества системы озеленения городских территорий в настоящее время является актуальной. Повышение уровня загрязнения окружающей среды, ухудшение условий проживания в городах вызвало снижение количества и качества озелененных территорий.

Озелененные общественные городские пространства являются центрами социальной активности и важны на всех уровнях: город, район, жилой двор [1]. Если на уровне города вопросы организации парков, скверов, набережных в городах Беларуси решаются, данные озелененные территории находятся по большей части в хорошем состоянии, то с озелененными пространствами жилых территорий возникают проблемы. Как сформировалась и формируется система озеленения на данных территориях? Что происходит с озеленением дворовых и междворовых пространств?

Результаты. В 2019 г. вопрос озеленения столицы Беларуси встал достаточно остро. В июне 2019 г. в Беларуси пройдут II Европейские игры. Так как планируется приезд большого количества гостей, столицу не просто приводят в порядок, но и усиленно озеленяют. С начала года «Минскзеленстроем» было высажено 12 тысяч деревьев, 20 тысяч кустарников, запланировано к посадке еще 20 тысяч кустарников [3].

В январе 2019 г. решением Мингорисполкома от 10 января 2019 г. № 58 утвердили схему озелененных территорий Минска [4]. Такой документ принят в Беларуси впервые и представляет собой карту каждого из девяти районов города с выделением существующих озелененных территорий общего пользования (бульвары, скверы, парки, лесопарки, городские леса) и перспективных зеленых зон (рис. 1). «Во-первых, теперь проектировщики будут видеть зеленые линии в архитектурно-планировочных заданиях. Это значит, что застройщику уже нельзя будет просто так вырубить деревья, которые раньше были ни к чему формально не отнесены. Во-вторых, зеленые линии будут учитываться при обсуждении и утверждении новых проектов детального планирования. В-третьих, схема определяет границы перспективных зеленых территорий, которые тоже не подлежат застройке» [4].

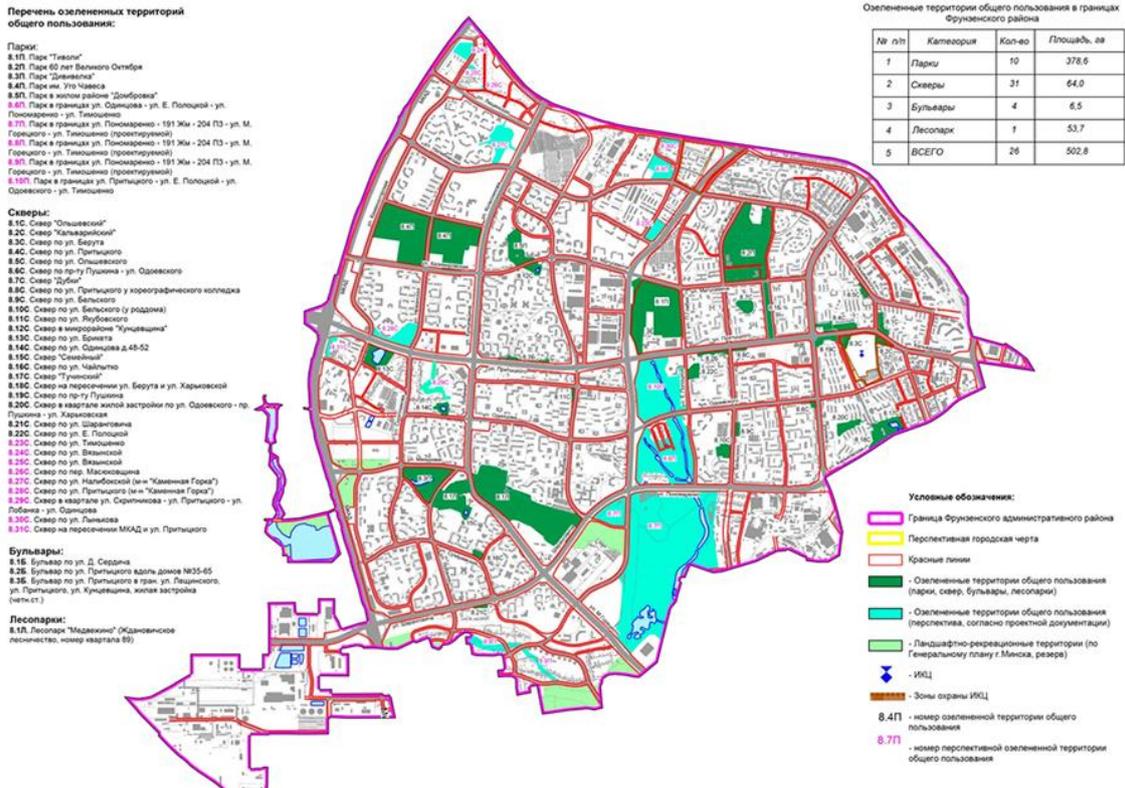

Рис. 1. Схема озеленения Фрунзенского района города Минска [4]

В Минске также уделяется внимание озеленению дворовых территорий. Так в апреле 2019 г. в городе запустили пилотный онлайн-проект «Зеленый двор вместе». Цель – украсить зеленью дворы жилых домов. Жители Минска могут выбрать место для высадки растений и сорт посадочного материала. В работе находится 365 участков, где необходимо высадить деревья, кустарники [2]. «Власти надеются с помощью этого сервиса призвать минчан проявлять инициативу, высаживать деревья и делать это организованно» [5].

Рис. 2. Фрагмент жилых территорий Фрунзенского района города Минска. Двойной линией выделены дворы 1960–1970-х гг. строительства, одинарной – 2010-х гг. Графический анализ: Протасова Ю.А., Нитиевская Е.Е.

Анализируя озеленение жилых территорий города Минска, построенных в 1960–1970-х гг. (рис. 2), видим плотные посадки многолетних растений, формирующих дворовые пространства. В основном, это крупные 40–50-летние деревья. Судя по расположению деревьев, посадки носили самодеятельный характер и выполнялись по инициативе жильцов. В настоящее время возникла новая проблема. Дворы имеют большую степень затененности, «солнечных мест» недостаточно (рис. 3–6).

Рис. 3. Двор 1. Фото авторов

Рис. 4. Двор 1. Фото авторов

Рис. 5. Двор 2. Фото авторов

Рис. 6. Двор 3. Фото авторов

Так как большинство деревьев высаживалось одновременно, не учитывались различная динамика роста деревьев, размер кроны деревьев, создающих, в настоящее время, плотную тень. В результате мы наблюдаем неупорядоченное озеленение, которое сложно отнести к определенному приему; не используются кустарники и вертикальное озеленение для функционального выделения отдельных зон двора: транзитной, зоны детских игровых площадок, площадок отдыха. В основном оформляются различными кустарниками и цветочными посадками придомовые полосы, что определяется вкусами и желаниями жителей. Детские площадки в летний период находятся в тени, не имеют четко определенных границ, что не способствует их комфортности.

Как формируется озеленение новых жилых территорий?

В Минске строятся новые современные комфортабельные жилые дома. Конечно, помимо создания жилья с современной удобной планировкой, проектиру-

ются и комфортные зоны вокруг дома: детские площадки во дворе, места отдыха взрослых, локальное озеленение и т.д. При проектировании озеленения новых жилых образований, в той или иной мере, учитывают современные тенденции в архитектуре и градостроительстве: доступность для всех категорий жителей (требования универсального дизайна), создание сети велосипедных дорожек, использование элементов ландшафтного дизайна, биоразнообразия и т.д.

Анализируя новое жилое образование «Каскад» (рис. 2), находящееся во Фрунзенском районе города Минска, можно увидеть, что озеленению уделено большое внимание – высажено большое количество разнообразных деревьев, имеются кустарники, цветочные композиции (рис. 7–8).

Рис. 7. Двор 4. Фото авторов

Рис. 8. Двор 5. Фото авторов

Дворовое пространство разделено на функциональные зоны. Дворы частично бестранспортные. Однако озеленение недостаточно продумано, хотя применен разнообразный растительный ассортимент. Большое количество деревьев высажено довольно хаотично. Кустарники используются только в придомовой полосе. Для изоляции детских площадок использованы стандартные посадки высоких деревьев с густыми кронами.

Дворовые территории сложившихся жилых образований и современных жилых районов организованы по схожим принципам и имеют общие черты: типовое функциональное зонирование, разнообразный посадочный материал для озеленения. Если прогнозировать рост растений, то учитывая темпы роста и размеры отдельных деревьев, через 30 лет получим в новых дворах те же проблемы, которые возникла сегодня во дворах застройки 70-х годов прошлого века.

Рекомендации. На основе изученного материала предлагаются следующие рекомендации.

а) Формирование озеленения для новой жилой застройки. На первом этапе можно предложить:

- первоначальную посадку ограниченного количества крупномеров в аллеи-ных посадках; в качестве солитеров как акцентов на пересечении пешеходных аллей, для создания тени на площадках отдыха и т.д.;
- применение быстрорастущих видов кустарника для разделения функциональных зон для подростков и взрослых; использование топиарных форм;
- использование вертикального озеленения (многолетние лианы и красивоцветущие летники) для достижения быстрого декоративного эффекта (примене-

ние малых архитектурных форм для вертикального озеленения – трельяжей, пергол и т.д.)

В дальнейшем необходима дополнительная посадка отдельных деревьев с учетом особенностей произрастания.

б) Для условий реконструкции озеленения сложившихся жилых районов можно рекомендовать:

- применение разновысоких кустарников стриженных форм для выделения функциональных зон;

- использование вертикального озеленения, малых архитектурных форм для озеленения (перголы, трельяжи);

- с учетом материалов таксации проводить постепенную замену малоценных и аварийных экземпляров деревьев во избежание излишней затененности дворовых пространств.

В качестве дополнительных мероприятий по повышению комфортности дворовых территорий можно предложить:

- устройство городских огородов позволит укрепить соседство;

- создание частных палисадников в уровне первых этажей.

Заключение. Необходимо создавать дворовую среду, которая обеспечит комфортное пребывание всех жителей двора. С помощью различных приемов озеленения возможно улучшить как санитарно-гигиеническое так и эстетическое состояние дворовых территорий. Применение во дворах среднего яруса растительности (кустарников, позволяющих разграничить различные зоны дворовой территории), вертикального озеленения, отделяющего площадки от территории транзита через дворы и повышающего уровень безопасности, а также цветочных посадок, способствующих эстетической привлекательности дворовых территорий, позволит улучшить облик дворовых территорий.

Список литературы

1. Протасова, Ю.А., Нитиевская Е.Е. Предложения по совершенствованию озелененных пространств в городах Беларуси // Протасова Ю.А., Нитиевская Е.Е. // *Региональные архитектурно-художественные школы.* – 2018. – № 1. – С. 18–22.

Список источников

2. Зеленый двор вместе! Пилотный проект [Электронный ресурс]. – URL: <http://gorod.gov.by/ozelenenie/minsk/> (дата обращения: 05.06.2019).

3. «Планы по посадкам деревьев пересмотрены в сторону увеличения». Власти собираются озеленить город [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kp.by/daily/26964/4019010/> (дата обращения: 05.06.2019).

4. Решение Мингорисполкома от 10 января 2019 года № 58 «Об утверждении градостроительных проектов специального планирования» [Электронный ресурс]. – URL: <https://minsknews.by/reshenie-mingorispolcoma-ot-10-yanvarya-2019-goda-58/> (дата обращения: 05.06.2019).

5. «Хотим вовлечь горожан в озеленение своих дворов». В Минске запустили онлайн-проект по посадке деревьев и кустарников [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kp.by/daily/26964/4019125/> (дата обращения: 05.06.2019).

Березина Е.А.
 sanell@list.ru
 НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 712.25

ЛАНДШАФТНО-ДЕНДРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПАРКА В ДОЛИНЕ РЕКИ КАМЕНКИ В г. НОВОСИБИРСКЕ

Исследование выполнено в рамках НИР «Анализ комфортности городской среды» муниципальной программы «Формирование современной городской среды на 2018-2022 гг.» по территории «Зеленая пойма реки Каменки» [4]

Аннотация. В статье представлены результаты ландшафтно-дендрологического анализа территории реки Каменки в Дзержинском районе г. Новосибирска, проведенного в рамках предпроектного исследования для создания нового ландшафтного объекта в пойме малой реки.

Ключевые слова: ландшафтная архитектура; ландшафтно-визуальный анализ; ландшафтно-дендрологическая оценка.

Введение. В современных условиях при нарушении баланса природной и антропогенной среды выдвигается на первый план экологическая роль ландшафтных объектов. Недооценена роль малых рек в создании системы озеленения общегородского значения, а также влияния малых водоемов на экологическую ситуацию в целом, санитарные качества городской среды. Долины малых рек в структуре крупнейших городов являются тем рекреационным потенциалом, способным сохранить этот баланс.

В градостроительных условиях Новосибирска приспособление русел малых рек под коммунально-складские и инженерно-транспортные нужды лишают город возможности создания внутри городской территории парковых зон. Проблема сохранения ландшафтного потенциала долин малых рек приобретает особое значение.

Цель работы: выявление и оценка ландшафтно-дендрологических характеристик примойменной территории реки Каменка в г. Новосибирске.

Задачи исследования:

- 1. Определить типологию будущего ландшафтного объекта и экосистемный статус исследуемой территории.
- 2. Выявить ландшафтно-визуальные и дендрологические особенности исследуемой территории.
- 3. Произвести ландшафтно-дендрологическую оценку исследуемой территории.
- 4. Обозначить принципы подбора ассортимента растений для исследуемой территории.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили натурные обследования, онлайн-карты системы 2-ГИС. Методы эмпирического исследования – наблюдение, фотофиксация, сравнение, описание. Общелогические методы – анализ, обобщение, оценка.

Новизна исследования: впервые проведен ландшафтно-дендрологический анализ припойменной территории реки Каменка в Дзержинском районе города Новосибирска.

Результаты. Будущий ландшафтный объект предполагается к размещению в долине Каменки, одной из наиболее сложных в санитарно-гигиеническом отношении городской реки. Согласно экологическим требованиям величина водоохранной зоны для реки Каменка равна 50 м в каждую сторону [5].

Предполагаемый к формированию парк по типологии городских ландшафтных объектов наиболее близок к объектам специального назначения, располагаемым в водоохраных зонах рек. По своему месторасположению в структуре формируемого нового жилого строительства может быть отнесен к парку районного значения.

По экосистемному статусу зеленые насаждения, сформированные в долине реки, относятся к природному сообществу пойменных лесов с доминированием тополей и ивняков [2, с. 52].

Низинные и затапливаемые участки поймы в настоящее время заняты ивняковыми кустарниковыми зарослями (ива прутовидная, ива трехтычинковая), далее переходящие в ивовые (ива белая) и тополёвые леса.

а) Ландшафтно-визуальный анализ территории исследования:

1. Рельеф местности и ветровой режим. Территория имеет вытянутый характер с юго-запада на северо-восток. Рельеф территории пологий, без существенных перепадов, однако подход к берегу реки затруднен из-за стихийно заросших кустарниковых склонов.

Продуваемость территории левого берега реки, а именно ее северного склона, повышенная, что соответствует наветренной стороне.

При последующем составлении технического задания на проектирование необходимо учитывать затапливаемость территории. Отмечается повышение уровня воды в реке при паводковой ситуации до критических отметок (230 см – паводок, 2010 г.). В числе причин затопления специалистами называются как вскрытие озера Каменского, так и малый (для напора воды) диаметр труб-коллекторов, в которые заключена река, и, конечно, общая замусоренность речного русла.

Оценка ветро-снегового режима территории представлена в *табл. 1*. В качестве параметров оценки использовались средние показатели для климатического района.

Оценка экологических условий для размещения замещающих видов озеленения представлена в *табл. 2*.

Таблица 1

Ветро-снеговой и паводковый режим территории

Показатель	Оценка
Превалирующее направление ветра	Юго-западное
Ветровой режим	Повышенный
Снегозаносимость	Сильная
Снегозадержание	Среднее
Угроза затопления	Повышенная

Таблица 2

Экологические условия для размещения древесных растений

Показатель	Оценка
Затесненность пространства	Пониженная
Освещенность территории	Хорошая
Санитарно-гигиеническое состояние	Неудовлетворительное

2. *Рекреационная нагрузка на территорию.* Площадь нового парка может составить 11,3 га, что позволит выйти на нормативный уровень обеспеченности зелеными насаждениями жителей района.

Расчетное число единовременных посетителей нового парка планируется в пределах 60 чел./га, что потребует предусмотреть формирование дорожно-тропиночной сети, организующей целевое и прогулочное движение по территории [6, п. 9.8, 9.10].

3. *Объемно-пространственные характеристики территории.* На территории речной долины преобладают открытые и полукрытые пространства (табл. 3), что позволяет организовать далекие перспективы на речное русло.

Таблица 3

Оценка соотношения степени открытости-закрытости ландшафтных пространств

Характер пространства	Степень открытости ландшафтных пространств
Закрытые пространства	Низкая
Открытые пространства	Высокая

б) Ландшафтно-дендрологическая оценка территории исследования:

По категории ботанической оценки природного каркаса Новосибирска озеленение территории будущего парка представляет «сообщество искусственных древесных насаждений со спонтанно сформированным напочвенным покровом и (или) сеянными газонами и цветочным оформлением высокого качества» [2, с. 52].

На рассматриваемой территории преобладают долинные кустарниковые заросли, формирующие слабо сомкнутый древесный ярус. Основной породный состав представлен березовыми рощами и массивами, кленом американским, топодем приречным, тальником (ивой).

Типы пейзажных и видовых картин с оценкой их современного состояния, а также композиционные особенности формирования растительных элементов представлены в табл. 4. и табл. 5.

Таблица 4

Характер пейзажа территории исследования

Наименование	Оценка
Степень закрытости-открытости пространства	Открытое, полукрытое
Регулярность-пейзажность ландшафтной композиции	Пейзажная
Ярусность парковых картин	Средне выражена

Таблица 5
Композиционная значимость древесных насаждений [4, с. 57]

Показатель	Наименование	Форма высадки	Оценка	Фотофиксация
Доминанта	Тополь, осина	Единичная высадка, Группа	Выражена	
Ансамблевое единство	Береза	Массив, роща	Выражено	
Акценты	Ива	Ряд	Слабо выражены	

Окончание таблицы 5

Показатель	Наименование	Форма высадки	Оценка	Фотофиксация
Фоновая растительность	Береза, тополь, клен ясенелистный	Куртина, группа	Выражена	
Разделители пространства	–	Живая изгородь	–	–
Декоративно-кустарниковое наполнение	–	Солитер	–	–
Декоративно-цветочное оформление	–	Клумба, цветник, рабатка	–	–

Заключение. Ландшафтный объект, предполагаемый к формированию в долине реки Каменки в г. Новосибирске, по своим формальным характеристикам может быть отнесен к типу районного парка или сада. Рекреационная нагрузка на территорию повышенная (расчетная в пределах 60 чел./га).

В ходе произведенного ландшафтно-дендрологического анализа территории были выявлены следующие особенности – негативные (повышенная продуваемость, снегозаносимость и затапливаемость; неудовлетворительное санитарно-гигиеническое состояние), рекреационный потенциал (преобладание открытых и полукрытых пространств, далекие перспективы на речную долину, пейзажность сформированных видовых картин, породный состав существующего озеленения).

Произведена оценка композиционной значимости древесно-кустарникового наполнения. Базовыми принципами подбора древесных групп для озеленения будущего припойменного парка будут являться: экологический, природно-климатический, функциональный и принцип устойчивости [3].

Рекомендации по внесению разнообразия в природный ландшафт включают: формирование дополняющего (и/или замещающего) существующее озеленение новым древесно-кустарниковым наполнением; использование террасирования и геопластики для выражения потенциала рельефа [1].

Рекомендации по вниманию к северным береговым частям включают повышение плотности применяемого озеленения и сравнительной высотности растений, что позволит предохранить береговую зону от холодных ветров, а летом защитить от перегрева созданием тени на освещаемой солнцем южной стороне.

Подбор деревьев и кустарников должен учитывать влаголюбивость растений (возможный ассортимент представлен в табл. б).

Таблица 6

Ассортимент кустарниковой растительности для озеленения прибрежной полосы [4, с. 59]

		
Ольха черная	Ива ломкая	Ива белая
		
Ольха серая	Можжевельник казацкий	Можжевельник обыкновенный

Список литературы

1. Колпакова М.Р., Гончар А.А., Чиндяева Л.Н., Березина Е.А. *Ландшафтная архитектура Сибири: Учеб. пособие для вузов* / М.Р. Колпакова, А.А. Гончар, Л.Н. Чиндяева, Е.А. Березина; под общ. ред. М.Р. Колпаковой; 2-е изд., доп. и перераб. – Новосибирск: НГАХА, 2013. – 150 с.
2. Ложкин А.Ю., Смирнова М.С., Разживина Д.О., Голодяев К.А., Гижицкая С.А. и др. *Зеленый Новосибирск: Концепция развития озелененных общественных пространств общегородского значения* / А.Ю. Ложкин, М.С. Смирнова, Д.О. Разживина, К.А. Голодяев, С.А. Гижицкая [и др.]. – Новосибирск: [б.и.], 2017. – 130 с.
3. Чиндяева Л.Н., Гончар А.А. *Архитектурная дендрология: Учебно-методическое пособие для вузов* / Л.Н. Чиндяева, А.А. Гончар; НГАХА. – Новосибирск: НГАХА, 2008. – 90 с.

Список источников

4. Анализ комфортности городской среды в рамках муниципальной программы «Формирование современной городской среды на 2018–2022 годы» по территории «Зеленая территория в пойме реки Каменки»: отчет о НИР (заключительный): 40-59 / НГУАДИ; рук. Дудина Т.С.; исполн.: Березина Е.А. [и др.]. – Новосибирск, 2018. – 111 с. – Код ГРНТИ 67.25.25.
5. Водный кодекс Российской Федерации. Принят Гос. Думой 29 июня 2006 г., с изменениями и дополнениями по состоянию на 29 июля 2017 г. // *Собрание законодательства РФ*. № 74. Ст. 65.
6. СП 42.13330.2016. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. (Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89*). – Введ. 01 июля 2017. – М.: Росстандарт, 2017.

Шафрай Е.С.
 ek.sh2012@yandex.ru
 ekaterina@hnu.kr

Университет Ханнам, г. Даеджон, Южная Корея

УДК: 712.2:712.3

ГОРОДСКОЙ ДИЗАЙН ПРОСТРАНСТВА У ВОДЫ: РЕКОНСТРУКЦИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НОВОГО ГОРОДСКОГО ЛАНДШАФТА НА НЕСКОЛЬКИХ ПРИМЕРАХ

Аннотация. В настоящее время все больше людей и городов стремятся к созданию комфортной, безопасной, эстетичной и удобной для жизни городской среды. Это ведет к реновации неиспользуемых городских пространств (пустырей, оврагов и т.д.), которые ранее были не обустроены или пришли в упадок. Статья рассматривает теоретические и практические аспекты реконструкции в городах, фокусируясь на общественных пространствах возле воды. В статье приводятся обзор релевантной литературы по теме и два примера реконструкции пространств у воды, разработанных автором для дизайн-конкурсов в г. Киров (Россия) и в г. Даеджон (Южная Корея). Несмотря на то, что разные города мира имеют разную историю, культурные и экономические характеристики, они обладают рядом общих трендов: 1) стремление к созданию комфортной пешеходно-ориентированной среды; 2) создание общественных парков возле воды; 3) формирование сообщества вокруг парка, имеющего большое значение для жителей (от сообщества «Друзья Хай Лайна», «Друзья Зарядья», и т.д.). Эта статья продолжает дискуссию о вовлечении жителей в вопросы организации городской среды и высокой социальной ответственности.

Ключевые слова: реновация; пространства у воды; новый городской ландшафт; создание сообщества вокруг точек притяжения; разработка узлов; дизайн парков у воды.

Introduction. Generally, to enhance a comfort of urban environment, many cities aim to develop walkability and pedestrian circulation networks and arrange open public spaces with access to water and greenery [1]. The request for comfortable, safe, convenient and aesthetically appealing environment is increasingly in demand from the residents with high social responsibility [2]. The relation of nature in the city and resident's health, welfare and sustainability was mentioned in several studies [3; 4]. Adding water design to open public spaces has many benefits for community, social health, ecology and even outdoor thermal comfort [5]. The research [5] suggests Water Sensitive Urban Design (WSUD) to help improve the conditions of cities.

With that, in regional cities several open places require reconstruction or are currently unused or deteriorated (for example, gully, often with eroded soil from rainwater, ditches with channel water, often alongside roadways and walkways, etc.). That need for reconstruction is relevant to large-scale and small-scale 'pocket' unused or deteriorated open spaces. Therefore, this paper is focused on modern approaches and aspects of reconstruction in the cities for open spaces located nearby water. This paper presents two cases of the reconstruction of the by-the-water places for two cities (Kirov in Russia and Daejeon in S. Korea) that were designed by the author for the design competitions. The next chapter presents several important concepts for open spaces with water design derived from relevant literature review.

Literature Review. The design for open spaces with water and its impact on city residents have been discussed in relevant literature. In particular, the book [6] claims that still fragmented nature and water systems (including drainage and rain water, and flood control system) of cities have to work in harmony to satisfy the fundamental needs. They are planned differently by various specialists. It outlines major historic

concepts of water supply, organization and design in cities. The book [6] suggests the 1 – restoration of nature water-streams, 2 – reclamation and re-use of water, 3 – water conservation, and other ways, and gives best practices of blue and green urban infrastructure. From the urban management perspective, the work on Water Sensitive City [7] classifies as follows: 1 – access to a diversity of water sources, 2 – provision of ecosystem services for the built and natural environment, and 3 – socio-political capital for sustainability and water sensitive behavior for a successful urban water management. The relationships between flood regulation and green open space planning and various associated planning mechanisms are discussed in detail in [8].

The particular aspects, such the urban water management and design of water-centric communities is presented in [9]. The water sounds that can be used in urban open spaces to mask road traffic noise are analyzed in [10].

On the example of Asian cities, the relationship of water stream corridors and the urban development has been discussed. Previously, a lot of streams were channelized and public accessibility to water was disabled. In South Korea, in Seoul a major transformation of rivers started to take place in the 1980s. A flood control system was implemented to adjust the flow of water. River beds were dredged and sides converted into pedestrian and bicycle pathways [11; 12]. Nowadays the designed water streams with pathways became the essential leisure places for residential communities.

The relevant literature shows that urban water management is a complex system; the design for open spaces with water can be analyzed from various perspectives. The design of by-water-places for urban open spaces and their renovation in line with contemporary concepts of new urban landscape, with use of new materials and evening lighting design is very important for livable revitalized cities.

The next chapter shows two cases of the reconstruction of the by-the-water places for two cities that were prepared by the author for design competitions.

Materials and Methods. The two cases shown in this paper present reconstruction project proposals for by-the-water urban open spaces located in Kirov in Russia and Daejeon in S. Korea in 2019. The designs were suggested after site analysis (site location and context), and with consideration of social survey (provided in the first case by the competition organizer for the site in Kirov) and design assignments given by competition organizers (in case 1 and case 2).

Case 1. Site location and Site Condition Description

Location: The area around Lul'chenka park at Solnechnaya street in Kirov, Russia. The area belongs to the 'zone of recreational landscape areas' of the city. (fig. 1.).

Fig. 1. Case 1: Site Location

Problem: The open space around lake requires renovation: the bridge across the lake is broken, not enough lighting, no benches and walkways (from the design assignment).

Design proposal: The objective of the project is to create a comfortable, safe and diverse environment that meets the needs of various groups of residents and people with limited mobility. The focus is on using cheap but effective materials and design elements (fig. 2).

Fig. 2. Design proposal for the reconstruction of the area nearby Lyl'chenka lake in Kirov, Russia for a design competition in 2019

Case 2. Site location and Site Condition Description

Location: The area around Daejeon water stream in the historic center of Daejeon city, S. Korea. The project suggests renovation of the park and water stream.

Problem: The open space around water stream requires renovation: universal design concept of space organization, suggestion of night lighting design and design for the place around a new pedestrian bridge (from the design assignment).

Design proposal: The objective of the project is to create a community space with interesting, comfortable, safe and diverse environment that will be safe through day and night. Design proposes places for different activities and sports that can be used along with mobile app for the park (fig. 3).

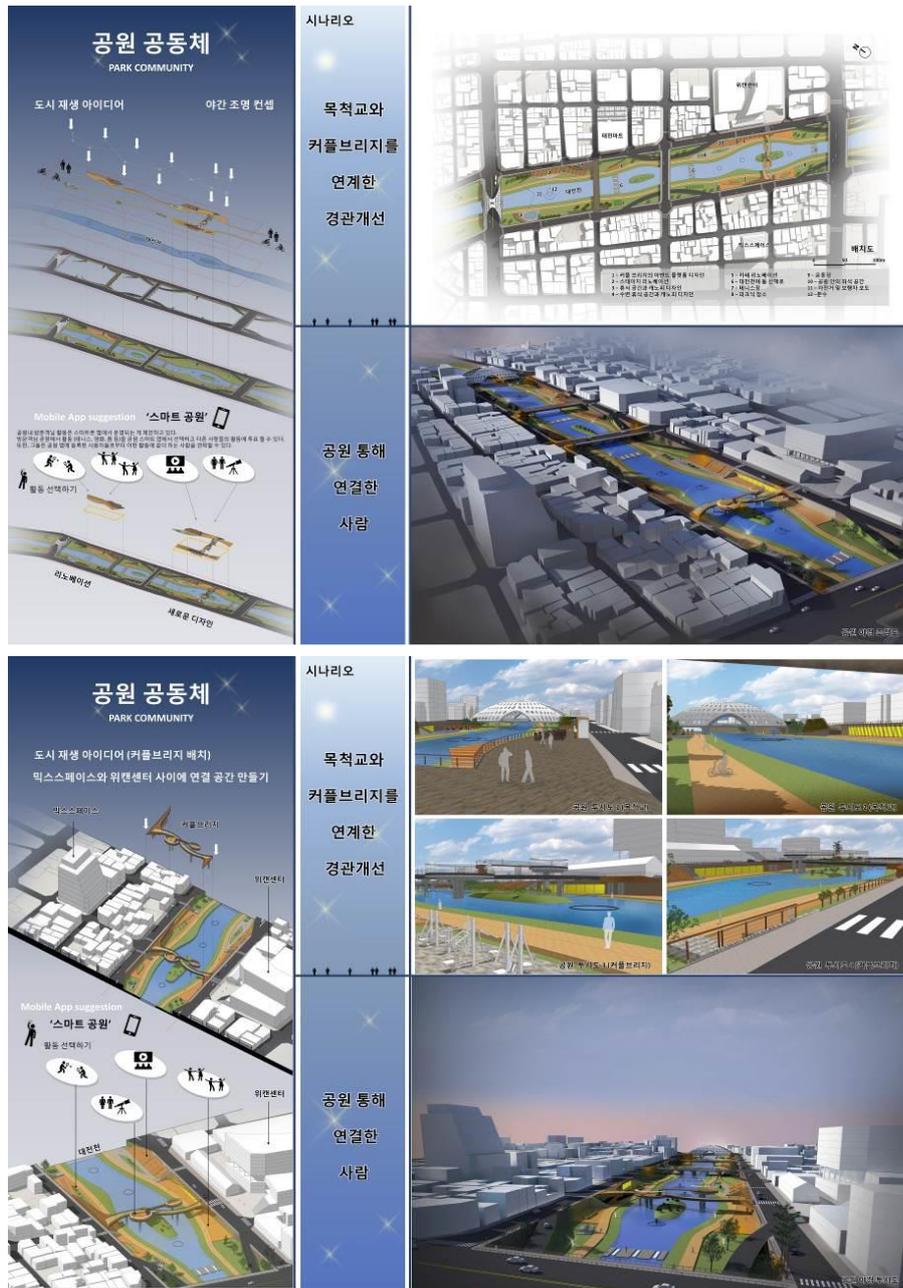

Fig. 3. Design proposal for the reconstruction of the area nearby Daejeon water stream in Daejeon, S. Korea for a design competition

Design proposals use the water as an active and main aesthetic element of design providing different views and access points. Pedestrian pathways and bicycle pathways form an enclosed network with the emphasis on the entrance groups (with canopy design and lighting) for a comfortable use.

Night lighting design ensure safety use at night time and transforms the view of the park. In the first case, night lighting design uses simple garlands with light bulbs wrapped around wooden structures. In the second case, night lighting uses starts sky image with projection and LED screens.

Conclusions. Although cities worldwide embrace different history, economic, cultural and geographical conditions, the recent urban trends possess several common features in accordance with global trends: 1) aspiration towards walkable and pedestrian-oriented city, 2) creation of community parks, social and leisure places nearby the water, 3) community-making around local significant places (starting from the well-known ‘Friends of High Line’, ‘Friends of Zaryadie’, ‘Friends of Moscow River’ etc.). These communities can be created around local park, lake or water stream to hold local events (watching movies outdoors, playing games, dancing, holding lectures and talks, etc.). Every local park in the regional city has a potential to play a significant role for a community and in life of each resident in particular. This paper aims to contribute to the discussion towards the resident’s engagement with local environment and high social responsibility.

List of references

1. *Tibbalds F.* Making people-friendly towns: Improving the public environment in towns and cities. – Taylor & Francis, 2012
2. *Rydin Y. et al.* Shaping cities for health: complexity and the planning of urban environments in the 21st century // *The lancet.* – 2012. – T. 379. – № 9831. – C. 2079–2108.
3. *Koohsari M.J. et al.* Public open space, physical activity, urban design and public health: Concepts, methods and research agenda // *Health & Place.* – 2015. – T. 33. – C. 75–82.
4. *Van Dillen S.M.E. et al.* Greenspace in urban neighbourhoods and residents' health: adding quality to quantity // *J Epidemiol Community Health.* – 2012. – T. 66. – № 6. – C. e8–e8.
5. *Coutts A.M. et al.* Watering our cities: The capacity for Water Sensitive Urban Design to support urban cooling and improve human thermal comfort in the Australian context // *Progress in Physical Geography.* – 2013. – T. 37. – № 1. – C. 2–28.
6. *Novotny V., Ahern J., Brown P.* Water centric sustainable communities: planning, retrofitting, and building the next urban environment. – John Wiley & Sons, 2010.
7. *Wong T.H.F., Brown R.R.* The water sensitive city: principles for practice // *Water science and technology.* – 2009. – T. 60. – № 3. – C. 673–682.
8. *Schuch G. et al.* Water in the city: Green open spaces, land use planning and flood management—An Australian case study // *Land use policy.* – 2017. – T. 63. – C. 539–550.
9. *Capodaglio A.G., Ghilardi P., Boguniewicz-Zablocka J.* New paradigms in urban water management for conservation and sustainability // *Water Practice and Technology.* – 2016. – T. 11. – № 1. – C. 176–186.
10. *Jeon J.Y. et al.* Acoustical characteristics of water sounds for soundscape enhancement in urban open spaces // *The Journal of the Acoustical Society of America.* – 2012. – T. 131. – № 3. – C. 2101–2109.

List of sources

11. Seoul plans renaissance of Han River // *Koreatimes*, 2010. [Online]. – URL: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/biz/2012/08/291_68994.html (accessed: 28.07.2019).
12. Water Management Policy of the City of Seoul // *Seoul Solution*, Seoulsolution.kr, 2016. [Online]. – URL: <https://seoulsolution.kr/en/content/3575> (accessed: 28.07.2019).

Семикин П.В.
ksp@ngaha.ru
 Груздева Е.А.
gruzdeva.evgenya@gmail.com
 Герасимов Е.П.
 НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 725.94+72.03

ИССЛЕДОВАНИЕ МАЛЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ ФОРМ ДВОРОВ «АЛИСА» И «ГУЛЛИВЕР»

Аннотация. В статье приведены результаты оценки технического состояния малых архитектурных форм и игровых комплексов, расположенных в двух дворах г. Новосибирска. Дворы располагаются на территории выявленного объекта культурного наследия – достопримечательного места «Красная горка». В исследовании приведены данные по истории формирования дворовых территорий, их описание и фактическое техническое состояние малых архитектурных форм и игровых комплексов.

Ключевые слова: оценка технического состояния; архитектура Новосибирска; объекты культурного наследия; «Красная горка».

Введение. Осенью 2018 г. и весной 2019 г. проводились обследования технического состояния элементов благоустройства дворовых территорий многоквартирных домов № 9 по 1-ому Краснодонскому переулку и № 10 по 2-му Краснодонскому переулку в городе Новосибирске. В 1980-х гг. во дворах этих домов были возведены детские площадки с различными малыми архитектурными композициями (формами). Дворы впоследствии получили названия: «Алиса» (по 1-ому Краснодонскому переулку, 9) и «Гулливер» (по 2-ому Краснодонскому переулку, 10).

Цель обследования – определение конструктивной, композиционной, функционально-планировочной целостности малых архитектурных форм и детских игровых комплексов, являющихся предметом охраны выявленного объекта культурного наследия – достопримечательного места «Красная горка» [2, с. 14–15], для проведения в дальнейшем ремонтных и реставрационных работ дворовых территорий. Целью статьи является фиксация авторских результатов обследования состояния малых архитектурных форм и детских игровых комплексов [3; 4].

Анализ исторической справки строительства. До строительства поселка «Красная горка» на территории между реками 1-ой и 2-ой Ельцовкой располагались сосновый бор и малоэтажная застройка. Застройка территории многоквартирными домами началась в 1947 г. по направлению от ул. Учительской к Сухому лугу. Территория поселка имела поквартальное деление. Исследуемые объекты расположены в квартале № 34, напротив Дома культуры им. Горького, симметрично относительно его оси. Дворовые территории открыты в сторону улиц и представляют собой курдонеры. Данное решение компоновки квартала является уникальным для территории поселка.

Согласно документу «Архитектурно-планировочное задание на составление Генплана и освоение территории поселка Новосибирского Автозавода в районе «Красной горки»» 4 от 25 мая 1946 г. квартал № 34 был зарезервирован для жилого

го строительства ТЭЦ № 4 [1]. Застройка квартала велась в 1953 г. Здания построены в неоклассическом стиле.

В период с 1950-х по 1970-е гг. дворы квартала № 34 имели минимум уличного оборудования: скамьи, урны, могли быть расположены теннисные столы. Дворы квартала были хорошо озеленены, при строительстве сохранены росшие на этом месте березы [5].

В 1982–1983 гг., в рамках комплексного архитектурно-художественного оформления ул. Б. Хмельницкого и прилегающих к ней кварталов, на дворовой территории дома были возведены игровые комплексы и малые архитектурные формы. Оформление двора было выполнено художественной мастерской «Красная горка» под руководством Г.П. Арбатского [3]. Дворовая территория жилого дома №9 была оформлена по мотивам сказки «Алиса в стране Чудес» и «Алиса в Зазеркалье», дворовая территория жилого дома № 10 – по мотивам сказки «Гулливер». Дата возведения малых архитектурных форм во дворе «Гулливер» указана на центральном рельефе, декоративном рельефе над левой входной аркой и стеле, расположенной возле фонтана.

Результаты обследования. Двор «Алиса» представляет собой прямоугольную площадку площадью примерно 2500 м². С трех сторон двор ограничен стенами здания. С четвертой, со стороны переулка, двор ограничен невысокими монолитными бетонными стенками, заподлицо с боковыми фасадами здания.

Вход во двор осуществляется через два арочных проема, устроенных в несущих стенах балконов, и трем дорожкам. Над арочными проемами установлена надпись: «Алиса», буквы которой выполнены из бетона. Въезд и выезд из двора происходит по двум проездам. Между проездами и арочными проемами располагаются композиции, состоящие из широкого стального гнутого листа, установленного на сборные бетонные блоки.

Во дворе располагаются три площадки, ограниченные невысоким бетонным бордюром и замощенные тротуарной плиткой. Каждая площадка имеет цветочные клумбы квадратной в плане формы. На двух площадках располагаются бетонные кубы, служащие основаниями для скамей и стульев. Сиденья скамей и стульев деревянные. На третьей площадке располагаются качели, выполненные из металлических элементов (рис. 1).

Между площадками располагаются декоративные детали, представляющие собой композицию из двух стоек – круглых стальных труб, связанным между собой. На концах стоек данной композиции, а также на концах стоек качелей, установлены фигуры сказочных персонажей. В нише заложено оконного проема, установлена декоративная деталь, представляющая собой художественное изделие из листовой стали и бетона.

Двор «Гулливер» подобен по форме и площади двору «Алиса». С трех сторон двор ограничен стенами здания, а с четвертой, со стороны переулка, двор ограничен металлическим кованым забором заподлицо с боковыми фасадами здания. Вход во двор осуществляется через две калитки, устроенные в арочных проемах несущих стен балконов. Над одним проемом установлена надпись: «Гулливер», над другим – композиция, включающая заглавную букву «Г», вписанные в нее буквы, завершающие слово «Гулливер» и цифры «83», обозначающие год возведения комплекса. Все буквы выполнены из бетона.

Рис. 1. Центральная площадка двора «Алиса» жилого дома № 9 по 1-ому Краснодарскому переулку. Фото авторов, 2018 г.

Рис. 2. Двор «Гулливер» жилого дома № 10 по 2-ому Краснодарскому переулку. Фото авторов, 2018 г.

Во дворе располагаются площадки отдыха, цветник, песочница, ограниченные бетонным бордюром (рис. 2). В центре площадки располагается круглый бассейн, в котором труба зажата четырьмя бетонными фигурными блоками. Края бассейна облицованы бетонными плитами, расположенными радиально. На четырех плитах выполнены выпуклые буквы, обозначающие направления сторон света. Вокруг бассейна установлены прямоугольные стелы, с двух сторон которых выполнены барельефы сказочных персонажей и цифры. Между бассейном и песочницей располагается детская горка, выполненная из дерева.

Во дворе имеются также различные декоративные композиции, представляющие собой простые карандаши и рисунок, состоящий из фигурных сборных бетонных блоков. В нише заложено оконного проема установлен барельеф, представляющий собой художественного изделие из бетона.

Рис. 3. Деформация композиции из-за просадки грунта основания двора «Алиса». Фото авторов, 2019 г.

Выводы. Оценка технического состояния показала, что композиции обоих дворов имеют многочисленные повреждения:

- деформации отдельных композиций в результате просадки грунта основания под композициями (рис. 3);
- многочисленные полные и частичные разрушения деревянных и металлических элементов композиций (рис. 4, 5);
- отдельные композиции имеют локальные участки повреждений коррозией, а также вмятины, погнутости, выгибы и трещины (рис. 6).

В настоящее время архитектурно-художественное оформление дворов сохранилось практически полностью, но в ходе обследования выявлены некоторые утраты и изменения.

Во дворе «Алиса» утрачены две из четырех качелей игрового комплекса, деревянные части сидений в зонах отдыха, фрагменты декоративных панно.

Во дворе «Гулливер» утрачены пять карандашей из семи, столешницы теннисного стола, и деревянных элементов скамеек и сидений, значительные повреждения, деформации и утраты имеют деревянные конструкции горки, фонтан в настоящее время не функционирует и используется в качестве цветника.

Изменена и утрачена первоначальная окраска (цветовое решение) элементов всех игровых комплексов.

Рис. 4. Разрушение деревянных элементов двора «Алиса». Фото авторов, 2018 г.

Рис. 5. Разрушение композиции двора «Гулливер». Фото авторов, 2018 г.

Рис. 6. Трещины в бетонном барельефе «Гулливвер». Фото авторов, 2018 г.

Список литературы

1. Калюжная Ю.Б. Опыт создания комфортной городской среды (на примере улицы Богдана Хмельницкого г. Новосибирска) // Развитие территорий. – 2017. – № 3 (9). – С. 21–32.

Список источников

2. Приказ управления по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской области № 25 от 06.02.2017 «О включении в перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Новосибирской области, объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия «Красная горка», расположенного по адресу: г. Новосибирск, ул. Богдана Хмельницкого».
3. Отчетная документация «Обследование технического состояния элементов благоустройства дворовой территории многоквартирного дома № 9 по 1-му Краснодонскому переулку в городе Новосибирске, находящего в границах выявленного объекта культурного наследия «Красная горка», расположенный по адресу: г. Новосибирск, ул. Богдана Хмельницкого, по виду достопримечательное место». Новосибирск, 2019.
4. Отчетная документация «Обследование технического состояния элементов благоустройства дворовой территории многоквартирного дома № 10 по 2-му Краснодонскому переулку в городе Новосибирске, находящего в границах выявленного объекта культурного наследия «Красная горка», расположенный по адресу: г. Новосибирск, ул. Богдана Хмельницкого, по виду достопримечательное место». Новосибирск, 2019.
5. Экспозиционный фонд филиала МКОК Музей Новосибирска Музея Калининского района. Вспомогательный фонд КП 3645, КП 3677, КП 3675.

Шалыгина Д.Н.
 dyudanova@yandex.ru
 НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия
 Научный рук.: канд. арх. Ерохин Г.П.

УДК: 711.01/09

ПОСТ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ (ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

Аннотация. В статье анализируются современные научные отечественные и зарубежные исследования, рассматривающие различные аспекты трансформации пост-социалистического города и его структуры в период социально-экономических изменений конца XX – начала XXI вв. Выявлены базовые механизмы пост-социалистического (пост-советского) развития городов – коммерциализация и деиндустриализация городского пространства, изменения в жилищном строительстве. Рассмотрена зависимость трансформационных процессов от местных и региональных условий: статуса и размера города, существующей градообразующей базы, степени развития транспортной инфраструктуры территорий и т.д.

Ключевые слова: пост-социалистический город; трансформация; коммерциализация; деиндустриализация.

Введение. Крах социалистической системы в конце XX века в городах Центральной и Восточной Европы (далее ЦВЕ), создает масштабное поле для изучения закономерностей трансформации городской структуры. В зарубежных исследованиях, посвященных развитию городов в этот переходный период, рассматривается широкий круг вопросов: влияние социалистического наследия на развитие столичных и крупнейших городов, влияние социально-экономических и политических изменений и т.д. Отечественные исследователи (за редким исключением) осторожнее используют термин «пост-социалистический» («пост-советский») город и анализируют в своих работах отдельные аспекты городского развития после 1990-х гг. В качестве объектов исследований, прежде всего, выступают сверхкрупные российские города (Москва, Санкт-Петербург), однако есть исследования крупных, средних и малых городов. Рассматриваются вопросы субурбанизации конца XX – начала XXI вв. [3–5], развития пригородов, поляризации городов в новых социально-экономических условиях [2], процессы деиндустриализации и реорганизации промышленных зон [1; 7], вопросы субурбанизации, джентрификации [6], архитектурно-пространственных изменений городской среды, стилевые особенности архитектуры данного периода и т.д.

Материалы и методы. Основой исследования послужили отечественные и зарубежные работы, посвященные пост-социалистическому развитию городов ЦВЕ. В настоящем исследовании систематизируются основные механизмы развития городов в пост-советский период, а также определяется их зависимость от конкретных местных и региональных условий, в рамках которых происходили трансформации.

Результаты. Различия регионов по статусу и размеру, положению в существующей градообразующей базе, уровню урбанизации и количеству муниципальной собственности на землю, обусловили специфический характер преобразований в переходный период в каждом отдельном городе. Кроме того, города от-

личаются по скорости социально-экономических процессов: восстановления и выхода из кризиса, приватизации жилья и недвижимости, коммерциализации городских центров, децентрализации жилищного строительства и розничной торговли, роста автомобильного парка и т.д.

Несмотря на отсутствие единого пути развития пост-социалистических городов, нами выявлен ряд общих тенденций пост-социалистических трансформаций, которые имели место в городах ЦВЕ и были обусловлены глобальным изменением в распределении и использовании земли.

1) Коммерциализация. Во всех пост-социалистических городах с утверждением рыночной экономики и механизма приватизации происходит стремительный рост коммерческой недвижимости. Применительно к характеру коммерциализации пост-социалистических городов в 1990-х гг. используется термин «мелкозернистая коммерциализация» («fine-grained commercialization») [11].

Торговые точки и офисы возникали в переоборудованных нижних этажах и подвалах жилых домов. Одной из самых распространенных форм торговли в 1990-х гг. становится торговля на рынках, оборудованных киосками (рис. 1).

Одновременно происходит дифференциация жилых районов в зависимости от степени распространения в них коммерческой недвижимости. В районы, расположенные в центральных частях города, активно внедрялись коммерческие функции. В отдаленных районах с плохой транспортной доступностью, где и в предшествующее время не была развита розничная торговля, наблюдаются признаки упадка и деградации [16].

*Рис. 1. Новосибирск. Стихийный рынок на площади К. Маркса в 1990-е гг.
Фотография Е. Иванова, 1998–1999 гг. [17]*

В процессе коммерциализации городского пространства выявлено два периода. Первый, начальный период (1990–2000 гг.), когда коммерческое строительство имело относительно мелкий масштаб (киоски, реконструированные нижние

этажи зданий и т.д.), и второй этап – с 2000-х гг. по настоящее время, – когда получает распространение тенденция строительства крупных зданий супермаркетов и гипермаркетов. В состав новых торговых центров, помимо объектов розничной торговли, активно включаются кинотеатры, спортивные объекты, рестораны и т.д. Следует отметить, что в регионах Центральной Европы этот процесс происходил несколько раньше и имел больший масштаб.

2) Деиндустриализация. В основе пост-советской деиндустриализации – масштабный спад промышленного производства, как в России, так и в других странах ЦВЕ, который зафиксирован в период с 1990-го по 2000-й годы (рис. 2). В 2000-х гг. происходит постепенное восстановление дореформенных показателей благодаря притоку инвестиций в промышленность.

Характер процесса деиндустриализации каждого города определяется его статусом и размером, преобладающим промышленным производством. Признаки деиндустриализации особенно заметны в городах с развитой промышленной базой [2; 11]. Наиболее тяжелые последствия она оказала на т.н. «моногорода», где привела к масштабному кризису и депопуляции территорий.

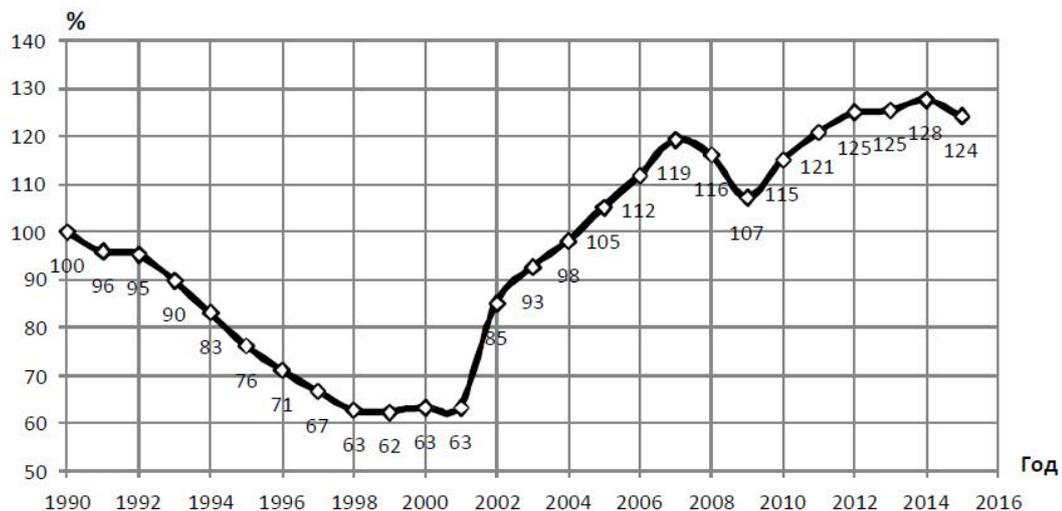

Рис. 2. Динамика промышленного производства в РФ в 1990–2015 годах [1, с. 142]

Процесс деиндустриализации городов выразился в упадке не только промышленных территорий, но и территорий, находившихся «на балансе» промышленных предприятий (дома культуры, спортивные комплексы, детские сады и пр.). В сверхкрупных городах в 1990-х гг. наметилась тенденция сокращения производственных зон, развития в их границах общественно-деловой застройки [7], а также перенос промышленных предприятий за пределы городских территорий. Для крупных и средних городов эта тенденция наблюдается несколько позднее, в 2000-х гг. На степень интенсивности коммерческого использования производственных зон влияет расположение последних относительно жилых и общественных территорий, транспортная доступность, а также направления развития, заложенные в документах территориального планирования. Наличие значительного числа депрессивных производственных зон является характерной особенностью большинства пост-социалистических городов, причем их реконструкция представляет большие трудности для современного планирования.

3) Изменения в жилищном строительстве. Повсеместное замедление, а во второй половине 1990-х гг. зачастую и отсутствие нового строительства в городах Центральной и Восточной Европы, способствовали появлению в городской структуре как единичных долгостроев, так и целых районов незавершенного строительства: жилых, общественных и производственных зданий, объектов социальной инфраструктуры и т.д. В зависимости от статуса города, а также от стоимости земли, на которой были расположены такие недостроенные объекты (в центре города или на периферии), в последующем они либо сносились, либо реконструировались, либо достраивались в первоначальном виде, либо остались недостроенными вплоть до настоящего времени [8].

Индивидуальное жилищное строительство в конце XX в. осуществлялось как правило бессистемно, особенно в условиях кризиса и приостановки массового жилищного строительства. Специфика этого процесса в конце XX в. находилась в зависимости от локальных условий – статуса города или агломерации, их размера и степени развития. Развитию индивидуального жилищного строительства в начале XXI в. способствовали, с одной стороны, транспортные и инфраструктурные проблемы пост-социалистических городов, а с другой стороны, экологическая и социальная напряженность при определенной свободе выбора места проживания и типа жилья [4].

В пост-советских городах субурбанизация не выражена явно [8], что отчасти объясняется феноменом существующих здесь дачных пригородов – то есть замещением субурбанизационных функций сезонными дачными. В столичных регионах эта тенденция получила более явное и широкое распространение. Развитию субурбанизации способствует наличие свободных территорий, инфраструктурная обеспеченность, развитие жилищного рынка и т.д.

Характерным явлением в конце XX – начале XXI вв. становится джентрификация [6]. Процесс джентрификации вызван процессом социального расслоения общества и отражается в городском пространстве благодаря строительству жилых домов более высокого класса и ранжированием районов по степени престижности. Точечный характер нового жилищного строительства в начале XXI в. зачастую способствовал распространению «социально-пространственной стратификации» (рис. 3) [11; 14] – соседству многоквартирных жилых домов и районов повышенного класса комфортности с неблагоустроенными.

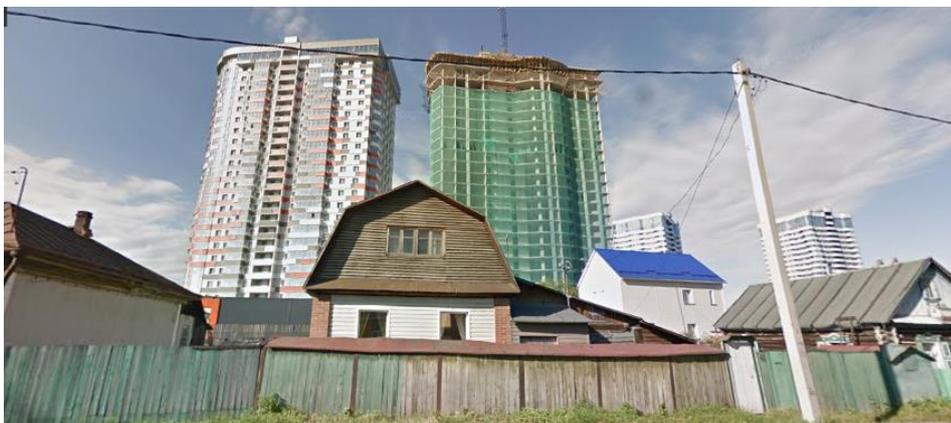

Рис. 3. Новосибирск. Социально-пространственная стратификация жилой застройки [18]

Процесс джентрификации связан с процессами коммерциализации, деиндустриализации и субурбанизации и проявляется наиболее ярко в сверхкрупных городах. Степень джентрификации зависит, в первую очередь, от уровня развития рынка жилья и унаследованной функционально-планировочной структуры, а также от наличия программ по реорганизации промышленных территорий и старого жилищного фонда.

Незаконное строительство также становится заметной тенденцией в конце XX в. Оно существовало и ранее, однако именно в 1990-е гг. появляется общепринятый термин «несанкционированное жилищное строительство» для обозначения строений, возведенных без соответствующего разрешения с последующим согласованием. Причем теперь эта тенденция, в отличие от незаконного строительства советского периода, стала прерогативой обеспеченных слоев населения. В ряде городов таким способом были созданы целые жилые районы, отмеченные специфическим, китчевым архитектурным оформлением зданий [8].

Заключение. Таким образом, основными факторами пост-социалистической трансформации городов на всем пост-советском пространстве являются коммерциализация, деиндустриализация, субурбанизация и джентрификация.

Столичные города быстрее «приспосабливались» к социально-экономическим изменениям, в особенности к явлениям деиндустриализации. Здесь также наблюдаются высокие темпы коммерциализации, субурбанизации и джентрификации, более явно проявляются тенденции социально-пространственной поляризации ввиду более резких имущественного расслоения населения и различий в его плотности от центра к периферии и т.д.

В рамках пост-социалистического города эти факторы находятся в прямой зависимости в первую очередь от унаследованной функционально-пространственной структуры, инфраструктурной обеспеченности территории, от наличия муниципальных программ по реконструкции ветхого жилья и переносу промышленных предприятий.

Особенности трансформации территорий в 1990-е и в 2000-е гг. имеют существенные отличия. Дальнейшее изучение характера этих трансформаций необходимо для определения актуальных направлений городского развития, которые бы были адекватны региональным и местным условиям.

Список литературы

1. Безлепкина Н.В., Кононова Е.Н., Курносова Е.А. Процессы индустриализации, деиндустриализации и реиндустриализации в эволюции российской экономики // *Вестник Самарского государственного университета. Серия «Экономика и управление»*. – 2015. – № 9/2 (131). – С. 137–149.
2. Зубаревич Н.В. Поляризация городов России как следствие кризиса 90-х годов // *Вестник Евразии*. – 2001. – № 1. – С. 5–29.
3. Кириллов П.Л., Махрова А.Г. Субурбанизация в Московском столичном регионе: современное состояние и перспективы // *Региональные исследования*. – 2009. – № 4-5 (25). – С. 42–54.
4. Махрова А.Г., Голубчиков О.Ю. Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // *Вест. Моск. Ун-та Сер.5. География*. – 2012. – № 2. – С. 26–31.
5. Махрова А.Г. Роль организованных коттеджных поселков в развитии субурбанизации в пост-советской России // *Известия РАН. Серия географическая*. – 2014. – № 4. – С. 49–50.

6. Махрова А.Г. Татаринцева А.А. Развитие процессов джентрификации и реконструкция городской среды центра Москвы в постсоветский период // *Региональные исследования*. – 2006. – № 3 (9). – С. 28–42.
7. Чернышова Н.А. Современные проблемы реорганизации производственных зон Москвы // *Вест. Моск. Ун-та Сер.5. География*. – 2010. – № 1. – С. 72–77.
8. Borén T., Gentile M. Metropolitan Processes in Post-Communist States: an Introduction // *Geogr. Ann.* – 2007. – № 89. – С. 95–110.
9. Hirt S. Whatever happened to the (post)socialist city? // *ELSEVIER. Cities*. – 2013. – № 32. – С. 29–38.
10. Hirt S., Ferencuhova S., Tuvikene T. Conceptual forum: the “post-socialist” city // *Eurasian Geography and Economics*. – 2017. – URL: <http://dx.doi.org/10.1080/15387216.2016.1271345> (дата обращения: 05.01.2017)
11. Hirt S., Stanilov K. Twenty Years of Transition: The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union, 1989–2009 // *Human Settlements Global Dialogue Series*. – 2009. – № 5. – С. 1–146.
12. Sailer-Fliege Ul. Characteristics of post-socialist urban transformation in East Central Europe // *GeoJournal*. – 1999. – № 49. – С. 7–16.
13. Stanilov K. Taking stock of post-socialist urban development: A recapitulation // *Springer. The Post-Socialist City*. – 2007. – С. 3–17.
14. Sykora L. Changes in the internal spatial structure of post-communist Prague // *GeoJournal*. – 1999. – № 49. – С. 79–89.
15. Trambull N. Redevelopment and conservation in the built fabric of post-socialist St. Petersburg // *Urban Geography*. – 2012. – № 33. – С. 370–400.
16. Tsenkova S. Managing change: the comeback of post-socialist cities // *Urban Research & Practice*. – 2008. – № 3. – С. 1–18.

Список источников

17. Иваненко Т. Капитал Маркса: архитекторы о сценариях будущего самой проблемной площади Новосибирска [Электронный ресурс]. – URL: <https://tauga.info/120977> (дата обращения: 05.01.2017).
18. Картографические данные Google, 2019. Россия [Электронный ресурс]. – URL: <https://maps.google.com/> (дата обращения: 07.06.2019).

Дроботова Н.В.
desawsrose@gmail.com
 БНТУ, г. Минск, Беларусь
 Научный рук.: канд. арх., доцент Протасова Ю.А.

УДК: 711.4:004.9

ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ В БЕЛАРУСИ

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция рабочего инструментария архитектора-градостроителя и история становления современных САПР. Выявлен уровень интеграции существующего программного софта и необходимость введения информационных технологий в градостроительное проектирование. Также рассмотрены изменения в нормативную базу после начала применения и внедрения информационных технологий в процесс градостроительного проектирования.

Ключевые слова: ЭВМ; автоматизированные программы (САПР); информационные технологии; ГИС-технологии; градостроительное проектирование.

Введение. В середине XX века началось массовое производство серийных ЭВМ. С развитием вычислительной, графической и программной техники в проектных организациях был сделан акцент на автоматизацию проектных задач, «имеющих четко выраженный расчетный характер, когда реализовывались методики, ориентированные на ручное проектирование». В градостроительной практике стало возможным автоматизированное выполнение трудоемких и однообразных графических и конструкторских операций, многовариантное конструирование, решение геометрических задач формообразования изделий и др.

Так, «по мере накопления опыта, стали создаваться программы автоматизированных расчетов на основе методов вычислительной математики (параметрическая оптимизация, метод конечных элементов и т.п.). В последние годы большое внимание уделяется автоматизации расчетно-конструкторских работ, проектной документации, проектированию планов, фасадов, разрезов и др. в режиме диалога проектировщика и ЭВМ» [3].

Результаты. С 1970-х гг. ситуация в градостроительном проектировании начала меняться. На минском заводе им. Орджоникидзе с 1975 г. были разработаны и выпущены серийные компьютеры, предназначенные для использования в научной деятельности. Это составляло около 70 % парка машин СССР в то время. Приобретение компьютерной техники проектными организациями «приобретает глобальный характер, и проектная документация начинает выпускаться при помощи компьютерных технологий – ксероксов, принтеров, рабочих чертежных станций, программных обеспечений, плоттеров. Операции копирования, тиражирования, зеркального переноса осуществлялись на компьютерах, что делало их гораздо более простыми и сокращало количество затраченного рабочего времени. На компьютерах выполнялись все те же проекционные чертежи – планы, фасады, разрезы; проставлялись размеры, раскрашивались фасады и аксонометрические виды» [1].

На *рис. 1* представлена карта-схема генерального плана города Минска 1965 года перед переходом на компьютерную версию. Юлий Пурецкий и Ярослав Ли-

невич – главные авторы генпланов Минска 1965-го и 1985-го годов и их корректур советского периода.

• *Рис. 1. Генеральный план г. Минска 1965 г. в докомпьютерное время [5]*

В процессе своего развития информационные технологии в белорусском градостроительстве прошли через несколько стадий формирования с началом использования ЭВМ:

1. Первый этап охватывает период с 1980-х до начала 1990-х гг.

В данный промежуток времени «широкое распространение получили диалоговые информационные технологии, автоматизированные рабочие места для проектировщиков, табличные и графические процессы, базы данных и локальные вычислительные сети, основанные на распределенной обработке данных» [8].

Для регистрации графических данных в начале 1980-х гг. в проектных институтах Беларуси стали использоваться графопостроители, которые в значительной мере сократили сроки изготовления генпланов.

После того, как с 1980-х гг. микроэлектроника стала развиваться стремительными темпами, это позволило организациям перейти к формированию новых научно-технических решений в градостроительном проектировании. Так, стали применять в первую очередь текстовые редакторы. Позже, начиная с 1982 г. стали использовать AutoCAD 1.0, а с 1986 года – ArchiCAD, т.е. 2D моделирование чертежей с помощью персонального компьютера.

2. Второй этап развития ИТ охватывает период с начала 1990-х до начала 2000-х гг.

Главной составляющей этой стадии формирования ИТ является «разработка инструментальных средств, облегчающих непрограммирующим профессионалам процесс самостоятельной формализации их индивидуальных знаний. На смену технологии, основанной на обработке данных по формализованным алгоритмам, приходит технология, основанная на интеллектуализации работы ЭВМ». Подобная методика тесно связана с обработкой неформализованных данных с применением алгоритмов.

В этот период «начинает осуществляться интеграция ИТ. Сетевые, гипертекстовые и мультимедийные технологии включаются практически во все предметные ИТ, повышая эффективность их использования» [2].

С конца 1990-х гг. в Беларусь приходит мировая «сеть Интернет и локальная корпоративная сеть Интранет, также к этому времени появляются технологии информационных хранилищ, электронного документооборота и поддержки принятия решений» [2].

В 1990 г. появилась первая версия Office 1.0 (Word, Excel), стали электронными таблицы, сметы. Данные программы использовали преимущественно бухгалтеры для планирования и ведения учетов, построения диаграмм и др.

С середины 1990-х гг. началось массовое внедрение ГИС-технологий и использование материалов космических съемок в градостроительное проектирование. Начало использования в проектировании MapInfo, Cadmap и ArcGis, что позволило архитекторам-градостроителям составлять, формировать, регулировать, исследовать, а также обмениваться географическими данными.

3. Третий этап развития информационных технологий охватывает период с начала 2000-х до начала 2010-х гг.

В этот период большое внимание уделяется 3d-моделированию зданий. Научившись работать с двухмерным проектированием, архитекторы постепенно приобретают навыки для создания 3d-объектов. Неотъемлемой частью становится увеличение возможностей архитекторов при создании конечного продукта архитектурных объектов. С помощью 3d-технологий архитекторы могут существенно сокращать временные расходы на разработку моделей, выполненные вручную.

3d-программами предусмотрен расчет таких показателей, как коэффициенты площади этажа, площади участка, строительного объема, так и формирование 3d-зданий любого типа или структуры окружения (визуализация).

С начала 2000-х гг. получили свое распространение такие системы автоматизированного проектирования (САПР), как Autodesk 3ds Max, Revit. К середине 2000-х гг. стали популярны среди архитекторов-проектировщиков программы AllPlan и SketchUp. А уже к середине 2000-х гг. в процесс моделирования был интегрирован параметр времени, что дало возможность просчитывать сроки реализации, достаточно точные расчеты по затратам и общую стоимость объектов градостроительства.

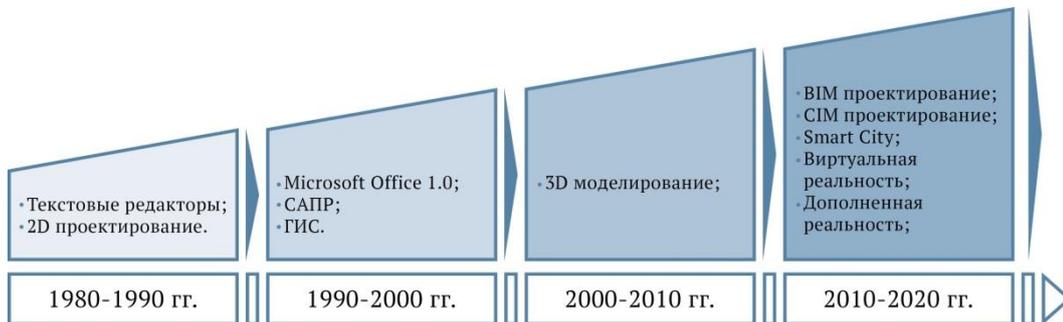
4. Четвертый этап, начавшийся с начала 2010-х гг. и продолжающийся до настоящего времени, характеризуется разработкой информационных технологий для автоформализации большего количества процессов.

Произошел переход от чертежного проектирования к информационному моделированию зданий – BIM и CIM проектирование, а также создание Smart City, в том числе использование данных социальных сетей, городских сенсоров и других источников. Сюда же следует отнести такие виды информационного проектирования, как виртуальная и дополненная реальности.

Трехмерные модели городского пространства позволяют эффективно решать задачи, связанные с принятием градостроительных проектов и документации, охраной и реконструкции объектов культурного наследия и кадастра.

В поддержку внедрения инновационной BIM-технологии в архитектурную практику в октябре 2014 г. в Минске прошла первая республиканская научно-практическая конференция «Цифровые технологии в проектировании и строительстве».

На *схеме 1* представлена наглядная схема процесса развития ИТ в градостроительном проектировании с начала 1980 гг. по настоящее время.

*Схема 1. Периодизация внедрения ИТ в градостроительные процессы.
Графическая схема автора*

После того, как в процесс проектирования стали внедрять и использовать информационные технологии, нормативная документация подверглась изменениям:

- «утверждена отраслевая программа стандартизации и нормирования в области САПР; отраслевая программа «Совершенствование процесса градостроительного и архитектурно-строительного проектирования на основе компьютерных технологий», работает совет по этой программе;
- организуется координация работ по САПР, стандартизации и нормированию, государственному градостроительному кадастру;
- проводятся ежегодные международные семинары «Автоматизированные технологии архитектурного и градостроительного проектирования» [7];
- в пункте 8.7 положения о комитете по архитектуре и строительству Минского областного исполнительного комитета от 2007 г. говорится о «внедрении современных организационных методов и информационных технологий в управление архитектурной и градостроительной деятельностью на территории области» [9];
- принято решение «о внедрении передовых информационных и телекоммуникационных технологий, создании «умных городов» и сетей», а также о «создании электронного правительства» [6];
- идет развитие информационного моделирования при разработке градостроительной документации;
- в марте 2018 г. вступил в силу декрет № 8 «О развитии цифровой экономики», он же «Декрет о ПВТ 2.0» [4].

Заключение. Хочется отметить, что, благодаря внедрению персональных компьютеров в градостроительную сферу, методология основывается на следующих положениях:

1. Применение ЭВМ в градостроительном процессе дает возможность увеличить возможности работы проектировщика и генпланиста.
2. ЭВМ не является заменителем человеческого труда, а предназначается для помощи в творческой работе архитектора и служит инструментом для реализации идей.

3. Для использования ЭВМ в градостроительных проектных институтах необходимы квалифицированные кадры т.к., с одной стороны, градостроитель обязан регулировать сложные творческие процессы, а с другой – обязан понимать и знать язык общения с ЭВМ.

А усовершенствование предыдущих средств автономного проектирования открывает новые возможности их применения в градостроительной сфере, также изменению подвергаются все основные процессы работы с документами, схемами, таблицами, чертежами и приводит к формированию общей информационной электронной базы, целью которой является получение оптимальных проектных архитектурных и градостроительных решений.

Список литературы

1. *Волынский В.Э.* Информационно-технологические методы проектирования в архитектурном формообразовании: Автореф. дис. ... канд. арх.: 05.23.20 / В.Э. Волынский; Московский архитектурный институт. – Москва, 2012. – 25 с.
2. *Карпович Е.Б., Пархоменко Д.А.* Основы информационно-аналитической деятельности: пособие / Е.Б. Карпович, Д.А. Пархоменко. – Минск: БГУИР, 2017. – 55 с.
3. *Щербаков В.С., Корытов М.С., Григорьев М.Г.* Автоматизация проектирования устройств управления положением платформы строительной машины: Монография / В.С. Щербаков, М.С. Корытов, М.Г. Григорьев. – Омск: СибАДИ, 2011. – 119 с.

Список источников

4. Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики». – Минск, 2018.
5. *Журавлевич С.* Уютная Каменная Горка, много парков: как бы выглядел Минск, если бы его строили по генпланам [Электронный ресурс] // Белорусский портал. Строительство. – 8 ноября 2018. – URL: <https://reality.tut.by/news/building/614721.html> (дата обращения: 01.06.2019).
6. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития республики Беларусь на период до 2030 года // Протокол заседания Президиума Совета Министров Республики Беларусь № 10. – Минск, 2017.
7. *Ничкасов А. И., Адаменко Г.М., Горбачев Н.И.* Внедрение современных технологий в проектирование [Электронный ресурс] / А.И. Ничкасов, Г.М. Адаменко, Н.И. Горбачев // Архитектура и строительство. Проектирование. – 07.03.2005. – URL: <http://ais.by/story/415> (дата обращения: 01.06.2019).
8. Понятие информационных технологий: Эволюция ИТ. Лекция [Электронный ресурс] / Московский городской педагогический университет. М.: МГПУ, 2012. – 63 с. – URL: <https://en.ppt-online.org/264130> (дата обращения: 05.06.2019).
9. Решение Минского областного исполнительного комитета: от 15.05.2007 № 515: Об утверждении Положения о комитете по архитектуре и строительству Минского областного исполнительного комитета.

Киселёва М.С.
marina_estetto@tut.by
 БНТУ, г. Минск, Беларусь

УДК: 728.53

АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АГРОЭКОТУРИСТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ БЕЛАРУСИ

Аннотация. В статье рассматриваются многофункциональные агроэкотуристические комплексы, осуществляющие свою деятельность в рамках сельского туризма на территории Республики Беларусь. На примере трех объектов, схожих по типологическим особенностям, выявлены общие черты. Агротуристические комплексы начинали свою деятельность в соответствии с государственной программой по развитию туризма и активно продолжают развиваться.

Ключевые слова: туристический комплекс; агроэкотуризм; сельская усадьба; туристическая деревня; функциональный гибрид.

Введение. На 2017 г. на территории Республики Беларусь было зарегистрировано 2 319 объектов агроэкотуризма, для сравнения в 2006 г. было только 34 объекта сельского туризма. За период активного развития агроэкотуризма, в стране создана крупная сеть размещения гостей в сельской местности. В государственной программе развития туризма на 2011–2015 гг. были предложены и новые направления, а именно: создание туристских деревень с традиционной народной архитектурой на основе существующих сельских поселений в живописных местностях и создание агротуристических комплексов на базе сельскохозяйственных производственных кооперативов [4]. Так возник среди объектов сельского туризма новый тип – специально построенный многофункциональный объект для обслуживания отдыхающих в сельской местности [3].

На территории Беларуси, по данным туристических каталогов и Интернет-ресурсов, размещено около 15 агротуркомплексов, каждый из которых представляет особый турпродукт, с характерной моделью организации агроэкотуризма: «создание крупных частных туристических центров в сельской местности вне курортных зон», данная модель встречается в странах с развитыми туристическими ресурсами [1, с. 56–60].

Материалы и методы. Для выявления архитектурных особенностей агроэкотуристических комплексов, рассматривались следующие объекты: туристические музеи, этнокультурные комплексы, загородные комплексы, парк-отели, интерактивные парки истории, туристические деревни. Все они имеют схожие типологические черты, ассортимент предоставляемых услуг и самое главное – значительный размер занимаемой территории, более 10 гектаров, что существенно отличает их от агроэкоусадоб, которые в большей мере относятся к сфере малого бизнеса.

Еще одно существенное отличие, свойственное рассматриваемым комплексам, это совмещение различных видов туристической деятельности в одном месте. При этом агроэкотуризм интегрируется с этнографическим, сельскохозяйственным, детским, кулинарным (гастрономическим), промысловым, спортивным, приключенческим, познавательным, религиозным, оздоровительным [5].

Для дальнейшего анализа были выбраны три агроэкокомплекса:

- Парк истории «Сула», д. Сула, Столбцовский р-н, Минской обл.;
- «Дукорский маёнтак», д. Дукора, Пуховичский р-н, Минской обл.;
- Туристическая деревня «Белые луга», д. Тиневичи, Кореличского р-на, Гродненской обл.

Отобранные для анализа комплексы имеют совершенно разный, образно говоря, – стартовый капитал, различные условия возникновения, и отличительные итоговые цели, но все три комплекса совмещают на своей территории различные виды туризма, перечисленные выше. Рассматриваемые объекты, можно назвать «mixed use» (смешанное использование) или «функциональными гибридами» (табл. 1). Строительство объектов «смешанного использования» стало популярным с начала 2000-х гг. [2].

Таблица 1

Сопоставление агроэкотуристических комплексов по осуществляемым видам туризма

Виды туризма, интернирующиеся с агроэкотуризмом	Парк истории «Сула»	«Дукорский маёнтак»	Туристическая деревня «Белые луга»
Этнографический	+	+	+
Сельскохозяйственный	+	+	+
Религиозный		+	–
Детский	+	+	+
Кулинарный	+	+	+
Промысловый	+	+	+
Спортивный	+	+	–
Приключенческий	+	+	–
Познавательный	+	+	+
Оздоровительный	+	+	+

Более подробно о туристическом комплексе «Парк-музей интерактивной истории «Сула»», который располагается в 49 км от г. Минска в д. Сула, Столбцовского р-на. Это объект историко-культурного наследия, находится в частной собственности. Согласно таблице 1 на территории туркомплекса осуществляется девять функциональных видов туризма – это полноценный агроэкотуристический гибрид.

История комплекса базируется на сохранившихся постройках усадьбы XVIII в., принадлежавшей дворянскому роду Ленских. Более 10 лет понадобилось создателям Парка истории, чтобы поднять усадебно-парковый комплекс из руин и собрать богатую музейную экспозицию о роде Ленских. Долгая работа над усадьбой привела к возникновению идеи о создании интерактивного Парка истории, где поэтапно рассказывается в целом об исторических периодах белорусской земли, основные площадки расположены вокруг озера, которое было создано искусственно. Проведенный нами графический анализ – сравнение план-схем 2015 и 2018 гг. (рис. 1) – показал следующее. За три года был воссоздан дом-усадьба Ленских, где разместилась музейная композиция (№ 21), построена сторожевая башня на остатках древнего фундамента (№ 11), созданы новые интерактивные площадки (№ 4, 24, 27, 28).

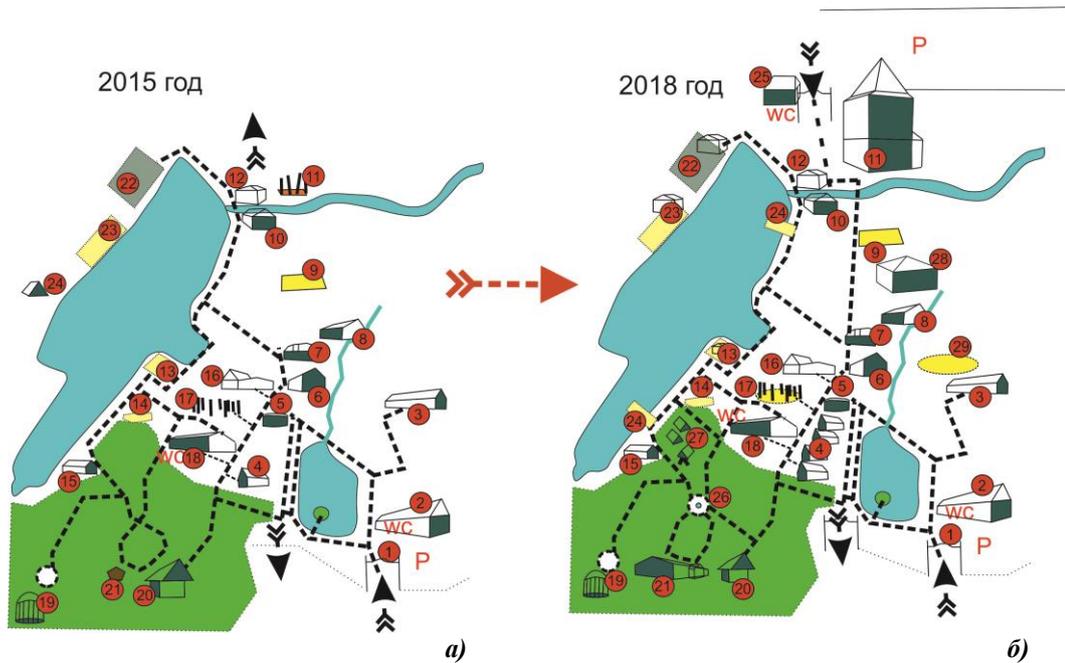

Рис. 1. План-схемы Парка музея интерактивной истории «Сула»: а) схема 2015 г.; б) схема 2018 г. Графическая реконструкция: Киселёва М.С.

1 – въезд, 2 – выставочный зал с гербами, 3 – конюшня, 4 – был музей Ленских, стало «белорусское местечко», 5 – кафе, 6 – отель, 7 – дом управляющего усадьбой, 8 – баня, 9 – детская площадка, 10 – кухня, 11 – сторожевая башня, 12 – беседка, 13 – беседка и пляж, 14 – площадка языческой культуры, 15 – причал викингов, 16 – ресторан, 17 – площадка мегалитической культуры, 18 – летний шатер, 19 – часовня-ротонда, 20 – флигель, 21 – был памятный знак, стала усадьба Ленских, 22 – вертолетная площадка, 23 – беседка, 24 – площадка для кемпинга, на план-схеме 2018 г. – причал для корабля викингов, 25 – билетная касса и с/у, 26 – фонтан, 27 – пристань варягов, 28 – экспозиционный зал, 29 – площадка для лошадей.

Загородный комплекс «Дукорский маёнтак», находится в 20 км от города Минска в д. Дукора Пуховичского района, занимает территорию размером 25 га (рис. 2). Также, как Сульский туркомплекс, находится в частной собственности, на его территории выполняется десять различных функций туризма (табл. 1).

Исторические предпосылки возникновения: ранее на этих землях размещалась усадьба Ошторпов-Гартингов, от былых времен на территории остались въездная брама, каретная, вековой дуб и фундамент усадьбы.

На территории загородного комплекса есть ресторан, гостевые дома, дома-музеи с традиционными ремеслами, интерактивные площадки (например, «город сказок» для детей), веревочный городок, по реке можно прокатиться на лодках и катамаранах (рис. 2). Особыми объектами «Дукорского маёнтка» являются: католическая каплица, мини-зоопарк и дом-перевертыш (№ 12), построенный по известному в рекреационной практике примеру.

Если первых два туркомплекса имеют очень схожие черты, то туристическая деревня «Белые луга» в д. Тиневичи, Кореличского района особенная. Фактически это просто опустевшая деревня, находящаяся теперь в частной собственности, в которой каждый отдельный дом сдается в аренду. На территории деревни, занимающей 20 га, кроме гостевых домов, есть две корчмы, эстрада, причал возле озе-

ра, большая парковка перед въездом (рис. 3). Владельцы воссоздали определенную социокультурную среду, – деревню послевоенного времени 1945–1960 гг. – с соответствующими интерьерами в каждом доме и окружающими дом, сельскохозяйственными постройками. Дорога в деревне вымощена булыжником. «Белые луга» сочетают в себе семь разных видов туризма (табл. 1).

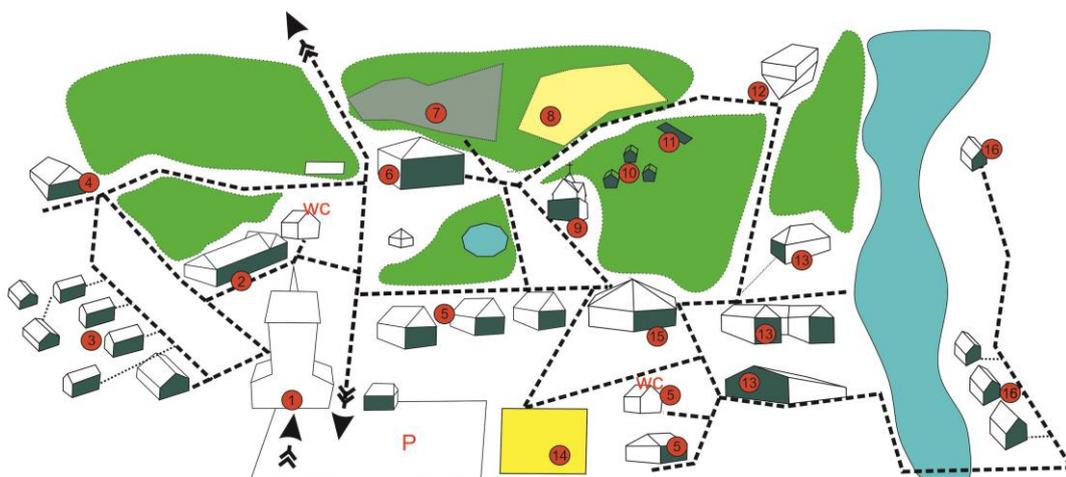

Рис. 2. План-схема музейного комплекса «Дукорский маёнтак», д. Дукора.
Графическая реконструкция: Киселёва М.С.

1 – въездная брама, 2 – каретная, 3 – гостевые дома, 4 – мини-зоопарк, 5 – дома-мастерские, 6 – музей, администрация, 7 – веревочный городок, 8 – площадка для стрельбы из лука, 9 – католическая каплица, 10 – интерактивная площадка «город сказок», 11 – детская площадка, 12 – перевернутый дом, 13 – кафе и ресторан, 14 – мини-гольф, 15 – дегустационный зал, 16 – бунгало.

Рис. 3. Фото-схема туристической деревни «Белые луга», д. Тиневичи [6]

Выводы. Результаты анализа помогли выделить следующие общие черты агроэкотуристических комплексов:

- частная собственность (хотя на территории Беларуси есть и государственные туркомплексы);
- большая территория, более 10 га;
- интеграция различных видов туризма с агроэкотуризмом – многофункциональные гибриды;
- существующая историческая база или искусственное создание таковой (Наносы-Новоселье);
- наличие природных ресурсов: водоем, лес;
- возможность трансформации и развития объектов.

Также одной из главных особенностей в агроэкотуристических комплексах является особое требование к эстетической выразительности: архитектурный образ зданий и сооружений – это уникальный товар, туристический бренд на рынке. Конечно, кроме материальных объектов немаловажную роль играют обслуживание и экскурсии, так как способы передачи информации туристам у всех разные. Как правило, в проанализированных примерах, экспозиции и интерактивные площадки направлены в первую очередь на получение впечатления, которое может и не соответствовать исторически достоверным данным, но этого и не требуют туристы.

Развитие многофункциональных туристических гибридов на территории Беларуси будет способствовать улучшению и многообразию туристической сферы бизнеса.

Список литературы

1. Бессараб Д.А., Штефан Л.В., Бессараб И.Н. Экологический туризм в зарубежной Европе: пособие для студентов вузов / Д.А. Бессараб, Л.В. Штефан, И.Н. Бессараб. – Минск: ТетраСистемс, 2013. – 303 с.
2. Птичникова Г.А., Королева О.В. Гибридизация в городской архитектуре / Г.А. Птичникова, О.В. Королева // *Социология города*. – 2016. – № 1. – С. 5–17.
3. Черкасова М.С., Сергачев С.А. Архитектурно-типологическая характеристика объектов сельского туризма Беларуси / С.А. Сергачев, М.С. Черкасова // *Архитектура и строительные науки*. – 2012. – № 2-3. – С. 36–38.

Список источников

4. Государственная программа развития туризма в Республике Беларусь на 2011–2015 годы [Электронный ресурс] // Naviny. Информационный портал Республики Беларусь. – URL: <http://naviny.org/2011/03/24/by16895.htm> (дата обращения: 22.05.2019).
5. Колдаев А.В. К вопросу о классификации сельского туризма [Электронный ресурс] / А.В. Колдаев // *Вестник РМАТ*. – 2012. – № 2-3 (5-6). – URL: <http://puma/article/n/k-voprosu-о-klassifikatsii-selskogo-turizma/> (дата обращения: 29.11.2016).
6. Туристическая деревня «Белые луга» / Туристический путеводитель: Лучшее в Беларуси [Электронный ресурс]. – URL: <http://bestbelsrus.by/services/all/tur-derevny-belye-luga/> (дата обращения: 22.05.2019).

АРХИТЕКТУРА ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ

Лазовская Н.А.
nat-lazovskaya@yandex.ru
 БНТУ, г. Минск, Беларусь

УДК: 728

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В статье на примере г. Минска и Минской агломерации рассматривается процесс изменения подходов к формированию жилой среды. Выявлены направления перспективного развития архитектуры жилых зданий с учетом правовых и организационных основ жилищного строительства, а также особенностей Республики Беларусь. Определены приемы создания доступности жилой среды.

Ключевые слова: жилая среда; архитектура жилища; доступность.

Введение. Жилищный сектор Республики Беларусь, включая жилищное строительство, обслуживание, финансирование и развитие инфраструктуры регулируется Государственной жилищной политикой, Национальной жилищной программой, Жилищным кодексом Республики Беларусь и рядом других нормативных актов. Разработаны и реализуются в настоящее время Государственные программы, концепции, национальные планы такие как «Строительство жилья на 2016–2020 гг.» [1], «Комфортное жилье и благоприятная среда на 2016–2020 гг.» [2], «Концепция развития строительного комплекса на период 2011–2020 гг.» [3], «Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики» до 2020 года» [4], которые направлены на обеспечение максимально возможно хороших жилищных условий для населения, носят всеобъемлющий характер, включают как вопросы строительства нового жилья, в том числе энергоэффективного, так и технического обслуживания и льготного кредитования.

Увеличение доли городского населения в Беларуси, в наибольшей степени в крупных городах с населением более 100 тыс. человек (в 1981 г. городское население составляло 51 % от общего количества, в 2018 г. – 78,09 % и по прогнозам к 2030 г. достигнет 82,3 %), выдвигает ряд существенных проблем, одной из которых является обеспечение комфортным, доступным жильем. На многоквартирные жилые здания приходится более 70 % общего жилищного фонда страны, в то время как такой тип зданий составляет всего лишь 4,75 % от общего количества жилых зданий в Беларуси [6]. Характерная для городов Беларуси микрорайонная застройка типовыми панельными домами обретает новые черты, изменяются подходы к организации жилой среды, появляются новые типы жилых зданий, активно застраиваются пригородные территории.

В Минске – городе, имеющем столичный статус и являющемся городом «европейского значения», – проживает практически $\frac{1}{5}$ часть населения страны (1 982 444 жителей по состоянию на 01.01.2018 г.) с плотностью населения более 5,5 тыс. чел. на км². Постоянный прирост населения способствует повышению спроса на жилье. 10,01 % от общего числа многоквартирных жилых домов в стране приходится на г. Минск.

Одной из основных тенденцией является агломерационное развитие Минска, характеризующееся инвестиционно-строительной деятельностью на приго-

родных территориях и в прилегающих к столице поселениях, которые отличаются наибольшей привлекательностью для осуществления жилищного строительства минчан и высокими темпами численности роста населения, а также застройкой городов-спутников, расположенных в пределах 60 км от Минска.

Результаты. Значительную часть застройки г. Минска составляют здания индустриального домостроения различных серий и этажности, построенные во второй половине XX века. При сохранившемся спросе (относительно невысокая стоимость, льготное кредитование многодетных семей, поддержка социально уязвимых групп населения) на квартиры в типовых многоэтажных панельных жилых домах, которыми застраиваются периферийные районы города, современное строительство жилых домов и комплексов непрерывно развивается.

Покупательский спрос на рынке недвижимости показывает, что люди отдают предпочтение жилым комплексам, которые разработаны с учетом новейших инновационных технологий, постепенно уходя от покупки типовой квартиры в типовом доме. Наглядным примером является белорусский застройщик «А-100 Девелопмент» с проектами жилых районов, расположенных в пригородных зонах г. Минска на расстоянии максимально 10 минут езды на автомобиле до МКАД: «Новая Боровая» (д. Копище), «Пирс» (пос. Ратомка), «Зеленый Бор» (агродорок Лесной), «Зеленая гавань» (пос. Колодищи). Застройщик предусматривает создание максимально развитой социальной инфраструктуры и применение в ходе строительства и благоустройства самых современных технологий.

Согласно концепции «Smart+Social» создаются: открытые общественные пространства, используемые жителями для социальных коммуникаций, проведения праздников, игр на свежем воздухе, концертов, спортивных мероприятий, занятий на тренажерах и других активностей; детские площадки по индивидуальным проектам из экологически чистых и травмобезопасных материалов и конструкций, рассчитанные на различный возраст; бестранспортные жилые дворы, велодорожки на территории, вело-парковки во дворах; многофункциональное благоустройство; беспроводной интернет не только в жилых домах, но и на территории; устанавливаются smart-счетчики потребления воды и электроэнергии, видеодомофоны, круглосуточное видеонаблюдение. Для поддержания стиля и чистоты (запрещены самостоятельная установка кондиционеров, захламление балконов и лоджий, а также их остекление, не предусмотренное проектом, изменение цветового решения) работает собственная обслуживающая компания.

Предусматривается наличие на территории основных объектов, которые позволяют комфортно проживать, не выезжая за пределы комплекса. Кроме жилых домов в инфраструктуру включаются детские сады, школы, магазины, бассейны, объекты общественного питания, творческие пространства. Практика функционирования таких комплексов показала, что наличие рабочих мест привлекательно для жильцов, предпочитающих работу рядом с домом.

Многие застройщики выбирают подход, который определяет застройку как достопримечательность того или иного района с собственным дизайн-кодом, индивидуальными чертами и возможностью предоставления покупателям выбора типа жилого здания. Наряду с традиционными типами жилых зданий (секционных многоквартирных, блокированных, индивидуальных) в Беларуси начали проектироваться и строиться новые форматы, такие как клуб-хаусы, урбан-виллы, сити-хаусы, лайнхаусы, таунхаусы и дуплексы (рис. 1).

Рис. 1. Таунхаусы, дуплексы, урбан-виллы. Жилой комплекс «Пирса». Снимки автора [5]

Анализ проектирования и строительства новых жилых комплексов в г. Минске и Минской агломерации позволил определить основные тенденции в жилищном строительстве:

1. Разработка концепций проектов, основанных на тщательном анализе рынка недвижимости, особенностей природных условий, максимальном сохранении экологии, гуманистическом подходе – создании безопасной, комфортной, доступной архитектурной среды.

2. Снижение стоимости жилья за счет:

- Использования местных строительных материалов. Беларусь обладает достаточной сырьевой базой для производства таких строительных и отделочных материалов как цемент, стекло, строительный и облицовочный камень, древесина, заполнители для бетона, керамическая плитка и других.
- Импортозамещения – организации собственного производства строительных материалов и изделий надлежащего качества взамен импортируемой продукции.
- Освоения ресурсо- и энергосберегающих технологий как при производстве строительных материалов и изделий, так и в монолитном и сборно-монолитном домостроении.
- Развития индустриального сборного домостроения, направленного на сокращение сроков строительства при сохранении высокого качества выполнения строительного-монтажных работ. Отличительной чертой является то, что в Беларуси сохранены домостроительные предприятия, которые в настоящее время активно развиваются, модернизируются производственные линии, выпускающие достаточно широкий спектр стеновых панелей, что позволяет архитекторам разрабатывать различные планировочные и фасадные решения.

3. Создание индивидуального облика. При архитектурно-планировочных решениях жилых ячеек характерны следующие подходы:

- Разрабатываются самые разнообразные планировочные решения, в т.ч. при строительстве из сборного железобетона. При использовании типовых решений панельных жилых домов, например, часто тиражируемой в Минске серии М-464 (последняя модификация М 464-У1) производства ОАО «МАПИД» применяются такие приемы, как: увеличение площади отдельных квартир за счет надстройки мансардных этажей; устройство двухуровневых квартир и террас; пристройка индивидуальных террас на 1 этаже; создание эксплуатируемых крыш.

- При строительстве в других конструктивных системах (каркасе, например) жилые ячейки проектируются, как правило, свободной планировки с жестко закрепленным местом размещения основных коммуникаций, что позволяет будущим жильцам самостоятельно выбрать планировочное решение в зависимости от индивидуальных предпочтений и особенностей жизни семьи. Шаг колонн достигает 7,2 м. При этом, каждая из квартир имеет свои архитектурные особенности (эркерные комнаты, выносные консоли, панорамные окна), благодаря которым жильцы имеют возможность приобрести уникальную квартиру.

Таким образом, достигается разнообразие квартир и в одном доме может быть представлено более 20 вариантов планировочных решений: многоуровневые многокомнатные квартиры, квартиры с отдельным входом, так и квартиры-студии, компактные однокомнатные квартиры и т.п.

Индивидуальный облик жилых домов создается за счет отказа от типовых многократно повторяющихся на фасаде зданий элементов, отделочных материалов, стандартных цветовых решений. Используются высококачественные продукты, которые отличаются первоклассными техническими характеристиками и интересным дизайном. Фасадные решения характеризуются использованием насыщенных контрастных цветов и инфографики, навесных панелей, фрагментов из цветного бетона, эркеров, лоджий, балконов, французских окон, террас (рис. 2).

Рис. 2. Варианты решений отделки фасадов. Жилые комплексы «Новая Боровая», «Зеленый Бор». Снимки автора [5]

4. В дизайн жилых комплексов включаются элементы сложного ландшафтного озеленения, собственные мини парковые зоны, детские и спортивные площадки, площадки для совместного отдыха жильцов дома по индивидуальным проектам (рис. 3), лаундж-зоны, исключаются внутридворовые стоянки для автомобилей, которые заменяются на велобоксы. Организуются подземные паркинги, либо стоянки за пределами жилого дома. В этом случае подъезды проектируются проходными.

Рис. 3. Площадки отдыха и детские площадки. Жилой комплекс «Пирс». Снимки автора [5]

5. Большое внимание уделяется формированию доступности для различных категорий: людей с инвалидностью, пожилых, семей с маленькими детьми. Исключаются необоснованные перепады высот, лестницы крыльца дублируются пандусами и подъемниками. Входы в подъезды устраиваются с уровня покрытия поверхности земли (рис. 4). В этом случае подъем на уровень первого и последующих этажей осуществляется не только по лестнице, но и с помощью проходного лифта, что является более удобным, чем использование подъемника. Информационная доступность обеспечивается использованием ясного языка и надписями крупным шрифтом на контрастном фоне.

Рис. 4. Варианты организации доступных входов в жилые здания. Жилой комплекс «Зеленый Бор». Снимки автора [5]

Заключение. Основной целью государственной жилищной политики Республики Беларусь является создание условий для удовлетворения потребностей населения в доступном и комфортном жилье, экономичном по содержанию и обслуживанию. Жилищное строительство в Беларуси на современном этапе характеризуется новыми подходами, основанными на организации пространства таким образом, чтобы оно соответствовало требованиям комфорта как внутри квартиры, так и в местах общего пользования, индивидуализации архитектурного облика, разнообразию планировочных схем, использовании высококачественных строительных и отделочных материалов, создании безопасной, комфортной, доступной архитектурной среды для человека.

Список источников

1. Государственная программа «Строительство жилья на 2016–2020 годы». Утверждено Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 21.04.2016 № 325. – URL: <http://www.government.by/upload/docs/fileecc85cf3e93ac5e3.PDF>. (дата обращения: 12.05.2019).
2. Государственная программа «Комфортное жилье и благоприятная среда на 2016–2020 годы». Утверждено Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 21.04.2016 № 326. – URL: <http://www.government.by/upload/docs/file8c3586a94739667b.PDF>. (дата обращения: 12.05.2019).
3. Концепция развития строительного комплекса Республики Беларусь на 2011–2020 годы. Утверждено Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 28.10.2010 № 1589. – URL: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21001589> (дата обращения: 18.05.2019).
4. Национальный план действий по развитию «зеленой» экономики в Республике Беларусь до 2020 года. Утверждено Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 21.12.2016 № 1061 – URL: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/1061r.pdf> (дата обращения: 25.05.2019).
5. Лазовская Н.А. Личный архив.
6. Статистический сборник Республики Беларусь. Жилищный фонд Республики Беларусь. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Минск, 2018 – URL: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnayastatistika/publications/izdania/public_compilation/index_10865/ (дата обращения: 25.05.2019).

Книга Е.Н.
alenabuk30@gmail.com
 БНТУ, г. Минск, Беларусь

УДК: 727.11

РЕКОНСТРУКЦИЯ ШКОЛЫ В ЦЕНТР ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (STEAM)

Аннотация. Бурное развитие науки и технологий в XXI в. вызвало потребность усиления взаимосвязей с научно-техническим образованием. Появилась необходимость создания звена, которое бы помогло более качественно использовать достижения науки и внедрять их в практику. Таким звеном стали детские технопарки – уникальные современные образовательные учреждения. Одна из важнейших функций детских технопарков – развитие нового формата дополнительного образования с траекторией профессионального формирования.

Ключевые слова: школа; дополнительное образование; реконструкция; детский технопарк; детское научно-техническое творчество; STEM-центр.

Введение. «Детский технопарк – это новая модель дополнительного образования, ориентированная на технические направления и позволяющая детям на высоком уровне получать начальные профессиональные умения и навыки по техническим дисциплинам, доступ к современным программам дополнительного образования в области технологий, дающая возможность развиваться молодым талантам и показывать свое мастерство на различных выставках и конкурсах» [1, с. 195]. Одним из направлений детских технопарков, является STEM-подход в образовании. Программы обучения в STEM-центрах ориентированы на науку, технологию, инженерию и математику. Ученики занимаются не только физикой, программированием и математикой, но и новыми для себя предметами – робототехникой и 3D-дизайном. STEM-центры, активно набирающие популярность за рубежом, стали появляться и в нашей республике, позволяя школьникам приобретать знания и осваивать навыки, необходимые для жизни в технологическом обществе.

Согласно заданию на проектирование необходимо было сделать проектное предложение по реконструкции школы в центр дополнительного образования (STEAM). Существующее здание располагается в городе Борисов, на улице Труда 22. STEM-центр подразумевает не только инновационное образование, но также и инновационное функционирование. Поэтому подобные учреждения нельзя проектировать, основываясь на существующие типологии образовательных учреждений.

Целью разработки архитектурной концепции является создание современных научно-образовательных площадок интеллектуального досуга для детей и подростков, учитывая:

- планировочные возможности земельного участка;
- позиционирование объекта на участке с точки зрения нормативных показателей, с учетом окружающей застройки, красных линий, пешеходной и транспортной доступности, климата и прочих внешних факторов;
- определение основных технико-экономических показателей, оценка рентабельности планируемого объекта капитального строительства;

- формирование предварительного внешнего облика и образа объекта, в соответствии с предварительным техническим заданием, видением архитектора, с учетом экономической целесообразности разрабатываемого объекта;
- предварительные схемы планировки участка, его благоустройство и расположение объектов с учетом процессов, которые будут протекать на территории.

Создание детского STEM-центра позволит формировать новый тип мышления детей, осознанный подход к образованию, способных не только получать информацию, но и оперировать ей, знать способы ее получения, верификации и использования в дальнейшем развитии.

Материалы и методы. Основой для проектирования послужили графические материалы по существующей школе (рис. 1), принципы проектирования и строительства учреждений образования, проектные материалы, фотографические материалы современного состояния здания школы (рис. 2), натурные обследования территории. Благодаря собранному материалу появилась возможность сделать проектные предложения реконструкции. При работе использовались такие методы, как метод поиска вариантов решения, макетно-графический метод. Их применение дало возможность определить основные направления развития архитектуры зданий дополнительного образования детей, выявить актуальность применения архитектурно-планировочных решений.

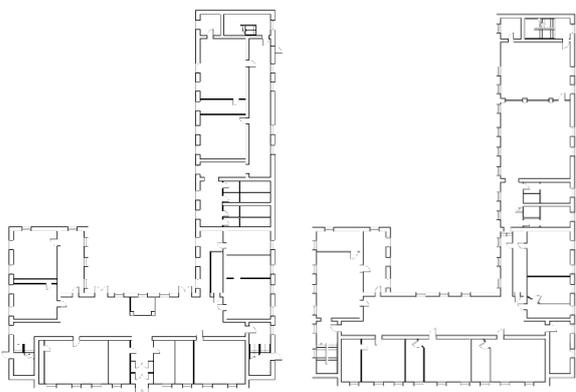

Рис. 1. Планы школы в г. Борисов, ул. Труда, 22 до реконструкции (снимок автора) [2]

Рис. 2. Здание школы в г. Борисов, ул. Труда, 22 до реконструкции (снимок автора) [2]

Результаты. На данный момент в Беларуси разрабатываются разнообразные программы дополнительного образования. Ведутся работы по открытию STEM-классов на базе среднеобразовательных школ по всей республике. В 2018 г. было открыто 7 специализированных классов по 5 направлениям в них обучается 847 детей. В 2019 г. готовится к открытию ещё 10 классов. В то же время необходим единый STEM-центр, в котором дети с различных городов смогут участвовать в соревнованиях, конференциях и различных образовательных программах [3].

При проектировании зданий дополнительного образования для детей необходимо создать сооружение с запоминающимся современным образом. Это может быть достигнуто с помощью применения ярких архитектурных идей, современных отделочных материалов и строительных конструкций, а также внедрение в

комплекс природной составляющей (зеленые кровли, искусственные водоемы, зимний сад и т.д.). На формирование архитектурно-планировочного решения влияют доминирующие функциональные зоны, сочетание открытых и закрытых многофункциональных пространств. Далее мы рассмотрим различные архитектурно-планировочные и объемно-пространственные решения реконструкции школы, выполненные в рамках курсового проектирования.

При реконструкции был использован принцип универсальности, который заключается в гибкости функционально-планировочной структуры и адаптации в использовании помещений. Универсальность, гибкость функционально-планировочной структуры, возможности трансформации помещений показаны на примерах студенческих работ (рис. 3, 4).

Рис. 3. Предложения по функциональному зонированию STEM-центра.
Автор: студент Алексеёнок Тимофей [2]

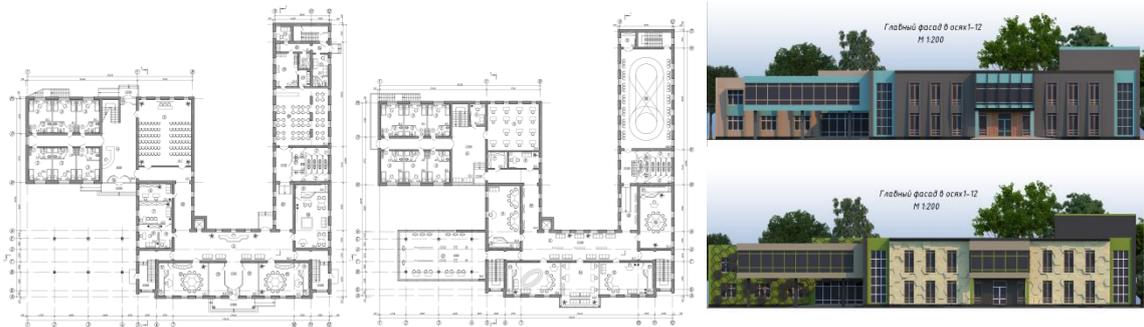

Рис. 4. Предложения по функциональному зонированию STEM центра.
Авторы: студентки Саберова Дарья и Ванцлав Владислав [2]

Основная цель трансформации школы в STEM-центр заключается в обеспечении адаптации архитектурно-планировочной организации к изменяющимся потребностям учащихся и условиям эксплуатации.

В проектах применены различные способы пространственной трансформации здания школы, однако необходимо учитывать принципы экономической целесообразности и функциональности. Используются основные способы трансформации применяемой в реконструкции:

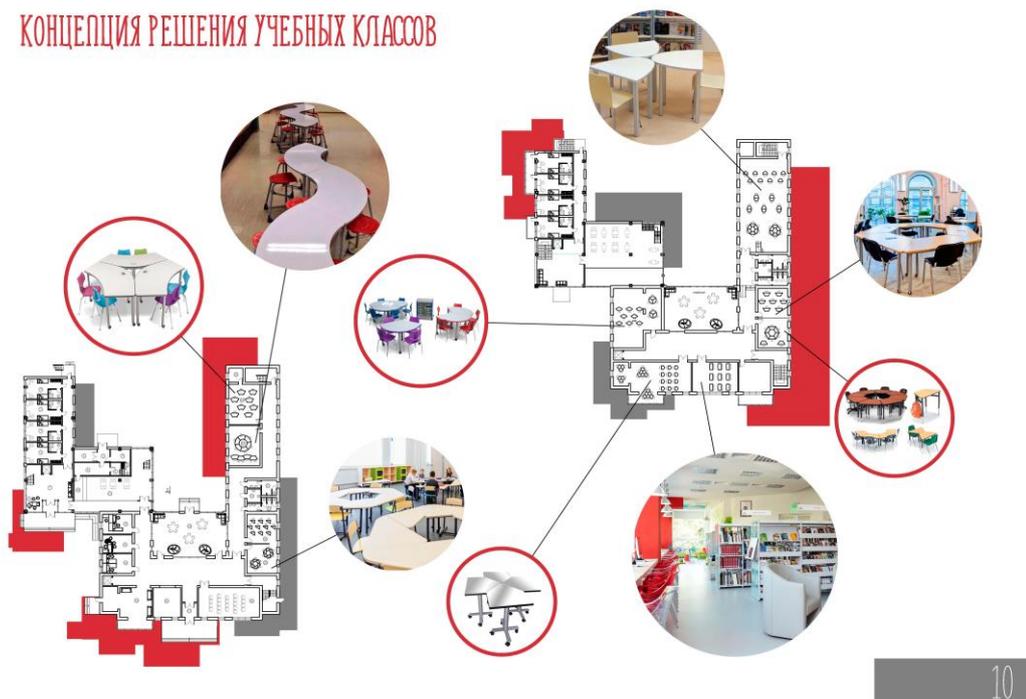
- выделение из общего пространства помещения его части (оставшаяся часть не используется);
- объединение помещения с экстерьерным пространством (использование внутреннего двора для дополнительной образовательной площадки);
- разделение пространства помещения на несколько меньших, с одновременной образовательной эксплуатацией;
- изменение формы и объема помещения в вертикальной и в горизонтальной плоскостях;
- объединение пространств в единое целое.

Также в процессе проектирования определены *средства* трансформации, применяемые при реконструкции:

- трансформируемые перегородки (перегородка прямораздвижная створчатая, перегородка раздвижная створчатая, перегородка-сетка подъемная скручивающаяся);
- трансформируемые мебель и оборудование.

Обучение становится все более мультизадачным и разноплановым, в связи с чем, требования к образовательному пространству меняются. В STEM-центре нужны зоны буквально для всех типов образовательной деятельности – для командной работы, креативной деятельности, работы в индивидуальной обособленной обстановке (рис. 5). А у детей должна быть свобода в выборе подходящей зоны для выполнения той или иной образовательной задачи. Такой подход к образовательному процессу значительно повышает эффективность взаимодействия между командами и способствует созданию инноваций образовательной среды.

КОНЦЕПЦИЯ РЕШЕНИЯ УЧЕБНЫХ КЛАССОВ

10

Рис. 5. Предложения по организации образовательного пространства.
Авторы: студенты Зенина Яна и Игнатушкина Мария [2]

Помещения STEM-центра структурированы таким образом, чтобы у учащихся и педагогов был большой и свободный выбор возможностей их использования, чтобы педагоги могли сами их переоборудовать и осваивать, изменяя их функции. Облик и характер использования помещений изменяются вместе с изменением состава учащихся, их потребностями и проводимыми мероприятиями.

Универсальное помещение, благодаря организационным мероприятиям, а также сменяемому или трансформируемому оборудованию, предполагает организацию различных видов деятельности.

В проектах приведены примеры использования основных помещений, в зависимости от направления проводимых мероприятий:

- многофункциональное пространство должно иметь естественное освещение, чтобы использовать в качестве учебного пространства, проведения соревнований, конференций;
- универсальное помещение может быть использовано для отдыха, развлечений, игр, проведения массовых мероприятий, занятий физкультурой;
- коммуникационно-рекреационное пространство выполняет ряд дополнительных функций – выставочного, танцевального залов, зала для игр и др.

Заключение. Создание центра дополнительного образования (STEAM), как нового типа образовательных учреждений позволит в перспективе усилить научный и технический потенциал страны. На примере студенческих проектов появляется возможность увидеть, как средствами архитектуры, в частности приемами реконструкции зданий, можно реорганизовать систему учреждений дополнительного образования детей. Определены параметры оценки состояния существующего фонда здания и проанализирована их функционально-планировочная структура. Выявлены недостатки и определены направления реконструкции. Разработан системный подход к реконструкции школы в STEM-центр дополнительного образования детей.

На основе авторской методики разработана модель исследования объекта – учреждения дополнительного образования детей, для выбора наиболее эффективного принципа реконструкции. Важно, что исследование проводится на базе реальной ситуации: детского образовательного учреждения города Борисова Минской области. По результатам анализа автором сформулированы предложения по реконструкции зданий данных учреждений.

Список литературы

1. Панюков Д.И., Винокурова Д.Ю. Сеть технопарков «Кванториум» как основа технологического рывка / Д.И. Панюков, Д.Ю. Винокурова // Современные исследования основных направлений гуманитарных и естественных наук: сб. науч. тр. Междунар. науч.-теор. конф., 2–3 марта 2017 г., г. Казань. – Казань: Печать-Сервис XXI век, 2017. – С. 195–196.

Список источников

2. Книга Е.Н. Личный архив.
3. Образование для будущего [Электронный ресурс]. – URL: <http://edu4future.by/project/godovoj-otchyot-associacii-obrazovanie-dlya-budushego-za-2018-god> (дата обращения: 13.04.2019).

Матюхина К.С.
matyukhina_kseniya@mail.ru
 БНТУ, г. Минск, Беларусь

УДК: 726.3

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗДАНИЙ БЫВШИХ СИНАГОГ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ БЕЛАРУСИ

Аннотация. На территории Беларуси до первой четверти XX в. действовало значительное количество синагог, но лишь немногие из них сохранились до сегодняшнего дня. В связи с исчезновением в большинстве поселений еврейских общин, данные культовые сооружения чаще всего пустуют и разрушаются либо подвергаются радикальной трансформации, после чего утрачивают свой первоначальный облик. Таким образом, самобытные примеры иудейского зодчества, которые являются частью еврейского культурного наследия, находятся под угрозой исчезновения. С целью восстановления и использования данных объектов предлагается ряд мероприятий по их адаптации под нужды местных сообществ с сохранением сакрального характера зданий и самобытных архитектурно-художественных решений.

Ключевые слова: синагога; еврейское наследие; историческая ценность; памятник архитектуры; реставрация; реконструкция; адаптация.

Введение. По мнению одного из ведущих ученых, исследующих наследие иудейского зодчества, академика Национальной академии наук Республики Беларусь Локотко А.И. синагоги оказывали существенное влияние на формирование застройки городов. В крупных городах могло насчитываться больше десятка синагог, да и в небольшом местечке их могло находиться несколько. Но даже при большом количестве, они выделялись своей оригинальностью и пропорциями [2, с. 3].

Существовавшее ранее на территории Беларуси большое количество синагог на сегодня представлено немногочисленными зданиями, сохранившими свой первоначальный вид. Основными причинами, обусловившими такое состояние, являются: атеистическая политика советского государства, во времена которого была уничтожена или существенно перестроена основная масса культовых объектов республики; геноцид еврейского населения во время второй мировой войны и уничтожение иудейского материально-культурного наследия; массовая эмиграция еврейского населения из СССР во второй половине XX века.

Вследствие названных процессов синагоги и иные постройки, ранее принадлежавшие еврейским общинам, оказались заброшенными либо приспособлялись к функциям, искажившим их первоначальный облик. Несмотря на то, что теперь в республике проживает относительно небольшое количество евреев и не всегда представляется возможным использование синагог по прямому назначению, важно сохранить иудейскую архитектуру, как неотъемлемую часть материального наследия Европы и архитектурного ландшафта Беларуси.

Материалы и методы. Источником исследования послужили библиографические материалы по истории еврейского наследия, принципам проектирования и строительства синагог, архивные и проектные материалы, фотографические материалы советского и современного состояния зданий синагог, натурные обследования территорий. Это позволило рассмотреть архитектурно-художественные и планировочные особенности культовых сооружений иудейского зодчества.

В работе использовались такие методы, как сравнительно-исторический и количественного описания. Их применение дало возможность определить основные направления развития архитектуры синагог, выявить актуальность сохранения еврейского наследия.

Результаты. На данный момент в Беларуси разрабатываются разнообразные концепции по восстановлению зданий бывших синагог с ориентацией на нужды местных сообществ [1]. Ведутся работы по реставрации Ошмянской синагоги, а также планируется реставрация Слонимской синагоги. Вместе они входят в «золотой фонд» культовых сооружений в европейском рейтинге памятников еврейской архитектуры, которые требуют немедленного восстановления. Реализует этот проект Белорусский комитет ICOMOS при участии Ошмянского краеведческого музея и литовских специалистов [4].

Также в 2019 г. Белорусский комитет ICOMOS организовывал научно-практическую поездку в Литву с целью перенять литовский опыт реставрации памятников архитектуры, в частности зданий синагог. С помощью внедрения новых функций в некоторых литовских городах вернули к жизни 5 синагог, в которых разместились концертные залы, выставочные пространства и даже художественная школа.

Исходя из этого, можно сформировать некоторые варианты дальнейшего использования зданий синагог:

1. Возвращение объектов еврейским общинам, если это возможно;
2. Частичное внедрение новых функций с сохранением сакрального характера и аутентичного архитектурного облика;
3. Абсолютно новое использование зданий бывших синагог.

Примером возвращения еврейского наследия может служить синагога по ул. Кропоткина в Минске. В советское время здание было закрыто и частично разрушено, но в 1990-е гг. было возвращено Объединению еврейских общин Беларуси. Обновленная синагога открылась в 2005 г., в настоящее время здесь проходят службы еврейской религиозной общины «Хабад Любавич».

На примере здания бывшей синагоги в Борисове мы можем рассмотреть вариант адаптации еврейского наследия с частичным внедрением новых функций.

До войны в Борисове проживало 25 тысяч евреев из 42 тысяч населения, было 13 синагог, а сейчас осталось всего две: здание Большой синагоги и синагога «Хевре тылим».

Здание Большой синагоги было построено в 1903 г. и до 1917 г. просуществовало, как синагога (рис. 1). С той поры внешний вид здания претерпел большие изменения. Особенно сильно пострадало здание во время реконструкции 1962 г. Из высокого одноэтажного строения оно превратилось в двухэтажное (рис. 2). Сейчас там размещаются торговые помещения, парикмахерская и детский развлекательный центр. Этот объект может служить примером абсолютно нового, но неудачного использования здания бывшей синагоги, при котором был утрачен ее первоначальный вид.

Но более подробно стоит рассмотреть бывшую синагогу «Хевре тылим». Небольшое каменное здание было построено в 1911 г. и сохранилось почти в первоначальном виде (рис. 3). Городские власти приняли решение внести здание в список памятников архитектуры и взяли его под охрану государства. В 1994 г. просветительское общество «Свет меноры» по официальному разрешению горисполкома установило там соответствующий охранный знак Министерства культуры

Беларуси, в котором говорится о том, что здание является памятником архитектуры и охраняется государством.

Рис. 1. Здание Большой синагоги до реконструкции 1962 г. (снимок А. Розенблюм) [3]

Рис. 2. Здание бывшей Большой синагоги после реконструкции (снимок автора) [5]

После войны здание синагоги использовалось, как спортивная школа, и претерпело некоторые изменения. Часть окон в молельном зале была заложена, что повлияло на ее внешний вид. На данный момент здание пустует, но имеет хорошее расположение. Находится синагога вблизи центральной площади исторической части города, в пешей доступности от зданий торгового назначения, центрального рынка и Воскресенского собора. Имеет хорошее транспортное и пешеходное сообщение, что может позволить организовать в ней культурный центр не только для евреев, но и для всех желающих познакомиться с их историей, культурой и традициями.

Центр может включать в себя не только здание бывшей синагоги, но и находящееся рядом здание бывшего частного женского еврейского училища (рис. 4), которое на данный момент также не используется. В результате образуется целый комплекс истории и культуры еврейского народа, на территории которого могут располагаться хозяйственная зона, зона тихого отдыха и зона для общественных мероприятий.

*Рис. 3. Здание бывшей синагоги «Хевре тылим»
(снимок автора) [5]*

*Рис. 4. Здание бывшего частного женского еврейского училища
(снимок автора) [5]*

Здание синагоги предлагается реконструировать в небольшой духовно-культурный объект, в котором еврейская община города может собираться не только для молитвы, но и для проведения всевозможных мероприятий, празднований и общения. А также в синагоге может разместиться культурно-экспозиционное пространство с самыми значимыми датами и личностями для еврейской общины Борисова, которое при необходимости может трансформироваться и до-

полняться различными функциями, и которое могут посещать все желающие и заинтересованные жители города и не только (рис. 5).

Рис. 5. Предложения по функциональному зонированию здания бывшей синагоги. Автор: Матюхина К.С. [5]

Рядом со зданием синагоги, в бывшем частном женском еврейском училище предлагается разместить классы дополнительного образования для детей и взрослых, где можно будет проводить мастер-классы и устраивать воркшопы, а также небольшое количество арендуемых офисов, что позволит окупить затраты на коммунальное обслуживание данных объектов (рис. 6).

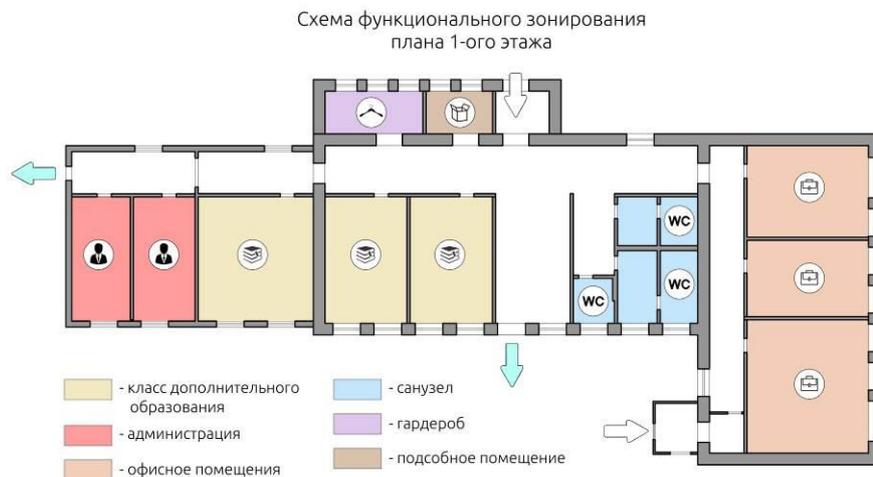

Рис. 6. Предложения по функциональному зонированию бывшего частного женского еврейского училища. Автор: Матюхина К.С. [5]

Заключение. На примере сохранившейся синагоги «Хевре тылим» и бывшего частного женского еврейского училища в г. Борисов был рассмотрен вариант сохранения и использования пустующих зданий иудейского зодчества, при котором еврейская община города вернула бы свое историческое наследие, а горожане приобрели бы многофункциональный культурный объект.

Возможность восстановления и введения в эксплуатацию неиспользуемых зданий синагог в Беларуси очень актуальна, т. к. на данный момент стоит вопрос об исчезновении еврейского наследия, утрате исторической и архитектурной ценности данных объектов. Это послужило бы огромным толчком для возрождения еврейского наследия страны и значительным шагом к возвращению исторического достояния в целом.

Список литературы

1. *Кожар В.И.* Адаптацыя помнікаў архітэктуры // *Kreva incognita*. – Минск: Альфа-книга, 2018. – № 1. – С. 38–41.
2. *Локотко А.И.* Архитектура европейских синагог / А.И. Локотко. – Минск: Ураджай, 2002. – 156 с.

Список источников

3. Здание Большой синагоги Борисова выставлено на продажу [Электронный ресурс] // *ex-press.by*. – 15.12.2015. – URL: <https://ex-press.by/rubrics/novosti-borisova/2015/12/15/zdanie-bolshoj-sinagogi-borisova-vystavleno-na-prodazhu> (дата обращения: 08.06.2019).
4. *Корней И.* В Беларуси можно восстановить 30 синагог [Электронный ресурс] // *Planeta Belarus*. – 26.09.2018. – URL: <https://planetabelarus.by/publications/v-belarusi-mozhno-vozstanovit-30-sinagog> (дата обращения: 06.06.2019).
5. Матюхина К.С. Личный архив.

Панова Н.Г.
 pana00@mail.ru
 МАРХИ, г. Москва, Россия

УДК: 72.021.2

АРХИТЕКТУРНЫЙ ЯЗЫК РИКАРДО ЛЕГОРРЕТЫ

Аннотация. В статье рассматривается творческий путь известного мексиканского архитектора XX в. Рикардо Легорреты Вильчис. Его наследие оказало большое влияние на развитие архитектуры не только в Мексике, но далеко за ее пределами. Архитектурный язык Легорреты, чьи постройки располагаются на четырех континентах, является неповторимым и узнаваемым. В нашей стране в настоящее время творчество Рикардо Легорреты мало исследовано.

Ключевые слова: Рикардо Легоррета; Мексика; архитектурный язык; творческий путь; цвет; форма; конструкция.

Введение. Рикардо Легоррета Вилчис (*рис. 1*) – один из самых талантливых, плодотворных и узнаваемых зодчих современной мексиканской архитектуры. Архитектор был награжден многими высокими наградами, в 2011 г. он получил почетное звание доктора Национального Автономного Университета Мехико (UNAM), а позднее был награжден Императорской премией Ассоциации Искусства Японии.

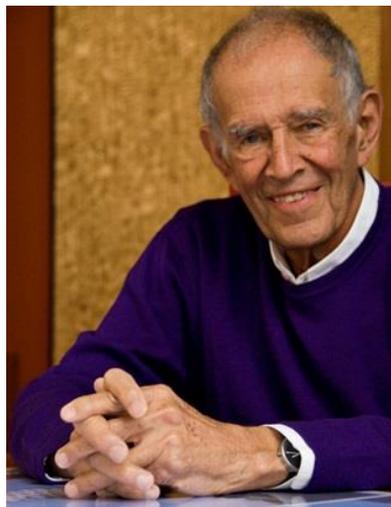

Рис. 1. Рикардо Легоррета [5]

Результаты. Рикардо Легоррета родился в семье успешных банкиров, однако решил нарушить семейную традицию, поступив в 1948 г. в Национальную Школу Архитектуры (UNAM.) В этот же год он устраивается работать чертежником в бюро известного мексиканского архитектора Хосе Вильяграна Гарсиа. После получения степени бакалавра в 1953 г. Вильягран взял Легоррету партнером в свое бюро, а в начале 1960-х гг. Рикардо уже открывает со своими коллегами Ноэ Кастро и Карлосом Варгасом собственную фирму Legorreta Arquitectos. Его первые самостоятельные проекты относились к промышленной архитектуре: фабрика SF de México (Мехико, 1963), лаборатория Smith, Kline & French (Мехико, 1964),

завод Automex (Лерма, штат Мехико). Уже в этих ранних проектах архитектор демонстрирует стремление передать неординарную работу с формой и материалом.

Характерный архитектурный язык Легорреты все более отчетливо начинает проявляться в проекте его собственного офиса (Мехико, 1966), получив развитие в отеле Camino Real (Мехико, 1968) [1] (рис. 2). Эти работы наглядно показывают сформировавшийся архитектурный стиль Легорреты, который по прошествии совсем небольшого времени станет узнаваем во всем мире. В новаторском проекте отеля Camino Real архитектор максимально использует природный контекст. Яркие характеристики ландшафта повлияли на пластические особенности здания: его просторные террасы органично вписались в крутой склон и максимально ориентированы на море, преобладают большие цветные плоскости стен с ритмичными оконными проемами, сад и просторные патио, используются простые натуральные материалы. Легоррета проектирует пространства таким образом, чтобы посетитель непрерывно открывал для себя новые визуальные эффекты: движение падающих теней и игру насыщенного цвета, шум воды в акведуках, водопадах, фонтанах и пр. Архитектор в своих интервью часто отмечал, что этот отель по-настоящему мексиканский по духу, форме, цвету и материалам и особенно важен для него. Легоррета представлял его как символ современной Мексики – сильный, просторный, романтичный и духовно мощный.

В этой работе зодчий активно сотрудничал с ведущими художниками и скульпторами своего времени: Матиасом Горитцем, Александром Калдером, Руфино Тамайо, Педро Фридебергом. Для этой же сети отелей Легоррета построил еще ряд выдающихся комплексов в Кабо-Сан-Лукас (Южная Калифорния, 1972), Канкун (Кинтана-Роо, 1975), Икстапа Сиуатанехо (Герреро, 1981), каждый из которых гениально и тонко вписался в прибрежный ландшафт.

Рис. 2. Отель Camino Real (Мехико, 1968 г.). Автор: Рикардо Легоррета [7; 8]

Способность органично войти в контекст, продемонстрированная Легоррета при создании сети отелей, проявилась и в его работе на историческом объекте. В 1972 г. Легоррете заказали реконструкцию Дворца Итурбиде (XVIII в., арх. Франсиско Герреро Торрес) в историческом центре Мехико на улице Мадеро, чтобы разместить в нем штаб культурного фонда Banamex. Смелое, но, в то же время, корректное вмешательство архитектора, превратило здание в один из самых оживленных культурных центров страны, возвратив его первоначальное величие.

Узнаваемый и характерный архитектурный стиль Рикардо Легорреты сформировался преимущественно под влиянием традиционной мексиканской архитектуры, от которой архитектор воспринял две характерные тенденции: функционализм и эмоциональную архитектуру. В этом важную роль сыграли его учителя – Хосе Вильягран и Луис Барраган. На вопрос, кто из них в большей степени повлиял на его работу, Легоррета отвечал, что основы, заложенные Вильяграном стали фундаментом его архитектуры, а Барраган, которого Легоррета встретил гораздо позднее и который стал в первую очередь другом, привил ему строгость и дисциплину в отношении не только архитектуры, но и всего, чем он занимался в жизни. Творческое сближение с Барраганом подарило Легоррете профессиональную свободу, однако без фундаментальных принципов, заложенных Вильяграном, Легоррета вряд ли достиг бы успеха и признания не только в своей стране, но и за ее пределами.

Чучо Рейес – художник и тонкий мастер цвета также оказал большое влияние на формирование цветопластических принципов произведений Легорреты. Основной формообразующей особенностью его построек явилось активное использование цвета, которым архитектор смело формирует пространство, добиваясь от него разных пластических впечатлений. Цвет как «конструктивная» основа построения формы стал одной из самых узнаваемых пластических характеристик работ Легорреты. Отличительной особенностью произведений мастера также является использование лаконичных плоскостей стен с ритмично расположенными разнохарактерными проемами, включение в создаваемый архитектурный организм природных элементов и воды. Совокупность этих приемов формирует мощные, но простые по форме геометрические объемы построек архитектора [2; 3].

Кризис, вызванный национализацией банков по распоряжению уходящего президента Хосе Лопеса Портильо в 1982 г., негативно сказался на работе бюро. В этот период Легоррета делает всего один проект – завод Renault в Дуранго. Завод размещен в пустыне – «она – магия, которая поглощает вас, – говорил Легоррета. – Я подумал о стенах, которые никогда не кончаются, и не хотел смягчать эту эмоцию, поэтому покрыл участок камнем и использовал красный в качестве основного цвета. Вместо того, чтобы бороться с пустыней, мы дополнили ее» [4].

Дом Монталбана (Лос Анджелес, 1985) был первым проектом Легорреты за пределами Мексики. Уже сформировавшийся, ставший узнаваемым язык архитектуры Легорреты, ее «мексиканскость» открыла архитектору профессиональные двери в Соединенные Штаты, где он получил большое количество заказов. Первыми стали: генеральный план Соланы (Техас, 1985); грандиозный комплекс офисов, отелей и магазинов расположившийся на площади 650 гектар – Ранчо Санта Фэ (Нью Мексико, 1987) и Детский музей в Сан Хосе (Калифорния, 1989).

В период с 1988 по 1994 г. Легоррета снова получает крупные заказы в Мексике, среди которых музей современного искусства MARCO (Монтеррей, 1991) (рис. 3), детский музей Papalote (Воздушный змей) в парке Чапультепек (Мехико, 1993), библиотека Автономного университета Нуэво Леон (Монтеррей, 1994) и генеральный план Национального центра искусств (Мехико, 1994), для которого он также спроектировал школу визуальных искусств, исследовательскую башню и служебное здание. За пределами родной страны в эти годы он проектирует площадь Pershing Square (Лос Анджелес, 1993) и Кафедральный собор в Манагуа (Никарагуа, 1993) (рис. 4), который стал одним из его любимых проектов и единственным произведением религиозной архитектуры. Старый собор на этом месте

был разрушен землетрясением, новый, более крупный собор, должен был иметь еще большее символическое значение благодаря его расположению на горе, возвышающейся над городом. По словам Легорреты, идея, которую он попытался заложить в проекте, заключалась в том, чтобы передать дух современной церкви. В плане собор имеет нетрадиционную форму, освещение и вентиляция естественные, цвет – белый с голубым, строительные материалы – простые.

Рис. 3. Музей современного искусства в Монтеррее (Museo de Arte Contemporáneo de Monterrey), 1991 г. Автор: Рикардо Легоррета [9]

Рис. 4. Кафедральный собор в Манагуа (Никарагуа, 1993). Автор: Рикардо Легоррета [6]

После подъема пришел еще один кризис, в 1994 г., который компания пережила благодаря таким проектам, как корпоративный штаб Televisa (Санта Фэ, Мехико, 1998) и проектам нескольких частных резиденций, а также работам, выполненным в США: библиотека в Сан Антонио (Техас, 1995), Библиотека Чула Виста (Калифорния, 1995), Музей техники и инноваций в Сан Хосе (Калифорния, 1998), Центр визуальных искусств Санта Фэ (Нью Мехико, 1999), университетские центры (Stanford, 1997; UCLA, 1998 и Чикаго, 2011) и несколько частных резиденций в Калифорнии, Нью Мехико, Неваде и Гаваях, а в конце 1990-х гг. Легоррета строит дом на японском побережье в городе Цуси (1998).

Активная международная деятельность, которая привела к строительству на четырех континентах, началась, когда в бюро в качестве партнера и ведущего архитектора пришел младший сын Виктор Легоррета. В 2000 г. Legorreta Arquitectos была переименована в Legorreta+Legorreta, где Виктор занимает место генерального директора и главного архитектора, стремясь превратить компанию в динамично развивающийся бизнес, приглашая новых партнеров (Адриана Сиклик, Мигеля Альмараза, Карлоса Варгаса и Мигеля Алатристе) и увеличивая штат до 70 архитекторов.

*Рис. 5. Башня BBVA-Bancomer (Мехико, 2009–2016).
Авторы: Рикардо Легоррета, Ричард Роджерс [4]*

Мексиканский павильон на «Экспо-2000» – выставке в Ганновере (Германия, 2000) – явился ключевым в развитии компании и стал началом насыщенного десятилетия, за которое было реализовано более 50 проектов, из них более половины за границей: в Америке (США, Центральная Америка), Бразилии, Европе (Германия, Англия, Испания, Греция), Африка (Египет) и Азии (Израиль, Южная Корея, Катар). В этот период также активно ведется и работа в Мексике, где были построены кампус Института высшего образования Монтеррея (ITESM) в Санта-Фе (Мехико, 2001) и Музей лабиринт Сан-Луис-Потоси (2008). Но, несомненно, самым важным для Рикардо Легорреты и его бюро является Комплекс Хуареса (Мехико, 2003), с двумя мощными башнями, где разместились новая штаб-квартира Министерства иностранных дел и Верховный суд федерального округа, а на внутренней площади находится великолепная скульптура-фонтан работы Виценте Рохо. Этот проект, несомненно, изменил городской ландшафт Центральной Аламеды.

Заключение. Одной из последних завершённых работ Рикардо Легорреты стало здание для кафедры высшего образования Школы экономики UNAM (Мехико, 2010), построенного на окраине Университетского культурного центра. В 2011 г. Рикардо Легорреты после продолжительной болезни не стало. Он оставил около 20 незавершённых проектов, самый важный из которых, несомненно, башня BBVA-Bancomer на Авеню Реформа в Мехико (рис. 5). Это работа выполнялась в партнерстве с другом Рикардо Легорреты, прославленным английским архитектором Ричардом Роджерсом и была завершена в 2016 г. Этот ориентир архитектуры XXI в. стал уже посмертным наследием, которое великий архитектор оставил городу, где он родился, и который он искренне любил.

Список литературы

1. Панова Н.Г. Художественный язык архитектуры Рикардо Легоррета. Плоскость и цвет как формообразующие элементы [Электронный ресурс] // Architecture and Modern Information Technologies (AMIT). – 2017. – № 4 (41). – С. 272–287. – URL: http://marhi.ru/AMIT/2017/4kvart17/20_panova/index.php (дата обращения: 20.06.2019).
2. Панова Н.Г. Архитектура тишины. Цветовые пространства Луиса Баррагана и Рикардо Легоррета [Электронный ресурс] // Architecture and Modern Information Technologies (AMIT). – 2018. – № 3 (44). – С. 346–361. – URL: http://marhi.ru/AMIT/2018/3kvart18/21_panova/index.php (дата обращения: 20.06.2019).
3. *Mutlow John V.* Ricardo Legorreta Arquitectos. – Italy: Rizzoli, 1997. – 240 p.

Список источников

4. Штаб-квартира BBVA Bancomer [Электронный ресурс]. – URL: <https://archi.ru/projects/world/6121/shtab-kvartira-bbva-bancomer> (дата обращения: 20.06.2019).
5. Biografía Ricardo Legorreta [Электронный ресурс]. – URL: <http://legorretalegorreta.com/experiencia-ricardo/> (дата обращения: 20.06.2019).
6. Catedral Metropolitana de Managua [Электронный ресурс]. – URL: <http://legorretalegorreta.com/catedral-metropolitana-de-managua/> (дата обращения: 20.06.2019).
7. Exposición Sobre El Hotel Camino Real, de Legorreta [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gjarquitectura.com/exposicion-sobre-el-hotel-camino-real-de-legorreta/> (дата обращения: 20.06.2019).
8. Legorreta [Электронный ресурс]. – URL: <https://legorretalegorreta.com/> (дата обращения: 20.06.2019).
9. Museo de Arte Contemporáneo de Monterrey [Электронный ресурс]. – URL: http://2.bp.blogspot.com/_sk17S3fkL2M/TCgassnd47I/AAAAAAAAAJ8/kJ1zG7g-FIM/w1200-h630-p-k-no-nu/museo+marco.jpg (дата обращения: 20.06.2019).

Марьясова М.К.
mar98asova@gmail.com

Туманик А.Г.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 7.036.7+72.03

ДЕКОНСТРУКТИВИЗМ КАК ТЕНДЕНЦИЯ ЭКСПРЕССИОНИЗМА

Аннотация. В статье определяются основные характеристики деконструктивизма, с целью установить его принадлежность к стилю или к стилевой тенденции. Поднят вопрос о высокой роли авторства в современной архитектуре и связанного с этим снижения давления стиля как массово применяемой системы правил. Время и эксплуатация являются естественными фильтрами того, что неприемлемо рационально или эстетически. В связи с этим ставится под сомнение развитие деконструктивизма как самостоятельного стиля и определяется фактор влияния на него экспрессионизма, в том числе, и на графическую подачу метра деконструктивизма – З. Хадид.

Ключевые слова: деконструктивизм; экспрессионизм; экстерьер, дигитальная архитектура; региональная архитектура; Хадид; Стирлинг; Тальябуэ.

Введение. В статье определяются основные черты деконструктивизма и рассматривается вопрос о его принадлежности к стилю или к стилевой тенденции. Высокая роль авторства в современной архитектуре, по сути, нивелирует давление стиля как системы правил, пропорций и орнаментации, и приводит нас к пониманию современной архитектуры как совокупности тенденций, течений, функционирующих в русле того или иного крупного подхода к формообразованию, например, органического и дигитального. Эта мысль, присутствуя в работах разных авторов и в интервью с практикующими архитекторами, подтверждается эклектичной реальностью. В XX в., когда профессии инженера и архитектора разделились, в проектировании, параллельно успехам абстрактной живописи, активно начинает применяться цвет, что влияет на композицию и результат. Меняется и материал – на первый план выходит бумага, что раскрепощает творческие фантазии. Каждую яркую флуктуацию современной архитектуры, тем не менее, ошибочно определять как стиль, т.е. более крупное и устойчивое явление, в рамках которого наблюдается если не трансляция орнамента, то повторение форм, пропорций и материалов.

Результаты. Взаимосвязь стилей эскизирования, графической подачи и конечного результата в литературе довольно обстоятельно рассмотрена на уровне советского конструктивизма, последующие эксплуатационные проблемы которого связывались с установкой на бумажное проектирование, стремлением к графичности и выразительности.

Стремительный прогресс технологий во второй половине XX в. привел к изменению понимания пластики формы. Активность, будучи, свойством скульптуры, благодаря философам-деконструктивистам, спровоцировавших семиотический дискурс в архитектуре, становится свойством фасадов и крупных архитектурных форм. В контексте бурной моды 1980-х гг. здания общественного назначения, привлекая внимание, воспринимаются уже как коммуникативные пространства, призванные что-то кардинально менять в городской среде. В облака «тянет» и основной объем сооружения (например, проекты Куп Химмельблау, оставшиеся на бумаге). Эта бумажная архитектура визуально разрушала привычные ощущения устойчивости, визуально искажая и деформируя поверхность та-

ким образом, чтобы создать у смотрящего впечатление ее противоречивости законам всемирного тяготения. Яркий пример – протяженный объем небоскреба «Штаб-квартира Gas Natural» Э. Мираллеса, визуально расположенный под 90° к объему-основанию, а на деле – врезанный диагонально и поддержанный скрытой от «первого взгляда» заземленной консолью. Мы считаем, что подобное активное и чуждое ощущениям устойчивости движение формы вполне соответствует духу экспрессионизма, развитого деконструктивизмом, благодаря машинным способам обработки данных, получившего широчайшие возможности для экспериментов с формой и ограниченные – с материалами и климатом. С другой стороны, у деконструктивистов форма может быть массивной, и даже довлеющей (Ф. Гери), что связывает это стилевое направление с пуризмом.

Архитектура стала более артистичной на фоне бурных социальных процессов и проблем реконструкции городов, связанных с изменением быта и социальных ролей, что, в ряде случаев, повлияло и на педагогическую программу для будущих архитекторов. Например, в Лондонской архитектурной ассоциации (особняк на Бедфорд-авеню) обучение проходило в среде непрекращающегося эксперимента, соответствовавшего бунтарским 1960-м гг., и состоящего из собственных смелых творческих поисков и наблюдений за поисками других. Конечно, в этом велика заслуга харизмы А. Боярски, директора этого учебного заведения, начиная с 1963 г., но мы не можем отрицать и высокой роли его учеников (рис. 1).

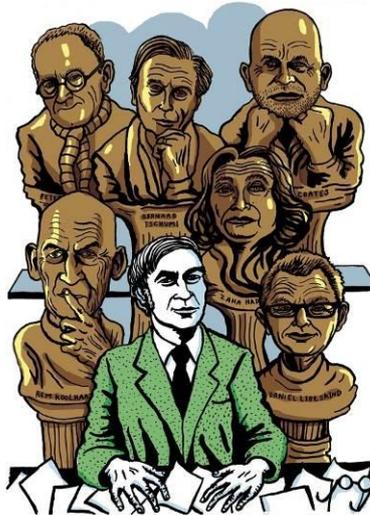

Рис. 1. Алвин Боярски и его титулованные ученики [5]

Среди слушателей школы были и такие мэтры деконструктивизма как З. Хадид (рис. 2) и Б. Чуми. Однако учили ли в школе Боярски деконструктивизму? Учили, прежде всего, разрушать привычные ограничения функции здания его объемами. Частью авторской программы стало введение принципа проектирования, подразумевавшего взаимосвязи сооружения с окружающей средой и постройками [1]. Здание, выходя за пределы своих стен, становится подобным человеку, живущему в обществе, наращивающему и поддерживающему в нем связи, компенсирующему недостатки других и оттеняющему их достоинства. Прежде всего, это отражает суть архитектуры пост-модернизма: здание коммуницирует, является средством передачи идеи, цитаты, в чем пионером был еще советский авангард.

Рис. 2. Алвин Боярски и Заха Хадид на встрече Архитектурной ассоциации. Празднование успеха Захи Хадид (клуб The Peak, Гонконг), 1983 г. [3]

Во второй половине XX в. развивалось несколько архитектурных школ, одной из которых был небезызвестный Куп Химмельблау, буквально принявший философию Ж. Дерриды на знамена. Это привело к неоднозначности понимания ситуации наших дней. Тем не менее, можно выделить несколько черт, характеризующих деконструктивизм как стилевое течение:

1. Разветвленность восприятия роли сооружения в городской среде – от контрастирующей («Танцующий дом» Ф. Гэри, «Штаб-квартира Gas Natural» Э. Мираллес), до адаптивной к линиям ландшафта или особенностям культуры, т.е. органической («Культурный центр Гейдара Алиева» З. Хадид, «Парламент Шотландии» Э. Мираллес, Б. Тальябуэ).

2. Полная зависимость архитектурного облика от авторского почерка. Здания, построенные Ф. Гери, кардинально отличаются и в материалах и композиционно от тех, что проектировала З. Хадид. Вместе с тем, и Гери и Хадид активно используют кривые. Бытует мнение, что деконструктивисты отказываются от прямоугольника. Однако, «сползающие» фасады построек, имитирующих классический городской британский дом – доказательство того, что так происходит не во всех случаях.

3. Асимметрию или необязательное следование симметрии можно считать одной из особенностей современного деконструктивизма, но не обязательным его свойством, создающим впечатление непредсказуемого, хаотичного дизайна, строящегося на визуальном имбалансе и эксперименте с формой (ее мутациях) [4, р. 1]. Вместе с тем, эта характеристика может быть соотнесена и с бионическими направлениями в архитектуре.

4. Использование света как естественного способа придать интерьеру рельеф и ритм, эффектно подсветить и оттенить нюансы, подобно игре граней в кристалле. В одних случаях глухие «биддермайеровские фасады» (Ж. Деррида) уступают место светопрозрачным конструкциям. В других случаях делается ставка на искусственный свет как элемент музейной культуры (Exploratorium Museum в Тяньцзине, Б. Чуми) и фасады становятся еще глуше.

Интересен деконструктивистский подход к реконструкции, например Королевский музей в Онтарио. Консервация исторического облика сооружения или его фрагмента – довольно сложный вопрос. Развитие систем остекления сделало возможным вскрытые (разрушившиеся части) сращивать с современными модулями

или помещать их под стеклянный колпак (реконструкция крыши на Фолькштрасе, г. Вена, в 1983–1988 гг., Куп Химмельблау – «Соор Himmelblau»).

Другой вариант – врезка, модернизирующая функцию здания (Д. Либескинд «Королевский музей Онтарио»). Некоторые деятели культуры в Европе этот подход к историческим объектам считают варварским, заявляя, что стеклянные кристаллы паразитируют на исторических постройках. Учитывая, что сегодня архитектурное стекло может быть и самоочищающимся, в тех случаях, когда объект не несет самостоятельной исторической ценности, а реставрация была бы непомерно дорогостоящей, адаптация его к потребностям современной городской среды через реконструкцию и консервацию исторических фрагментов является решением, выгодным для всех. Характерен пример комплекса Смитфилдского рынка, превращенного в Лондонский городской музей, посредством сходных методов реконструкции. Не стоит забывать и об исторических аналогах. Например, выставочные павильоны начала XX в., в частности, знаменитый Хрустальный дворец Дж. Пэкстона (Великобритания), затем скопированный немцами.

5. Самое важное свойство деконструктивизма, изначально определяющее его статус как стилевой тенденции, – потребность выделять здание на общем фоне. Очевидно, что не все наследие деконструктивизма окажется востребованным. Однако тот всемирный переполох, который был поднят вокруг этих зданий, в некоторых случаях способствовал положительным экономическим изменениям, привлекая внимание СМИ и общественности. Это сделало деконструктивизм востребованным у музеев, транснациональных корпораций и сверхбогатых людей.

В этой связи интересен прием «перетасовывания колоды карт» [1, с. 688], т.е. рекомбинирования элементов городского благоустройства и разнообразных институций, с целью сформировать комфортную и оптимальную городскую среду, используемый как инструмент урбанистики. Как пишет искусствовед К. Малич, тесное соседство торгового центра, исследовательского центра, монастыря, музыкальной школы, клуба, отеля, дворца бракосочетаний рассматривалось как не просто допустимое, но и желательное, чем, однако, сбивались естественные оси координат исторической среды [1, с. 687]. В работах З. Хадид – это еще и артистичный взгляд с высоты приземляющегося самолета, в движении, позволявший сразу выделить постройку (рис. 3). Практика осознания города как световой композиции напоминает монументальные акварели советской архитектуры с высотными зданиями Москвы. В этом практика деконструктивизма кажется и синтетичной и отрицающей свои культурные корни. Общеизвестно, что деконструктивисты многое переняли из советской авангардной живописи, вдохновляясь Родченко, Малевичем и Кандинским. «Тектоника Малевича» – одна из работ Хадид и ее дипломный проект в школе Архитектурной Ассоциации.

Деконструктивизм, вырастает из экспрессионизма, не только потому, что подхватывает характерный для художников, стремительный, абстрактный способ графической подачи, но и поскольку лишь добавляет диагональные и пространственные акценты в экспрессивный архитектурный образ. Его развитие началось со второй половины XX в., став естественным продуктом ар-деко и стрим-лайн модерн, способом внести в архитектуру фасада сильные, уверенные линии, отобразив массивное движение, концентрируясь на преломлениях света, как способе очертить грани и поверхности. Успехи физики и топологии, несомненно, вдохновили архитекторов на пространственные искажения, создающие иллюзию многомерности, эксперименты с материалами и создание контрастов восприятия,

ведь у деконструктивистов далеко не во всех случаях форма фасада соответствует форме основного объема сооружения. Пример тому – здание фонда Луи Вьюттон (Louis Vuitton) Ф. Гери.

На эскизе Хадид (рис. 3а) нет ничего близкого к реализму, это, в своем роде, ситуационный план, позволяющий оценить потребности в цветовых акцентах и распределении световых пятен. На выполненном ею экспрессивном эскизе оперы в г. Кардифф показаны лишь освещенные плоскости, которые бы определяли восприятие здания вечером, что очень важно для оперного театра.

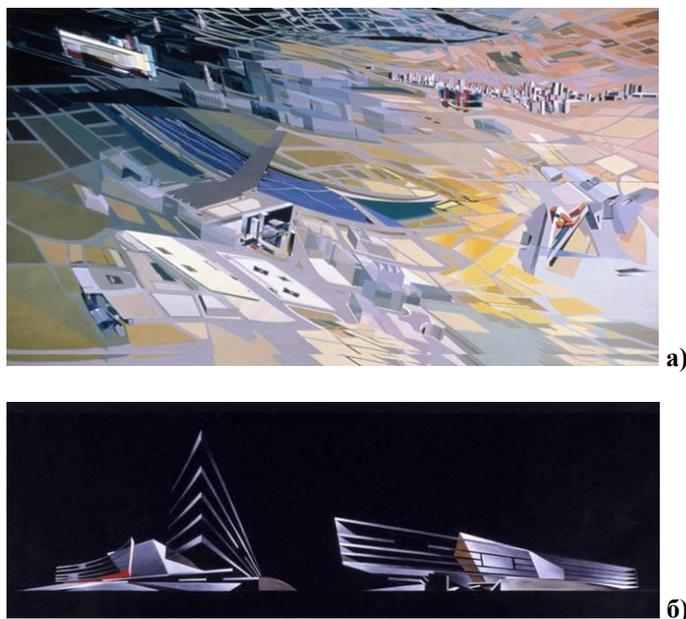

Рис. 3. Эскизы Захи Хадид с планами по преобразению Трафальгарской площади и Оперного театра на заливе Кардифф [2; 6]

Не очевидны истинные причины, по которым архитектор с британским образованием оказалась «не у дел» в Уэльсе или при строительстве Парламента Шотландии. Вероятно, немаловажную роль в этом сыграла оценка экономичности эксплуатации сооружения в условиях шотландского климата. Деконструктивизм характеризуют обширные поверхности остекления, что практически всегда сопряжено с энергопотерями. Даже у сооружений, воздвигнутых Дж. Ф. Стирлингом, одним из зачинателей деконструктивизма, ввиду перепадов температур возникают эксплуатационные проблемы.

При попытке мысленно «подлететь» к зданию парламента Шотландии (Э. Мираллес, Б. Тальябуэ), например, вечером или утром, когда требуется искусственное освещение, «увидим» что-то похожее на лоскутное полотно от Хадид. Здание парламента, с его очевидной динамикой, было буквально «вживлено» в цветовую палитру Эдинбурга, претерпевшего комплексную реконструкцию, ритмом и цветовыми акцентами, завершая складки на шотландском пледе исторической части города. Национальный характер подчеркнут на современный манер, будучи разбавлен приемами архитектуры юга (активное использование сочетаний белого цвета и медового дерева, AMBIENTНЫЙ оранжевый, желтый и насыщенный синий). Это контрастирует, например, с историческим интерьером Парламентского зала в Эдинбурге, где заседания происходили в 1639–1717 гг. (витражи и тем-

ное дерево на фоне беленых поверхностей стен). Фасады нового здания не такие «глухие» как те, что уничижительно описывали философы-деконструктивисты, но они имеют очевидную плотность и выявленную структуру. Разреженность достигается за счет динамичных оконных переплетов, чем-то напоминающих растительную ткань или крылья стрекоз, а ночью обилие золотистого искусственного света компенсирует дневную серость стен (рис. 4). Разнообразные подсветки визуально связывают территориально разнесенные объекты, при формировании образа Шотландии. Например, неожиданно выглядит розовая подсветка замка Холируд в Эдинбурге и меняющиеся, как переливы на нефтяной пленке, оттенки Кэлли. Игра с нюансами цвета, сращивающая стены нового здания парламента и переменчивую серо-свинцово-золотисто-розовую палитру неба, оттеняет активную динамику граней сооружения.

Рис. 4. Ночной вид на Парламент Шотландии [7]

Э. Мираллес и Б. Тальябуэ – последователи другой архитектурной школы (Х. Свечински и В. де Прикса), однако, складывается впечатление, что Тальябуэ привнесла во фрактальные формы отчетливое звучание архитектурной органики, что существенно отличает ее подход от вдохновения морем, звучащее в творчестве Хаидид. Видимо, роль реконструктора исторической среды классической школы была наиболее близка Бенедетте, изначально изучавшей искусство реставрации в Италии. Например, в интерьер собственной квартиры архитектор активно вписывает фрагменты исторического вида поверхностей, что добавляет колорита, не лишая жильё современного удобства. Предпочитая жизнерадостную цветовую палитру, Бенедетта сочетает ветхое и новое (колерные раскрытия и современную отделку), что сейчас становится довольно популярным в Европе, где пласт жилой исторической застройки, очень большой.

Нам сложно оценить, насколько появление подобного сооружения что-либо изменило в социальной жизни Эдинбурга, но мы уверены, что экстерьер парламента задаст новые ориентиры в решении актуальных вопросов сохранения исторического наследия Шотландии, реставрировать которое очень тяжело и дорого. Возможно, тренд деконструктивизма, в котором меняется не только пространство, но и сращиваются эпохи, повлияет на депутатов. Несмотря на то, что у Мираллес есть реализованный проект кладбища-мемориала в Игуаладе, построенный на отсылках к исторической памяти каталонцев, новое здание сложно назвать под-

держкой духа национальной борьбы, хотя Мираллес, будучи каталонцем, несомненно, разделял национальные чувства шотландцев. Не исключено, что многих титулованных метров деконструктивизма, последователей школы Боярски, в национальных регионах могут воспринимать исключительно как иностранцев – жителей Лондона, поддерживая местную архитектурную традицию.

Количество медалистов и лауреатов разнообразных премий среди выпускников школы Боярски, несомненно, подчеркивает ее образовательные достижения, вместе с тем, приходится констатировать, что деконструктивизм, как стиль, меняющий реальность, успел нажать и массу противников. Например, даже на органично вписанное в ландшафт здание Шотландского парламента обрушилась массивная волна критики. В исторических городах, к которым относится и Эдинбург, конфликт между нескромными флуктуациями современной архитектуры и защитниками чистоты исторической среды никогда себя не изживет. Видимо, здесь рациональнее будет генерировать те формы современной архитектуры, которые будут транслировать национальный стиль и использовать местные материалы. С каких бы сторон мы не оценивали роль интерьера или привлекательного фасада в поисках следования тому или иному стилю, всегда очень важно не рассматривать сооружение отдельно от людей, которые станут или были его вольными или невольными посетителями.

Выводы. Практика показала, что, несмотря на несомненный успех Хадид, британцы для знаковых построек выбрали вариант деконструктивизма, не расходящийся с проторенной шотландцем Стирлингом дорогой. Оперный театр на заливе Кардифф (Уэльс) остался проектом на бумаге. Есть мнение, что активному западному человеку ближе прямые линии, нежели плавная тягучесть. Пониманию культур способствует разговор об изображении. Он не менее важен, нежели само изображение, особенно, по части исторической реконструкции.

Внимание к личностям, изображенным на фотографиях, их привычкам, každодневым практикам и истории той или иной местности, должно быть неотъемлемой частью обучения по специальностям «Архитектура» и «Искусствоведение». Во-первых, это создает более полное впечатление об эпохе, к которой относится та или иная вещь или постройка, а во-вторых, воспитывает внимательное отношение к людям не как к объекту архитектурной и художественной среды, а как субъекту, вынужденному в ней действовать и мыслить. В этом состоит отличие «архитектуры для людей» от «архитектуры ради архитектуры» или «искусства ради искусства».

Национальная традиция, несомненно, влияет на понимание архитектуры, поскольку каждый из нас мыслит и действует, исходя из контекста культурно-исторической среды. В регионах, где сильно чувство этнической общности, местные архитекторы, развивавшие в своем творчестве традиционные оттенки, всегда были в большом почете. Яркий пример этому – И. Маковец, вольно комбинирующий элементы классики и современности (главный корпус факультета гуманитарных наук в Пишишчабе), собственное понимание архитектуры и элементы традиционных построек мадьяр. Несмотря на самобытный характер зданий деконструктивистов, складывается впечатление, что из-за скоростного ухода из жизни З. Хадид, деконструктивизм постепенно потеряет свою яркую интернациональную сущность, поскольку переизбыток информации обусловил моду на другой вид дигитальной архитектуры – скупой на эмоции, но, в то же время, поддерживающей неожиданное использование не столько формообразования, сколько

качеств материала, усиливающего воздействие формы. Такой подход все чаще находит себя в образе музея как медиа-теки, когда здание с глухими фасадами представляется столь слитным по форме, что невольно притягивает внимание.

Таким образом, сегодня деконструктивизм в архитектуре зданий общественного назначения, тем более, в авторстве иностранных архитекторов, может восприниматься как явление, характеризующее отсутствие монолитной местной школы. Вместе с тем, деконструктивизм с национальным колоритом, безусловно, интереснее, нежели чисто интернациональный стиль. В связи с этим актуален опыт Ирландии, довольно давно заявившей о своем суверенитете. В Дублине существует Королевский институт архитектуры Ирландии (RIAI). Его специалисты не только сохраняют традиции прошлого, но и изучают аспекты развития современной архитектуры в условиях климата республики Ирландия.

Список литературы

1. *Малич К.А.* Алвин Боярски и его система. К вопросу об эволюции педагогической программы в Лондонской архитектурной ассоциации в 1960–1980-е годы [Электронный ресурс] // *Вестник Санкт-Петербургского Университета. Искусствоведение.* – 2018. – Т. 8. Вып. 4. – URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/15166/1/09-Malich.pdf> (дата обращения: 01.07.2019).

Список источников

2. Эскиз Захи Хадид с планами по преобразению Трафальгарской площади в Лондоне [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pinterest.ru/pin/48554502216506039/> (дата обращения: 01.07.2019).

3. Alvin Boyarsky and Zaha Hadid at the Architectural Association, during a celebration for Zaha Hadid's Peak Leisure Club project, 1983 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.arc1.uniroma1.it/saggio/Didattica/Supporti/Hadid-Saggio/I.htm> (дата обращения: 01.07.2019).

4. *Çekmegelioğlu M.E.* Investigating Lighting in Deconstructivist Spaces. Master of Science in Interior Architecture. Eastern Mediterranean University [Электронный ресурс]. – February 2014. – URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/85d5/9278364c624e040d5520f5c9e002787257f5.pdf> (дата обращения: 01.07.2019).

5. *Cook P.* Alvin Boyarsky (1928–1990) [Электронный ресурс] // *The Architectural Review.* – 28 September, 2012. – URL: <https://www.architectural-review.com/essays/reputations-pen-portraits-alvin-boyarsky-1928-1990/8636161.article> (дата обращения: 01.07.2019).

6. Giioiovannini J. Under Schumacher, Zaha Hadid's architectural DNA will live on [Электронный ресурс] // *Architect's Journal.* – 5 April 2016. – URL: <https://www.architectsjournal.co.uk/news/under-schumacher-zaha-hadids-architectural-dna-will-live-on/10004903.article> (дата обращения: 30.07.2019).

7. *Walker A.* Holyrood to host ACE Scotland summer soirée. – 17.05.2019. – URL: www.infrastructure-intelligence.com/article/may-2019 (дата обращения: 30.07.2019).

АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ

Шафрай С.Д.
shafray.sd@yandex.ru
НГАУДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.013

ФРАКТАЛЫ В АРХИТЕКТУРЕ И ФИЛЛОТАКСИС

Аннотация. В статье рассмотрены случаи проявления фракталов от механики разрушения до архитектурных деталей зданий различного назначения. Особо выделено образование самоподобных фрактальных систем в филлотаксисе основанных на примерах листьев лопуха, хрена и иглах сосны. Выявленные закономерности фрактального самоподобия в филлотаксисе необходимы для совершенствования и создания новых архитектурно-конструктивных форм применяемых в строительстве.

Ключевые слова: фрактал; линии скольжения; архитектура культовых зданий; пятиугольник Дарера; треугольник Кеплера; филлотаксис.

Введение. Термин фрактал (лат. fractus – сломанный, разбитый, дробный) является составляющей многих слов, например, фракция, фактография и др. Так фрактограмма по рельефу излома металлической детали в металловедении определяет характер разрушения: усталостный, вязкий, квазихрупкий, хрупкий и т.д. Новую значимость фрактал приобрел в работе Б. Мальденброта, в которой он представляет собой некую структурно-геометрическую базовую форму, служащей для построения сложной системы. В отличие от гладких линий евклидовой геометрии во фрактальной геометрии линии сильно изломанны и для них нельзя провести касательной, т.к. они не дифференцируемые [1].

В этой системе составляющие ее и повторяющиеся с определенной закономерностью элементы (фракталы) обладают свойством самоподобия. Фракталы классифицируют по признакам на геометрические (кривая Коха, пятиугольник Дарера и др.), алгебраические (множества Мандельброта, множества Жулия) и стохастические, а их построение может иметь «рукотворный» или природный характер. Фракталы имеют фрактальную размерность. Для вычисления фрактальной размерности используют формулу: $D = \ln(S) / \ln(Z)$, где S – изменение размера, Z – изменение приближения. Для отрезка $D = \ln 2 / \ln 2 = 1$, квадрата: $D = \ln 4 / \ln 2 = 2$, куба: $D = \ln 8 / \ln 2 = 3$. Кривая Коха относится к геометрическим фракталом. Строится путем последовательного разбиения единичного отрезка на три равных части и последующей заменой среднего отрезка равносторонним треугольником без сегмента. В результате образуется ломаная линия, состоящая из четырех звеньев длиной $1/3$ (рис. 1а). Далее операция шаг за шагом повторяется на каждом из четырех полученных звеньев. Фрактальная размерность для кривой Коха равна $D = \ln 4 / \ln 3 = 1,26$ [1]. Сам отрезок длиной 1 и разбитый на 3 равные части является инициатором, а ломаная линия из 4 звеньев размером $1/3$ генератором в алгоритме построения кривой Коха. Длина кривой Коха определяется выражением: $L(\varepsilon) = \varepsilon^* (1/\varepsilon)^{D-1} (1)$, где ε – длина элементарного отрезка после i -й итерации,

принимающая последовательно значения $\varepsilon_i = 1/3, 1/3^2, 1/3^3, \dots, 1/3^i; \varepsilon^*$ – масштабный параметр. Так вычисляют длину береговой линии, которая увеличивается по мере уменьшения длины ε .

Цель работы: заключается в выявлении примеров присутствия фракталов в архитектурно-строительных, а также в природных объектах с описанием формирования их геометрических закономерностей.

Результаты. В строительном деле и архитектуре мы находим широкое применение фракталов. Их проявление присутствует в характеристике данной Лихачевым Д.С. русской природе «...пахарь укладывал борозду к борозде как причесывал, как укладывал волосок к волоску. Так лежит в избе бревно к бревну, плаха к плахе, в изгороди – жердь к жерди, а сами избы выстраиваются в ритмичный ряд над рекой или вдоль дороги – как стадо, вышедшее к водопою... В деревне и в городе продолжается тот же ритм параллельных линий, который начинается с пашни. Борозда к борозде, бревно к бревну, улица к улице. Крупные ритмические деления сочетаются с мелкими, дробными. Одно плавно переходит к другому. Город не противостоит природе. Он идет к природе через пригород» [3].

Можно утверждать, что если взять за основу планировки прямоугольную комнату, то здание в плане как минимум будет прямоугольным, а за ним и квартал, да и само поселение, создавая тем самым скучную однообразную форму – «казарменного типа». Напротив, используя закономерности геометрических фракталов, можно получить нетривиальные планировки и фасады здания. Так кирпичное здание, при возведении которого используется лишь кирпич стандартного размера $250 \times 125 \times 65$ мм с соблюдением строительных норм на толщину кладочного шва в 10–12 мм, будет иметь строгую форму сочлененных прямоугольных параллелепипедов, без пластических закруглений фасадов, арок, сводов и т.д.

Рис. 1. Примеры проявления фракталов: а) Геометрический алгоритм построения кривой Коха; б) Кладка кирпичного свода с нарушением размеров швов; в) Построение свода с использованием самоподобных пирамид

При создании арок при упомянутых ограничениях будут нарушены размеры кладочных швов, что снизит их несущую способность (рис. 1б). В кладке промышленных печей из шамотного кирпича устанавливается жесткая градация проектной толщины швов: вне категории – до 0,5 мм; I категория – до 1 мм; II категория – до 2 мм; III категория – до 3 мм; IV категория – более 3 мм (СНиП III-24-75. Промышленные печи и трубы). Поэтому для кладки сводов используется около 400 типоразмеров шамотного кирпича различных форм.

В механике деформируемого твердого тела для описания напряженно-деформированного состояния элементов стальных конструкций с резким изменением сечения типа клиньев и вырезов при развитии их разрушения от concentra-

торов напряжения появляется необходимость введения геометрических фракталов. По гипотезе Г. Нейбера [4] у концентраторов напряжений с радиусами надреза меньшими, чем параметр структуры материала «...не всегда допустимо рассматривать бесконечно малый элемент. Требуется перейти к тому, чтобы пользоваться в качестве воображаемой модели элементом конечных размеров ... При этом следует условиться об определенной форме частичек...». Этот параметр принимает на себя роль новой структурной постоянной материала – ε имеющей размерность длины. По его данным для малоуглеродистой стали с временным сопротивлением $\sigma_B = 65 \text{ кгс/мм}^2$ величина постоянной $\varepsilon = 0,48 \text{ мм}$. По мере увеличения прочности стали величина структурного параметра уменьшается, так при $\sigma_B = 70,3 \text{ кгс/мм}^2$, $\varepsilon = 0,043 \text{ мм}$, а при $\sigma_B = 92,8 \text{ кгс/мм}^2$, $\varepsilon = 0,0305 \text{ мм}$ соответственно [2]. По мнению Г. Нейбера, в связи с моделью дискретности материала уравнения теории упругости будут иметь вид не дифференциальных, но разностных уравнений на основе теории конечных разностей. При упруго-пластическом деформировании элемента стальной конструкции с концентратором напряжения от границ очерченный радиусом выреза r , с учетом поправки на размер частицы ε , начинают развиваться линии скольжения Чернова-Людерса. Эти линии описываются ортогональным семейством логарифмических спиралей [5], а на периферии ортогональной или радиальной сетками. Структурная постоянная материала после разрушения стального элемента будет определять рельеф геометрических фракталов по поверхности его разлома (рис. 2а). При этом на поверхности деформируемого элемента – трубы (рис. 2б) возникает сетка фракталов, образованная линиями скольжения. Угол наклона линий скольжения к оси трубы составляет от 35^0 до 45^0 . Заметим, что угол в $35,26^0$ образует грань октаэдра с вертикальной осью симметрии, а напряжения действующие на этой грани называются октаэдрическими. Для оценки прочности твердых тел, имеющих неоднородности структуры материала, используют зависимость [2], связывающая рабочий объем материала V с его прочностью σ_B при растяжении: $\sigma_B(V) = \text{const}(1/V)^{1/m}$ (2), где m – показатель, увеличивающийся по мере повышения однородности материала; объем V связан со структурным параметром материала ε зависимостью $V = C\varepsilon^3$, где C постоянная, учитывающая форму объема. Выражение (2) представим в виде $\sigma_B(V) = \text{const}(1/\varepsilon)^{3/m}$, что по физическому смыслу и форме записи соответствует (1). Из (1) и (2) следует $3/m = D - 1$.

Рис. 2. Примеры образования фракталов в механике разрушения, строительстве и архитектуре: а) образование фрактальной линии разлома у концентратора в стальном элементе; б) Образование фрактальных линий скольжения при изгибе трубы; в) Фрактальный парапет здания краеведческого музея в г. Иркутск

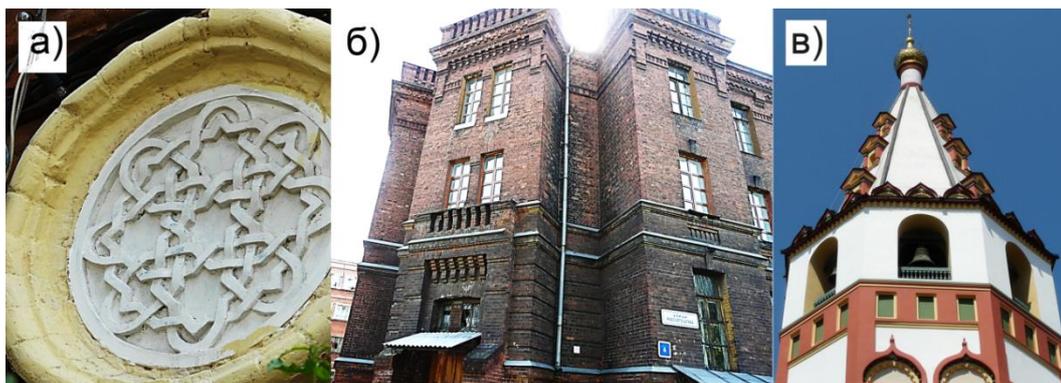

Рис. 3. Фракталы в архитектурных деталях зданий: а) Изображение восьмиугольного фрактала на барельефе; б) Подъезд старинного жилого здания в исполнении с применением фрактального деления; в) Колокольня храма Спаса Нерукотворного Образа в г. Иркутске с использованием фрактальных элементов в виде самоподобных треугольных окон

Сегодня принципы создания архитектурных объектов в виде гранных форм достаточно исследованы и приняты критерии их оценки. Примеры использования фракталов на гранных архитектурно-конструктивных формах сооружений приведены на (рис. 2б и 3). На (рис. 2б) представлено фрактальное оформление парапета здания краеведческого музея в г. Иркутске, которое выполнено в виде ряда семи башенок с соответствующими 3 и 4-мя зубцами на них. На (рис. 3а) дан настенный барельеф с фрактальной вязью из повторяющихся восьмиугольных звезд. Фрактальные элементы присутствуют в архитектурных элементах жилых и культовых зданий (рис. 3б, 3в). Вместе с тем, проявление фракталов в архитектуре, особенно в пространственных системах пластичных форм не достаточно изучены, особенно в конструкциях повторяющих причудливые формы филлотаксиса (в переводе с греческого слово это означает «устройство листа»).

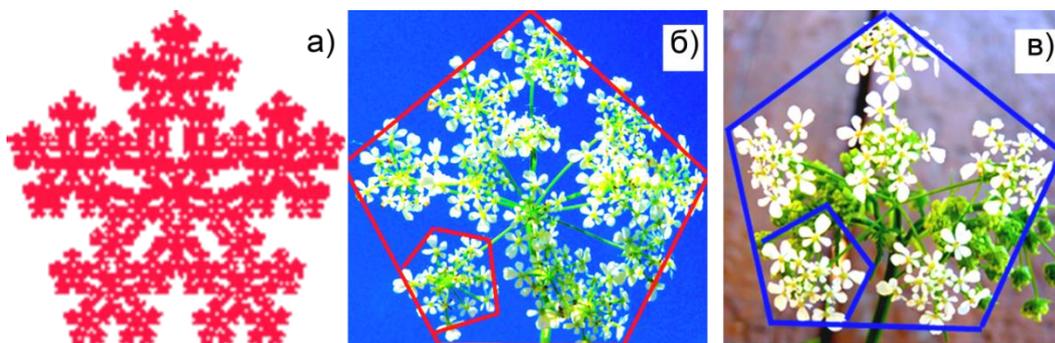

Рис. 4. Фрактал-пятиугольник Дарера: а) Геометрическая фигура фрактала; б) и в) Зонтик болиголова природный – аналог пятиугольника Дарера

Рассмотрим проявление фракталов у некоторых растений. На рис. 4а представлен фрактал «пятиугольник Дарера», который имеет строгое математическое описание и геометрическое построение. Его описание широко известно в научной литературе и здесь не приводится. Аналогом данного пятиугольника в природе может служить соцветие – зонтик болиголова (рис. 4б, 4в). У болиголова мелкие цветки правильной формы. Чашечка состоит из 5 мелких зубчиков у вершины завязи и создают микро-пятиугольник. Далее цветки образуют малый зонтик по

форме близкий к пятиугольнику, который в свою очередь составляют зонтик большего размера, также соответствующий пятиугольнику. На *рис. 4б* и *4в* малый и большой зонтики обведены красной и синей линиями. Правильный пятиугольник образован 5-ю равнобедренными «золотыми треугольниками», у которых выполняется условие $2\cos(360^{\circ}/5) = \Phi^{-1}$, где $\Phi = 1,618$ – число Фидия равное «золотому сечению». Его находят в размерах памятников архитектуры.

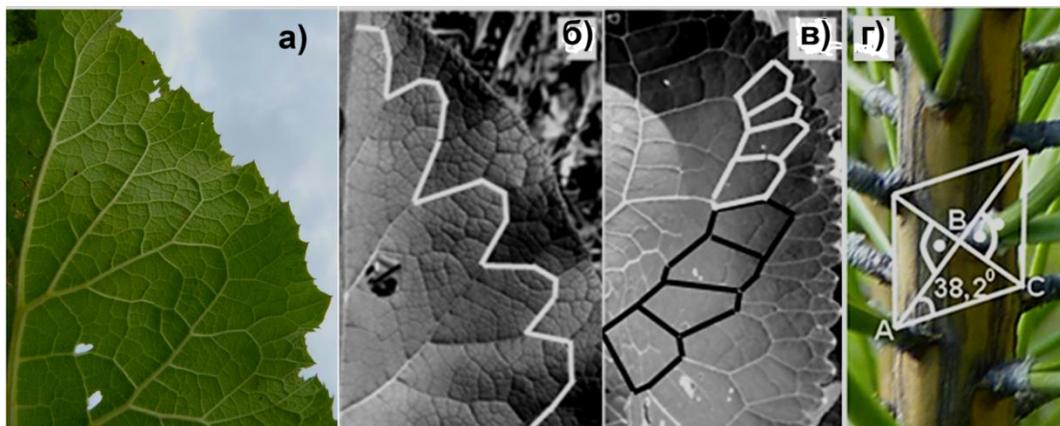

Рис. 5. Фракталы у растений: а) и б) Фрактальная линия прожилков на листе липуха; в) фрактальный рисунок на листе хрена; г) спиральное расположение хвои на ветке сосны, описываемое треугольником Кеплера

Другой пример проявления фракталов это линии прожилков на листьях липуха (*рис. 5а, 5б*). Эти линии напоминают ломанную кривую Коха. На листьях хрена (*рис. 5в*) прослеживаются самоподобные фигуры, составленные из четырех неравносторонних пятиугольников. Другой случай проявления фракталов в виде треугольника Кеплера – в расположении хвои на ветке сосны (*рис. 5г*). Этот прямоугольный треугольник, имеющий катеты 1 и $1/1,618^{0,5}$, а гипотенузу – $1,618^{0,5}$, заложен в генеральные размеры пирамиды Хеопса. Хвоя расположена на ветке по двум восходящим спиральям, угол между ними – около 90° .

Выводы. Изучение филлотаксиса по фрактальным принципам самоподобия необходимо для совершенствования архитектурно-конструктивных форм, применяемых в строительстве и создания новых конструктивных систем при возведении зданий и сооружений.

Список литературы

1. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы / Б. Мандельброт. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002. – 656 с.

Список источников

2. Вейс В. Разрушение. Т. 3. Инженерные основы и воздействие внешней среды / Ред. Г. Либовиц. – М.: Мир, 1978. – 796 с.
3. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном / Сост. и общая ред. Г.А. Дубровской. Изд. 3-е. – М.: Дет. лит., 1989. – 238 с.
4. Нейбер Г. Концентрация напряжений / Г. Нейбер. – М.-Л.: ОГИЗ, 1947. – 204 с.
5. Соколовский В.В. Теория упругости / В.В. Соколовский. – М.: Изд-во АН СССР, 1946. – 306 с.

Шафрай С.Д.
shafray.sd@yandex.ru

НГАУДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 72.013

САМОПОДОБНЫЕ ТРЕУГОЛЬНИКИ В АРХИТЕКТУРЕ БИОФОРМ

Аннотация. В статье рассмотрен принцип минимизации расхода энергии и материала в филлотаксисе. На его основе объяснено появление наблюдаемых самоподобных фигур, в т.ч. треугольников Кеплера в архитектуре биоформ, а так же исследованы геометрические закономерности в созданных из них конструктивных систем. Установлено, что треугольник Кеплера из всего множества таких треугольников имеет наибольшее соотношение между его площадью и периметром. Приведены примеры проявления треугольников Кеплера в структуре растений, чешуе рыб и окраса шкур животных.

Ключевые слова: критерии оптимальности; природные конструкции; филлотаксис; самоподобные треугольники; треугольник Кеплера; листья растений; геометрическая прогрессия.

Введение. В статье «фракталы в архитектуре и филлотаксис» настоящего сборника обнаружено проявление фракталов в ряде областей науки: механике, архитектуре и филлотаксисе. Отмечено, что геометрические параметры ряда растений построены с использованием треугольника Кеплера и фрактала «пятиугольника Дарера». Установлено, что у многих биоформ, да и архитектуре присутствуют самоподобные фигуры.

Цель работы: заключается в раскрытии физической сущности и описания геометрических закономерностей образования самоподобных треугольников (СПТ) в архитектуре биоформ, а так же выявлении в природе примеров присутствия треугольников Кеплера.

Результаты. Со времен Платона утверждавшего, что «природа эта по сути своей такова, что принимает любые оттиски, находясь в движении и меняя формы под действием того, что в нее входит, и потому кажется, будто она в разное время бывает разной; а входящие в нее и выходящие из нее вещи – это подражания вечно существу, отпечатки по его образцам, снятые удивительным и неизъяснимым способом» [4]. Позднее И. Гёте, как естествоиспытатель, писал «Каждый, кто хоть немного станет наблюдать рост растений, легко заметит, что некоторые внешние части последних иногда преобразуются и принимают то целиком, то до некоторой степени форму близлежащих частей» [1]. И до настоящего дня ученые стараются постичь гармонию, рациональность, многообразие, целесообразность и оптимальность конструкций живой природы.

Какой путь выбирает природа, создавая оптимальные конструкции, следуя какому принципу: экономя энергию, строительный материал или скорость роста биосистемы? Рашевский [6] предполагал, что «организм имеет оптимально возможную конструкцию по отношению к экономии используемого материала и расходованию энергии, необходимых для выполнения заданных функций». Схожую идею излагал Пуанкаре «Все переменные, какие могут происходить с телами природы, управляются двумя экспериментальными законами: 1) сумма кинетической и потенциальной энергии не меняются. Это принцип сохранения энергии. 2) Если система тел в момент t_0 имеет конфигурацию A , а в момент t_1 конфигурацию B , то переход от первой конфигурации ко второй всегда совершается таким путем, что

среднее значение и разности между двумя видами энергии за промежуток времени от t_0 до t_1 является величиной, самой малой из всех возможных» [5]. В природных конструкциях, например в листьях растений [2; 3], эти принципы проявляются в виде образований набора самоподобных геометрических форм (линейных, ланцевидных и др.) и в т.ч. имеющих очертание треугольников. В трактате «Тимей» Платон отдавал предпочтение двум прямоугольным треугольникам «один из них равнобедренный, а другой таков, что в нем квадрат большей стороны в три раза больше квадрата меньшей» [4]. Отношение катетов к гипотенузе у них составляет: $1:1:2^{0,5}$ и $1:2^{0,5}:3^{0,5}$.

Опираясь на принципы оптимальности природных конструкции, дадим определение СПТ. Два треугольника являются самоподобными, если они имеют равные углы и две стороны, которые расположены так, что в этих треугольниках не находятся перед равными углами (рис. 1а).

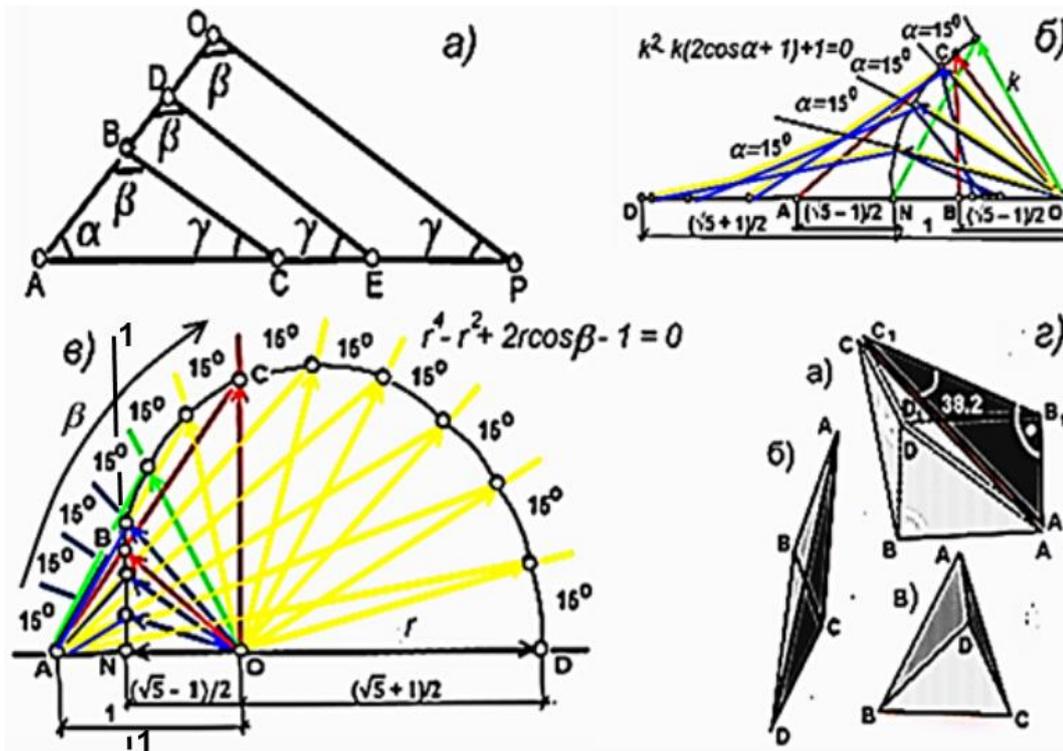

Рис. 1. Примеры образования плоских и объемных фракталов из самоподобных треугольников: а) Триада самоподобных треугольников; б) и в) Графики для расчета параметров самоподобных треугольников в зависимости от углов между сторонами; г) Пирамиды из самоподобных треугольников

Таким образом, следуя принципу минимума затрат энергии и материала, СПТ должны отличаться только размером одной стороны. Используя теоремы синусов и косинусов, определим основные отношения сторон и их зависимости от углов в таких треугольниках. Рассмотрим две пары СПТ: $\triangle ABC$ и $\triangle ADE$; $\triangle ADE$ и $\triangle AOP$, у которых $AB = a$; $AD = DC = b$; $AC = DE = AO = c$; $AE = OP = n$; $AP = m$ (рис. 5а). По теореме синусов запишем:

$$\text{для } \triangle ABC: a / \sin \gamma = b / \sin \alpha = c / \sin \beta; \quad (1)$$

$$\text{для } \triangle ADE: b / \sin \gamma = c / \sin \alpha = n / \sin \beta; \quad (2)$$

$$\text{для } \triangle AOP: c / \sin \gamma = n / \sin \alpha = m / \sin \beta. \quad (3)$$

Из выражений (1), (2) следует: $b/a = \sin\alpha/\sin\gamma$; $c/b = \sin\gamma/\sin\alpha$; $n/c = \sin\alpha/\sin\gamma$ (4)

На основе (4) запишем: $b/a = c/b = n/c$. (5)

Примем отношение смежных сторон в угле α : $c/a = k$. (6)

Тогда согласно (5) $b/a = k^{0,5}$, $n/a = k^{1,5}$.

Таким образом, увеличение размеров сторон в самоподобных треугольниках происходит по геометрической прогрессии с коэффициентом $k^{0,5}$. Из соотношений (5) $b^2 = ac$ (7). Периметр треугольника p равен: $p = a + b + c$, а с учетом (6) и (7) отношение периметра к большей стороне составит $p/a = (1 + k^{0,5} + k)$ (8)

Используем теорему косинусов в ΔABC для определения b .

$b^2 = a^2 + c^2 - 2ac\cos\alpha$ и подставив в нее выражение (7) установим:

$$ac = a^2 + c^2 - 2ac\cos\alpha \text{ или } a/c + c/a - 2\cos\alpha - 1 = 0. \quad (9)$$

С учетом выражения (6) уравнение (9) примет вид: $k^2 - k(2\cos\alpha + 1) + 1 = 0$. (10)

Уравнение (10) имеет два корня $k_1 < 1 < k_2$.

$k_{1,2} = \cos\alpha + 0,5 \pm ((\cos\alpha + 0,5)^2 - 1)^{0,5}$, которые при $\alpha < 60^\circ$ имеют мнимую часть и во внимание не принимаются. График зависимости k от α дан на *рис. 1б*.

Зависимость (7) можно представить в другом виде: $c = b^2/a$ и тогда после его подстановки в формулу косинусов получим: $(b^2/a)^2 = a^2 + b^2 - 2abc\cos\beta$ (11)

Подставим в (11) $b/a = r$, тогда оно примет вид: $r^4 - r^2 + 2r\cos\beta - 1 = 0$ (12)

Результаты решения уравнения (12) (с учетом только действительных корней) представлены в виде графика $r = f(\beta)$ на *рис. 1в*. На *рис. 1б*, в зеленом цвете выделен равносторонний треугольник, у которого $k = r = 1$, красным прямоугольный треугольник Кеплера с соотношением сторон $1 : 1,618^{0,5} : 1,618$, синим треугольники со значениями $k, r < 1$, соответственно желтым $1 > k, r$. Для самоподобных треугольников, имеющих углы β в интервалах $(0; 45^\circ)$ и $(135^\circ; 180^\circ)$, согласно расчетам по зависимости (11), высоты треугольников опущенных из угла β делят их основания (с погрешностью в 5%) в соответствии с золотым сечением $1/0,618... = 1,618$. На *рис. 1в* показано, что все высоты указанных треугольников практически совпадают с перпендикулярной линией 1-1, проходящей через точку N и делящей отрезок AO в соответствии с золотым сечением.

Важной характеристикой в СПТ является отношение площади к периметру $L = ac\sin\alpha/2(a+b+c)$ (13) или подставляя в (13) выражения (6) и (7) получим:

$L = aksin\alpha/2(1+k^{0,5}+k)$ (14). Максимальное значение $L = 0,1638a$ для $\alpha = 53^\circ$, для треугольника Кеплера $L = 0,1634a$, расхождение в 0,25%. При $\alpha = 60^\circ$ $L = 0,144a$.

Растения очевидно использует этот феномен: при минимальном периметре листа создавая максимальную площадь его поверхности. Это целесообразно для лесных растений, а для степных наоборот величина L должна быть минимальной с тем, чтобы снизить потерю влаги и увеличить ее абсорбцию в виде росы.

СПТ могут образовывать треугольные пирамиды *рис. 1г*, на котором изображена пирамида из СПТ Кеплера (а), угловые размеры которой соответствуют пирамиде Хеопса, а также СПТ с $\alpha = 45^\circ$ и 135° .

СПТ являются основой для образования логарифмических спиралей, т.к. СПТ обладают главным необходимым свойством для их построения а именно: арифметическая прогрессия увеличения угла α , приводит к возрастанию по геометрической прогрессии линейных размеров: сторон треугольников и радиуса кривизны, соединяющих их вершины. На самом деле получается ломанная фрактальная спираль, аппроксимируемая логарифмической (*рис. 2*). На *рис. 2а* пред-

ставлены два СПТ в момент построения ломаной спирали. Построение «возрастающей» и «убывающей» спиралей изображено на *рис. 2б, 2в*. Пример построения полигональной спирали из чисел Фибоначчи дан *рис. 2г*.

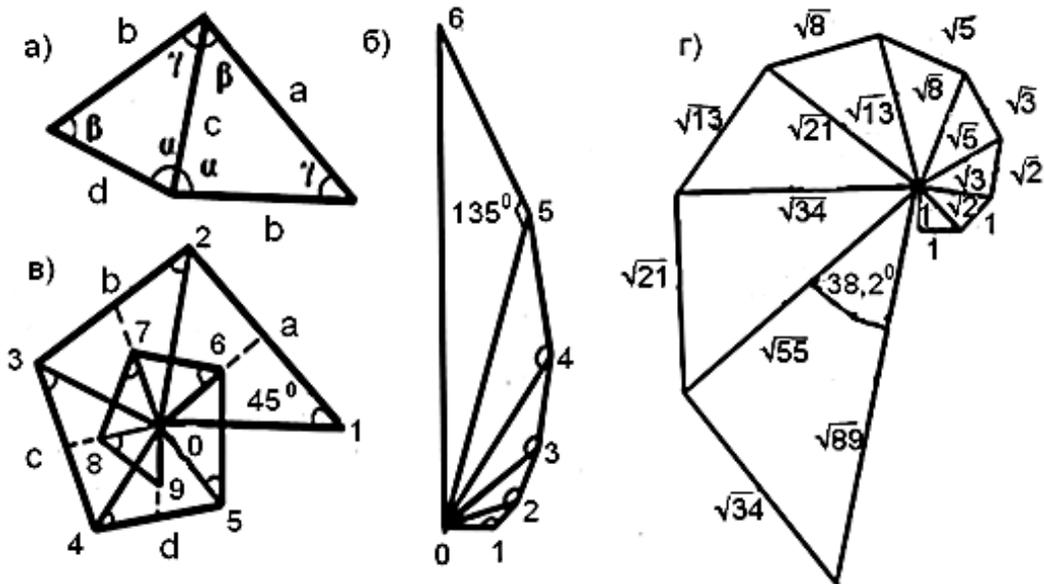

Рис. 2. Фракталы в виде СПТ: а) Два самоподобных треугольника, у которых равны углы и две стороны; б) и в) Образование полигональных спиралей из самоподобных; г) Полигональная спираль из прямоугольных треугольников, у которых стороны последовательно равны квадратными корням чисел Фибоначчи

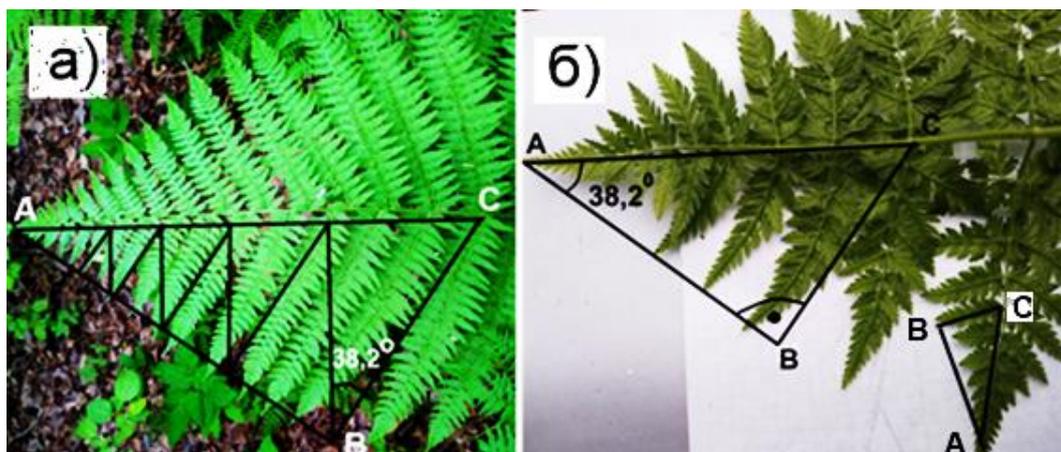

Рис. 3. Проявление треугольника Кеплера на листьях: а) Папоротника и б) Морковника

Примеры проявления треугольников Кеплера (*рис. 3а, 3б*) на очертаниях листьев папоротника и морковника. На *рис. 3б* выделен малый прямоугольный треугольник ΔABC , у которого угол меньше $38,2^\circ$ и составляет около 30° . У такого треугольника соотношение сторон равно $1 : 3^{0,5} : 2$, возможно он не вполне сформирован. Факт проявления СПТ Кеплера представлен на *рис. 4* и *рис. 5*.

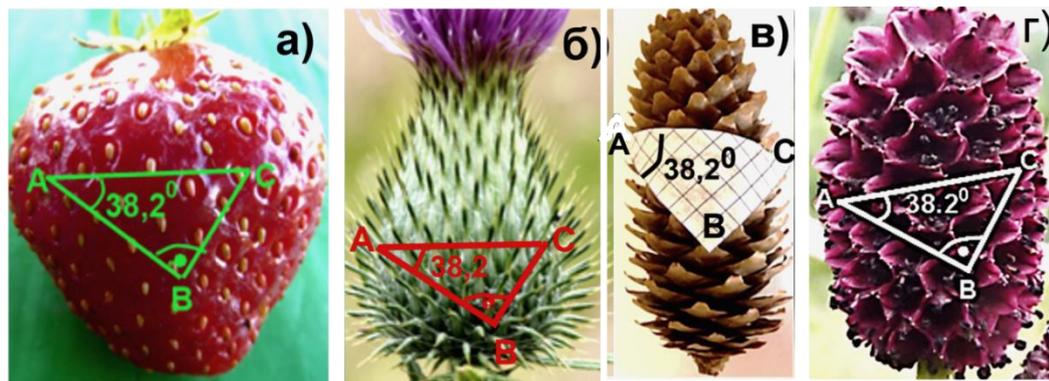

Рис. 4. Треугольника Кеплера на ботанических формах: а) Клубнике; б) Чертополоха, в) Шишках и г) Кровохлебки

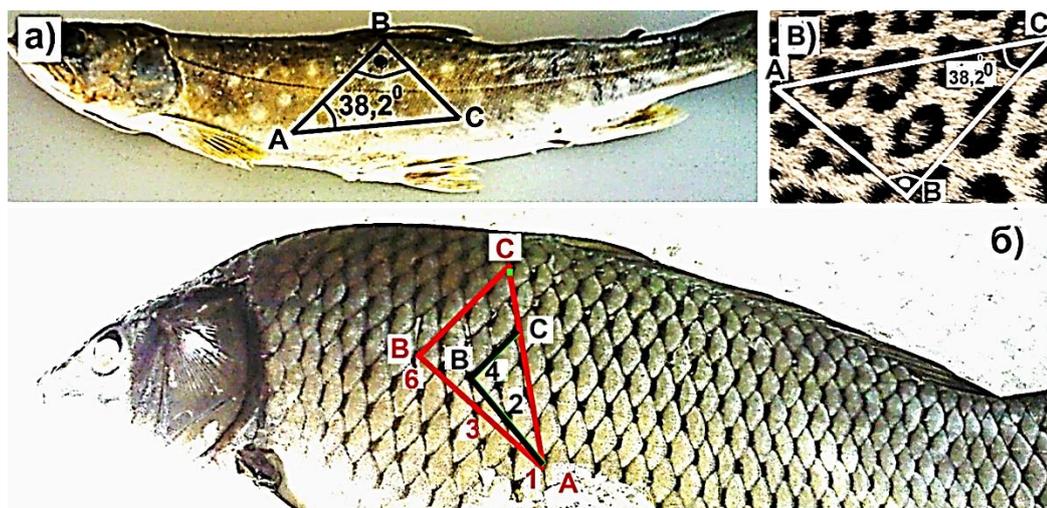

Рис. 5. Примеры проявления треугольника Кеплера: а) и б) На чешуе рыбы; в) На шерсти леопарда

Выводы. Архитектура биоформ подчиняется законам самоподобия, и как следствие в образованных природой структурах наблюдается проявление самоподобных фигур, рисунков и т.п. в том числе присутствие треугольников Кеплера. Форма треугольника Кеплера имеет приоритет, заключающийся в создании максимальной площади при минимальном периметре.

Список источников

1. Гёте И.В. Избранные сочинения по естествознанию / Перевод, [послел.] и коммент. И.И. Канаева; Ред. акад. Е.Н. Павловского. – Москва: Изд-во АН СССР, 1957. – 553 с.
2. Жизнь растений. В 6 т. Т. 6: Цветковые растения / Под ред. акад. А.Л. Тахтаджяна. – М.: Просвещение, 1982. – 543 с.
3. Палеоботанический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://dinoera.com/paleontologiya/paleobotanicheskiy-slovar/paleobotanicheskiy-slovar> (дата обращения: 11.06.2019).
4. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 / Пер. с древнегреч. С.С. Аверинцева и др. – М.: Мысль, 1994. – 656 с. – (Философское наследие. Т. 117).
5. Пуанкаре А. О науке: [Сборник] / А. Пуанкаре; Пер. с фр. под ред. Л.С. Понтрягина; Послел. (с. 673–723) М.И. Панова и др. – 2-е изд., стер. – М.: Наука, 1990. – 736 с.
6. Rashevsky N. Mathematical biophysics. 3 ed. Vol. 1–2, N.Y.: Dover Publ., 1960.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ И АКТУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДИЗАЙНА

Якименко А.В.

iakimenko@yandex.ru

МГХПА им. С.Г. Строганова, г. Москва, Россия

УДК: 629.541.42

О КОНВЕРГЕНЦИИ ДИЗАЙНА СОВРЕМЕННЫХ СУПЕРЪЯХТЫ И МАЛОГО КРУИЗНОГО СУДНА

Аннотация. Рассмотрены параллели и различия в эволюции дизайна суперяхт и круизных лайнеров на протяжении XX в. Проанализированы причины сближения проектных решений некоторых типов таких судов в конце XX – начале XXI вв. Рассмотрены возможное воздействие этих тенденций на выбор дизайна круизных лайнеров для вод Российской Федерации.

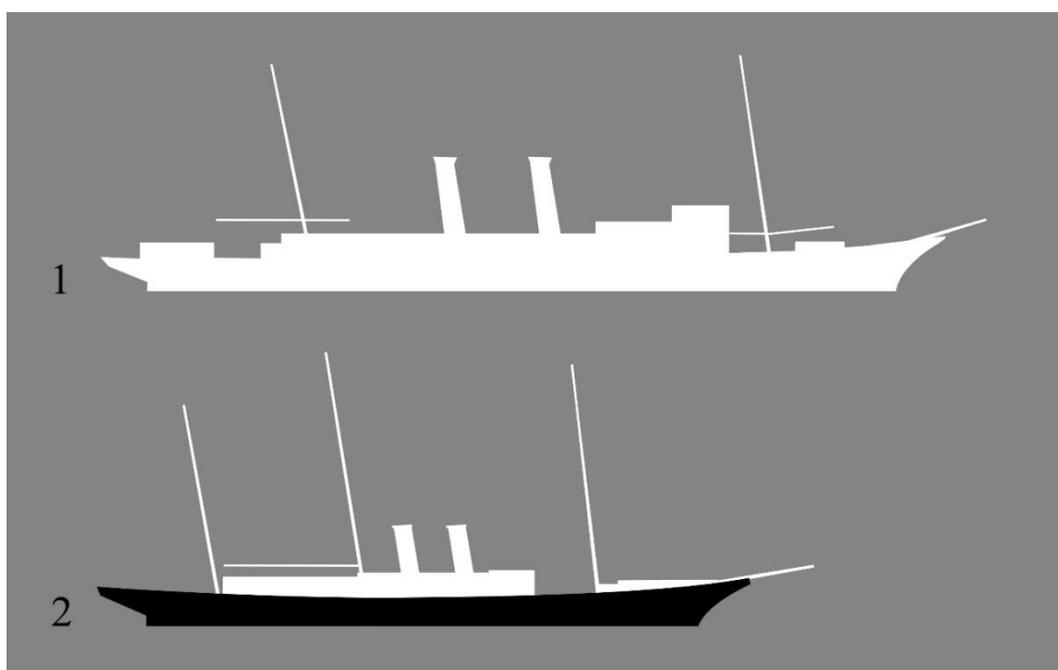
Ключевые слова: дизайн; дизайн средств транспорта; пользовательский сценарий; судовая архитектура; круизный лайнер.

Актуальность темы и источники. В русскоязычной литературе практически неохваченной остается тема дизайна круизных судов, особенно если речь идет о нишевых продуктах. В ситуации, когда отдых в нестандартных для круизного судоходства районах может оказаться востребован на внутреннем рынке РФ, имеет смысл проанализировать потребительские сценарии такого рода активности и связанные с этими сценариями особенности дизайна. Для такого анализа были в качестве источников использованы как сводные работы по истории вопроса, так и характеристики современных судов по материалам судостроительных, чартерных и туристических фирм.

1. Ранний круизный лайнер как вариация дизайна частной моторной яхты. Несмотря на то, что сама идея отдыха на воде ведет свою историю как минимум с античности, морской круиз, то есть долгая морская поездка с рекреационными целями – явление недавнее, относящееся к Новому времени с его относительной безопасностью перемещения в пространстве. Если путешествие как такое уже в XVIII в. рассматривается, как способ отдыха (достаточно отметить считавшуюся почти обязательной для молодого джентльмена поездку в Италию), то именно морское путешествие до первой половины XIX вв. по-прежнему было небезопасно. Яхты монархов и их окружения теоретически были вполне мореходны, но использовались в основном для коротких каботажных плаваний и как церемониальное транспортное средство на внутренних водных путях (так, британская Royal Yacht Squadron изначально базировалась на Темзе, а не на море [5]).

Технологии Второй промышленной революции изменили ситуацию, и как регулярное трансокеанское сообщение, так и отдых на корабле стали вполне обыденны. При этом комфорт морского путешествия обходился очень дорого и воспринимать его как отдых могли себе позволить только представители элиты общества, имевшие возможность путешествовать первым классом (отметим, что появление кают второго класса, по комфорту примерно соответствующих железнодорожному купе, вызвано невозможностью чиновнику Британской империи платить за первый класс и несоответствием условий третьего класса его статусу). Образцовым средством для такого отдыха оставалась частная яхта. С середины того

же века наиболее крупные частные яхты могли бы сегодня классифицироваться как суперяхты (длина по ватерлинии более 24 м, мореходность без ограничений, профессиональная команда). Такие суда позволяли отдых сразу большой группы и бизнес-модель организованного туризма с продажей билетов и фиксированным маршрутом стала для них применима к последней четверти XIX в. При этом приспособление имеющегося флота оказалось недостаточно эффективной методой и с начала XX в. на воду спускают первые круизные суда специализированной постройки. Поскольку круиз, как времяпрепровождение в начале XX в. был доступен тому же потребителю, что и элитный яхтинг, внешне новый класс судов был практически неотличим от современных ему суперяхт. Так, генеральный директор немецкой компании НАРАГ, построившей первое такое судно, *Prinzessin Viktorie Luise*, А. Баллин говорил о нем именно как о яхте [2, с. 37]. Характерные особенности архитектуры суперяхты начала XX века – клиперный нос, легкий силуэт с одной-двумя наклонными трубами (*рис. 1*), открытость общественных пространств наружу, к морю – перекочевали и на небольшие круизные суда.

*Рис. 1. Силуэты круизного лайнера Prinzessin Viktorie Louise (1) и яхты Alexandra (2).
Постройка обоих судов – начало XX в. Рисунок автора*

2. Расхождение пользовательских сценариев и дизайна суперяхт и круизных судов в 1930–1980-х гг. Вызванная целым рядом социально-экономических процессов на протяжении XX в. демократизация туризма в целом и, в частности, круизного отдыха добавила в число потребителей формирующийся средний класс и стимулировала рост размерений типового круизного лайнера. Компактные суда «для избранных» остались узкой нишей рядом с использовавшимися в 1930-х гг. для круизов линейными трансокеанскими пароходами. Последние были радикально крупнее современных им суперяхт, отличаясь от них как внешне – характером многотрубного силуэта с прямым или близким к прямому форштевню и гораздо более развитой надстройкой, так и в интерьере – сформированной сложным климатом северной Атлантики замкнутостью на себя, отго-

роженностью от опасностей океана, и одновременно развитыми и многообразными общественными пространствами, предлагавшими гораздо больше форм отдыха на борту. Если ранние круизные лайнеры, не имея развитых развлекательных возможностей, оставляли достаточно места для активности путешественника, то уже в межвоенное двадцатилетие пассажир на больших лайнерах становится прежде всего потребителем активной развлекательной программы (театр, музыка, кино, азартные игры). Дальнейшее магистральное развитие сначала трансокеанского, а затем круизного лайнера, пошло с точки зрения сценария по пути дальнейшего насыщения развлекательной программы и экономии с увеличением масштаба, а с точки зрения формообразования по заданному этим сценарием пути роста габаритов и как следствие все большего доминирования надстройки в силуэте.

Логическим завершением такого развития можно считать концепцию, первый раз реализованную компанией Wartsila при постройке лайнера Song of America в 1982 г. Главными положениями этого подхода являются уже упомянутая экономия за счет масштаба, оптимизация логистических потоков и номенклатуры кают [1, с. 130]. Лайнер в такой логике с точки зрения сценария – плавучий отель типа «всё включено» с однородной структурой кают-отельных номеров и организованными логистическими магистралями и отдыхом, выстроенным вокруг внутренних развлекательных возможностей и периодических экскурсий во время стоянок. С точки зрения архитектуры концентрирующий рекреационные возможности центральный атриум является главным элементом, вокруг которого выстроен экстерьер надстройки в виде однородной поверхности, организованной ритмом балконов. Внешне отличия от лайнера к лайнеру сводятся к нюансам организации верхних палуб и структуре дымовых труб. Фактически, архитектура крупного круизного лайнера и сценарий отдыха на нем к рубежу веков сфокусированы на внутренней инфраструктуре, обеспечивая комфортное потребление пассажирами развлекательных услуг.

Послевоенное развитие дизайна суперяхт шло по другому пути. Влияние архитектуры военных судов, использовавшихся для перестройки в частные яхты, а затем спортивный, скоростной тренд, заданный проектами Йона Банненберга в 1970-х гг. сформировали силуэт, в котором спортивный корпус был гармонично сбалансирован с надстройкой. При этом в самом верхнем размерном сегменте прослеживается наличие некоторого пользовательского стереотипа, приводящего к единому, почти стандартному внешнему виду таких яхт. Это, как правило, клиперный нос, длинный свободный от надстройки бак, четко выраженная ярусная структура надстройки, доминирующий белый (реже синий и черный) цвет и крупные размеры (постоянно растущие). Наиболее вероятной причиной такого однообразия является статусный характер потребления. Суперяхта является индикатором принадлежности хозяина к соответствующей социальной группе и ее экстерьер должен транслировать эту информацию, быть однозначно узнаваем в качестве такого индикатора. Исключения (A, Venus) редки. В то же время, интерьер и общая организация пространства суперяхты строится из соображений максимальной индивидуализации и удобства отдыха хозяев и гостей с учетом морской его специфики. Потребительский сценарий в случае суперяхты предполагает ведущую роль хозяина и гостей в выборе и характере форм отдыха, таким образом соответствуя не современному отдыху на крупном круизном лайнере, а скорее упомянутой выше ситуации начала XX в. Как следствие, быстрый рост размеров крупнейших суперяхт привел не к отрыву от морской среды, а к выра-

ботке пространственных и сценарных решений, сохраняющих контакт гостей и хозяев с морем – наиболее характерными являются т.н. пляжный клуб в понижении кормовой части, находящийся невысоко над ватерлинией, переходящий в купальную платформу, часто раскладываемую, и зону швартовки тендеров и другого рекреационного водного транспорта; решения бассейнов типа infinity pool, маскирующие границу бассейна и зрительно продолжающие поверхность воды в нём поверхностью моря; врезанные в корпус судна существенно ниже надстройки раскладывающиеся балконы в жилых и общественных зонах. Если круизное судно первой половины XX в. находилось в отношении масштабного подобия с современной ему суперяхтой, то к 1990-м гг. эти два объекта имеют легко отличимую друг от друга пластику, скорее противоположную, чем сходную (рис. 2).

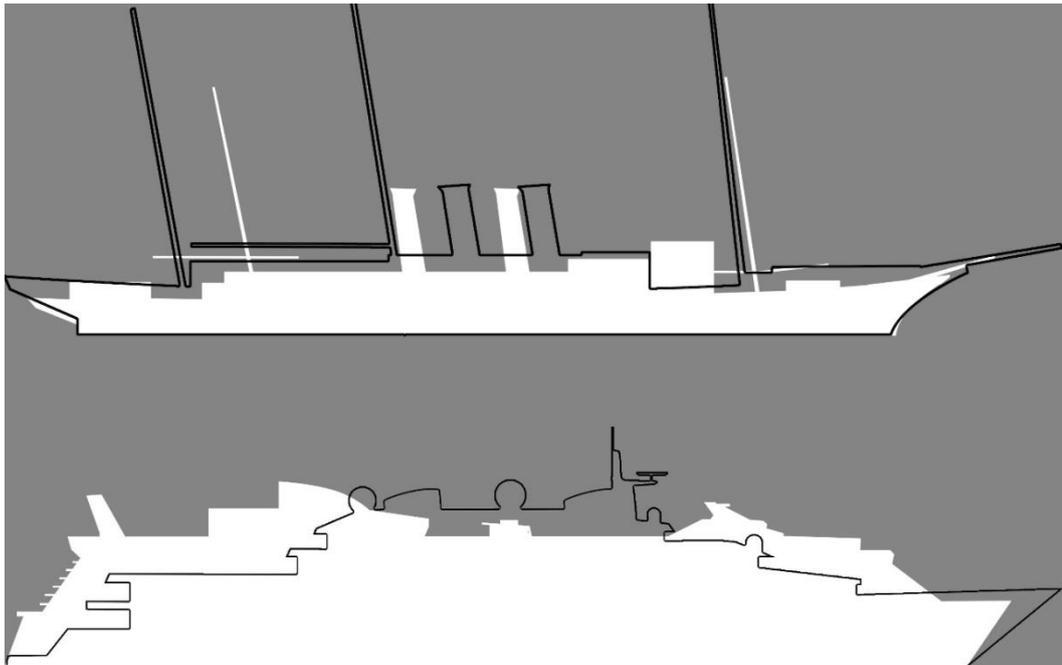

Рис. 2. Силуэты круизных лайнеров (заливка белым) и суперяхт (черный контур) начала XX (вверху) и начала XXI (внизу) вв. Силуэты яхт отмасштабированы так, чтобы длина по ватерлинии в паре была одинакова. Рисунок автора.

3. Элементы конвергенции дизайна современной суперяхты и малого круизного лайнера как следствие единства пользовательского сценария. Еще в 1980-х гг. аналитики предполагали необходимость других классов круизных судов, в том числе малых круизных судов типа яхты с пассажировместимостью от 120 чел. [1, с. 155–156]. Предполагалось, что в верхнем ценовом сегменте будет расти спрос на клубную форму отдыха на воде с большей активностью пассажира и интересом к отличным от массовых маршрутам. Суда с похожими параметрами строились с 1970-х гг., но до 1990-х гг. можно говорить лишь о единичных случаях. В 1990-х гг. распространение экологической сознательности активизировало интерес к не затронутым деятельностью человека районам и как суперяхта, так и небольшой круизный лайнер с возможностью путешествий и высадки на берег вдали от цивилизации оказались востребованы. Ниша нестандартных маршрутов выросла, как в районах с мягкими условиями плавания (Карибское и Средиземное моря, Юго-Восточная Азия), так и в районах с более суровым климатом (Норве-

гия, Аляска, Антарктида). Этот подкрепленный платежеспособным спросом интерес к нестандартным районам плавания привел к формированию приспособленного для таких условий нового класса рекреационных судов. Отличия в формообразовании внутри этого класса между суперяхтой верхнего размерного диапазона (условно примем более 100 м) и круизным судном незначительны, особенно учитывая современную тенденцию к активной сдаче частных яхт в аренду, что практически стирает различия в пользовательском сценарии. Круизный лайнер имеет большую штатную пассажировместимость и как следствие на 1–2 палубы больше, чем суперяхта тех же размерений. Изначально индустрия пошла по пути приспособления выведенных из эксплуатации гидрографических и других исследовательских судов, океанских буксиров, небольших ледоколов, но рост спроса привел к новому строительству.

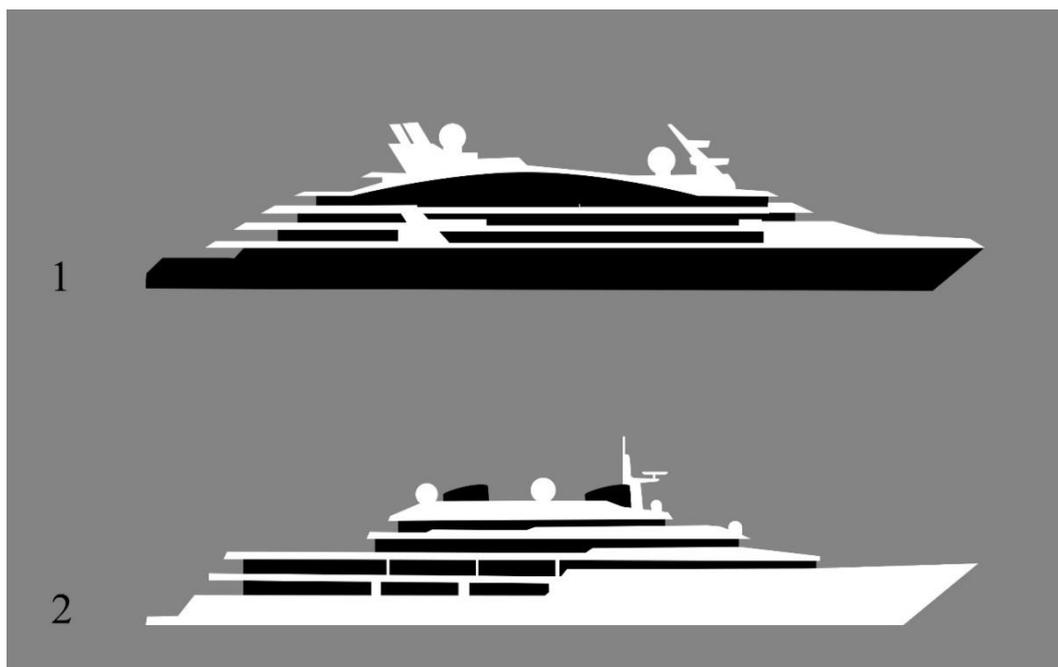

Рис. 3. Силуэты экспедиционного круизного лайнера Le Lapereuse (1) и экспедиционной яхты Kattara (2). Рисунок автора.

В качестве примера можно рассмотреть головной корабль своего класса Le Lapereuse французской компании Ponant (128 м длины, 180 пассажиров, 110 чел. команды) [6] и суперяхту Kattara (124 м длины, 34 пассажира, до 90 чел. команды) [4] (рис. 3). Количество палуб на Le Lapereuse на одну больше, но в целом компоновочная схема судов почти совпадает, рекреационные и общественные зоны вынесены в кормовую часть судна, пляжный клуб с бассейном связан с открывающейся в корме платформой, дающей прямой доступ к воде и тендерам для доставки гостей на берег, в том числе неприспособленный. Можно говорить о том, что повторена ситуация начала XX в., когда сходство сценария и пользовательских предпочтений привело к совпадению основных характеристик суперяхты и круизного судна. По предварительным данным из 24 морских круизных судов с запланированным спуском на воду в 2019 г. 12 – небольшие (примем условную границу до 600 пассажиров) лайнеры, в 2020 г. из 26 – 14 [3]. Можно говорить о сегменте лайнера-яхты как о значительном компоненте круизного рынка.

Таким образом, если небольшие круизные суда имеют близкие аналоги среди суперяхт в смысле формообразования и сценария использования, то современные крупные круизные лайнеры таких аналогов не имеют. Основным отличием отдыха на крупном круизном лайнере является его мейнстримный характер, его массовость. Это главное отличие определяет и отсутствие аналогичных по типологии суперяхт: если с точки зрения интерьера суперяхта во-первых говорит об индивидуальности владельца, уже поэтому не совпадая с более-менее средне-статистическим пользовательским сценарием традиционного круиза, то с точки зрения экстерьерной она, как указано выше является прежде всего демонстрацией принадлежности к определенному кругу, и ее внешние характеристики, будучи универсальными для класса в целом, подчеркивают отличие от других, инаковость группы, естественно не совпадая по пластике с круизным лайнером. В то же время, нишевый характер малых круизных судов вполне соответствует таким же нишевым вариантам суперяхты, а сама по себе нишевость предполагает сценарий использования, приемлемый как для владеющего яхтой сверхобеспеченного пользователя, так и для представителя верхнего среднего класса с близкими предпочтениями форм отдыха.

Заключение. Наблюдаемая тенденция к конвергенции дизайна малых круизных лайнеров и суперяхт позволяет сделать определенные практические выводы применительно к отечественной специфике. В целом, Российская Федерация не относится к наиболее благоприятным для регистрации личных яхт странам, а пространство для традиционного круизного отдыха в РФ ограничено по географическим причинам. В то же время, значительная часть морского побережья РФ представляется интересной именно для рассмотренного выше экстремального туризма, особенно с учетом постоянно растущего сезона навигации по Северному Морскому Пути. Для задействования этого потенциала необходимо прежде всего флот соответствующих задач судов – и здесь следует обратить внимание на уже сложившийся класс небольшого экспедиционного круизного судна с набором типичных для суперяхты рекреационных свойств. Реализуемые в настоящее время программы государственной поддержки внутреннего туризма и отечественного судостроения делают актуальным исследование этого вопроса.

Список литературы

1. Dawson P.S. Cruise Ships. An evolution in Design. – London: Conway Maritime, 2000. – 272 p.
2. Gerhardt J. Albert Ballin. – Hamburg: Hamburgische Wissenschaftliche Schtftung, 2009. – 133 p.

Список источников

3. Cruise Ships on Order 2016–2027 [Электронный ресурс] // *Austrian Marine Equipment Manufacturers*. – 15.05.2019. – URL: https://www.amem.at/pdf/AMEM_Cruise-Ships-on-Order.pdf (дата обращения: 02.06.2019).
4. Kattara yacht specifications [Электронный ресурс] // *YachtCharterFleet.com* – URL: <https://www.yachtcharterfleet.com/luxury-charter-yacht-24505/katara.htm> (дата обращения: 02.06.2019).
5. The Royal Yacht Squadron – A History [Электронный ресурс] // *Royal Yacht Squadron*. – URL: <https://www.rys.org.uk/the-rys/history/timeline> (дата обращения: 02.06.2019).
6. Vard: 4 cruise ships for Ponant [Электронный ресурс] // *Fincantieri*. – URL: <https://www.fincantieri.com/contentassets/43ca7a9390754d19bd2855926c466517/vard-4-cruise-ships-for-ponant-fincantieris-subsidiary-will-build-the-first-ships-of-its-history-in-this-segment.pdf> (дата обращения: 02.06.2019).

Удальцова М.Б.

kondilartor11@gmail.com

МГХПА им. С.Г. Строганова, г. Москва, Россия

УДК: 72.712

ДИЗАЙН КАК РЫНОЧНАЯ СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ МАРКИ. КЕЙС-СТАДИ НА ПРИМЕРЕ ЧАСОВОЙ И МОТОЦИКЛЕТНОЙ ИНДУСТРИИ

Аннотация. Рассмотрены варианты подхода к дизайну, как инструменту повышения конкурентоспособности продукта на коллапсировавшем рынке на примере мотоциклетной и часовой индустрии 1970-х гг. Показана эффективность как радикального, так и традиционалистского подхода к дизайну в зависимости от специфики ниши продукта.

Ключевые слова: дизайн; дизайн часов; дизайн средств транспорта; пользовательский сценарий.

Введение. Вопрос об обосновании и необходимости дизайна как рыночного инструмента в современной российской практике стоит очень остро. В целом, на дизайн не смотрят как на необходимый компонент рыночной стратегии. Таким образом, анализ опыта применения дизайна в рамках различных бизнес-стратегий, прежде всего, в кризисных ситуациях, актуален для развития дизайн-индустрии в нашей стране. Источниками исследования послужили официальные страницы рассматриваемых в статье производителей часовой и мотоциклетной индустрии, а также профессиональные периодические издания. Анализируются варианты дизайн-решений, применявшиеся для преодоления кризисных явлений. Методом исследования послужил метод кейс-стади (case-study) или метод анализа конкретных ситуаций (кейсов)

1. Часовая промышленность и «кварцевый кризис». Рынок наручных часов пережил в 1970-х гг. так называемую «кварцевую катастрофу» – резкое сжатие рыночной ниши механических часов из-за появления радикально более дешевых электромеханических и электронных моделей. Как показал анализ источников, фактически все варианты удачного выхода из этой кризисной ситуации были связаны с теми или иными дизайн-решениями.

Можно выделить две основные группы таких решений. Во-первых, это принципиально консервативный дизайн, отсылающий к традиции марки и апеллирующий к лояльному потребителю. Во-вторых, это радикальные дизайн-решения, меняющие общую парадигму, сложившуюся в отрасли, как в смысле формообразования, так и в смысле целевой аудитории и потребительского сценария [1].

Характерный пример первого подхода демонстрирует дизайн фирмы «Улисс Нардан» (Ulysse Nardin), которая к 1980-м гг. сократила штат до двух мастеров, изготавливавших штучные морские хронометры, и в целом практически прекратила свое существование. Выкупивший фирму инвестор Рольф Шнайдер и приглашенный им часовщик Людвиг Окслин сделали акцент на прошлом марки, в частности на работе компании на ВМФ США. Часы компании позиционировались как принципиально высокотехнологичные механизмы с большим количеством

усложнений (дополнительных функций), наследующие традиции производства морских хронометров [6].

Таким образом, благодаря ставке на целевую аудиторию из узкого круга ценителей традиционного качества механики, марку удалось вернуть на рынок в его верхний сегмент.

Современное развитие марки продолжается в этом же ключе: одной из пяти основных линеек Ulysse Nardin является линия Marine, построенная на вариациях морской тематики. В ее составе есть как обыгрывающие непосредственно историю марки часы Marine Torpilleur (торпедный катер), прямо копирующие циферблат карманных морских хронометров, выпускавшихся в начале XX в. для флота США, так и современные часы в морской тематике с набором усложнений: Marine Mega Yacht с турбийоном¹⁾ и индикацией уровня морских приливов, Marine Grand Deck (Верхняя палуба), с турбийоном, цифровой индикацией часов и индикацией минут с помощью качающейся стрелки (рис. 1). Таким образом, военно-морское наследие фирмы подчеркнуто как морской стилистикой (бело-синяя гамма, морская символика), так и высокотехнологичными усложнениями, требующими характерных для военно-морского хронометра высоких технологий.

Marine Torpilleur
1183-310-7M/43

Marine Mega Yacht
6319-305

Marine Grand Deck
6302-300/GD

Рис. 1. Часы компании Ulysse Nardin. Дизайн Marine collection [6]

Можно констатировать, что набор усложнений Ulysse Nardin позиционирует эти часы как сложную, пусть и функциональную, механическую игрушку в ретро-футуристической стилистике, часто с подчеркнуто морской темой и нацеленным на моряков функционалом, обусловленным историей марки.

Мы видим, что общий традиционализм решений не обязательно напрямую связан с технологическим консерватизмом, более того, в случае Ulysse Nardin технологическое новаторство как раз и является традицией компании.

Второй путь, связанный с радикализацией дизайн-решений, характерен для корпорации Свотч (Swatch) [7]. Рассмотрим ее дизайн подробнее.

Основатель Swatch Николас Хайек говорил о «вторых часах», то есть о часах, отражающих сиюминутное настроение владельца, часах «на случай». Пластмассовые часы должны были бытовать в том же режиме, что модные предметы одежды, стать стильным аксессуаром. Часы как массовый продукт были переосмыслены дизайнерами Swatch в рамках изменившейся ситуации, которая требовала автоматизации производства, современных материалов и массового тиража. Радикализм решения выразился в том, что в духе предметного дизайна 1980-х гг. часы Swatch стали одноразовым необслуживаемым предметом, аналогично зажигалкам и ручкам BIC. Сразу после выхода в 1983 г. своей первой пластиковой модели на рынок, Swatch стала сотрудничать с дизайнерами и художниками, прежде далекими от часовой индустрии.

Рис. 2. Часы компании Swatch. Дизайн коллекции Transformation [7]

В 1984 г. выпущена серия Мемфис Грей от одноименной культовой итальянской дизайн-группы, выходят первые часы Swatch в сотрудничестве с актуальными художниками (рекламный слоган «самый маленький в мире холст»). Прежде всего, введение пластика как материала для корпусов позволило кардинально расширить палитру пластических и цветовых решений. Оставаясь, что очень важно, недорогими, часы стали разноцветными, практически произвольных форм, стало возможным легкое и удобное интегральное решение часов и ремешка, в отличие от металлических браслетов. Отпавшая необходимость в подзаводе и резкое уменьшение подвижных деталей упростили часы и сделали их надежнее. Фактически кварцевые и электронные часы открыли нишу часов как бижутерии (рис. 2). Кроме этого полная герметичность, дешевизна и ударопрочность таких

часов позволили запустить производство часов как детского товара, а крайне широкие возможности формовки пластмасс сделали часы разновидностью детской игрушки. То есть, этот путь «пластической революции» кардинально преобразовал массовое часовое производство, а смена дизайна привела к смене культуры потребления продукта и открыла новые рынки.

Мы видим два принципиально разных подхода к дизайну бренда. Первый подход – акцент делается на исторической традиции, выбранная ключевая черта продукта подчеркивается и применяется ко всей линейке продукта. Второй – упор сделан на инновационный, принципиально альтернативный сложившейся в отрасли парадигме характер дизайн-решений. В первом случае дизайн предмета ориентирован на сложившуюся рыночную нишу, стилистические решения определяются в рамках уже знакомой потребителю схемы. Во втором – стиль принципиально новый, призванный подчеркнуть отличие новой версии продукта. При этом оба решения могут предусматривать вполне инновационные элементы, в первом случае маскируемые, во втором – демонстрируемые явно.

2. Мотоиндустрия и кризис рынка. Аналогичные решения можно проследить в целом ряде областей. Хорошим примером можно считать мотоциклетную отрасль, пережившую в 1970-х гг. кризис вполне сравнимый с «кварцевой катастрофой» часовой промышленности. Сжатие рынка, связанное как с исчезновением ниши мотоцикла как ежедневного транспортного средства, так и с появлением на рынке японских производителей привело к аналогичному часовой индустрии обвальному банкротству компаний. Сумевшие продолжить свое существование европейские и американские мотопроизводители также активно использовали дизайн-решения для удержания своих рыночных ниш. В целом можно говорить о тех же двух группах подходов, что и в случае производителей часов.

Примером внешнего консерватизма можно считать такие компании, как английская Triumph [5] и американская Harley-Davidson [4], мотоциклы которых отличает внешний традиционализм при инновационности внутреннего устройства. Ориентация на устоявшуюся рыночную нишу – в первом случае лояльных потребителей тяжелых спортивных британских мотоциклов, во втором – традиционно американского байкера с лишним весом и любовью к плавной загородной езде, сочетается как с современными материалами и технологиями двигателя, так и с современными фактурами, текстурами и цветовой гаммой.

С другой стороны, такие компании, как BMW [2] и Moto Guzzi [3] применили нестандартный подход, в первом случае фактически введя в оборот новый тип мотоциклов, так называемый класс эндуро²⁾, во втором полностью сменив платформу машины и установив в новую раму поперечно расположенный двигатель V-twin вместо одноцилиндрового двигателя. В целом сегодня обе группы компаний вполне успешны на рынке и точно так же, как и в часовой отрасли, демонстрируют похожую привлекательность как традиционалистского, так и инноваторского подхода к дизайну.

Заключение. На примерах, как часовой, так и мотоциклетной индустрии можно отметить, что для занятия новой ниши на рынке радикальный дизайн, основанный на разрыве с традицией, демонстрирует большую эффективность, а для удержания традиционных ниш более перспективным представляется внешне консервативный, хорошо узнаваемый дизайн, инкорпорирующий в себя современные элементы.

Общей чертой обоих рынков является их значительная сегментированность и пережитое ими существенное уменьшение потребительской базы. Выросшая, как следствие, конкуренция в относительно узких нишах усилила роль дизайна в успехе и неудаче рыночной стратегии. Текущая ситуация затяжного кризиса создает на значительном числе разных рынков аналогичные условия и позволяет применять описанные выше, уже проверенные подходы к дизайну, для удержания сложившихся и создания новых рыночных ниш.

Примечания

1) *Турбийон* (фр. tourbillon) – одно из самых сложных и дорогих часовых усложнений. Очень красивое миниатюрное устройство из множества деталей, которое имеет как декоративное, так и функциональное назначение: нейтрализует земную гравитацию, влияющую на хронометр, и обеспечивает точность хода до $\pm 1/2$ сек. в сутки.

2) *Эндуро* – класс мотоциклов, предназначенных для езды по бездорожью.

Список литературы

1. *Удальцова М.Б.* Кварцевый кризис в часовой индустрии как спусковой механизм изменений в дизайне наручных часов // *Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА.* – 2017. – № 1. – С. 414–423.

Список источников

2. 90 years of BMW motorrad: an evolution of the motorcycle. Designboom [Электронный ресурс]. – URL <https://www.designboom.com/technology/90-years-of-bmw-motorrad-an-evolution-of-the-motorcycle/> (дата обращения: 01.06.2019).

3. History. Moto Guzzi [Электронный ресурс]. – URL: https://www.motoguzzi.com/en_EN/passion/history/ (дата обращения: 01.06.2019).

4. H-D History. Harley-Davidson [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.harley-davidson.com/us/en/museum/explore/hd-history.html> (дата обращения: 01.06.2019).

5. Our Story. Triumph motorcycles [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.triumphmotorcycles.co.uk/our-story> (дата обращения: 01.06.2019).

6. Relevance History. Ulysse Nardin [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ulyssenardin.com/relevance-history> (дата обращения: 01.06.2019).

7. Swatch Group History. Swatch [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.swatchgroup.com/en/swatch-group/swatch-group-history> (дата обращения: 01.06.2019).

Таубе М.В.
marika.taube@yandex.ru

Бекк Н.В.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 74.01/.09

ДИЗАЙН-РЕШЕНИЯ ТРАНСЛЯЦИИ СИБИРСКОГО МЕНТАЛИТЕТА В ОБЪЕКТЕ «ПОСУДА»

Аннотация. Рассмотрены современные тренды в формировании образа бытовых изделий. Показана необходимость ориентации на региональный рынок. Изучены ментальные особенности потребителей сибирского региона. Проанализированы исходные образцы объекта «посуда» на примере Сибирского региона. Разработана концепция нового образа сибирского сервиза. Эстетика нового образа подчеркивает достоинства именно сибирской культуры.

Ключевые слова: культурное наследие; дизайн; менталитет; образ; концепция; посуда; тренды.

Введение. Существующие в мире тенденции к глобализации и «обезличиванию» продуктов дизайна уравниваются аналогичным, не менее сильным, трендом к национализации (в хорошем смысле этого слова) продукции. Суть национализации состоит в передаче колорита и ментальной информации о регионе или более крупной федеральной структуре посредством внедрения неких элементов, четко ассоциирующихся с конкретной группой населения планеты и служащих привязкой к истории данной группы. При этом может допускаться даже «этническая» слагающая эстетики данного продукта.

Материалы и методы. Одним из регионов, для которого сложнее всего провести такое культурное преобразование продукции, является Сибирь и конкретно – Новосибирская область. Здесь сложно выявить какой-либо этнос с четким самоопределением в чертах костюма или быта, которые могли бы быть положены в основу разработок.

Сибирь – это мультикультурный комплекс, который, как мегалит, собрал в себе многие культуры, совместив в себе и отголоски старого шелкового пути и азиатских культур, а также и культуры народов центральной России, и других переселенцев, в том числе из Западной Европы. Говорить о единстве в данном случае крайне сложно, ведь каждая этническая группа или старалась жить обособленно, сохраняя традиции своих корней, или ассимилировались, принимая глобальную моду и тенденции, которые доносились из столицы империи – будь то Санкт-Петербург в дореволюционный период и Москва – в советский.

В советское время этот вопрос с одной стороны не являлся острым, потому что революция и мировые войны обострили вопрос выживания, но никак не культурного самоопределения. С другой стороны, в более спокойное время, когда Советский союз оправился от войн, вопрос о сибирском национальном самоопределении стал еще менее ясным. Основную часть населения Сибири составляли представители множества этносов: либо сосланные, либо депортированные, либо переехавшие по своему желанию большее количество этносов, а Новосибирск расширился настолько, что вошел в число крупнейших городов страны. Мультикультурность и «культурное выравнивание», вот что сопутствовало становлению сибирской культуры.

Первыми объектами, которые создают культурный контекст, являются предметы быта. В нашем исследовании мы уделили особое внимание посуде, ведь главный объект, который хранит культурные ценности – это семья, а семья разделяет их во всех культурах в трапезе. Поэтому посуда во всех культурах носила сакральный смысл, вбирая в себя элементы, формирующие восприятие мира и человека. Основные методы исследования: информационно-аналитические, метод натуральных наблюдений, интервьюирование.

Результаты. Предпроектный анализ был посвящен трем направлениям:

- 1) Исторический образ Сибирской посуды;
- 2) Анализ материалов изготовления;
- 3) Опрос потребителей.

По результатам исследований были выявлены основные материалы для производства посуды:

- фарфор
- фаянс
- керамика
- стекло
- металл
- комбинированные материалы

(металл + фарфор, керамика + дерево, стекло + керамика, стекло + дерево и др.).

Для данной разработки в качестве наиболее оптимального способа работы была принята комбинация материалов, что позволяло отразить современные тенденции и внедрить традиционные материалы. Основным материалом было принято стекло.

Исторический анализ и опрос потребителей показали, что предметы, входящие в чайный сервиз, почти не претерпели изменений до сегодняшнего времени: чайник для заварки, набор чашек и блюдце, емкость для сахара, емкость для молока. Однако также стало ясно, что такие большие сервизы сейчас не столь актуальны, как их «уменьшенные» собратья, где самый минимальный набор – это чайник для заварки и пара чашек и блюдце. Эта тенденция зародилась синхронно с популяризацией квартир-студий, в которых селятся молодые семьи. Ограниченность пространства для хранения вещей и при этом желание сохранить уют привели к таким сокращенным наборам сервизов, ставших популярными подарками на свадьбу или новоселье.

Самыми сложными оказались исследования эстетического аспекта. В попытке найти оптимальную форму набора сервиза были изучены особенности региональной посуды. Выяснилось, что у жителей Сибирского региона традиционно преобладает посуда с толстыми стенками, хорошо сохраняющими тепло, а также «пузатой» формы. Изучение оформления, формообразования и декорирования объектов дало однозначное видение разобщенности культурных образов. Попытка «изобрести» орнамент или декор, совмещающий их все, с одной стороны был изначально обречен на провал в связи с высокой различностью форм и видов декорирования, а с другой стороны, дизайн не занимается поиском декоративной формы, дизайн принципиально и максимально просто решает вопросы принадлежности.

В основу концепции разрабатываемого сибирского сервиза лег образ. Образ, который знаком любому жителю Сибири – травинки, хвоя или листья, вмерзшие в

лед и искрящиеся на солнце. Этот образ близок и понятен каждому жителю Сибири, это то, что действительно объединяет нас – холод и стужа, внутри которой живут дружба, тепло, самые лучшие наши воспоминания и воистину жаркое сибирское лето. Это мироощущение роднит нас даже за пределами Сибири, это то, что отличает нас, выросших в этом регионе.

Заключение. Итогом выполненной работы является решение изначально поставленной проблемы сохранения культурного наследия. Обращаясь к традициям сибирской культуры при проектировании объектов, следует считать лучшим ориентированность на природные явления, окружающую среду.

Для визуализации образа наилучшим материалом является стекло, в которое, благодаря современным технологиям, стало возможным втравить хвою в область дна. В результате было создано ощущение, что чай налит не просто в кружку, а словно в ложе из хвои. Хвоя избрана основным природным материалом, так как напрямую ассоциируется с сибирскими просторами, тайгой; однако она может быть заменена на любое другое сибирское растение.

Форма кружек и чайника максимально лаконична и эргономична. Во-первых, это позволяет снизить уровень сложности производства, во-вторых, не отвлекает от основной эстетической идеи, в третьих, позволяет вписаться в современный тренд минимализма.

Список литературы

1. *Бахтин О.Н., Сыров В.Н., Дутчак Е.Е.* (ред.) Славянский мир Сибири. Новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии / О.Н. Бахтин, В.Н. Сыров, Е.Е. Дутчак. – Томск: Издательство Томского университета, 2009. – 218 с.
2. *Нефедова К.П.* Посуда и столовые принадлежности. Какие они? / К.П. Нефедова. – М.: ГНОМ и Д, 2010. – 96 с.
3. *Судаков Г. В.* Застолье по-русски: из истории слов: монография / Г.В. Судаков. – Вологда: [Вологодский государственный педагогический университет], 2012. – 227 с.

Список источников

4. *Зверев В.А.* Быт и традиции Сибири: из новой хрестоматии [Электронный ресурс] / В.А. Зверев. // История. – 2002. – 8–15 августа (№ 30). – С. 1–10. – URL: <https://lib.nspu.ru/views/sbo/43/read.php> (дата доступа: 17.06.2019).

Хельмянов С.П.

cx-cx@mail.ru

Киселев А.А.

ars8ars@mail.ru

Спицин А.С.

alexanderspitsin@yandex.ru

СПГХПА им. А.Л. Штиглица, г. Санкт-Петербург, Россия

УДК: 37.014.13

АФФЕКТИВНЫЙ ДИЗАЙН СИСТЕМЫ ДИЗАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ*Исследование выполнено в рамках разработки образовательных методик*

Аннотация. На материале многолетнего опыта преподавательской деятельности представлен авторский взгляд на систему дизайн-образования. Дизайн рассматривается как симбиоз науки и искусства. На примере автономии современных образовательных организаций сравниваются траектории реального и предпочтительного путей развития образования в сфере дизайна. Наиболее продуктивен путь развития, в котором образование направлено на удовлетворение запросов студентов и находит у них эмоциональный отклик.

Ключевые слова: автономия образовательных организаций; дизайн; дизайн-образование; эмоциональный отклик; удовлетворение запросов студента.

Введение. Вместо преамбулы мы приводим выдержки из статей Конституции Российской Федерации и Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. (с изменениями 2019 г.), где затрагиваются интересующие нас вопросы профессионального образования [8; 7].

- 1) Конституция Российской Федерации:

«Статья 18. Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Статья 44. 1. Каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Интеллектуальная собственность охраняется законом» [8].

- 2) Закон Российской Федерации «Об образовании» (273-ФЗ) 2019 г.:

Глава 1. Статья 3. Основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования.

«7) свобода выбора получения образования согласно склонностям и потребностям человека, создание условий для самореализации каждого человека, свободное развитие его способностей, включая предоставление права выбора форм получения образования, форм обучения, организации, осуществляющей образовательную деятельность, направленности образования в пределах, предоставленных системой образования, а также предоставление педагогическим работникам свободы в выборе форм обучения, методов обучения и воспитания;

8) обеспечение права на образование в течение всей жизни в соответствии с потребностями личности, адаптивность системы образования к уровню подготовки, особенностям развития, способностям и интересам человека;

9) автономия образовательных организаций, академические права и свободы педагогических работников и обучающихся, предусмотренные настоящим Федеральным законом, информационная открытость и публичная отчетность образовательных организаций;

10) демократический характер управления образованием, обеспечение прав педагогических работников, обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся на участие в управлении образовательными организациями» [7].

Если коротко: смысл и содержание деятельности Министерства науки и образования Российской Федерации в обеспечении прав и свобод гражданина. Педагоги имеют право сами выбирать формы и методы обучения. Система образования должна адаптироваться под потребности человека. Образовательные организации автономны.

Актуальность проблемы. За бесконечными и бессмысленными требованиями формальной отчетности, Министерство науки и высшего образования упускает главное – для чего оно существует, и для чего существует образование. И если образовательные учреждения в различных областях научной деятельности еще как-то худо-бедно находят свое место в дремучем лесу индексов цитируемости, то образование в области культуры, искусства и прочих сугубо ненаучных сфер преодолевает все эти искусственно возводимые барьеры на своем пути уже с большим трудом. Это результат странной позиции Министерства науки и высшего образования, не учитывающего в своей работе выше изложенные базовые принципы Конституции РФ и Федерального Закона об образовании. Применение или точнее, попытка применения объективно измеряемых критериев оценки качества работы образовательной системы в целом и ее составных частей – архаичный и тупиковый путь. Возможно, эти критерии применимы к образованию в сфере научной, но совершенно не применимы в дизайн-образовании.

Дизайн-образование – одна из таких сугубо не научных сфер. Дизайн – это практическая деятельность по проектированию с позиции *конечного пользователя* конечного целостного продукта, а не его отдельных составных частей [3; 4]. И если продолжить этот вектор, то дизайн – это проектирование пользовательского опыта и эмоционального отклика, вызываемого у пользователя взаимодействием с предметом, системой или сервисом.

Образование, соответственно, – это проектирование сервиса по оказанию образовательной услуги. Объектом проектирования для школ дизайна является сама система подготовки дизайнера, и проектируется эта система на предмет соответствия ее запросам конечного пользователя. Конечный пользователь для образовательной системы – студент.

Студент как потребитель. Система высшей школы (в ее широком понимании: от Министра науки и образования и до вахтера на входе в кампус) должна делать то, что необходимо потребителю, и не должна делать то, что потребителю не нужно. Иная позиция безнравственна и лжива, а по сути, является паразитированием на деньгах и жизнях студентов. Вся система должна учитывать запросы пользователя, его потребности, вызывать в нем положительный эмоциональный отклик. Напомним: студент платит системе высшего образования за образовательную услугу! Платит деньгами непосредственно или опосредовано через налоги. Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер по этому поводу говорила: «Нет такой вещи, как государственные деньги; есть только деньги налогоплатель-

тельщиков ...» («There is no such thing as public money; there is only taxpayers' money...») [9]. Но кроме денег, студент платит временем своей единственной жизни! Студент заинтересован в эффективной и качественной подготовке, так как он это понимает, а система существует за его счет и работает для него.

Удовлетворение образовательных запросов студента и есть основная, непосредственная и прямая задача высшей школы. Проектирование положительного эмоционального отклика от пользования системой образования и обозначается этим «загадочным» словом, вынесенным в заголовок статьи – «аффективный дизайн». Инструмент аффективного инжиниринга или кансай-инжиниринга (с японского: Kansei kougaku – эмоциональная инженерия) давно прижился в дизайне и является способом перевода эмоционального впечатления пользователя в законченный и целостный продукт или сервис.

Этот метод описал еще в 1970-х гг. профессор Международного университета Хиросимы (Hiroshima International University) Митсуо Нагамачи (Mitsuo Nagamachi) [6]. Вот как он сам описывает этот термин в своей книге (перевод с англ. С.П. Хельмянова):

«Кансей – японский термин с широким толкованием. Кроме прочего этот термин означает:

1. Чувство, чувствительность, чувственность, ощущение.
2. Чувство, образ, привязанность, эмоция, желание, потребность, необходимость.

Когда мы видим человека, который тонко чувствует и переживает все происходящие вокруг него события, в этом случае мы говорим, что он хороший Кансей. Также, если человек способен тепло относиться к детям и животным, мы говорим, что у него есть Kansei (смысл). Когда менеджер учит своих подчиненных, он говорит, что вы должны иметь Kansei о клиентах. Это означает, что персонал по обслуживанию клиентов должен пытаться понять их чувства» [6, р. 2].

Аффективный дизайн образования. В этой статье излагаются позиции, с которых необходимо и возможно проектировать положительный эмоциональный отклик от пользования системой дизайн-образования.

Дизайн-образование – это инструмент адаптации. Наш потребитель – студент живет здесь и сейчас, а не во времена великих Максимилиана Месмахера, Вальтера Гропиуса, Василия Кандинского или Иосифа Вакса. И в данном случае практически невозможно опираться на уже пройденный путь и сформировавшийся багаж опыта и традиций. Школа существует и работает не в далеком прошлом, не вчера, а сейчас [3; 4].

Но дизайн, равно и дизайн образования – это также и инструмент преадаптации. Нашему выпускнику предстоит жить и работать в том мире, о котором никто на планете не имеет ни малейшего сколь-нибудь реального представления. В отличие от школ классического искусства, например балета или живописи, в распоряжении профессиональной дизайн-школы автоматически отсутствует возможность опереться на традиции прошлого. Дизайн-образование – это взгляд на сложившуюся в данный короткий момент времени реальность, это процесс систематического совершенствования этой реальности или, что более эффективно, подготовки к вероятной, но призрачной трансформации этой реальности в будущем. Школа дизайна должна готовить студента к возможности бесконечной адаптации к изменениям, и учить методам преадаптации – то есть подготовки себя к будущему и подготовки мира будущего для себя. Если упростить задачу и описать ее

совсем примитивно, то школа должна делать то, что студенту будет нужно через 2–4 года, когда он выйдет на рынок труда. Это понятно пользователю (студенту), это ставит перед ним конкретные, четкие и ясные задачи, как в стратегическом, так и в тактическом плане. Это понимание позволяет студенту чувствовать себя уверенно в стремительно меняющемся мире.

Дизайн-образование является особой, ни на что не похожей, сферой образования. Дизайн не является искусством, и образование в сфере дизайна не может опираться на методологию искусства, где в основе лежит наработка мастерства, студия – с одной стороны и самовыражение автора субъективным, условным языком – с другой.

Чтобы стать специалистом в любой области, необходимо потратить примерно десять тысяч часов на тренировку. Психолог А. Эрикссон, глубоко изучавший проблемы профессиональной деятельности, назвал этот процесс «продуманной практикой» и определил последнюю как работу над техникой, постоянную конструктивную критику и сосредоточенность на устранении или компенсации слабых сторон. Предложенная им формула успеха: углубленная практика × 10 000 часов = высокие результаты [1, с. 25].

Дизайн не является наукой, где в основу положено стремление к поиску объективности, стремление к истине доказанной и обоснованной, а язык стандартизован до условно-объективно-понятного и принятого в научном сообществе.

Профессиональный мир дизайна многообразен, не имеет четких границ, меняется в соответствии с изменениями времени, рынка, настроений потребителя, политики, экономических и погодных факторов, да и моды, в конце концов. Никто не в силах сколь-нибудь точно предсказать даже ближайшее будущее профессии – как и в каком направлении будут меняться общественные и персональные запросы. Никто не в силах предсказать, как изменится мир в период учебы и долгосрочной профессиональной деятельности будущего выпускника. К тому же пользователь системы дизайн-образования – студент – не является объективной единицей. В какой сфере он найдет свое применение (потребительский продукт или инженерные системы, фуд-дизайн или сервис-дизайн, мода или тот же пользовательский опыт) по окончании вуза спрогнозировать хоть с какой-нибудь долей вероятности невозможно. Планы студента-дизайнера на будущую профессию, карьеру, а соответственно и требования, предъявляемые к системе образования сугубо субъективны и индивидуальны.

Аффективный инжиниринг базируется на субъективных ощущениях пользователя, подстраивается под них, формализует требования и объективизирует эти субъективные ощущения, преобразуя в пользовательский опыт [2]. Образование в дизайне – это тоже дизайн. Дизайн образования как никакой другой связан с идеологией кансай-проектирования эмоционального отклика.

При обсуждении проблем педагогической науки речь часто заходит именно об эмоциональном отклике. Например, в своей работе, посвященной закономерностям образовательного процесса, доктор педагогических наук, профессор И.П. Подласый пишет: «Продолжаем действовать так, будто не слышали призыва Ушинского учить весело и строго, шутя и всерьез, не превращая в шутку саму работу», хотя «знаем, что скука – страшный враг обучения, не одолев которого нельзя надеяться на значительные успехи» [5, с. 40].

И если, в угоду внешним абстрактным требованиям (соответствие стандартам, принципам и языку науки или искусства) преподаватели школ дизайна будут

отказываться от методологии и принципов профессий педагога и дизайнера, то сам процесс подготовки дизайнеров постепенно начнет размываться, что часто наблюдается на отдельных примерах современной высшей школы.

Тоталитарные режимы, стремящиеся все стандартизировать и упорядочить ради полного контроля, ликвидировали даже такие школы дизайна как ВХУТЕМАС в Советской России и Баухаус в Германии. Это понятно и закономерно в том случае, если системе интересен лишь формальный стандарт, а не человек с его субъективностью и эмоциональностью. Попытка стандартизировать и упорядочить дизайн ведет к выхолащиванию смысла этой профессиональной деятельности.

На какой запрос должен ответить дизайнер? На соответствие стандарту, условному принятому языку передачи информации или на нестандартный, не формализованный, но зато реальный, запрос потребителя? Ровно этот вопрос стоит и перед дизайн-образованием. И ответ на него очевиден.

Поэтому абсолютно бессмысленной является условно «академическая» подготовка дизайнеров. Она не готовит к будущему, не способствует развитию у студента инструментов преадаптации. Да, обучить азам языка профессионального общения, первичным методам проектирования можно в замкнутой «монастырской» среде университетов. Однако, насколько это эффективно – другой вопрос. Ведь осуществляя подготовку дизайнеров в замкнутой, условно «академической» среде, можно подготовить их лишь к жизни внутри монастыря-университета. Полноценно освоить инструменты профессии дизайнера на площадке, изолированной от окружающего мира и практического дизайна, невозможно. Поэтому ведущие школы дизайна, сколь многообразными ни были бы их подходы и взгляды, являются составными и неотъемлемыми частями всей системы дизайна – от рынка проектных услуг до повседневной жизни конечных пользователей. Именно поэтому не существует понятий «академический дизайн» или «дизайн-наука».

Вынесение процесса подготовки дизайнеров за пределы университетских аудиторий – это самый верный и рациональный способ формирования у обучающихся инструментов адаптации для бесстрессового перехода от обучения к профессиональной работе. Кансай-подход к проектированию системы образования заставляет дизайн-школу думать об этом.

Что имеется в виду? Это легко объяснить на следующем примере. Ближайшая к дизайну аналогичная сфера деятельности – это кулинария.

Кулинария, как и дизайн – это одновременно и искусство и наука, хотя она и не является на самом деле ни тем, ни другим в полной мере. Кулинария, как и дизайн – сугубо практическая деятельность. Кулинар «проектирует» законченный продукт, а не его составные части. Кулинар ориентируется исключительно на конечного пользователя и его субъективное эмоциональное восприятие. В кулинарии есть формализация в форме рецептуры и магия в виде таланта повара. Кулинария возникает в любой экономической, политической и культурной ситуации, подобно тому, как дизайн есть всегда и во всех культурах. Древний человек соединил огонь и мясо в кулинарии, равно как он соединил камень и палку в дизайне для создания новых потребительских свойств.

На более высоком уровне развития культуры и цивилизации, кулинар соединяет изысканные ингредиенты и применяет замысловатые способы приготовления блюд молекулярной кухни, равно как и промышленный дизайнер применяет самые современные материалы и технологии при создании смартфона. И подобно тому, как в кулинарии одно блюдо не может удовлетворить всех потреби-

телей, так и в дизайне один смартфон не в состоянии удовлетворить 100 % пользователей. Собственно, на основе этого многообразия субъективных предпочтений и возникает разнообразие и многообразие блюд, а равно и дизайн-продуктов.

Критерием оценки качества приготовленного в ресторане блюда является его вкус, красота и только потом логическая и объективно-оцениваемая и описываемая в цифрах полезность. А уж научные статьи (РИНЦ, ВАК, Scopus и т.д.), которыми может похвастаться повар, клиента ресторана ни мало не интересуют. Шеф-повар сколько угодно может быть доктором наук с зашкаливающим индексом цитируемости, но котлета, которую он подает, просто не нравится клиенту. Или нравится... Хотя вероятность этого стремится к нулю. Ведь поскольку в то время, когда повар должен был совершенствовать свое кулинарное мастерство и изучать предпочтения пользователя, он занимался написанием научных статей, размещением их в специализированных изданиях, одобренных ВАК, и формулировал тезисы к докладам на международных, общероссийских и национальных конференциях.

Санитарный надзор бесконечно контролирует производителей сыров на объективно-оцениваемое качество: количество белков, жиров, углеводов, бифидобактерий и т.п. Однако выложенный на полки магазина продукт просто не нравится по вкусу ребенку, который не интересуется калориями и животными белками. Мама ребенка сыр не покупает, и он остается лежать на полке магазина, пока не будет уценен и куплен непривередливыми гражданами с не очень высоким уровнем доходов.

В дизайне действуют те же принципы. Если ориентироваться на мировых лидеров дизайн-индустрии, то здесь научная квалификация при наборе стажеров и приеме на работу, например, в дизайн-подразделения автомобильных брендов и компании, занимающихся дизайном электроники, интернет-сервисов и т.д., не играет никакой роли. Даже если претендент обладает степенью доктора наук, то он может рассчитывать только на должность junior-designer, равно как и претендент с дипломом бакалавра, только что окончивший колледж. Продвижение дизайнера по карьерной лестнице в рамках профессии определяется не его рейтингом в Web of Science. Его работодателя и тем более конечного потребителя этот критерий не интересует. Совсем! Критерием качества работы дизайнера является удовлетворение субъективных запросов пользователя. И если дизайнер вместо того, чтобы заниматься формированием новых потребительских свойств проектируемого продукта, пишет статьи в научно-рецензируемые издания, то судьба этого дизайнера плачевна. Любой вменяемый работодатель уволит такого «профессионала» по результатам уровня продаж выпущенного на рынок продукта.

Ровно тот же принцип относится и к системе дизайн-образования – она является частью системы дизайна как реального проектного процесса и поэтому вовсе не академична по своей природе. Здесь качество работы преподавателя обратно-пропорционально затрачиваемому им времени на написание научных статей и участие в научных конференциях.

Критерием оценки качества системы образования в вузе является удовлетворенность студента этим самым образованием. Причем именно субъективная, индивидуальная, эмоциональная удовлетворенность – на трудоемкие подсчеты множества сложных показателей у студентов нет времени. Если по простому, то студенту должно нравиться учиться в вузе. Студенту (конкретному студенту) должен нравиться процесс обучения, и конкретный студент должен быть удовле-

творен финальным результатом своего образования. Это – цель. Для достижения этой цели – качественного формирования положительного эмоционального отклика у конечного пользователя – школа обязана задействовать максимально индивидуальный подход к процессу обучения. Естественно, в тех дисциплинах, где это необходимо. Тренд на увеличение нагрузки на преподавателя в сфере профессиональных знаний и навыков, отвлечение преподавателя от учебной деятельности в пользу деятельности якобы научной – обратно противоположны этой цели и к достижению этой цели не ведут.

Таким образом, базируясь на принципах аффективного дизайн-образования, необходимо сформулировать критерии оценки качества работы школы дизайна с позиции эмоционального отклика конечного пользователя – студента. Позволю себе сделать это в виде вопросов:

1. Чего хочет студент-дизайнер в результате обучения в дизайн-школе? Трудоустройства по выбранной специальности или получения абстрактных научных академических знаний и навыков?

2. Важны ли конечному пользователю научная академическая составляющая деятельности дизайнерской школы? Важен ли конечному пользователю научный индекс преподавателя-дизайнера?

3. Как влияет (положительно или отрицательно) отвлечение педагогических кадров от основной образовательной деятельности на результаты этой деятельности, когда основное время и силы преподавателей тратятся не на преподавание и работу с обучающимися, а на написание научных текстов, подготовку докладов для научных конференций и т.п.?

4. Школа в своей работе должна отвечать на запросы конечного пользователя, который оплачивает процесс своего обучения, или на запросы чиновников Министерства науки и высшего образования?

5. Оплачиваемые налогами граждан чиновники Министерства науки и высшего образования должны стоять на страже интересов конечного пользователя (как это обозначено в Конституции РФ и в Федеральном Законе «Об образовании») или на страже абстрактной наукометрии?

Ответы на данные вопросы очевидны.

Отдельно необходимо отметить, что в развитии темы кансей-дизайна образования острое значение начинает приобретать репутация вуза, прежде всего субъективная репутация в глазах конкретного абитуриента и студента. В этой связи растет необходимость в развитии и продвижении многообразия вузов с их различными подходами к системе подготовки с целью обеспечения свободы выбора конкретным студентам: где, как и чему учиться и какой эмоциональный фон в процессе обучения будет положительным. Следовательно, на передний план выходит, зафиксированная в законе «Об образовании», автономность вуза в принятии решений, как и чему учить студента.

Выводы. Каковы перспективы? Дальнейшим развитием аффективного подхода к дизайн-образованию является корректировка системы оценки результатов образования с точки зрения формирования у обучающегося профессиональных навыков, знаний и умений. И если это вполне понятная методология и сценарий действий, отработанный десятилетиями функционирования системы высшей школы, то вопросы субъективной, эмоциональной оценки работы вуза с позиции конечного пользователя – студента, выпускника и работодателя сейчас никак не отработаны. И это предстоит сделать в ближайшей временной перспективе.

Работодатель выпускника – тоже конечный пользователь системы профессиональной подготовки. Соответственно, критерием оценки качества подготовки выпускника-дизайнера в вузе является эмоциональная удовлетворенность этим качеством конечного потребителя – работодателя. Причем работодателя конкретного, с его субъективным взглядом и представлениями.

Список литературы

1. *Койл Д.* Код таланта. Гениями не рождаются. Ими становятся / Д. Койл; [перевод с англ. Ю. Букановой]. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2017. – 224 с.
2. *Леонова А.Б., Блинные И.В., Величковский Б.Б., Капица М.С.* Исследования человеческого фактора в современной компьютеризованной среде: новые направления развития инженерной психологии и эргономики // *Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности* / Под ред. В.А. Бодрова и А.Л. Журавлева. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – С. 312–340.
3. *Мирзоян С.В., Хельмянов С.П.* Санкт-Петербургская школа дизайна «Муха». Том I / С.В. Мирзоян, С.П. Хельмянов. – СПб.: Юниконт Дизайн, 2011. – 402 с.
4. *Мирзоян С.В., Хельмянов С.П.* Санкт-Петербургская школа дизайна «Муха». Том II / С.В. Мирзоян, С.П. Хельмянов. – СПб.: Юниконт Дизайн, 2018. – 492 с.

Список источников

5. *Подласый И.П.* Педагогика в 2 т. Т. 1. Теоретическая педагогика. В 2 кн. Кн. 1: Учебник и практикум для академического бакалавриата / И.П. Подласый. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2018. – 576 с.
6. *Nagamachi M.* Kansei/Affective Engineering and History of Kansei/Affective Engineering in the World // *Kansei/Affective Engineering* / Ed. by M. Nagamachi. – Boca Raton; London; New York: CRC Press. Taylor&Francis Group, 2011. – P. 1–12.

Список интернет-источников

7. Закон об образовании РФ. Общие положения Федерального закона об образовании 2019 [Электронный ресурс]. – URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/> (дата обращения: 05.06.2019).
8. Конституция Российской Федерации. Глава 2. Права и свободы человека и гражданина [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> (дата обращения: 05.06.2019).
9. *Thatcher M.* Speech to Conservative Party Conference. 1983 Oct 14 Fr [Электронный ресурс]. – URL: Источник: <https://www.margaretthatcher.org/document/105454> (дата обращения: 05.06.2019).

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ, ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И ДИЗАЙНА. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

Сергеев С.К.
serkors@mail.ru
Духанов С.С.
ssd613@ngs.ru

НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.01+7.01

О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЕ В АРХИТЕКТУРЕ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. Рассматривается гносеологическая проблема архитектурно-градостроительной деятельности. Проанализирован первоисточник проблемы: материалы полемики между ведущими древнегреческими философами V в. до н.э. – Горгием и Платоном. Раскрыты узловые вопросы идейной борьбы и их архитектурно-градостроительная составляющая. Гносеологическая проблема архитектурно-градостроительной деятельности не ограничена рамками профессионального сообщества и имеет общественный характер. У представлений об объектах профессиональной деятельности есть своя функция, которая не тождественна функции самих объектов.

Ключевые слова: гносеологическая проблема; история философии; теория и история архитектуры и градостроительства; Горгий Леонтинский; Платон.

Введение. Архитектурно-градостроительная деятельность затрагивает интересы всего общества. При этом парадокс высшего профессионального образования в архитектурно-художественной сфере, впрочем, как и в любой другой узко-профессиональной сфере, состоит в том, что сами по себе специальные дисциплины узко техничны и не нацелены на интеграцию ни между собой, ни с обществом. Эту важнейшую проблему решает комплекс гуманитарных дисциплин и прежде всего философия, которая отвечает за формирование у будущих специалистов мировоззрения и способности мыслить в противоречиях, в профессиональных и общепрофессиональных категориях.

Неудивительно, что роль философии в архитектурно-градостроительной сфере за последние десятилетия резко возросла. Так, именно философия дала импульс целому ряду современных архитектурно-градостроительных концепций. Ярким примером служит история возникновения и развития деконструктивизма, а также профессиональная полемика, возникшая между его сторонниками и представителями других творческих направлений. Показательно, что в центре их борьбы находятся философские основы архитектурно-градостроительных концепций, тогда как чисто профессиональные вопросы рассматриваются в качестве вторичной, производной составляющей [2, с. 58–60, 79–81]. Соответственно, наш интерес к философскому аспекту архитектурно-градостроительной деятельности нельзя считать случайным.

В истории западноевропейской философской мысли гносеологическая проблема впервые четко формулируется крупным древнегреческим философом Гор-

гем Леонтинским в V в. до н.э. следующим образом: предмет объективной реальности и наше представление о нем, отображенное в мысли, слове или изобразительными средствами – не есть одно и то же [3, с. 26–27].

В теории и истории архитектуры и градостроительства гносеологическая проблема является одной из главных, но, как правило, всегда рассматривается с узкопрофессиональной точки зрения, как проблема соответствия формы и функции, проекта и здания и т.д. При таком дискретном, почти прикладном, подходе к гносеологической проблеме, игнорируется и историко-философский материал, что не позволяет рассмотреть значение и истоки этой проблемы в архитектурно-градостроительной сфере – то, как эта проблема ставилась на заре своего возникновения. Во многом этому способствовал односторонний подход к древнегреческой философии V в. до н.э. Все внимание исследователей было приковано к текстам Платона, тогда как поставивший гносеологическую проблему Горгий был почти полностью забыт и лишь в последние годы к нему снова возник интерес [1, с. 228–232, 237–240].

Материалы и методы. Рассматриваются дошедшие до нашего времени философские тексты самого Горгия [8, с. 21–47] и диалоги Платона, прежде всего «Горгий», отразившие полемику между Горгием и Сократом в редакции Платона [4–6]. Метод исследования: сопоставление взглядов на профессиональную деятельность Горгия и Платона. Выявляются основные положения гносеологической проблемы в архитектурно-градостроительной деятельности того времени.

Результаты. Анализ первоисточников показал, что между Горгием и Платоном имела место ожесточенная полемика, предметом которой стала гносеологическая проблема в предметно-конкретной профессиональной деятельности, в архитектуре и градостроительстве – в частности. Узловые вопросы этой идейной борьбы, сохраняющие актуальность и злободневность и в наши дни, заключались в следующем.

1. Прежде всего, мыслители серьезно разошлись по вопросу о границах, задачах и критериях оценки предметно-конкретной (профессиональной) деятельности.

Как следует из сохранившихся античных свидетельств [8, с. 30–33, 46], поставивший гносеологическую проблему Горгий, вероятно, исходил из объективно-диалектической трактовки материального мира как изменчивого, противоречивого бытия, что исключает возможность непротиворечивого объективно-истинного представления о вещах. Поскольку о каждой вещи в силу присущего ей единства противоположностей могут быть высказаны два противоречивых мнения, постольку деятельность человека не может быть ориентирована на истину, однако, поскольку эта деятельность осуществляется в обществе, она не безразлична общественным интересам.

Совершенно иначе смотрел на материальный мир и общество Платон [4, с. 46–49]. В его концепции объективного идеализма объективный характер имела не материально-предметная реальность, а истина – мир вечных и неизменных по своей природе умопостигаемых идей – эйдосов. Их порождением была окружающая человека реальность, а возможность отчетливого осознания эйдосов отдельным человеком означала возможность постижения объективной, универсальной истины. Соответственно, Платон считал, что деятельность всякого профессионала, так называемого «знатока», должна быть нацелена на истину и соответствовать ей.

Показательно столкновение взглядов Горгия и Платона на современную им архитектурно-градостроительную деятельность в Афинах V в. до н.э. Если Платон стремился ограничить проблематику архитектуры и градостроительства рамками профессионального сообщества (узкого круга «знатоков»), то Горгий смотрел на этот вопрос гораздо шире.

Платон устами Сократа доказывал Горгию: когда нужны мастера в каком-либо искусстве «в каждом таком случае надо выбирать самого сведущего в деле человека». Ведь, например, «когда нужно соорудить стены, или пристани, или корабельные верфи, требуется совет не ораторов, а строителей» [4, с. 487]. Горгий, напротив, резко оспаривал такую точку зрения и уличал платоновского Сократа в невежестве. Ведь Сократ «бесспорно, знает», что и эти верфи, и оборонительные стены Афин, и пристани, имели общегосударственное значение и были сооружены по совету своих заказчиков, афинских государственных деятелей, тех самых «ораторов», «а совсем не знатоков строительного дела» [4, с. 488].

Ставя во главу угла фигуру «знатока», Платон, что вполне логично, отвергал и один из главных тезисов софистики, выдвинутый еще Протагором: «мера всех вещей – человек». Вместо этого Платон выдвигал новый критерий оценки: мерой того или иного искусства должен быть только профессионал в этом деле («знаток»), но никак не «невежда». При этом знатоки разных искусств не вправе судить о профессионализме друг друга. Ведь «одно искусство есть знание одних вещей, а другое – других» [5, с. 203, 235–236; 4, с. 380–381]. Жестко противопоставляя «знатока» и общество, Платон называл последнее «толпой невежд» [4, с. 491].

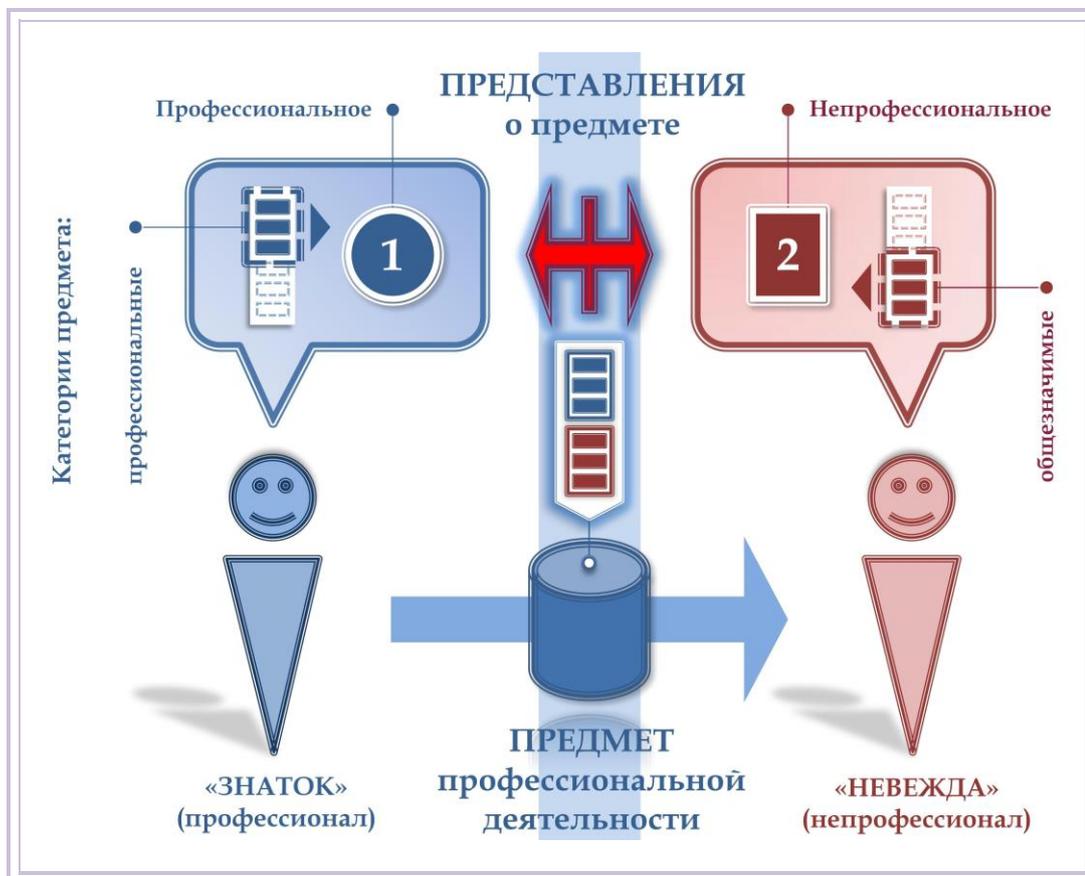
2. Оба мыслителя принципиально разошлись и по вопросу о существовании гносеологической проблемы и соответственно, о характере взаимоотношений между профессионалом и обществом.

Платон отрицал гносеологическую проблему в профессиональной деятельности. Ведь для настоящего профессионала представление о предмете его деятельности и сам предмет должны быть тождественны (иначе он не профессионал). Поэтому Платон считал гносеологическую проблему исключительно проблемой «невежд», неспособных увязывать свои представления о предмете с самим предметом. Горгий, напротив, считал вполне очевидным, что деятельность профессионалов обращена не вовнутрь (на коллег по цеху), а вовне – на ту самую «толпу невежд». Ведь заказчиками и потребителями продуктов деятельности профессионалов (зодчих, художников, врачей и т.д.), главным образом выступают, что вполне закономерно, люди, не являющиеся профессионалами в данных видах деятельности. И в силу своего непрофессионализма («невежественности») заказчик и потребитель будут вынуждены высоко оценивать те продукты и тех специалистов, которые, прежде всего, будут казаться, а не являться таковыми. Здесь-то и возникает гносеологическая проблема (*рис. 1*).

Признание гносеологической проблемы имело для Горгия и его сторонников два важных следствия. Во-первых, «знатоки своего дела» несут ответственность перед обществом за то, чтобы не «злоупотреблять своим искусством и своей силой» и не обращать их «против людей». Во-вторых, гносеологическая проблема требует от знатока владеть «искусством убеждать толпу», ибо умение убедить в своем профессионализме – это обязанность профессионала [4, с. 489, 484].

То, что Горгий считал «искусством убеждения» [8, с. 22, 36–37], Платон уничижительно называл «искусством угождения» [4, с. 496, 498; 5, с. 283]. Идеалист Платон возмущенно отвергал саму возможность диалога «знатока» с «тол-

пой» и необходимость доказывать что-то «невеждам»: это все равно, «как дети судили бы врача, которого обвинил перед ними повар». Ведь представитель «толпы» не знает истины и будет судить как ребенок: врач «назначает горькие-прегорькие лекарства, морит голодом и томит жаждой», а повар закармливает «всевозможными лакомствами» [4, с. 568–569].

*Рис. 1. Гносеологическая проблема профессиональной деятельности по Горгию (схема).
Автор: Сергеев С.К., графика: Духанов С.С.*

3. Главным инструментом «искусства убеждать» было представление о предмете. Если Платон был уверен, что нельзя «мыслить что-то одно как нечто другое» [5, с. 249], то Горгий доказывал: в реальной жизни у представления о предмете, например, у того же «предмета мысли» или изображения, есть своя функция, отличная от функции самого предмета. Представление и предмет по-разному возникают, существуют и соотносятся во времени и в пространстве.

Горгий приводил примеры из своей врачебной практики, когда больные отказывались от спасительного лечения только из-за того, что оно казалось им еще более тяжелым и опасным, чем симптомы болезни. Чтобы спасти этих людей приходилось прибегать к «искусству убеждения» [4, с. 488]. В данном случае осуждаемое Платоном «правдоподобие» оказывалось продуктивнее «правды», смысл которой не имевшие специальных знаний больные понять не могли.

Горгиевский подход к гносеологической проблеме разделял его современник, историк Фукидид. В своей «Истории» он призвал четко разделять «внеш-

ний вид» и «действительное значение» городов и обращал внимание на следующее несоответствие. Грандиозные по тем временам размеры и фортификационные сооружения Афин вовсе не отражали их военного могущества, но напротив, свидетельствовали о слабости перед спартанской угрозой. В качестве антитезы Фукидид называл Спарту, которая в военном отношении действительно доминировала в Греции. Так как Спарте никто не угрожал, то здесь не было причин для концентрации населения в хорошо защищенных городах, и спартанская столица представляла собой ряд совершенно неукрепленных деревень, разбросанных на большой территории [9, с. 10].

Показательно, что Платон, хорошо понимая отмеченное Фукидидом противоречие, трактовал его иначе. Исходя из того, что реальность должна соответствовать истине, он категорически осуждал строительство афинских укреплений. Ведь если государство обладает настоящей военной силой, то укрепления ему не нужны, а если не обладает – то никакие укрепления все равно не помогут и их строительство бессмысленно – это самообман, создающий лишь видимость благополучия [4, с. 264; 6, с. 230–231]. По той же причине Платон осуждает и великолепные по архитектуре постройки Афин, которые сегодня признаны объектами всемирного наследия. Платон был уверен, что раздираемые острейшими социально-политическими противоречиями Афины «нездоровы», а значит, их надо «лечить» [4, с. 497, 567]. В этих условиях украшение города было подобно «украшению тела»: «занятию зловредному, лживому, низкому, неблагородному». Ведь «оно вводит в обман линиями, красками, гладкостью кожи, нарядами» и «придает телу и душе [лишь] видимость благополучия, которого в них на самом деле нет» [4, с. 498, 497]. Чтобы понять точку зрения Платона, нужно вспомнить и его восторженную оценку культурного уровня «древних людей» (троглодитов), которым «было довольно, по их простоте, слушать дуб или скалу, лишь бы только те говорили правду» [5, с. 186].

Совершенно иначе оценивает архитектуру и градостроительство Афин того времени большинство античных историков. Для них значение построек определялось не абстрактной истиной, а конкретными историческими свидетельствами и сложившимися в обществе представлениями о красоте. В этом смысле они стояли на позициях Горгия. Например, Плутарх, опирающийся на труды своих предшественников IV в. до н.э., пишет об афинских постройках с восхищением. Он особенно подчеркивает то обстоятельство, что в осуществлении грандиозной строительной программы была заинтересована и активно участвовала большая часть населения Афин («народ»). Именно поэтому «все мастера старались друг перед другом отличиться изяществом работы» и в результате все здания были «неподражаемыми по красоте» [7, с. 204–206]. Иными словами, архитектурно-художественное значение того же Акрополя определялось тем, что его создатели владели «искусством убеждать». Красота ансамбля и его отдельных построек стала общепризнанной, поскольку была «нацелена» не на узкую группу «знатоков» архитектурно-строительного дела, а на широкие массы общества и соответствовала общественно-значимым категориям красоты.

Выводы. Таким образом, анализ античных первоисточников позволил расширить наши представления о гносеологической проблеме в архитектуре и градостроительстве.

- Во-первых, гносеологическая проблема не ограничена узкопрофессиональными вопросами и имеет свою, весьма значительную, обществен-

ную составляющую. Представления заказчиков, потребителей и общества в целом отличны от профессиональных представлений о предмете профессиональной деятельности.

- Во-вторых, у представлений об объектах архитектурно-градостроительной деятельности есть своя, особая функция, не совпадающая с функцией самих объектов. Они служат разным задачам.

В целом материалы полемики Горгия и Платона, связанные с гносеологической проблемой, ясно показывают, что древнегреческая философия вовсе не противостояла архитектуре и градостроительству, как можно было бы решить из работ Платона. Напротив, как свидетельствуют тексты Горгия и его единомышленников, основные направления профессиональной деятельности были тесно связаны с философскими концепциями и формировались на их основе.

Список литературы

1. Вольф М.Н. «Дедалы речей». Софистика в современных исследованиях // *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. – 2014. – Том. 8. – Вып. 2. – С. 217–243.
2. Салингарос Н.А. Анти-архитектура и деконструкция. Триумф нигилизма. 4-е изд. / Пер. с англ. Т. Быстровой и Е. Дуйловской; Под ред. А. Макаровой. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. – 296 с.
3. Сергеев С.К. Западно-Европейская философия: Философско-исторические основы конструктивного мышления / С.К. Сергеев; НГАХА. – Новосибирск: [Art-Avenue], 2006. – 320 с.

Список источников

4. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. 1 / Общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; Автор вступит статьи А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1990. – 862 с.
5. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. 2 / Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Примеч. А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1993. – 528 с.
6. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – 832 с.
7. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3-х т. Т. 1 / Пер. с древнегреч.; Изд. подгот. С.П. Маркиш и С.И. Соболевский. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 503 с.
8. Маковельский А. Софисты. Выпуск первый / Азербайджанский гос. ун-т им. С.М. Кирова. – Баку: Издание НКП АзССР, 1940. – 47 с.
9. Фукидид. История: [Пер. с греч.] / Фукидид; Издание подгот. Г.А. Стратановский, А.А. Нейхард, Я.М. Боровский. – Ленинград: Наука (Ленингр. отд-ние), 1981. – 543 с.

Панина Н.Л.
pa.nina@mail.ru

Звир М.А.
zvir.rita@yandex.ru

НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК 76.03/09

ТВОРЧЕСТВО ЭДМОНА БОДУАНА: НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ТРАДИЦИЙ, ЖАНРОВ, ИСКУССТВ

Аннотация. В статье рассматривается переплетение влияний традиционного восточного, европейского экзистенциального искусства и перформанса на специфику творчества французского художника Эдмона Бодуана (р. 1942 г.).

Ключевые слова: комикс; графический роман; традиционное искусство Востока; экзистенциальное искусство Европы; перформанс; Эдмон Бодуан.

Введение. Французский художник Эдмон Бодуан (род. 1942) является одним из наиболее ярких современных мастеров «девятого искусства» – комикса, или скорее, в данном случае, графического нарратива. Творчество Бодуана бесспорно является значимым явлением в современном европейском искусстве и вызывает интерес у исследователей [4; 5], однако его место относительно других течений и направлений до сих пор не определено. В данной работе предпринята попытка рассмотреть влияние традиционного искусства Востока, европейского экзистенциального искусства и перформанса на формирование индивидуального творческого подхода Эдмона Бодуана (рис. 1, 2).

Рис. 1. Портрет Эдмона Бодуана (род. 1942) [6]

Рис. 2. Эдмон Бодуан на презентации нового «графического романа» в Уфе [11]

Рисунки Бодуана предельно далеки от классического комикса с его стандартным и довольно жестким форматом: их главной задачей становится формирование целостного поэтического образа. Частью жанра их делает именно нарративная последовательность, оформленная в виде книги. Свою индивидуальную манеру художник создает как сплав самых разнообразных направлений: европей-

ской традиции, модернизма, китайской и японской традиционной живописи. В основе этого сплава – идея движения как главной сущностной характеристики изображаемого.

Основная часть. Движением выступает не только жест, но и звук, слово произнесенное и слово написанное. По мнению Эдмона Бодуана, рисование – это тот же язык, персонализированный, так как в нем, как и в почерке, отражается сущность человека. Этот язык по определению поэтичен, поскольку для того, чтобы что-то выразить, художник использует особые символы, «слова», которые словами не являются – «нарисованные слова» [8].

Эти идеи находят буквальное воплощение в манере спонтанного рисования, часто под музыку, когда движение звука, движение тела и запечатленное на бумаге движение линии сливаются в единое целое: «С рисунком и, конечно, с комиксом я работаю почти всегда стоя, чтобы чувствовать единство всех членов тела, даже если, когда я рисую, двигаются только рука и запястье»¹ [9]. Единение ощущается художником и на более глубоком уровне. Творческий процесс Бодуан описывает как акт одновременно интеллектуальный, духовный и физический: «В действительности, творение Едино, даже если человек создает его множеством различных способов. Танцевать – то же самое, что писать. Писать – то же самое, что говорить. Цвет может также быть словом или словесным оборотом» [9].

Музыкальный тон книги становится ее формой. В своих видео-интервью художник рассказывает и показывает, какими могут быть линии: экспрессивными, точными, музыкальными. С различными звуковыми сочетаниями ассоциируются длительность (“moooooooooonnnnn”), колыхание (“woawoawoawoawoa”), прерывистость (“toptoptoptoptoptop”) [10]. Чередование таких сочетаний складывается в особую музыку – музыку рисунка, вдыхающую в застывшее изображение то ощущение жизни и движения, за которые так ценятся произведения Эдмона Бодуана.

В видео, посвященном выставке «Путешествие Бодуана» [12], мы можем наблюдать не только как безмолвные линии, если прислушаться, звучат множеством голосов, но и сам художник, следуя за музыкой, может открыть совершенно неизвестные для самого себя пределы, даже если он использует только черную тушь и белый лист.

Чаще всего Бодуан работает именно в черно-белой технике, в интервью он объясняет это привычкой, идущей из детства, когда в послевоенное время в доме были только простые карандаши и белая бумага. Но не менее важную роль сыграло японское влияние, которому подверглось «девятое искусство» во Франции в 1980-е гг. и на волне которого с новой силой возродился интерес художников к японской, а вслед за ней и китайской монохромной живописи, и к их основе – каллиграфии, искусству линий и штрихов.

Китайские исследователи настаивают на идентичности внутренней жизненной энергии танца и каллиграфии, которые, по их словам, имеют одинаковую душу [1, с. 115]. Единение двух начал находит в современном китайском искусстве воплощение, во многом схожее с проектами Эдмона Бодуана. Так, Ли Хуайминь (р. 1947 г.), знаменитый танцовщик и хореограф Китайского Тайваня, основатель театра танца «Юньмэнь», является автором танцевального триптиха «Скоропись», в котором участники спектакля переводят на язык танца искусство каллиграфии, становясь буквально ожившими иероглифами, воплощая в себе ту энергию, кото-

¹ Здесь и далее в статье, при отсутствии примечаний, перевод авторов.

рую каллиграф выплескивает на бумагу в момент творения. Другой пример тождественности энергии танца и каллиграфии – легенда о великом мастере времен династии Тан (618–907) Чжан Сюе, который, беспрестанно упражняясь, не мог постигнуть сути искусства каллиграфии, пока не увидел, как танцовщица повторяет своим телом движения меча. Только после этого мастер постиг механизм создания чистой экспрессивной линии, которая может быть то резкой и мощной, то гладкой и нежной, как движения танцовщицы [1, с. 114].

Бодуан заимствует из каллиграфии свои основные выразительные средства: пятно, линия, точка, а также умение ловко играть с белым фоном, который может быть и воплощением бескрайнего пространства и частью предмета.

Можно также с уверенностью говорить, что не только каллиграфия, но и китайская традиционная живопись в жанре размытых чернил оказала большое воздействие на формирования художественного стиля Бодуана. Бодуан мастерски владеет цветом, но все же предпочитает черно-белый формат, демонстрируя верность принципам простоты и строгости в передаче сущностной характеристики объекта – «костяка образа», сочетая предельную условность манеры с мгновенной узнаваемостью изображенного объекта, для которого оказывается совершенно излишней иллюзия трехмерности [2, с. 152].

Своеобразным подведением итогов творческого взаимодействия с китайской традицией, и в особенности с наследием художника династии Цин – Шитао (1642–1707 гг.), стал «Китайский дневник», изданный Эдмоном Бодуаном в 2019 г. [7].

Ориентиры в своем поиске средств передачи не внешнего, а внутреннего сходства художник находит и в европейском искусстве. Вряд ли случайность, что это искусство экзистенциальное, установки которого обнаруживают много точек пересечения с восточной традицией. Нагромождение линий и контуров в живописи Альберто Джакометти, до сих пор недооцененной на фоне его скульптур, представляется Бодуану прекрасной и в высшей степени удачной попыткой запечатлеть реальное, показать скрытое, сущностное: то, что мы видим, постоянно изменяется. По мнению Ж.-П. Сартра, самого известного критика и почитателя работ Джакометти, наибольшее доверие в них вызывает именно то, что улавливается боковым зрением, а то, на чем глаз фокусируется, наоборот, исчезает и расплывается [3, с. 207].

Реальность оказывается сотканной из реакций зрителя на внешний мир, а «неизбежные пробелы и неточности здесь возведены в принцип, используются именно для точной передачи неточностей, колебаний в поле зрения» [3, с. 208].

Заключение. Разнообразие интересов художника позволяет сделать вывод о том, что его взгляды и теоретические основы его творчества находятся на виртуальном пересечении традиций, жанров и искусств. Они складываются под влиянием китайской и японской живописи, которая подражанию внешней форме предпочитает строгое и сдержанное отображение сути вещей. Художник широко использует технические приемы и выразительные средства восточной традиции, одновременно расширяя границы и области их применения.

Этому расширению служит обращение к европейскому экзистенциальному искусству, прежде всего к живописи и графике Альберто Джакометти, с которым Эдмона Бодуана роднит стремление передать сущность предметов и явлений окружающего мира, находящегося в бесконечном движении. Движение-звук, движение-танец, движение-росчерк в творчестве Эдмона Бодуана обогащается

благодаря Джакометти новым качеством, своеобразным мерцанием, которое помогает выразить ускользающее очарование реальности, а форма графического романа дает гораздо больше возможностей, чем живопись и традиционная графика, для того, чтобы это движение длилось, существовало во времени, как и положено движению.

Перформансы же с «живым» спонтанным рисованием на публике, с включением музыкального сопровождения, с участием танцоров помогают, с одной стороны, более наглядно представить суть творчества самого Бодуана, а с другой стороны, находить новые пути и средства для воплощения кинетического начала.

Список литературы

1. *Е Лан, Чжу Лянчжи.* Хрестоматия по культуре Китая / Е Лан, Чжу Лянчжи; пер. с кит. Юнусов Тулкин; консультант: Ефицова Е. – Пекин: Изд-во преподавания и исслед. иностранных языков, 2011. – 262 с.
2. Китайское искусство: Принципы. Школы. Мастера / Сост., пер. с кит. и англ., вступит. ст., очерки и комм. В.В. Малявина. – М.: АСТ, 2004. – 432 с. – (Китайская классика: новые переводы, новый взгляд).
3. *Крючкова В.А.* Мимесис в эпоху абстракции. Образы реальности в искусстве второй парижской школы / В.А. Крючкова. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 472 с.
4. *Edmond Baudoin, Philippe Sohet.* Entretiens avec Edmond Baudoin. – Mosquito, 2001. – 160 p.
5. *Thierry Groensteen.* En chemin avec Baudoin. – Montrouge: PLG, 2008. – 144 p.

Список источников

6. Презентация графического романа Эдмона Бодуэна «Пьеро» на русском языке прошла в Уфе [Электронный ресурс] – URL: <https://kulturarb.ru/ru/news/prezentaciya-graficheskogo-romana-edmona-boduena-pero-na-russkom-yazyke-proshla-v-ufe> (дата обращения: 05.09.2019)
7. Edmond Baudoin. Carnet chinois. – Mosquito, 2019. – 56 p.
8. Edmon Baudoin. Drawing as Language. Video-Interviews with Cartoonists [Видеозапись]. – YouTube, 15.07.2016. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=y-L4XzSVEOQ> (дата обращения: 16.06.2019).
9. Edmond Baudoin, Bruno Canard. L'émotion du geste [Электронный ресурс] // L'autre bande dessinée du 9. – URL: <https://www.du9.org/entretien/edmond-baudoin-l-emotion-du-geste> (дата обращения: 16.06.2019).
10. Edmond Baudoin. La musique du dessin [Видеозапись]. – YouTube, 25.06.2015. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dKVJmSRzDaA> (дата обращения: 16.06.2019).
11. SelfMadeHero. Graphic Novels and Visual Narratives. Edmond Baudoin [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.selfmadehero.com/creators/edmond-baudoin> (дата обращения: 05.09.2019).
12. Vernissage de l'exposition «Baudoin Voyage» [Видеозапись]. – YouTube, 04.08.2011. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XGQDvYZo0hI> (дата обращения: 16.06.2019).

Субботин О.С.
subbos@yandex.ru
 КубГАУ, г. Краснодар, Россия

УДК: 72.036

АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ТАМАНИ

Аннотация. Обозначены административно-территориальные границы территории Тамани с XVIII до конца XX вв. Проанализированы основные исторические периоды формирования архитектурно-планировочной структуры станицы Тамани и требования войскового правительства к планировке куренных селений. Особое внимание уделено этапу становления и комплексному анализу факторов, действовавших на разных исторических этапах. Отмечена актуальность сохранения памятников архитектуры и градостроительства, являющихся подлинными свидетелями прошедших эпох. Практическая значимость исследования определяется возможностью использовать его результаты для разработки стратегии территориального развития Тамани и ее поселений.

Ключевые слова: планировочная структура; среда жизнедеятельности; селение; градостроительство; архитектура; Тамань.

Введение. Современная градостроительная наука накопила значительный фактологический, научный и теоретический материал, связанный со становлением, формированием и развитием архитектурно-планировочной структуры поселений. В этом отношении большое внимание уделяется сохранению исторической среды поселений, в контексте ее развития на базе преемственности и традиций, а также передачи социальных и историко-культурных ценностей от поколения к поколению. Эволюция пространственной среды поселения наглядно показывает, как человек обустроивал пространство в различные исторические периоды. В результате «архитектура, формирующая пространственную среду, является структурированным выражением этой истории» [6, с. 22].

Архитектура – искусство утверждающее, искусство широких обобщений. Она, как ни одно другое искусство, обладает способностью представлять в своих творениях (в отдельных зданиях, в облике и пространственно-планировочной структуре селений) самые общие, сущностные для определенного времени черты общественного сознания. Архитектуре, как ни одному другому из искусств, доступна передача в видимом – невидимого; духовного и идеального – в материальном [3, с. 14].

Исторический процесс формирования архитектурно-планировочной структуры Тамани неразрывно связан с освоением прибрежных территорий. Этот процесс становления и преобразования планировочной системы и застройки в целом происходил непрерывно и отражал исторически определенный уровень развития общества. Основной задачей его было создание благоприятной среды жизнедеятельности. Освоенная и преобразованная территория Тамани представляет собой своеобразное явление в градостроительной структуре поселений Кубани, прежде всего в аспекте природно-климатических и историко-культурных ценностей освоения региона. Как показывают последние исследования, «Кубань уникальна не только своими ландшафтно-топографическими особенностями, множеством национальностей, но и культурно-исторической и духовной миссией» [5, с. 47], основу которых составляют исторические поселения в контексте с уникальным

градостроительным наследием. Вместе с тем, развитие архитектурно-планировочной структуры Тамани является своего рода результатом взаимодействия изменчивости и статичности в формировании среды жизнедеятельности.

Вышеизложенное подтверждает актуальность темы исследования для создания дальнейших планировочных возможностей в целях повышения комфорта среды жизнедеятельности.

Цели, задачи, методы и хронологические границы. Целью исследования является раскрытие ценностных характеристик исторической среды Тамани и выявление основных периодов эволюции архитектурно-планировочной структуры Тамани.

Задачи исследования:

- собрать исходные данные об условиях и факторах, влияющих на архитектурно-планировочную эволюцию поселений Тамани;
- провести аксиологический (ценностный) подход как основополагающий в рассмотрении пространственной среды;
- проанализировать исторический процесс становления и преобразования среды жизнедеятельности Тамани;
- провести сопоставительный анализ исторических этапов развития Тамани.

Хронологические рамки исследования охватывают в основном период с XVIII до конца XX в. Методы исследования включают в себя совокупность общенаучных методов: сравнительно-исторического, графоаналитического, статистического; изучение и обоснование архивных, библиографических источников, законодательных документов. Новизна исследования заключается в том, что на основании проведенного анализа архитектурно-планировочной эволюции поселений Тамани определено, что каждый исторический период его развития и формирования складывался как особая среда жизнедеятельности в рассматриваемый период.

Основные понятия и положения. Рассматривая ценностные характеристики архитектурной среды Тамани и архитектурно-планировочную эволюцию ее поселений, обоснованно применение таких понятий как «аксиологический подход» и «среда городская историческая», определение процесса «формирование гармоничной городской среды». Термин «аксиологический (от греч. *axia* – ценность и *logos* – слово, понятие, учение) – имеющий отношение к ценности или к теории ценностей. Иногда в теории ценностей используются не только абсолютные, но и сравнительные оценки» [12, с. 28]. В соответствии со сводом правил СП 42.13330.2011: «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» среда городская историческая (историческая среда): городская среда, сложившаяся в районах исторической застройки.

Формирование гармоничной городской среды, которое, за редким исключением, происходит в режиме длительного процесса, не может иметь положительного результата без последовательной преемственной реализации определенного градостроительного замысла, вытекающего в свою очередь из природно-ландшафтной и градостроительной ситуации [11, с. 70].

Формирование архитектурно-планировочной среды Тамани. Специфика историко-географического положения Таманского полуострова, который часто называют просто Тамань, в конце XVIII в. наглядно раскрыта в печатном издании того времени: «Таманский полуостров – составляет самую западную низменную,

усеянную озерами, лиманами и заливами оконечность Кавказа. За начало его можно принять окрестности Анапы, где совершенно сглаживаются Кавказские горы. На Т. полуострове находится несколько очень больших заливов или лиманов – Таманский, Кизильташский, Кубанский, Курчанский, Цакурский и много мелких. Кроме того Т. полуостров прорезывается многими рукавами р. Кубани, а также рч. Гастагаем. На З. он оканчивается двумя длинными и узкими косами – Тузлой и Чушкой. На Т. полуострове расположено несколько станиц, а у сев.-вост. части его – г. Темрюк. Он очень богат рыбой и дичью. Нездоровый, лихорадочный климат, причина чему – бесчисленные болота и озера, заросшие камышом (плавни). Замечателен он также своими грязными вулканами» [18, с. 556–557] (рис. 1–2).

Станица Таманская была первым населенным пунктом, занятым Черноморским войском (бывш. Запорожским войском) при переселении из-за Буга на Кубань. 25 августа 1792 г. высадился их первый отряд, прибывший на гребных лодках, и уже в следующем, 1793 г., ими была занята вся кубанская граница (рис. 3).

Черноморцы нашли кубанскую землю необитаемой, со многими заросшими камышом речками и болотами. Пустынный край требовал для своего оживления необыкновенной деятельности малочисленных пришельцев. Черноморцы преодолели все трудности первоначальной бездомной жизни, победили, можно сказать, самую природу; мертвая кубанская сторона обратилась в оживленную область. Новый край черноморцы заселяли хуторами и куренями (станицами), давая последним названия, существовавшие в Запорожском войске [17, с. 228].

Войсковое правительство выработало общие требования к планировке куренных селений. Рекомендовалось, в частности, селениям придавать форму квадрата, ориентированного по сторонам света, площадью до 250 десятин. Казачьи подворья ограничивались размерами 20 × 40 сажений, т.е. площадью до 0,3 десятины. Проезды между подворьями – будущие улицы – должны были иметь ширину 10 сажений и располагаться параллельно сторонам квадрата, т.е. с юга на север и с востока на запад. При такой планировке в селении могло разместиться до 900–1000 подворий [13].

Позже допущенные при первоначальной планировке куренных селений отступления упорядочили, улицы выпрямили, увеличив их ширину до 12 сажений, подворья объединили в кварталы, ограничив их длину четвертью версты, то есть 125 саженьями. Кварталы стали прямоугольными, с размерами сторон 60 × 100 или 60 × 120 сажений – следовательно, площадью в 2–3 десятины, что позволяло в каждом квартале размещать до 10–12 подворий. Со временем площадь подворий уменьшалась вследствие разделения семей и, соответственно, увеличения количества подворий в квартале [4, с. 22–23]. На каждом этапе формирования происходили изменения архитектурно-планировочной структуры поселения (рис. 4).

В тоже время, исторический центр поселения определяет современный облик населенного места и его планировочную структуру, а «архитектурные и урбанистические решения находятся в зависимости от различных геоморфологических факторов. Нетрудно заметить, что города, расположенные вблизи моря, имеют тенденцию развиваться, следуя линии побережья» [1, с. 11].

При этом уникальные, исторически ценные градоформирующие объекты, представляющие собой историко-культурную, архитектурно-градостроительную, художественно-эстетическую ценность и определяющие планировочную структуру поселения, не подверглись процессу стремительной трансформации и органич-

но вписались в современную среду. При территориальном росте поселения сохранение отдельных зданий и ценных планировочных структур содействует сохранению самобытности и своеобразия исторической среды поселения, заложенной в его архитектурно-пространственной композиции.

Рис. 1. Карта Тамани. XVIII в. [16]

Рис. 2. Карта Таманского отдела. 1903 г. [16]

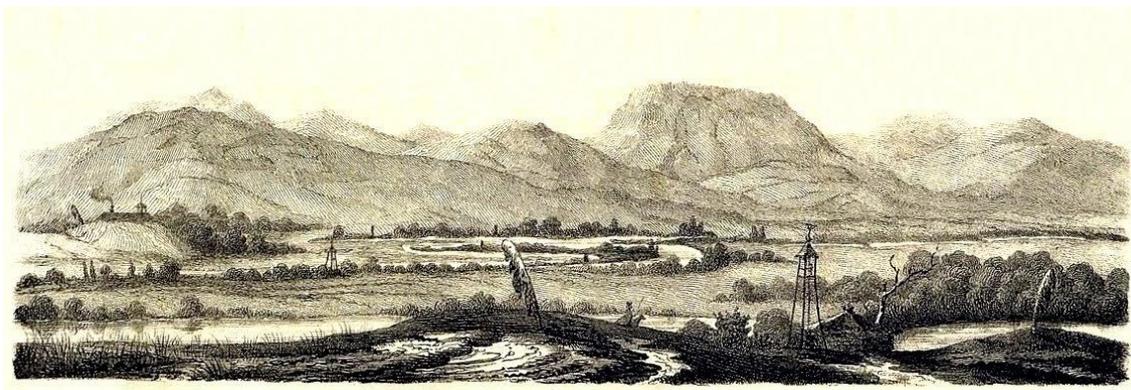

Рис. 3. Вид кубанской полосы Черноморья. Литография художника Н. Берзе [14, л. 1]

Рис. 4. Схемы станции Тамани [16]

Водное пространство Таманского залива играет исключительную роль в архитектурно-планировочной структуре поселения. Недаром история становления и развития большинства населенных пунктов неразрывно связана с входящими в данную структуру водными пространствами. Водный фасад является своеобраз-

ной «визитной карточкой» любого городского или сельского поселения [10, с. 751]. Все это создало предпосылки для восприятия городских пространств и их совокупности в качестве предмета изучения, фиксации и сохранения культурного наследия [2, с. 23].

В связи с этим необходимо особо подчеркнуть, что еще в издании XVIII в., посвященном обзору городов, сел, станиц и хуторов Ставропольской губернии и Кубанской области, был отмечен следующий уникальный факт: «В 22 верстах от Таманской станицы, возле почтовой станции Сенной, находится древнее городище, отчасти покрытое водами Таманского залива. Вдоль морского берега здесь тянутся верст на 6 многочисленные курганы и насыпи. Предполагают, что это место знаменитого в древности греческого города Фанагории» [15, с. 410] (рис. 5).

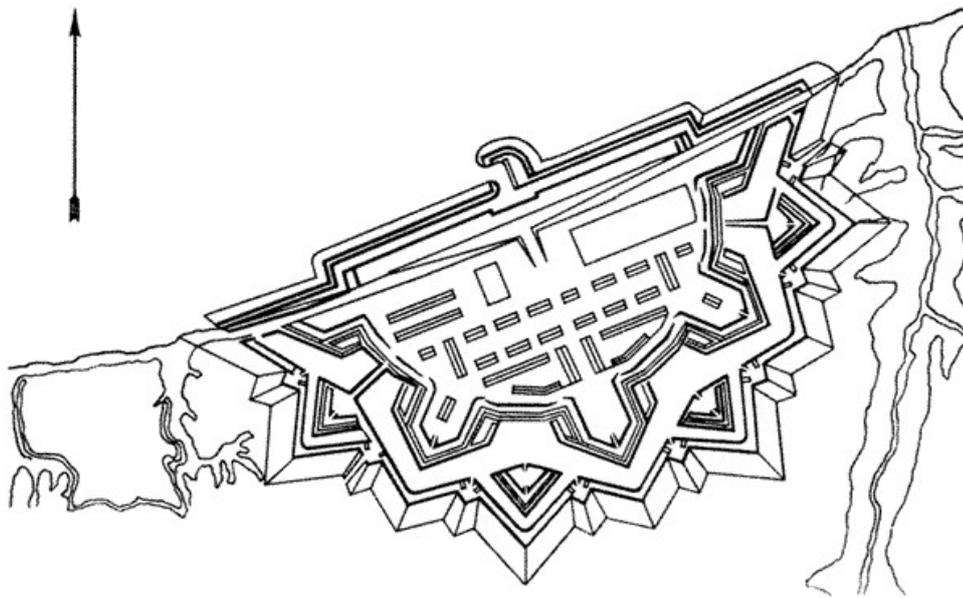

Рис. 5. Чертеж крепости Фанагория [16]

Заключение. Сохранение исторической планировочной структуры, являющейся историко-культурным наследием, особенно важно в условиях современного интенсивного использования территории в целях осуществления строительства и реконструкции.

Необходимость исторической точности в решении проблемы преемственности архитектурно-планировочной структуры поселений требует всестороннего изучения их существующей застройки.

Высочайший потенциал архитектурно-градостроительного наследия, необходимость его сбережения и эффективного использования – один из важнейших ресурсов экономики Кубани [8, с. 22; 7].

Перед нами стоит задача сохранить режим поддержки исторической среды городского центра и его архитектурно-планировочную композицию, являющуюся первичной архитектурно-исторической структурой градообразования [9, с. 748].

Список литературы

1. Гленси Дж. Архитектура: Величайшие сооружения мира. История и стили. Архитекторы: пер. с англ. – М.: ООО «Из-во Астрель»; Тверь: ООО «Изд-во АСТ», 2006. – 512 с.
2. Крогиус В.Р. Исторические города России как феномен ее культурного наследия: основы идентификации, сводная характеристика, аналитическая выборка / В.Р. Крогиус. – Москва: Прогресс-Традиция, 2009. – 310 с.
3. Градостроительство России середины XIX – начала XX века. Кн. 2. Города и новые типы поселений / Под. общ. ред. Е.И. Кириченко. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 560 с.
4. Субботин О.С. Зарождение и формирование населенных мест на территории Тамани // *Жилищное строительство*. – 2011. – № 11. – С. 20–24.
5. Субботин О.С. Храмовое зодчество Кубани и культурное заимствование славяно-византийских традиций // *Жилищное строительство*. – 2012. – № 1. – С. 45–47.
6. Субботин О.С. Народная архитектура традиционного кубанского жилища // *Жилищное строительство*. – 2012. – № 8. – С. 18–22.
7. Субботин О.С. Дворянские усадьбы, особняки и виллы в структуре поселений Кубани (XIX–XX вв.) // *Жилищное строительство*. – 2013. – № 7. – С. 36–40.
8. Субботин О.С. Развитие систем расселения и самобытные черты в планировке населенных мест Кубани // *Жилищное строительство*. – 2014. – № 11. – С. 16–22.
9. Subbotin O.S. Problems of Reconstruction of Historical Center of the City // *Materials Science Forum (MSF)*. – 2018. – Т. 931. – С. 745–749.
10. Subbotin O.S. Architectural and Planning Principles of Organization and Reconstruction of Coastal Areas // *Materials Science Forum (MSF)*. – 2018. – Т. 931. – С. 750–753.
11. Туманик Г.Н. Новосибирск: неиспользованные возможности градостроительного формирования (полемиические заметки). 2-е изд. перераб. и доп. – Новосибирск: НГАХА, 2014. – 174 с.
12. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

Список источников

13. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 252. Оп. 1. Д. 361. Описание станиц Таманского округа, 1843 г.
14. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы: в семнадцати рассказах, с эпилогом, картою и четырьмя рисунками с натуры: в 2 ч. / [Иван Попка]. – СПб.: Тип. П.А. Кулиша, 1858. – XIV, [2], 292, II, [2] с.
15. Справочник по Ставропольской епархии / Сост. свящ. Н.Т. Михайлов. – Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления, 1910. – 501 с.
16. Субботин О.С. Личный архив.
17. Черноморские казаки / Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту; Короленко П.П. Черноморцы. – Москва: Изд. дом «Вече», 2009. – 448 с.
18. Энциклопедический словарь / под ред. К.К. Арсеньева, Е.Е. Петрушевского и др. – СПб.: Типография акц. общ. «Издательское Дело», Брокгауз-Эфрон, 1901. – Т. XXXII^A. – 960 с.

Голодяев К.А.
golod62@mail.ru
Музей Новосибирска, г. Новосибирск, Россия

УДК: 628.4

ВОПРОСЫ САНИТАРНОЙ ОЧИСТКИ НОВОСИБИРСКА В XIX–XXI вв. (от выгребной ямы до ультрафиолета)

Аннотация. На основе архивных источников исследуется развитие санитарных служб Ново-Николаевска (Новосибирска): ассенизационные отвалы, канализационные коллекторы, очистные сооружения. Большая часть посвящена работе коммунальных служб в 1920–1930-х и 1960–1970 гг. Рассмотрена проблема современных мусорных полигонов города и сделан вывод по необходимости перспективного развития санитарных служб Новосибирска.

Ключевые слова: Новосибирск; ассенизация; туалеты; канализация; мусор; собаколовы.

Введение. Вопрос очистки города от мусора и работа его санитарных служб ранее не рассматривалась в публичном пространстве. Лишь А.В. Горшенин в своей работе о МУП «Горводоканал» касался развития канализации [2]. Представляется актуальным проследить развитие данной, несомненно, важной отрасли городского хозяйства с самого момента ее образования.

Материалы и методы. Основным источником исследования стали документы фондов отдела коммунального хозяйства Новосибирского горисполкома, находящиеся в муниципальном архиве г. Новосибирска (НГА) [6–8], а также заметки в прессе соответствующего периода.

Результаты. Вопрос чистоты города оказался в центре внимания властей уже в начале XX в. Первые «отхожие места»: санитарный обоз, ассенизационный отвал, кладбище животных были организованы в двух километрах за городом по дороге в с. Каменское. Сейчас эти места находятся почти в центре города, на них расположены жилые и производственные здания.

Деревянный Ново-Николаевск не мог похвастаться общественными туалетами. Уборные находились в дальних углах усадеб. У тех строений, что приютились на краю оврагов, фекалии автоматически сваливалось прямо вниз и после вымывались весенними паводками. Те, у кого такой «естественной» канализации не было, пользовались услугами ассенизаторов, в распоряжении у которых поначалу было только несколько лошадей, деревянных колод и несколько десятков ведер. Плата за очистку и вывоз бочки объемом в 40 ведер составляла 1 руб. (современные 700–750 руб. при пересчете через продовольственную корзину). Проезжая по улицам, эти бочки оставляли за собой шлейф страшных миазмов.

Первый общественный туалет в городе появился около 1909 г. в саду «Альгамбра», позднее они были оборудованы кинотеатре Махотина на Базарной площади, в доме Мамонтова (будущая гостиница «Метрополитен» на нынешней ул. Революции), в школах арх. А.Д. Крячкова, но опорожнялись они все вручную.

В годы первой мировой войны, с прибытием в город большого количества военных, а также военнопленных, нечистоты стали серьезной проблемой. Возникла эпидемиологическая угроза. 22 сентября 1915 г. Ново-Николаевская городская управа извещала горожан, что «в связи с тем, что город признан угрожающим по холере» создается ассенизационный обоз «с достаточным количеством

лошадей и бочек» и предлагала жителям немедленно озаботиться очисткой дворов и клозетов. Место отвала было определено за кирпичными сараями по левой стороне дороге в с. Каменское (ныне пр. Дзержинского). Жителям Закаменской части полагалось нечистоты везти в отвалы к реке Плющиха, на границе с деревней Иня (ныне район автомобильной эстакады на ул. Кирова).

В 1923 г. была организована хозрасчетная организация «Хозкомбинат № 2» Новониколаевского ГОМХа (городской отдел местного хозяйства). Строительство в городе водопровода и канализации были названы неотложной задачей, и губкомунотделу было поручено в месячный срок разработать проект их строительства. Были проведены необходимые изыскания, и в 1926 г. началась прокладка первых километров канализационных сетей.

В 1924 г. подотделу благоустройства ставились следующие задачи: а) весенние работы по очистке улиц и площадей от зимней грязи, б) ежедневная очистка базарной и других площадей общего пользования, в) рытье на отвалах новых ям для свалки нечистот, завалка ям уже наполненных нечистотами, г) санитарный надзор, а также охрана отвалов и животного могильника, находившегося по данным ревизионной комиссии в «вопиющей антисанитарии», д) завалка и укрепление оврагов, е) охрана бульваров, садов, кладбищ и др. Кроме того, предполагалось участие в дорожном строительстве, мощении улиц и базарной площади. Постановлением от 26 марта 1926 г. подотдел благоустройства вошел в отдел коммунального хозяйства Новосибирского горисполкома [7].

При усадьбе ассобоза имелось 7 старых жилых домов для рабочих, «в коих размещено до 70 % всех работников обоза» [8, д. 5, л. 17]. Инвентаризационная ведомость от 4 и 5 мая 1925 г. указывает, что ломовой и ассенизаторский обозы «Хозкомбината № 2» обладали приличным недвижимым и движимым имуществом: несколько деревянных домов, конюшни, кузница, шорная, шахтовый колодец, сарай для отловленных собак; более четырех десятков лошадей и козу. В имуществе гаража в качестве «мертвого капитала» значатся: автомобили «Митчень», «Рено», «Ленч» и «Тух» (орфография сохранена) с 98 % износа [8, д. 1, л. 50–51, 58–65, 70]. Контора «Хозкомбината №2» находилась на ул. Барнаульской № 27 (ныне Щетинкина), председателем был т. Кошурников.

При ассобозе находился собачий двор. Собаколовы получали по 40 коп. за каждую пойманную собаку [8, д. 4, л. 95, 97]. Работало 2 фургона. За сезон 1924/25 гг. было реализовано 1832 собачьих шкуры [8, д. 3, л. 160б., 17]. В 1926/27 гг. отловлено 4 695 собак, план перевыполнен на 201 %. Видимо, собачий двор действительно работал на славу, о чем говорит следующая ремарка в отчете: «несмотря на крупные достижения в работе собаколовов, все же Хозкомбинату на эту область работы необходимо обратить серьезное внимание, где имеется много ненормального, вызывающего вполне справедливые нарекания со стороны населения города» [8, д. 5, л. 60б, 17, 18].

В обозе работало 31 чел. (при 40 по штатному расписанию), из них 21 непосредственно собирали нечистоты. Средний заработок рабочего – 38 руб. 10 коп., служащего – 83 руб. 75 коп. [8, д. 13, л. 27]. В месяц вывозилось 3 212 ящиков по цене до 1 руб. 25 коп. за ящик, в зависимости от района [8, д. 4, л. 90, д. 8, л. 40]. План 1926/27 гг. был выполнен на 88,2 % (22 883 ящика против 38 544 плановых) [8, д. 5, л. 18]. Под управлением «Хозкомбината» были и городская скотобойня, и купальня [8, д. 1, л. 80], и коммунальные номера, которые располагались в 2-хэтажном здании бывшей бани г-на Шаап по ул. Омская, 1 с 24-мя «номерными

комнатами» стоимостью от 2 до 6 руб. в сутки. Сохранился даже список подотчетных лиц 1925 г. – самая большая задолженность была у тов. Розепина – 977 руб. 29 коп. [8, д. 4, л. 90, д. 8, л. 40].

С самого своего начала ассобоз работал с неполной нагрузкой (80 %). В 1924/25 гг. убыток оставил 18,66 %, в 1925/26 г. – 17,56 % [8, д. 3, л. 5, 9]. В 1926 г. в ассобозе вскрылась большая недостача сена. Более 6000 пудов на сумму 1864 руб. 25 коп. Причем большая часть ее ($\frac{1}{3}$ от общего объема) у заведующего обозом тов. П.Ф. Татарникова. Ревизионной комиссией, недостача была истолкована не как злостная растрата, а как небрежное расходование без соблюдения строго установленной дневной дачи сена при холодных конюшнях. Тем не менее, комиссия высказалась за взыскание с тов. П.Ф. Татарникова 608 руб. 64 коп. (с учетом перетруски и гнилья) [7, д. 39, л. 1–3].

Город стремительно рос. В 1925 г. образована новая административная единица – Сибирский край с центром в Ново-Николаевске. В том же году был составлен пятилетний план коммунального строительства, в котором на создание канализации было запланировано 3,5 млн. рублей [1].

В 1926 г. нормы вывоза нечистот на жителя Новосибирска составляли 2 ящика в год. Кроме «Хозкомбината», вывозом нечистот занимались еще и исправительно-трудовые дома № 1 и № 2, ведомственные ассобозы (Омской и Алтайской железной дороги), частные лица. Несмотря на это, в 1925/26 г. удалось вывезти только 55,08 % всех нечистот, причем доля Хозкомбината составила лишь 11,63 % [7, д. 4, л. 80б]. Частники брали за работу намного меньше Хозкомбината, но при этом не довозили нечистоты до места отвала, а выливали их прямо на улицы города [8, д. 5, л. 18]. Несмотря на общее оздоровление экономического состояния «Хозкомбината» и его общую прибыльность от 7 до 22 %, такие его подразделения как купальня, автотранспорт, горперевоз, водообоз и ассобоз стабильно давали убытки от 14 до 48 %.

С 1926 г. заведующим «Хозкомбината № 2» становится С.М. Винокур, заведующим ассобозом работает Татарников, ассенизаторами Страшков, Игишев, Лидочин [8, д. 3, л. 62, 64]. На 1 октября 1927 г. «Хозкомбинат» объединял 16 предприятий: 2 бани, 9 водокачек, 1 водообоз, один ассенизаторский обоз и собачий изолятор при нем, 1 коммунальные номера, 1 ремонтную мастерскую и 2 горперевоза на Чернышевском спуске, с отделением на левом берегу, в Яренском затоне [8, д. 3, л. 7]. Перевоз обслуживался буксирным пароходом «Орлик» в 125 л.с., 2 баржами на 75 подвод каждая и 2 причальными [8, д. 12а, л. 31, 32].

Весь следующий год комбинат активно разрастался. 15 декабря 1927 г. при нем образовано новое предприятие по санитарной очистке города «Мусороочистка». 20 декабря 1927 г. к нему было прикреплено «Похоронное бюро», с 1 июня – гостиница «Сибирь» в 48 комнат, с 8 июля 1928 г. – Центральная гостиница в доходном доме в 116 комнат, с 1 августа 1928 г. – городские отвалы: Центральный, Закаменский и Семипалатинский. Трест получил новое наименование «Новосибирский трест местных коммунальных предприятий общественного пользования» [8, д. 13, л. 23, 28].

В 1929 г. вступила в действие первая канализация. Вдоль ул. Бийской (ныне Депутатская) был проложен первый канализационный коллектор длиной 3,2 км. Он собирал нечистоты от зданий Промбанка, Доходного дома, Госторга, Дворца Труда, Сибгосоперы (всего 24 дома). Строился он по проекту профессора Томского технологического института Н.С. Макерова [2]. Очистная станция была по-

строена в створе улицы на краю Михайловского лога (ныне здание Сбербанка на пр. Димитрова, 2). Ее мощность составляла 360 куб. м. в сутки. Очистные сооружения состояли из песколовки, эмшерного колодца для отстаивания воды, иловой площадки для обезвоживания и дезинфекционного бассейна для обработки хлоркой. После такой очистки стоки посредством лотков по логу уходили в Обь. Через год протяженность канализационной сети достигла 7,5 км [9, стб. 884].

В конце 1920-х гг. жилая (селитебная) часть Новосибирска составляла 64 %, площадь проездов – 34,5 %, а площадь зеленых насаждений – всего 1,5 %. Плотность населения и обеспеченность населения жилой площадью были крайне низкими (4,16 кв. м). Городскими властями было решено увеличить плотность жилой застройки почти в четыре раза. Но вопрос плотности населения нельзя было рассматривать «узко с экономической точки зрения». Как указано в документе: «Решающее» значение имели санитарно-гигиенические требования: чистота воздуха, инсоляция, наличие зеленых насаждений и т.д. [4, д. 376, л. 37]. В докладе «О жилищном строительстве в Новосибирске» сказано: «Мероприятия государственной власти должны идти в первую голову в направлении спасти неправильно застраиваемые земельные площади городов, а во вторую очередь в направлении повышения качества самой постройки». Поэтому одной из главных задач жилищного строительства города на первую пятилетку стала задача регулирования застройки и обеспечения жилья «городским благоустройством» (водопровод, канализация, освещение, автобусное сообщение, устройство: мостовых, тротуаров, мостов, набережных, садов, бульваров, систем мусороочистки и т.д.). Для содействия развитию озеленения предлагалось уменьшить земельную ренту с территорий усадебных участков, занятых садом или огородом – чтобы «преобразовать город, превратив его в сплошной фруктовый сад, понизить пожарные опасности и избавить город от той пыли, которая является в настоящее время истинным бичом для народного здоровья» [4, д. 381, л. 5–6].

Трест местных коммунальных предприятий пережил целый ряд реорганизаций и смен названий. 1 октября 1929 г. Новосибирский коммунальный трест «Хозкомбинат» были слит с Новосибирским коммунальным трестом «Водосвет», занимающегося эксплуатацией Центральной электростанции им. Калинина, постройкой водопровода и канализации под общим названием Новосибирский трест коммунальных предприятий общественного пользования «Коммунтрест». В 1931 г. из «Коммунтреста» в самостоятельные предприятия были выделены водоканализация и речные переправы. Тогда же, 5 июня 1931 г. отдел коммунального хозяйства Новосибирского горисполкома был переименован в коммунальное управление Новосибирского горсовета, а 21 мая 1937 г. в «Горкомхоз» [7, справка].

В годовом отчете за 1936 г. предприятие называется «Ново-Сибирским Трестом Очистки города» и располагается по адресу ул. Мичурина, 105. Отчеты 1938–39 гг. говорят о том, что в «Новосибирском тресте доменной очистки», созданном 1 июня 1936 г. при слиянии двух сантехкомбинатов, помимо основного его деятельности добавляются снегоочистка, содержание центральной городской уборной, скотомогильников, полевое хозяйство: посев овса и уборка сена. «Состояние учета в тресте доведено до полного ажюра» [7, д. 138, л. 164]. За предприятием числится 158 единиц конного транспорта, автомашины: поливочная машина, три полуторки, пять трехтонников и даже один пятитонник. Из них 5 ассенизаторских и 4 мусоровоза. В 1938 г. было вывезено 160,1 тыс. куб. м. мусора, из

них 110,5 автотранспортом. На 1 января 1939 г. в городском хозяйстве 1 ассенизационное поле (130 га), 25 отвалов (15 га).

Но планы по уборке города постоянно срывались. Не хватало транспорта, горючего, запчастей, спецодежды, а главное «ввиду специфичности работ» на предприятии стабильно ощущается дефицит кадров: например, в 1938 г. здесь работает 320 человек (против плановых 384). Управляющий трестом очистки – т. Сорокин [7, д. 129, л. 51–52об.]. Выделен также левобережный Кировский сантехкомбинат. На 1 января 1938 г. в нем числится только 25 лошадей, на которых на 1937 г. ввезено 22 828 куб. м. нечистот. На 1 января 1939 г. в районном отделении было 2 небольших ассенизационных поля (10 га) и 30 работников [7, д. 129, л. 54об.]. Объемы вывоза нечистот с 1935 по 1939 г. выросли более чем в 2 раза (с 28 тыс. тонн до 58,5), а мусора в 6 раз (с 6,5 тонн до 40) [7, д. 153, л. 1].

Значительное внимание уделялось организации и решению производственных, социальных и бытовых вопросов внутри предприятия: увеличен и отремонтирован автопарк, оздоровлен конский состав, отремонтированы баня, гараж, обновлена спецодежда, построен водопровод. В 1938 г. отремонтировано 44 квартиры для рабочих и служащих и еще 10 вновь оборудовано, 120 человек было охвачено технической учебой, развивается стахановское движение. Бригады тт. Кузьмина и Гридина выполняют производственные задания на 120–130 %, а целый ряд отличников – метельщик И.Я. Киреев, И.Д. Кубряк, В.И. Белошапкин и др. выполняют плановые задания от 150 до 318 % . Зарплата стахановцев в среднем составляет более 170 % номинальной. Например, грузчик Цыганков Р.И. в первом полугодии 1939 г. получил 483 % заработной платы [7, д. 154, л. 4]. 114 чел. охвачено учебой в техникуме, 98 сдало экзамены по зооветминимуму и правилам дорожного движения. Среди социальных льгот – 4 человека отдохнули в доме отдыха, 3 съездили на курорт, 7 выдвинуто на руководящую работу, 8 премировано деньгами и вещами, а огромному количеству рабочих оказана помощь по вывозке дров, угля, картофеля с огородов [7, д. 138, л. 165–167об.].

В 1940 г. два старых, еще дореволюционных ассенизаторских отвала площадью в 100 га были закрыты санитарной инспекцией, поскольку находились уже глубоко в черте города, и было выделено новое поле с площадью 42 га. В планах постройка двух сливных станций для нечистот в Заельцовском и Октябрьском районах [7, д. 170, л. 23, д. 174, л. 10]. В штатах треста самый большой сектор занимали сторожа городских отвалов.

Великая Отечественная война, конечно, внесла коррективы в работу предприятия. Ушли на фронт немногочисленные молодые работники, в армию были переданы и самые здоровые лошади (на 1 января 1943 г. на предприятии их оставалось лишь 93 головы), из собственного автотранспорта осталась только одна ассенизаторская цистерна. Недоставало хлора. На $\frac{3}{4}$ сократилась площадь убираемой территории. Управляющим трестом домовой очистки работал т. Дозорец [7, д. 166, л. 33, 36]. Конечно, город как мог сам помогал уборке – воскресниками, автотранспортом предприятий.

30 сентября 1943 г. решением Совнаркома РСФСР «Горкомхоз» был реорганизован, а на его базе было создано Управление благоустройства и коммунальных предприятий Новосибирского горисполкома [7, справка]. В 1950 г. получило развитие трасса внешнего канализационного коллектора в Левобережье. Стройтрест № 43 продолжил его строительство по ул. Вокзальной (ныне Станиславского) с системой аварийного выпуска в р. Тула [5]. В первой половине 1950-х гг. продол-

жалось строительства канализации в Первомайском районе, начались работы по сооружению главного канализационного коллектора по улице Дуси Ковальчук. Коммунальные предприятия продолжают реорганизовываться. В марте 1958 г. создается хозрасчетное подразделение горисполкома «Управлением водопроводно-канализационного хозяйства», занимавшимся эксплуатацией водозабора, водопровода, канализации и очистных сооружений [2]. В январе 1965 г. ликвидируется Управление благоустройства и коммунальных предприятий, на его базе создаются Управление коммунальных предприятий и Управление благоустройства (решение ГИК № 8 от 13.01.1965) [6, д. 1, л. 1]. 24 сентября 1966 г. спецавтохозяйство по очистке и вывозке бытового мусора было передано Управлению коммунальных предприятий.

Во второй половине 1960-х гг. весной ежегодно практиковалось проведение месячников чистоты и образцового порядка, где первоочередной внимание уделялось «санитарной чистке территории домовладений с обязательной вывозкой нечистот и мусора в установленные места свалок». Оборудовались специальные асфальтовые и бетонные площадки для контейнеров и мусорных ящиков, сами «контейнерные банки» ремонтировались, красились, белились деревянные помойные ящики, уборные. Наружные туалеты и помойные ямы обрабатывались дезинфицирующими средствами, ликвидировались незаконные места свалок, благоустраивались официальные подъездные пути к ним. Весь город «умывался» и огромную роль в этом играло «Спецавтохозяйство», которое переводилось на двухсменную работу с захватом ночного времени [6, д. 26, л. 4–6, 25].

Но с канализационной очисткой положение было ужасающим. С каждым годом объем отходов только рос, а очищать их было негде, и стоки жилых кварталов и промышленных предприятий (около 800 тыс. куб. м. в сутки) текли прямо в Обь. Весной город буквально плавал в собственных отходах. Наконец-то в 1966 г. главный правобережный канализационный коллектор был запроектирован. Он имел диаметр 1840 мм и его путь протяженностью 8 км шел по территории Центрального, Железнодорожного и Октябрьского районов. Строительство шло более десятка лет. А пока вывоз отходов оставался на «Спецавтохозяйстве». И, надо отметить, что работа его была очень успешной. Производственный план стабильно выполнялся. В 1969 г. на 107,4 %, в 1971 – на 105,6 %, в 1972 г. – на 103 % [6, д. 67, л. 1, д. 97, л. 41, д. 110, л. 26, 39]. Объемный показатель на конец 1972 г. вырос до 1000 тыс. куб. м.

Большая работа проводилась и по снижению себестоимости перевозок. Были построены подъездные пути к отвалам. В 1969 г. на балансе предприятия состояло 92 мусоровоза, 60 ассенизаторских машин и еще 4 десятка прочих. Автопарк работал по 10–12 часов, а многие машины работают также в субботние и воскресные дни, водители совмещают должности грузчиков, в связи с чем себестоимость вывоза нечистот снижена до 5,9 коп. за куб. м. [6, д. 67, л. 8, 9].

Сверхплановая прибыль (в 1967 г. – 9 973 руб.) направлялась на социальные нужды (приобретение оборудования и инвентаря для пансионата, строительство пионерского лагеря) [6, д. 26, л. 17]. Наибольшие трудности на предприятии были у конторы по сбору пищевых отходов. Установленный план вывоза в пригородные совхозы не выполнялся, хозяйство несло постоянные убытки. Это было связано с низкой организацией сбора отходов, нерегулярным их вывозом, из-за чего многие домоуправления совсем переставали заниматься сбором пищевых отходов [6, д. 86, л. 17, д. 110, л. 50]. С 1 февраля 1973 г. хозяйство перешло на талонную

систему расчетов с домоуправлениями, что позволило точно определять объемы вывозки мусора и нечистот [6, д. 132, л. 40].

На 1 января 1970 г. численность работников предприятия составила 536 чел., из которых 150 женщин [6, д. 67, л. 82]. Несмотря на постоянно проводимое профессиональное обучение, повышение квалификации работников, занятия в кружках комтруда и экономических знаний, текучесть кадров на предприятии традиционно очень велика. Эта проблема касалась и руководителей, которые менялись почти каждый год: Агарков (1969), А. Соколов (1971), А. Вуцан (1974). В 1970 г. коллектив Спецавтохозяйства обновился на треть – по различным причинам уволилось 187 чел. (подавляющее большинство по собственному желанию), прибыло 214 работников [6, д. 97, л. 7], а в 1972 г. произошло обновление коллектива почти наполовину при численности 611 чел. было уволено 258, а принято 290 [6, д. 110, л. 77]. Большой процент среди работающих составляют пенсионеры, а также люди, уволенные по 33 статье или ранее судимые [6, д. 273, л. 135].

На предприятии хорошо была поставлена работа по социалистическому соревнованию, рационализаторству. В юбилейный, 1970 г. коллектив Спецавтохозяйства досрочно выполнил свои социалистические обязательства. План восьмой пятилетки по всем показателям был выполнен 1 октября, а годовой – 14 декабря. Был отремонтирован детский комбинат, каждый работник отработал 24 часа на строительстве пионерского лагеря, 15 бортовых автомобилей участвовало в уборке урожая [6, д. 86, л. 3]. План 9-й пятилетки был выполнен также досрочно – 25 октября, а 1975 г. – 16 декабря [6, д. 177, л. 32]. Благоустроена территория профилактория, освещена прилегающая к конторе улица, оказывается шефская помощь детскому комбинату № 237, школе № 16, колхозу «Мировой Октябрь» Венгеровского района. План 10-й пятилетки коллектив выполнил 4 октября, а 1980 г. – 18 декабря [6, д. 273, л. 126].

Помимо вывоза мусора и нечистот, пищевых отходов, предприятие занимается обслуживанием 28 городских общественных туалетов, отловом бродячих собак и кошек. Этим ежедневно заняты 3-4 машины. В 1975 г. отловлено и подобрано 4 750 собак (из них 1403 мертвых), 1350 собак сдано институту, ободрано 1284 собаки, в кожевенный комбинат сдано 1731 шкура на сумму 808 руб. 98 коп. [6, д. 177, л. 32]. На предприятии регулярно проводится рационализаторская работа. Ежегодно подаются и внедряются 3-4 технических предложения, касающиеся автотранспорта, ассенизационных и мусорных контейнеров. В 1977 г. было подано и внедрено 16 рационализаторских предложений с экономическим эффектом 2 204 рубля [6, д. 223, л. 37], а в 1978 г. – 9, но с эффектом уже 5 492 руб.

В 1978 г. 497 чел. было охвачено индивидуальным соревнованием, 178 чел. подтвердило высокое звание «Ударник коммунистического труда», еще 16-ти оно было присвоено. Трудовой почин «Октябрьцы – Октябрю», который предусматривает выполнение годового плана ко Дню Октябрьской революции (7 ноября) поддержали 32 чел., к первой годовщине принятия новой конституции – 7 октября – 20 чел. 18 сотрудников ИТР приняли личные творческие планы [6, д. 242, л. 52].

Инициаторами являются мастер Стаценко П.П. и бригадир водителей Желудков В.Ф. Они первыми перешли на работу в 2 смены и работу бригадным методом обслуживания участков, что дало повышение производительности труда по хозяйству на 125 с экономическим эффектом в 7 000 руб. [6, д. 242, л. 53]. Водителю Хвощевскому В.М. присвоено звание «Заслуженный работник жилищно-коммунального хозяйства РСФСР» [6, д. 258, л. 1].

В 1978 г. работникам предприятия выделено 8 кооперативных квартир (из них пять трехкомнатных), а в 1979 г. – 10 кооперативных, в 1980 г. – 3 государственных и 8 кооперативных [6, д. 273, л. 131]. В 1978 г. материальная денежная помощь выделена 144 работникам, другим оказана помощь стройматериалами. В столовой организовано диетпитание, для 36 человек, согласно врачебных справок, бесплатно. Для оздоровления трудящихся летом организуются выезды на теплоходе, автобусные экскурсии, поездки, за ягодами, за грибами, на рыбалку, зимой лыжные выезды, где сдаются нормы ГТО, а также соревнования по шахматам, шашкам и другим видам спорта [6, д. 242, л. 54]. В 1979 г. по путевкам в санаториях и домах отдыха отдохнуло 55 человек, еще 25 получили туристические путевки (в том числе в Москву) [6, д. 273, л. 132]. Для детей есть пионерский лагерь на 120 мест, который находится Тальменских лесодачах Искитимского района [6, д. 257, л. 132, 133].

В 1960-х гг. «Спецавтохозяйство» размещалось в Октябрьском районе по ул. Пролетарской, 167, а также имело автобазу на Гусинобродском шоссе, 58. Работало два полигона твердых бытовых отходов (ТБО) – Гусинобродский и Левобережный. В конце 1970-х гг. началось строительство новой базы на 450 автомашин [6, д. 258, л. 3] в Кировском районе (Северный проезд, 10), где предприятие и находится в настоящее время.

Также к концу 1970-х гг. наконец-то было закончено строительство главного правобережного канализационного коллектора. В районе 2-й Ельцовки по дну Оби были проложены два дюкера, по которым стоки перекачивались к левобережным очистным сооружениям, которые строились ниже по реке в Кудряшовском бору. Один из проектов предполагал строительство комплекса в Затоне, но экологами и производственникам удалось добиться более перспективного, масштабного, хотя более дальнего и затратного варианта.

Очистные сооружения, включающие в себя около 80 различных объектов, начали возводить в 1973 г. на площади в 100 га. Их производительность достигала 1,2 млн. куб. м. в сутки, а стоимость строительства была соизмерима с затратами на возведение Октябрьского моста через Обь [2]. В конце 1980 г. первая очередь самых крупных за Уралом очистных сооружений была принята в эксплуатацию. Сброс канализационных вод в Обь полностью прекратился в сентябре 1990 г., когда была запущена вторая очередь с циклом механической и биологической очистки.

Водопровод и канализация в Новосибирске стали крупнейшими инженерными и водохозяйственными системами страны, третьими по масштабам после Москвы и Ленинграда. В 2016 г. на очистных сооружениях канализации принят в эксплуатацию блок ультрафиолетового обеззараживания сточных вод производительностью 550 тыс. куб. м в сутки. Данный метод высокоэффективен и обеспечивает уничтожение микробиологических загрязнений перед выпуском в реку. Запуск этого блока, в совокупности с комплексами ультрафиолетового обеззараживания питьевой воды на насосно-фильтровальных станциях, позволил полностью замкнуть цикл обработки воды ультрафиолетом как перед подачей ее населению, так и после очистки стоков. Тем самым обеспечена гарантия экологической и санитарной безопасности Новосибирска и всех прилегающих территорий.

По-прежнему актуальна проблема полигонов твердых бытовых отходов. Ежегодно Новосибирск производит более 2 млн. куб. м ТБО. И эта цифра стабильно растет. Сегодня на территории Новосибирского района их четыре (на Гу-

синобродском и Ордынском шоссе, в Пашино и Кольцово). Самый крупный из них (площадью 49 га и емкостью 107,7 млн. куб. м) в черте города. Все они переполнены или близки к этому. Сортировкой отходов занимаются восемь предприятий, перерабатывающих до 4 тонн мусора в месяц. Единственный в городе мусороперерабатывающий завод № 2 находится в Кировском районе (Северная, 15) и из года в год терпит убытки.

Еще в 2016 г. Правительство Новосибирской области заключило концессионное соглашение о строительстве двух мусороперерабатывающих заводов и прилегающих к ним полигонов в районе поселений Ярское и Верх-Тула. Неоправданная дороговизна и возможность стоков в близлежащие речки Иню и Тулу вызвала в Новосибирске резкий протест общественности, вылившийся в серию митингов и пикетов [3]. Проект получил народное название «мусорная афера». Его дальнейшая судьба пока никому не ясна.

Заключение. На основании исследования источников хорошо видно, что вопросами отходов и канализации города серьезно начинали заниматься лишь тогда, когда ситуация принимала критический характер. Это касается и обострения по холере 1915 г., и разливов стоков в 1960-х гг. Сегодня тот же принцип подтверждается переполнением мусорных полигонов. Лишь благополучное стечение обстоятельств позволило закончить строительство городских очистных канализационных сооружений прямо перед началом дестабилизации экономики. В противном случае, санитарно-эпидемиологическая обстановка в Новосибирске сегодня была бы гораздо более обостренной. Сложившаяся тенденция «остаточного» подхода к утилизации все возрастающего объема отходов города требует самого серьезного внимания в перспективном плане градостроительного развития Новосибирска.

Список литературы

1. Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства 1893–1945 гг. / С.Н. Баландин. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. – 135 с.
2. Горшенин А.В. Живая вода большого города (МУП «Горводоканал») / *История промышленности Новосибирска*. Том 2: Время вперед! (1918–1940). – Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2004. – С. 13–73.

Список источников

3. Белова Л. Отходное место // *Коммерсантъ Сибирь. Новосибирск*. – Приложение № 68 (6306) от 19.04.2018. – С. 14.
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1993. Оп. 1
5. ГАО. Ф.П-11796. Оп. 2к. Д. 18. Л. 8
6. Новосибирский городской архив (НГА). Ф. 63. Оп. 1
7. НГА. Ф. 331. Оп. 1.
8. НГА. Ф. 532. Оп. 1.
9. *Сибирская советская энциклопедия*: в 4 т. Т. 2: 3–К / Под общ. ред. М.К. Азадовского [и др.]. – М.: Зап.-Сиб. отд-ние ОГИЗ, 1931. – 1152 с., [42] л. ил., карт.

Громова А.С.
swampssun@gmail.com
 ТГАСУ, г. Томск, Россия

Научные руководители: доцент Савельева Н.В.,
 доцент Литвинова О.Г.

УДК: 159.937.24

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Исследование выполнено в рамках выпускной квалификационной работы.

Аннотация. В статье, на примере здания бывшего городского ломбарда на ул. К. Маркса, 26 в городе Томске, рассматриваются особенности восприятия объектов культурного наследия.

Ключевые слова: реставрация; методы сохранения; виды восприятия.

Введение. До сих пор при проектировании новых и анализе уже существующих зданий рассматривается лишь зрительное восприятие архитектуры человеком, тогда как другие виды восприятия игнорируются. Однако архитектурный образ подсознательно складывается из совокупности всех аспектов восприятия.

Материалы и методы. Объектом исследования является здание бывшего городского ломбарда на ул. К. Маркса, 26 в г. Томске.

Ведущим видом восприятия человеком архитектурной среды является зрительное восприятие [1–4]. Однако помимо этого, связанного с органами чувств, есть еще смысловые, ценностные аспекты восприятия архитектуры. В.В. Шилин считает, что архитектурные формы содержат в себе несколько основных типов стимулов:

- *информационные стимулы*, ориентирующие человека в пространстве значений архитектуры, ее исторического контекста;
- *активные стимулы*, которые передают эмоционально заряженный характер среды: экспрессию, контраст, необычность, оригинальность, остроту и непривычность архитектурных форм;
- *нейтральные стимулы*, передающие стабильность архитектурной среды: обычность, банальность, однотипность, однообразие элементов, привычность;
- *успокаивающие стимулы* – гармоничные сочетания форм, мягкие, спокойные элементы, природные образы.
- *негативные стимулы* – шумовые наложения цветов и объемов, утомляемость, монотонность, подавление, неконтролируемость [3].

В процессе восприятия архитектуры иногда возникают так называемые «шумы», которые могут исказить получаемую информацию. И.И. Сердеюк выделяет три вида таких шумов:

1. Синтаксический шум – охватывает различие между «посланным» и «полученным» в рамках архитектуры, то есть в ее построении, особенностях композиции и формы.

2. Семантический шум – влияет на понимание, толкование архитектурной постройки.

3. Прагматический шум – возникает, когда встречается само творение архитектора и зритель.

Также на восприятие архитектурного пространства могут влиять и другие параметры среды: например, погода, окружение, особенности самого человека в данный период времени – это временные, сезонные, градостроительные и другие шумы [2].

Результаты. Объекты культурного наследия всегда отчетливо выделяются в общей массе городской застройки. Поэтому очевидно, что научный интерес имеют характеристики восприятия их архитектурно-художественного облика. Приняв за основу классификацию стимулов восприятия В.В. Шилина и виды информационных шумов И.И. Сердиюка, нами был изучен объект культурного наследия (памятник истории и культуры) Федерального значения «Бывший городской ломбард», расположенный в г. Томске, на улице К. Маркса, дом 26 (рис. 1–3).

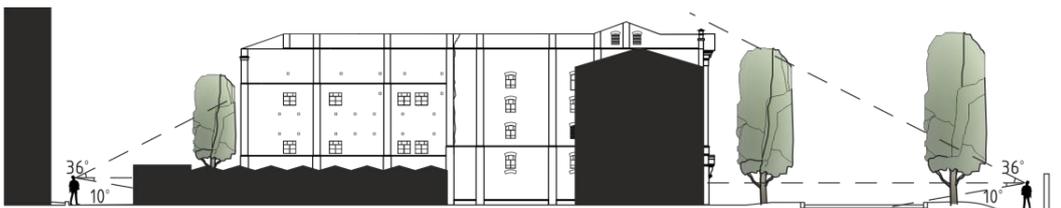

Рис. 1. Разрез улицы с построением визуального восприятия. Южный фасад. Автор: Громова А.С.

Рис. 2. Разрез улицы по территории объекта с построением визуального восприятия. Северный фасад. Автор: Громова А.С.

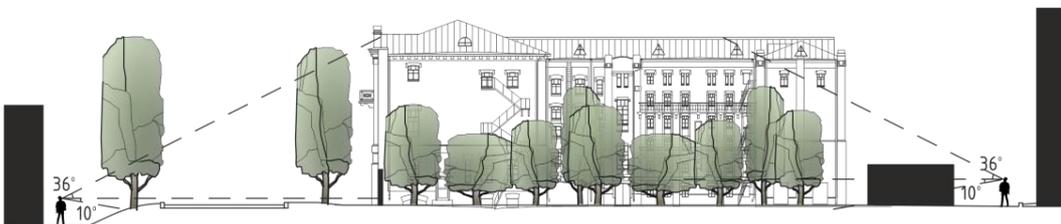

Рис. 3. Разрез улицы за пределами территории объекта с построением визуального восприятия. Северный фасад. Автор: Громова А.С.

В таблицу нами были сведены те стимулы, которые наиболее очевидно привлекают внимание людей именно к этому объекту (табл. 1). Относительно каждого стимула были сгруппированы критерии самого объекта, то есть его структурно-функциональные элементы, которые мы отнесли к тому или иному стимулу, а также раскрыта более детальная характеристика каждого критерия восприятия.

Таблица 1

Методы выявления критериев восприятия архитектуры на примере здания бывшего городского ломбарда на ул. К. Маркса, 26 г. Томск.

Стимулы	Критерии	Характеристики
1. Визуальный вид восприятия:		
1.1. Информационный	Лепной декор на главном фасаде	Информационная табличка с именем архитектора и датами строительства Композиции с датой основания ломбарда и датой постройки здания Герб города Томск
	Клейма на кирпичах	Стены дворовых фасадов выполнены из большеразмерного старого кирпича с клеймом завода Некрасова
1.2. Активный	Колоннада из 4-х полуколонн дорического ордера, с каннелюрами в нижней части полуколонн и орнаментом в виде ионик на верхнем валике капители	Признак неоклассицизма с авторской стилизацией
	Объемно-пространственная композиция.	Сочетание 6-ти и 3-х этажных объемов, объединенных под одной крышей.
1.3. Нейтральный	Южный и западный фасады.	Фасады объема хранилищ монументальны, выполнены без каких-либо декоративных элементов и разнообразия оконных проемов
1.4. Успокаивающий	Колористическое решение	Колористическое решение фасадов здания на 1912 г. было выполнено в зеленых оттенках
1.5. Негативный	Синтаксические – охватывает различие между посланным и полученным именно в структуре архитектуры, то есть в ее построении, особенностях композиции и формы.	При визуальном восприятии главного фасада у зрителя складывается впечатление, что все здание является трех этажным
	Градостроительный	Искусственный перепад рельефа. Плотная застройка квартала. Нарушение исторической среды квартала дисгармоничными постройками Ограждения территорий здания архива и соседнего здания закрывают северный фасад
	Погодные	В зимний период перед главным фасадом скапливается большое количество снега, тем самым закрывая часть фасада.
	Природные	Дисгармоничные, запущенные зеленые насаждения перед главным фасадом и с северного фасада

Окончание таблицы 1

2. Кинетический вид восприятия:		
2.1. Информационный	Материал и характер обработки фасадных поверхностей	На главном фасаде присутствуют 3 вида штукатурки гладкая штукатурка, фактурная штукатурка под «шубу», рельефная штукатурка
	Клейма на кирпичах	Стены дворовых фасадов выполнены из большеразмерного старого кирпича с клеймом завода Некрасова
2.2. Активный	–	–
2.3. Нейтральный	–	–
2.4. Успокаивающий	–	–
2.5. Негативный	Искусственный перепад рельефа.	–
3. Слуховой вид восприятия		
3.1. Информационный	Здание расположено вблизи проспекта Ленина, главной улицы города и на берегу реки Томи. Близкое месторасположение Богоявленского собора	Звук плотного потока машин смешивается со звуком воды в реке. Также информационный характер несет звон колоколов доносящихся из вблизи располагающегося Богоявленского собора
	Материал стен	При виде кирпичного оштукатуренного здания на подсознательном уровне человек представляет холодные фактурные стены
3.2. Активный	–	–
3.3. Нейтральный	Статичность и монументализм архитектурой формы	–
3.4. Успокаивающий	Классические материалы и отсутствие деформации	–
3.5. Негативный	–	–

Выводы. Таким образом, проведенный анализ сложившейся градостроительной ситуации памятника федерального значения позволил на отдельном примере показать, что восприятие архитектуры является сложным, многосоставным процессом, затрагивающим весь психологический аппарат человека.

Список литературы

1. Гудзь И.А. Психология восприятия городского пространства и ритмические начала архитектуры модерна / И.А. Гудзь // Архитектура и строительство. – 2012. – № 5 – С. 7–10.
2. Сердеюк И.И. Восприятие архитектурной среды / И.И. Сердеюк. – Львов: Вицашкола. Изд-во при Львов. ун-те, 1979. – 202 с.
3. Шилин В.В. Архитектура и психология. Краткий конспект лекций / В.В. Шилин; ННГАСУ. – Нижний Новгород: Нижегород. гос. архит.-строит. унт, 2011. – 68 с.
4. Элларт К. Среда обитания: как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. 2-е изд. / Колин Элларт; Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2017. – 288 с.

Иванова-Веэн Л.И.
marchimuseum@gmail.com
 МАРХИ, г. Москва, Россия

УДК: 72.01

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕТРОГРАДСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МАСТЕРСКИХ 1918–1922 гг.*

**Публикация выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00193А*

Аннотация. В статье анализируются сведения об исследованиях и публикациях по истории Петроградских Государственных свободных художественно-учебных мастерских (ГСХУМ), Государственных свободных трудовых учебных мастерских декоративных искусств (ГСТУМДИ) и ВХУТЕМАСа.

Ключевые слова. Петроградские Государственные свободные художественно-учебные мастерские (ГСХУМ); Государственные свободные трудовые учебные мастерские декоративных искусств (ГСТУМДИ); ВХУТЕМАС; Наркомпрос; мастерские: живописная, скульптурная, архитектурная, печатная.

Постановка проблемы. В этом году мировая художественная общественность отмечает 100-летний юбилей немецкой школы Баухауз (1919 г.), а в следующем году будет отмечаться юбилей московского ВХУТЕМАСа (Высшие художественно-технические мастерские, 1920 г.). Эти школы авангарда получили мировую известность и признание. Вместе с тем, российские Свободные Государственные художественные мастерские (СГХМ, 1918–1920 гг.), а затем ВХУТЕМАСы, возникшие в ряде крупных городов – Воронеже, Казани, Перми, Петрограде, Саратове и др. (1920–1921 гг.) – остаются малоизученными и неизвестными историкам архитектуры, в том числе за рубежом.

Исследование петроградских художественных школ 1918–1922 гг. началось сравнительно недавно. Историография этой темы является предметом настоящей публикации. Речь пойдет об истории изучения Государственных Свободных художественно-учебных мастерских (ГСХУМ) – бывшего Высшего художественного училища Императорской Академии художеств (ВХУ ИАХ) (*рис. 1*); Государственных Свободных трудовых учебных мастерских декоративных искусств (ГСТУМДИ) – бывшего Центрального училища технического рисования (ЦУТР) барона А.Л. Штиглица и Петроградского ВХУТЕМАСа (*рис. 2*).

Основное содержание исследования. До революции Академия художеств в Санкт-Петербурге была главным центром системы художественного образования. Ей напрямую подчинялись ВХУ, а также художественные училища Москвы и других городов России. В марте 1918 г. столицу перенесли в Москву, а в апреле, декретом СНК, была ликвидирована Академия художеств. Все художественные учебные заведения Советского государства перешли в ведение ИЗО Наркомпроса; это была первая реформа художественного образования в новой России. Главным учебным заведением по статусу стало бывшее Строгановское училище, переименованное в Первые СГХМ, а бывшее Училище живописи, ваяния и зодчества стало Вторыми СГХМ. Петроградские художественные мастерские (ГСХУМ, ГСТУМДИ, ВХУТЕМАС) получили региональный статус, оставаясь по масштабу и уровню крупными учебными заведениями, наравне с московскими.

Рис. 1. Здание Императорской Академии художеств (ИАХ), с 1918 г. – Петроградских государственных свободных художественно-учебных мастерских (ПГСХУМ). Фотография начала XX в. [18]

Рис. 2. Здание Центрального училища технического рисования (ЦУТР) барона А.Л. Штиглица, с 1918 г. – Государственных свободных трудовых учебных мастерских декоративных искусств (ГСТУМДИ). Фотография начала XX в. [17]

С 12 апреля 1918 г. ВХУ (после ликвидации Академии художеств) перешло в ведение отдела имущества Наркомпроса и стало именоваться Свободной художественной школой, а с августа – получило название ГСХУМ (второе название – Свомас). Осенью 1918 г. был проведен свободный набор учащихся в мастерские (столичные и региональные) и состоялись выборы руководителей мастерских (художников и архитекторов). Теперь мастерскими руководили представители не только академического направления, но и новых, «левых» течений в искусстве. Учащиеся могли переходить из одной мастерской в другую. Единого учебного плана у мастерских не было, и каждый профессор вел занятия по собственной методике и программам. Можно сказать, что система обучения была ориентирована на опыт средневековых мастерских, в которых ученики работали у конкретного мастера в качестве подмастерьев при создании его творческих работ.

Уполномоченным Петроградских ГСХУМ был назначен А. Карев, которого затем сменил И. Школьник. В составе мастерских стали работать четыре отделения: архитектурное, живописное, скульптурное и граверное (печатное). Среди руководителей мастерских были известные архитекторы и художники: Л. Бенуа, Д. Кардовский, А. Матвеев, М. Матюшин, К. Петров-Водкин, В. Татлин, И. Фомин и др. На протяжении двух с половиной лет существования ПГСХУМ состав профессоров-руководителей почти не менялся.

В июле и августе 1920 г. в Москве проходила Первая Всероссийская конференция учащихся и учащихся СГХМ, в результате которой была проведена вторая реформа художественного образования – преобразование СГХМ во ВХУТЕМАС. На основе Первых и Вторых СГХМ в Москве осенью 1920 г. был создан ВХУТЕМАС. В Петрограде в апреле 1921 г. ГСХУМ реорганизовали в Петроградский ВХУТЕМАС (с 1924 г. – Ленинградский ВХУТЕИИ).

Основным источником материалов о Петроградских ГСХУМ–ВХУТЕМАС является Научно-библиографический архив Российской Академии художеств (НБА РАХ). Здесь хранятся все документы по истории мастерских: личные дела педагогов и учащихся, программы отделений, организационные документы, самым ранним из которых является дело «О переходе быв. Академии Художеств и В.Х.У. в ведение Комиссариата Народного Просвещения. 1918 г.» [13]. Документы фонда НБА РАХ в целом были систематизированы научным сотрудником архива С. Мазулевой, которая составила подробную опись документов и подготовила историческую справку. Эти материалы остаются базовыми при изучении данной темы и используются при подготовке исторических справочников. Примером может служить юбилейное издание ИАХ, в котором приводится хронология реорганизации ВХУ в ГСХУМ [12, с. 11].

В НБА также хранятся курсовые и дипломные работы по истории ГСХУМ, выполненные студентами искусствоведческого факультета Художественного института им. И.Е. Репина. Так, в 1997 г. И. Алексеева выполнила работу по истории архитектурного факультета Петроградских ГСХУМ-ВХУТЕМАСа-ВХУТЕИИна, (рук. проф. В. Лисовский) [14]. Алексеевой подробно изучена деятельность архитектурных мастерских; в качестве иллюстративных материалов приведены несколько ранних учебных работ (из периодики и музея НИМ РАХ): Н. Акатьева, Н. Усова и Н. Троцкого. Материалы первой части дипломной работы (период 1918–1921 гг.) опубликованы [1].

Представляет интерес дипломная работа Е. Королевой на тему «Петроградские Государственные Свободные художественные учебные мастерские. 1917–

1920» (1999 г., рук. Р. Кандаура) [14]. В работе анализируются причины, приведшие к упразднению ИАХ и образованию ГСХУМ, приводится речь А. Луначарского на открытии мастерских 10 декабря 1918 г., а также тексты учебных заданий мастерских К. Петрова-Водкина и В. Татлина. На основе изучения периодических изданий тех лет («Искусство коммуны», «Художественная правда», «Петроградская правда», «Северная коммуна») Е. Королева дает картину художественной жизни ГСХУМ. В качестве изобразительного материала она приводит учебные работы – живописные женские портреты, выполненные в 1918 г. Е. Эвенбах (рук. К. Петров-Водкин). Материалы дипломной работы Королевой не были опубликованы.

В 2006 г. В. Лисовский издал исследование о мастерской архитектора Леонтия Бенуа, в котором рассмотрел как дореволюционный период, так и время реформ после 1918 г. [5].

Исследование по истории ГСХУМ было продолжено в курсовых работах и дипломном проекте студентки В. Скрипкиной в 2012 г. (рук. С. Грачева) – «Деятельность Петроградских Государственных Свободных художественно-учебных мастерских (ГСХУМ) в 1918–1921 годах» [15]. В дипломе на основе материалов НБА РАХ был описан процесс выборов профессоров-руководителей в 1918 г., проанализирована деятельность мастерских, а также составлена аналитическая хронологическая таблица с указанием количества студентов в каждой мастерской. Материалы дипломной работы Скрипкиной были опубликованы в сборнике научных трудов Русского музея [8] и послужили основой статьи в Энциклопедии русского авангарда [9].

В Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ) в 2011 г. на искусствоведческом отделении под руководством Е. Станюкович-Денисовой были выполнены две дипломные работы по истории Петроградских ГСХУМ – Ленинградского ВХУТЕИНа. В. Матвеева написала работу о скульптурных мастерских, А. Ларионов – об архитектурном факультете. В 2012 г. материалы этих дипломов были опубликованы [4; 6].

Тщательное изучение Петроградского ВХУТЕМАСа – Ленинградского ВХУТЕИНа по материалам НБА РАХ было проведено Э. Глинтерник. Основные результаты этого исследования были опубликованы в 2014 г. [2].

Вопросы истории петроградской художественной школы рассматривались также автором данной статьи. Наш интерес был вызван хранящейся в Музее МАРХИ коллекцией учебных работ архитектурного и полиграфического факультетов Ленинградского ВХУТЕИНа. В 2011–2013 гг. в рамках исследовательского гранта РГНФ «Творческое наследие русского авангарда архитектурно-художественных школ 1920-х гг.: формирование научно-источниковедческого аппарата» (рук. Л. Иванова-Везн) Е. Станюкович-Денисовой впервые были изучены ГСТУМДИ. Итоги ее исследований опубликованы [10; 11]; удалось установить, что ряд учебных работ хранится в фондах Государственного Русского музея (ГРМ) в Санкт-Петербурге.

Выводы. В настоящее время НБА РАХ остается важнейшим хранилищем первоисточников по истории Петроградских Свободных художественных мастерских. Анализ историографии ГСХУМ–ВХУТЕМАСа позволил выстроить хронологическую последовательность изучения петроградской художественной школы, выявить степень раскрытия исторических материалов, а также установить, где сохранились оригиналы связанных с ее историей документов.

В отличие от фондов Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), где документы СГХМ 1918–1920 гг. находятся внутри дел московского ВХУТЕМАСа (т.к. отдельный фонд СГХМ здесь не выделен), в НБА РАХ документы Свободных мастерских хранятся отдельно, что более удобно для работы исследователей. Изобразительные материалы хранятся в Музее РАХ, ГРМ и в Музее МАРХИ.

После намеченного на осень 2020 г. празднования 100-летнего юбилея ВХУТЕМАСа в Москве, в 2021 г. планируется совместно с Музеем РАХ подготовить выставку, посвященную истории Петроградского-Ленинградского ГСХУМ–ВХУТЕМАСа.

Список литературы

1. *Алексеева И.Л.* Петроградские государственные свободные художественно-учебные мастерские. К 90-летию создания // *Мавродинские чтения 2008*. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина / Санкт-Петербургский гос. ун-т, Ист. фак.; под ред. А.Ю. Дворниченко. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009. – С. 498–502.

2. Глинтерник Э.М. Петроградский ВХУТЕМАС-ВХУТЕИН // *Энциклопедия русского авангарда. Изобразительное искусство. Архитектура. В 3 т.* Т. 3. Кн. 1: История. Теория. А–М / Авт.-сост.: В.И. Ракитин, А.Д. Сарабьянов. – М.: Global Expert & Service Team, 2014. – С. 119–123.

3. *Иванова-Везн Л.И.* Первая реформа художественного образования в Советской России: создание СГХМ (1918–1920 гг.) // *Свободные государственные художественные мастерские. Из столицы – в регионы. 1918–1920-е гг.* = Free state art workshops. From the capital – to the regions. 1918–1920s: материалы Всеросс. конф., 24–26 декабря 2018 г., г. Москва, МАРХИ, МГХПА им. С.Г. Строганова / Московский архитектурный институт, Московская гос. худож.-пром. акад. им. С.Г. Строганова; [отв. ред. Г.В. Есаулов]. – М.: МАРХИ: МГХПА, 2018. – С. 21–26.

4. *Ларионов А.А.* Архитектурное образование в Академии художеств в 1920-е годы. Историографический аспект // *Художественное наследие и современность: сборник научных трудов*. Вып. 5: Предметы и пространства искусства: материалы межвузовской научно-практической конференции аспирантов и студентов 11 февраля 2009 г. / М-во образования и науки РФ, Санкт-Петербургская гос. худож.-пром. акад. им. А.Л. Штиглица, Каф. теории и истории архитектуры и искусств; [сост.: А.Ф. Дмитренко, В.С. Сперанская]. – СПб.: Санкт-Петербургская гос. худож.-пром. акад. им. А.Л. Штиглица: Каф. теории и истории архитектуры и искусств СПбГХПА им. А.Л. Штиглица, 2009. – С. 51–62.

5. *Лисовский В.Г.* Леонтий Бенуа и петербургская школа художников-архитекторов / В.Г. Лисовский. – СПб.: Коло, 2006. – 400 с.

6. *Матвеева В.* К изучению деятельности ленинградского скульптурного факультета 1918–1932 // *Художественное наследие и современность: сборник научных трудов*. Вып. 5: Предметы и пространства искусства: материалы межвузовской научно-практической конференции аспирантов и студентов 11 февраля 2009 г. / М-во образования и науки РФ, Санкт-Петербургская гос. худож.-пром. акад. им. А.Л. Штиглица, Каф. теории и истории архитектуры и искусств; [сост.: А.Ф. Дмитренко, В.С. Сперанская]. – СПб.: Санкт-Петербургская гос. худож.-пром. акад. им. А.Л. Штиглица: Каф. теории и истории архитектуры и искусств СПбГХПА им. А.Л. Штиглица, 2009. – С. 75–82.

7. *Попова Л.И., Иванова-Везн Л.И.* Скульптурные мастерские в художественной системе СГХМ, 1918–1920 годов. Новые материалы // *Баухауз и художественные школы эпохи авангарда: Материалы международной конференции, 17–19 апреля 2019 г.* / Отв. ред.: А.Н. Лаврентьев, В.Р. Аронов, Г.В. Есаулов; РАХ, НИИ РАХ, МГХПА, МАРХИ, НАД. – М.: МГХПА им. С.Г. Строганова, МАРХИ, 2019. – С. 228–230.

8. *Скрипкина В.П.* Художественное образование в Академии художеств (1918–1932). Работы студентов в коллекции отдела рисунка Русского музея // *Страницы истории отечественного искусства*. Вып. XVIII. Сб. ст. по материалам науч. конф. / Гос. Русский музей. – СПб.: Palace Editions, 2010. – С. 279–290.

9. Скрипкина В.П. Петроградские ГСХУМ // *Энциклопедия русского авангарда. Изобразительное искусство. Архитектура. В 3 т. Т. 3. Кн. 1: История. Теория. А–М* / Авт.-сост.: В.И. Ракитин, А.Д. Сарабьянов. – М.: Global Expert & Service Team, 2014. – С. 117–119.

10. Станюкович-Денисова Е.Ю. Петроградские государственные свободные трудовые учебные мастерские декоративных искусств (б. ЦУТР барона Штиглица) в 1918–1920 гг. // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки* / [СПГУТД]. – 2013. – № 3: Творческое наследие русского авангарда. Архитектурно-художественные школы 1920-х гг. – С. 74–78.

11. Станюкович-Денисова Е.Ю. Петроградские ГСТУМДИ // *Энциклопедия русского авангарда. Изобразительное искусство. Архитектура. В 3 т. Т. 3. Кн. 1: История. Теория. А–М* / Авт.-сост.: В.И. Ракитин, А.Д. Сарабьянов. – М.: Global Expert & Service Team, 2014. – С. 116–117.

12. Юбилейный справочник выпускников Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина Российской академии художеств, 1915–2005 / [Российская акад. художеств; Санкт-Петербургский гос. акад.; авт.-сост.: С.Б. Алексеева и др.]. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. акад. ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина, 2007. – 790, [1] с.

Список источников

13. Научно-библиографический архив Российской Академии художеств (НБА РАХ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 27.

14. НБА РАХ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 81.

15. НБА РАХ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 498б.

16. НБА РАХ. Ф. 11. Оп. 2. Д. 5207.

Список интернет-источников

17. Все для коллекционеров [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.auctionica.ru/old-album/auctions/1/291/> (дата обращения: 21.06.2019).

18. Старые фото, гравюры Петербурга [Электронный ресурс]. – URL: http://www.spbmuzei.ru/foto_starogo_spb3.htm (дата обращения: 21.06.2019).

Алексеев Е.П.
 ev-alex@yandex.ru
 УрФУ, г. Екатеринбург, Россия

УДК: 7.036+74.01/.09+93

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ШКОЛА В ЧИТЕ. ИЮЛЬ 1919 – ЯНВАРЬ 1921 гг.*

**Публикация выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00193А*

Аннотация. На основе вновь выявленных документов и свидетельств освещается история эвакуации Екатеринбургской художественно-промышленной школы (ХПШ) в 1919 г. из Екатеринбурга в Читу, ее деятельность в Чите и сложный процесс возвращения назад в Екатеринбург. Делается акцент на роль, которую сыграли уполномоченные Екатеринбургских свободных государственных художественных мастерских (СГХМ) в возвращении имущества школы.

Ключевые слова: Екатеринбургская художественно-промышленная школа (ХПШ); Читинская ХПШ; Екатеринбургские свободные государственные художественные мастерские (СГХМ); А.Ф. Боева; П.Е. Соколов; А.М. Тумбасов.

Постановка проблемы. История пребывания Екатеринбургской художественно-промышленной школы (ЕХПШ) в Забайкалье в общих чертах была известна давно. Об этом факте упоминал в книге «Художественная жизнь Сибири 1920-х годов» П.Д. Муратов [3, с. 18, 19]. Более подробно об эвакуации имущества школы на восток и о последующем возвращении рассказывал С.П. Ярков в исследовании «Художественная школа Урала» [4, с. 98, 103]. В последние годы были выявлены новые документы (Государственный архив Свердловской области) и свидетельства (материалы из частного архива архитектора А.М. Тумбасова), которые позволяют представить известные события в более детальном виде и проанализировать деятельность уполномоченных Екатеринбургских СГХМ по возвращению утраченного имущества.

Основное содержание исследования. ЕХПШ была открыта в Екатеринбурге в декабре 1902 г. на Вознесенском проспекте (рис. 1). Согласно уставу задача школы состояла в том, чтобы «давать обучающимся в ней общую и специальную подготовку для выполнения художественных работ по прикладным искусствам» [6, л. 52]. При школе были созданы мастерские: гранильная, бронзолитейная, ювелирная, чеканная, эмальерная, столярно-резная. Наличие хорошего оборудования позволяло не только давать ученикам практические навыки, но и выполнять частные заказы. Так, в годы Первой мировой войны в литейной мастерской ЕХПШ выполняли заказы военного ведомства [4, с. 52].

Крупным достижением ЕХПШ был художественно-промышленный музей, основанный на экспонатах, переданных из Центрального училища технического рисования барона Штиглица. В дальнейшем музей активно пополнялся, из бюджета школы выделялись суммы на приобретение произведений декоративного искусства, предметов старины, образцов народных промыслов и ремесел. Библиотека школы располагала солидным фондом художественной литературы и изданиями по искусству. Благодаря доступности библиотеки и музея для горожан ЕХПШ превратилось в культурный центр Екатеринбурга [4, с. 33, 34]. За 15 лет существования художественно-промышленная школа подготовила около сотни квалифицированных художников декоративно-прикладного искусства.

Рис. 1. Екатеринбургская художественно-промышленная школа на Вознесенском проспекте. Открытка начала XX в. [14]

Реорганизации ЕХПШ в мае – июне 1918 г. по требованию Наркомпроса, была прервана после занятия Екатеринбурга антибольшевистскими силами. При белых в школе сохраняется установка на декоративно-прикладное искусство и академические методики преподавания. По решению правительства Колчака на базе ЕХПШ должно было быть налажено производство наград для белой армии. Газета «Уральская жизнь» 19 июня 1919 г. сообщала, что «Учрежденный Советом Министров орден «Освобождения Сибири» по эскизу художника Ильина для пожалования за заслуги по освобождения Сибири от большевиков для выполнения передается Екатеринбургской художественно-промышленной школе» [12].

Предполагалось, что «Освобождение Сибири» будет иметь 4 степени, орден 1 степени (Звезда ордена) должен был изготавливаться с использованием малахита, золота, серебра и хризолитов (рис. 2). В мае 1919 г. в ЕХПШ прибыл автор эскизов Г.А. Ильин¹, а в июне был изготовлен один пробный комплект орденов (всех 4-х степеней)². Начать массовый выпуск наград белые не успели, накануне взятия Екатеринбурга красными войсками Восточного фронта (15 июля 1919 г.) художественно-промышленная школа во главе с директором В.М. Анастасьевым³ была эвакуирована из города. Вместе с белыми ушли 43 служащих и учащихся школы. На восток была вывезена значительная часть имущества школы (станки, инструменты, наглядные пособия, библиотека, музей), по документам более 600 пудов груза [2, с. 277]. Белое командование рассчитывало, что после эвакуации оборудования ЕХПШ в Читку, можно будет наладить производство наград.

В Чите ЕХПШ слилась с местным художественным учебным заведением (основано как Читинская художественно-кустарная школа в 1913 г.). Значительную роль в процессе объединения сыграло то, что директором Читинской школы был Н.А. Вьюнов⁴, который ранее десять лет преподавал в ЕХПШ рисунок, заведовал библиотекой и музеем.

Рис. 2. Комплект всех степеней ордена «Освобождение Сибири» изготовленных ЕХПШ. Фотография 1930-х гг. [16]

Первоначально в Читинской школе обучалось 29 человек, которые должны были получить художественные познания и технические приемы по обработке дерева и шерсти [9, с. 6]. В 1917 г. художественно-кустарная школа была реорганизована в Читинскую художественно-промышленную школу (ЧХПШ), где функционировали мастерские: столярная, ткацкая, рукодельная. ЧХПШ располагалась в доме «Товарищества Д.Ф. Трухина и А.О. Смолянского» на улице Уссурийской (рис. 3), ныне – улица Чкалова, 124.

Объединение ЕХПШ и ЧХПШ привело к получению учебным заведением статуса училища, был введен специальный предмет – методика преподавания рисования, выпускникам стало присваиваться звание преподавателя рисования начальных и высших начальных училищ. Среди педагогов школы числились известные художники В.А. Алмазов, А.А. Арнольдов, С.Р. Бирнбаум, В.Н. Пальмов, Г.Р. Жизневский, И.П. Сверкунов и др. Таким образом, в Чите возникает крупнейший на территории Сибири и Дальнего Востока художественно-промышленный учебный центр.

Для художественной жизни Екатеринбурга потеря оборудования ЕХПШ оказалась чрезвычайно болезненной. Когда 13 декабря 1919 г. екатеринбургская пресса сообщала об открытии в городе Государственных свободных художественных мастерских (официально открыты 10 декабря в здании бывшей ЕХПШ), то особо отмечала: «Большое внимание будет обращено также на отдел художественной промышленности и декоративный с целым рядом отделений художественно-промышленного характера» [13]. Уполномоченный по делам искусства и художественной промышленности Урала и Сибири Е. Равдель полагал, что в столице Урала необходимо готовить художников-мастеров высшей квалификации для промышленности страны. Этого же желали уполномоченные ЕСГХМ П.Е. Соколов и А.Ф. Боева.

Отсутствие оборудования и инструментов не позволяло наладить производственную деятельность, что негативно сказывалось на функционировании мастерских. Отвечая контролерам Рабоче-крестьянской инспекции, обвинявших руко-

водство ЕСГХМ в том, что «учебный и практический план работ не проведен полностью», уполномоченные подчеркивали: «О планомерной работе [...] не могло быть речи, т.к. школа с изгнанием белых лишилась учебных пособий и оборудования, которые расхищены и увезены белыми. Прежде всего, была задача создать инвентарь и оборудование, на что главным образом и затрачивалось все внимание...» [5, л. 63] (документ от 4 сентября 1920 г.).

Рис. 3. Дом «Товарищества Д.Ф. Трухина и А.О. Смолянского» на ул. Уссурийской (на втором плане, по центру), в котором располагалась Читинская художественно-промышленная школа (ЧХПШ). Фото начала XX в. [15]

Именно позиция руководителей Екатеринбургских СГХМ П.Е. Соколова и А.Ф. Боевой сыграла значительную роль в организации возвращения имущества школы [1, с. 191–193]. Сделать это оказалось очень сложно, так как на востоке страны продолжалась Гражданская война. В апреле 1920 г. на территории Забайкалья, Приамурья и Приморья возникает Дальневосточная демократическая республика (ДВР). В конце октября 1920 г. Народно-революционная армия ДВР и партизаны смогли выбить из Восточного Забайкалья Дальневосточную армию белых и занять Читу, которая становится столицей ДВР. Внутренняя и внешняя политика ДВР контролировалась Москвой, что позволило организовать эвакуацию ЕХПШ.

Уже 3 ноября 1920 г. А. Боева просит Екатеринбургский губисполком принять срочные меры «и оказать всяческое содействие возвращению в Екатеринбург имущества бывшей Екатеринбургской художественно-промышленной школы, вывезенного белыми. Согласно полученных сведений, имущество это находится в Чите» [5, л. 42]. Далее Боева обстоятельно перечисляет утраченный инвентарь (не забывая даже электрические фонари и пишущие машинки), завершая официальное письмо сообщением, что согласно «полученным данным» в Чите находятся преподаватели бывшей ЕХПШ. Уполномоченные обращаются за содействием к А.В. Луначарскому и Д.П. Штеренбергу. Нарком просвещения и заведующий Отделом ИЗО поддерживают руководство ЕСГХМ, а Екатеринбургский губиспол-

ком предлагает командировать в Читю кого-либо из учащихся. Как свидетельствует документ от 13 ноября 1920 г. «...представителями мастерских в Читю для эвакуации имущества бывшей Художественно-промышленной школы назначаются учащиеся мастерских: Журавлёв Петр Макарович 19 лет [...] и Тумбасов⁵ Арсений Михайлович 19 лет...» [5, л. 48]. Председатель Екатеринбургского губисполкома Парамонов направил в Правительственный Совет Дальневосточной республики официальное письмо с просьбой оказать содействие Журавлеву и Тумбасову, а также откомандировать в распоряжение Екатеринбургского губисполкома «служащих быв. Художественно-Промышленной школы и ее преподавательский персонал» [11]. Имея необходимые мандаты, Журавлев и Тумбасов смогли добраться до Читы и добились возврата семидесяти шести ящиков с художественным инвентарем.

В архиве Тумбасова сохранился акт о приемке имущества⁶ от 26 января 1921 г.:

«Мы нижеподписавшиеся, командированные из г. Екатеринбурга Журавлев и Тумбасов 26 сего января приняли для отправки в Екатеринбург в присутствии представителя Министерства Народного Просвещения т. Болотина, директора Читинской Художественно-промышленной школы тов. Вьюнова, бывшего инспектора Екатеринбургской Художественно-промышленной школы тов. Арнольдова и бывших сотрудников Екатеринбургской Художественно-промышленной школы имущество эвакуированной в 1919 году Екатеринбургской Художественно-промышленной школы и состоящее в Художественной библиотеке, музее, в инструментах и технических приспособлениях мастерских – Ювелирной, Гранильной, Чеканной, Столярной, Резчицкой, Эмальерной, в приборах физического и химического кабинетов и в хозяйственном инвентаре, запакованное в семидесяти шести ящиках с кратким перечнем содержимого ящиков и семнадцати предметов незапакованных согласно тому же перечню.

Город Чита 1921 года Января 26 дня. [...]

С подлинным верно: Директор Читинской Художественно-промышленной школы Н. Вьюнов (подпись)» [11].

Ряд бывших преподавателей и учащихся ЕХПШ согласились вернуться на Урал. После их отъезда Читинское художественно-промышленное училище просуществовало еще два года и было закрыто в 1923 году.

Известны воспоминания Тумбасова о поездке в Читю, по его рассказу станки и инструменты ЕХПШ находилось в вагонах на железнодорожной станции. Следовательно, их даже не использовали в учебном процессе. Также Арсений Михайлович упоминал, что преподаватель Арнольдов⁷, несмотря на болезни и голод, как мог, охранял эти вагоны, а затем, вместе с имуществом школы, вернулся в Екатеринбург [4, с. 66–67]. К этому времени Боева и Соколов уже покинули (в январе 1921 г.) столицу Урала. Противники «футуристической революции» долгое время будут обвинять их в уничтожении учебных пособий и имущества старой школы [10, с. 66–67]. Лишь в наши дни стало известно, какую роль они сыграли в возвращении оборудования художественно-промышленной школы в Екатеринбург.

Выводы. Мастерские, реорганизованные в 1922 г. в Уральский художественно-практический институт (УХПИ), получили хорошую производственную базу. Наличие оборудования и инструментов позволило довольно быстро возродить традиции обучения декоративно-прикладному искусству.

Руководители института – скульпторы С. Шаховской и П. Шарлаимов – стремятся наладить тесные связи с производством, ввести в систему обучения заводскую практику учащихся, чтобы они смогли непосредственно познакомиться с формовочным и литейным процессами. В. Курдов так описывал учебу в УХПИ: «Мы обучаемся мастерству лепки, начиная с умения делать каркасы для глины, снимать гипсовые маски и, наконец, работать с компрессором на мраморе. Кроме того, от учеников требовалось по выбору пройти курс гранильного, ювелирного или дереворезного отделения» [8, с. 49].

О высоком уровне обучения камнерезов и гранильщиков говорит тот факт, что работы учащихся экспонировались на Международной выставке декоративных искусств и современной художественной промышленности в Париже 1925 г. и были отмечены золотой медалью [7, с. 86].

Примечания

¹ Ильин Глеб Александрович (1889–1968 гг.), живописец. Учился в Академии художеств (1911–1917). После революции жил в Омске. Эмигрировал в Японию, затем в США.

² Из этого комплекта сохранилась Звезда ордена «Освобождения Сибири». Ныне находится в Государственном Эрмитаже.

³ Анастасьев Владимир Михайлович (1875 – после 1923 г.), художник-педагог. Окончил Строгановское художественно-промышленное училище (1900). Директор ЕХПШ (1913–1918 гг.), преподавал рисунок, композицию. Преподавал в Читинской ХПШ. С 1923 г. вел художественную студию в Харбине.

⁴ Вьюнов Николай Александрович (1876–1946 гг.), художник-педагог. Окончил Одесскую рисовальную школу, затем Академию художеств (мастерская И.Е. Репина). Преподавал в ЕХПШ (1906–1915), директор Читинской ХПШ (1915–1920 гг.). С 1920 г. в эмиграции, в Харбине.

⁵ Тумбасов Арсений Михайлович (1901–1974 гг.), архитектор, художник, член СА (1941 г.), участник Великой Отечественной войны. Окончил ЕХПШ (1918 г.), учился в ЕСГХМ (1920–1921 гг.), затем в Туркестанском художественном техникуме (Ташкент, 1922 г.). Работал в архитектурных и строительных организациях Свердловска и Челябинска.

⁶ Копия документа из личного архива А.М. Тумбасова ныне находится в собрании Е.П. Алексеева.

⁷ Арнольдов Александр Александрович (1876–1942 гг.), художник-педагог. Окончил Центральное училище технического рисования б. Штиглица (1901 г.). Преподавал рисунок, черчение, перспективу в ЕХПШ.

Список литературы

1. *Алексеев Е.П.* Екатеринбургские СГХМ – Уральский ХПИ. 1919–1923 // Энциклопедия русского авангарда. Изобразительное искусство. Архитектура. В 3 т. Т. 3. Кн. 1: История. Теория. А–М / Авт.-сост.: В.И. Ракин, А.Д. Сарабьянов. – М.: Global Expert & Service Team, 2014. – С. 191–193.

2. *Кручинин А.М.* Белый Екатеринбург, 1918–1919 г.: армия и власть / А.М. Кручинин. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2018. – 382 с.

3. *Муратов П.Д.* Художественная жизнь Сибири 1920-х годов. – Ленинград: Художник РСФСР, 1974. – 141 с.

4. *Ярков С.П.* Художественная школа Урала = Art school Ural / Степан Ярков. – Екатеринбург: Екатеринбург. худож., 2002 (Екатеринбург: ГИПП Урал. рабочий). – 319 с.

Список источников

5. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 7р. Оп. 1. Д. 26.
6. ГАСО. Ф. 17р. Оп. 1. Д. 6.
7. *Климов Г., Юниверг Л.* СССР на Парижской выставке 1925 года // Панорама искусств. – Вып. 5. – М., 1982. – С. 66–87.
8. *Курдов В.И.* Памятные дни и годы. Записки ленинградского художника // Звезда. – 1983. – № 7. – С. 43–121.
9. Отчет о состоянии Читинской художественно-ремесленной школы в 1913–14 учебном году. – Чита: [б.и.], 1914. – 16 с.
10. *Сазонов Н.С.* Записки уральского художника / [Предисл. заслуж. деят. искусств. РСФСР Б. Павловского]. – Ленинград: Художник РСФСР, 1966. – 164 с.
11. *Тумбасов А.М.* Личный архив.
12. Уральская жизнь (Екатеринбург). – 1919. – 19 июня.
13. Уральский рабочий. – 1919. – 13 декабря.

Список интернет-источников

14. Екатеринбург. Часть 8 [Электронный ресурс]. – URL: <https://humus.livejournal.com/4670915.html> (дата обращения: 19.06.2019)
15. *Прокопьева Д.* Доходный дом для дельцов XXI века [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.chita.ru/articles/90220/> (дата обращения: 19.06.2019).
16. *Рудиченко А.И.* Награды и знаки белых армий и правительств. Часть 4. Восток России. Армия адмирала А.В. Колчака. 4.2. Орден Освобождения Сибири [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.arudichenko.com/t-2-r-4-osvobsibiri> (дата обращения: 19.06.2019).

Донгузов К.А.
k.donguzov@gmail.com
УГНТУ, г. Уфа, Россия

УДК: 7.03(470)

К 100-ЛЕТИЮ УФИМСКИХ СГХМ*

**Публикация выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00193А*

Аннотация. В статье изложены результаты исследования, посвященного деятельности Уфимских свободных государственных художественных мастерских (СГХМ) в 1919–1921 гг. Выявлены новые архивные материалы, места размещения художественных студий-мастерских и основной круг педагогов.

Ключевые слова: Уфимские СГХМ; В.Н. Левицкий; Н.А. Протопопов; А.Э. Тюлькин; В.О. Вайднер; башкирская региональная архитектурная школа.

Постановка проблемы. Изучение региональных Свободных государственных художественных мастерских (СГХМ) было начато в 2011 г. в рамках гранта РГНФ под руководством Л.И. Ивановой-Везн, которая опубликовала статью, содержащую, в частности, сведения об Уфимских СГХМ. [4, с. 360]. Источником послужили отчетные материалы Отдела ИЗО Наркомпроса 1920 г., в которых сообщается: «Свободные Государственные Художественные Учебные Мастерские... УФА. Живописных мастерских – 3, Графическая – 1. Уполномоченный Левицкий» [8, с. 46, 48]. Данная тема затрагивалась в статьях З.М. Гафаровой [1, с. 18–19], А.Е. Навозовой [5], в которых содержатся сведения об отдельных фигурах-участниках становления этой образовательной структуры.

Автором данной публикации проводилось дальнейшее изучение этой темы. [2; 3]. Выявлены новые документальные свидетельства, посвященные художественному процессу и образованию в Уфе в те годы, позволяющие установить несколько мест, где проходили занятия, и дать характеристику Уфимских СГХМ, привести факты биографии основоположников современного башкирского искусства и архитектуры. Это позволяет более точно охарактеризовать генезис башкирской региональной архитектурной школы в советский период, определить ее состояние и контекст развития – культурно-образовательные связи с другими регионами и явлениями. Кроме того, крупнейший представитель уфимского конструктивизма В.О. Вайднер [3, с. 187–188], первым получивший диплом архитектора в советский период, был воспитанником одной из мастерских Уфимских СГХМ, что меняет представление о роли и значении этого учебного заведения эпохи авангарда для становления башкирской региональной архитектурной школы.

Изложение основного материала исследования. Первое упоминание в местной печати о результатах деятельности Левицкого в Уфе – открытии художественной мастерской и ее адресе – ул. Пушкинская, 22 (здание не сохранилось) – мы встречаем в газете «Башкортостан» от 30 июля 1919 г. в объявлении о результатах заседания секции ИЗО при Уфимском филиале ГубОНО (рис. 1). Судя по характеру сохранившейся окружающей исторической застройки, можно предположить, что это было приспособленное помещение или комната в цокольном этаже жилого дома, расположенного на одной из центральных улиц города. Скорее всего, это место было временным, так как последующие места размещения мастерских находятся в более крупных зданиях и ближе к центру.

Можно предполагать, что сам Левицкий в это время не только занимается организационной работой среди местных художников, но и преподает в графической мастерской, так как печатная графика – близкий ему жанр со времен сотрудничества с журналом «Аполлон» в Петербурге. До своего приезда в Уфу он много и успешно работает в графике, иллюстрации, оформлении книг. По возвращении из Уфы создает полиграфические мастерские при Ленинградском художественно-промышленном техникуме, а позднее становится деканом графического факультета ленинградского ВХУТЕИНа. Сегодня очевидно, что именно Левицкий дал в начале 1920-х гг. новый импульс развития башкирского полиграфического дизайна, заложил культуру взаимодействия художника с производством и стал наставником целой плеяды башкирских дизайнеров-полиграфистов.

Следующий уфимский адрес – ул. Вокзальная, 39а – возникает в связи с закрытием в 1921 г. (по данным настоятеля, протоиерея П. Тихонова [10]), Никольской (Вокзальной) церкви и передачей ее здания Учпрофсожу для создания рабочего клуба Железнодорожников им. Андреева. Туда и переезжает учебная студия «ИЗО», в которую Уфимский филиал ГубОНО в 1919 г. назначает заведующим и преподавателем А.П. Лежнева, активного участника «Общества любителей живописи» и уфимских художественных выставок. Некоторое время спустя в этой же мастерской начинает преподавать Л.В. Лезенков, сам воспитанник уфимских СГХМ, продолживший свое образование в московском ВХУТЕМАСе и, по окончании его, вернувшийся в Уфу. Где размещалась эта мастерская до переезда в клуб, пока установить не удалось. Само здание церкви было снесено в 1933 г., но его облик известен благодаря старым фотографиям Уфы (рис. 2), сделанным, в том числе, С.М. Прокудиным-Горским во время его экспедиции по России.

Рабочий клуб имени В.И. Ленина (рис. 3), размещенный в здании бывшего коммерческого училища по адресу ул. П.М. Зенцова (ныне ул. Ленина), 61 – третий адрес в Уфе, где в 1919 г. создается студия-мастерская под руководством К.С. Девлеткильдеева, выпускника ЦХПУ барона А.Л. Штиглица. Здание не только сохранилось до сих пор, но и по-прежнему используется образовательной структурой – Уфимским авиационным техникумом.

На этой же улице, но ближе к центру по адресу ул. П.М. Зенцова, 5а расположено здание Дворца Труда и Искусств (рис. 4), в котором также размещалась одна из художественных мастерских. О своей учебе в ней в 1919–1921 гг. сообщает в автобиографии архитектор-конструктивист В.О. Вайднер [7]. До 1919 г. в недостроенном здании временно размещались несколько городских училищ, а с 1938 г. располагается Башкирский государственный театр оперы и балета. Кто из уфимских художников руководил этой мастерской, пока не установлено.

Сподвижником Левицкого по созданию Уфимских СГХМ с 1919 по 1922 гг. был Н.А. Протопопов – бывший секретарь Петроградского союза деятелей пластических искусств (1917–1918 гг.), выпускник ВХУ при Академии художеств, выпускник Казанской художественной школы (1899–1903 гг.). Его многолетний педагогический опыт и квалификация были очень востребованы в живописной мастерской СГХМ, так как он первым основал частную художественную студию в Уфе в 1910 г. Здание – бывший доходный дом В.Е. Поносова, в котором располагалась эта мастерская, сохранилось и находится по адресу ул. П.М. Зенцова (ныне ул. Ленина), 20. В настоящее время в нем располагается художественно-графический факультет Башкирского государственного педагогического университета.

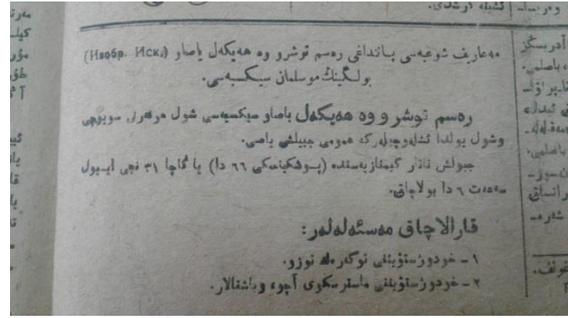

Рис. 1. Газета «Башкортостан», август 1919 г. Объявление о заседании секции ИЗО Уфимского филиала ГубОНО с решениями: 1. Создать художественный совет. 2. Открыть художественную мастерскую по адресу ул. Пушкинская, 22.

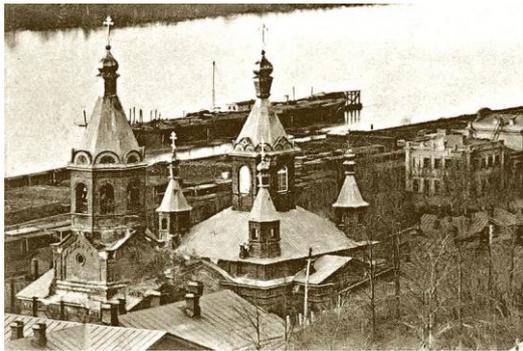

Рис. 2. Клуб Железнодорожников им. Андреева (бывш. Никольская (Вокзальная) церковь) [11], в которых с 1921 г. располагалась мастерская Уфимских СГХМ под руководством А.П. Лежнева и Л.В. Лезенкова.

Рис. 3. Рабочий клуб им. В.И. Ленина (бывш. Коммерческое училище) [6], в котором с 1919 г. располагалась мастерская Уфимских СГХМ под руководством К.С. Девлеткильдеева.

Рис. 4. Дворец Труда и Искусств (бывш. Народный дом им.С.Т. Аксакова) [9], в котором располагалась мастерская Уфимских СГХМ, где с 1919 по 1921 гг. обучался В.О. Вайднер

Рис. 5. Бывш. доходный дом В.Е. Поносова [12], в котором с 1919 г. располагалась мастерская Уфимских СГХМ под руководством Н.А. Протопопова и А.Э. Тюлькина.

Другая важная фигура периода становления Уфимских СГХМ – А.Э. Тюлькин – ученик Н.И. Фешина и однокашник А.М. Родченко по Казанской художественной школе (1912–1918). Будучи значительно моложе Левицкого и Протопопова, он, тем не менее, имел репутацию уфимского соратника Д.Д. Бурлюка, художника, ведущего новаторские поиски. Местная пресса характеризовала творческое направление работы Тюлькина, как «аналитический импрессионизм».

Процесс создания Уфимских СГХМ отчасти повторил ситуацию в других российских регионах, где на момент основания новой структуры также еще не

было сформированного до революции специализированного учебного заведения. В этом случае характерными чертами становятся рассредоточенное размещение мастерских по городу, отсутствие общего здания и единой обучающей среды.

Выводы. Сегодня есть все основания утверждать, что 100 лет назад с созданием Уфимских СГХМ Башкирия вошла в число российских регионов-участников реформы художественного образования. Общее направление появившихся в Башкирии в 1919 г. Уфимских СГХМ, благодаря кадровому составу преподавателей и организаторов, идет в русле предреволюционных художественных тенденций Москвы, Петербурга и Казани. Создание общедоступной сети художественных студий-мастерских в Уфе открыло путь в искусство для местной, в том числе башкирской, молодежи, и заложило основы государственной системы среднего и высшего специального художественного образования в Башкирии.

Список литературы

1. Гафарова З.М. Анатолий Петрович Лежнев – основоположник педагогической системы художников-педагогов Башкирии начала XX века // Актуальные вопросы современной психологии и педагогики: Сборник докладов VI-й Международной научной заочной конференции (Липецк, 26 марта 2011 г.). В 2-х ч. Ч. I. Педагогические науки / Отв. ред. А.В. Горбенко. – Липецк: Издательский центр «Гравис», 2011. – 263 с. – С. 18–20.
2. Донгузов К.А. К вопросу о создании Свободных художественных мастерских в Башкирии в 1919–1922 годах // Свободные государственные художественные мастерские. Из столицы в регионы. 1918–1920-е гг. Материалы Всероссийской конференции. – М.: МАРХИ, 2018. – С. 92–93.
3. Донгузов К.А. Уфа-Казань-Берлин: маршрут в конструктивизм архитектора В. Вайднера // Баухауз и художественные школы эпохи авангарда. Материалы Международной конференции, 17–19 апреля 2019 г. РАХ, НИИ РАХ, МГХПА, МАРХИ, НАД. – М.: МГХПА им. С.Г. Строганова, МАРХИ, 2019. С. 187–188.
4. Иванова-Везн Л.И. География Свободных Государственных художественных мастерских 1918–1920 гг. По отчетным материалам отдела ИЗО Наркомпроса // Реабилитация жилого пространства горожанина. Материалы VIII Международной научно-практической конференции им. В. Татлина (Пенза, 5–6 декабря 2011 г.). – Пенза: ПГУАС, 2011. – С. 358–362.
5. Навозова А.Е. За далью лет... (о творчестве художников первой четверти XX в. Ю.Ю. Блюментале и Л.В. Лезенкове) // *Бельские просторы*. – № 3. – 2006. – С. 134–140.
6. Семенова С. Александр Носков и «квартал пионеров» [Электронный ресурс] // *Бельские просторы*. – 2018. – № 4. – С. 133–138.

Список источников

7. Архив Союза архитекторов Республики Башкортостан. Вайднер В.О. Автобиография. 31 октября 1937 г.
8. Справочник [отдела Изо Нар. к. по пр.] / РСФСР. Народный комиссариат по просвещению. Отдел Изо. – М.: [б.и.], 1920. – [б.с.].

Список интернет-источников

9. Аксаковский народный дом. Конец 1920-х [гг.], Уфа. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.tg-m.ru/illustrations/1274> (дата обращения: 15.08.2019).
10. «Дорога к храму». ТК «БСТ» от 02.10.2016. Никольский вокзальный храм, г. Уфа [Электронный ресурс]. – URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=5&v=9OR2cO1k-RU (дата обращения: 15.08.2019).
11. Никольская церковь при Уфимском железнодорожном вокзале [Электронный ресурс]. – URL: https://xn----wlc4afam5h.xn--p1ai/?page_id=1418 (дата обращения: 15.08.2019).
12. Уфа – путешествие в прошлое. Поисково-исторический форум [Электронный ресурс]. – URL: <http://smolbattle.ru/threads> (дата обращения: 15.08.2019).

Духанов С.С.
ssd613@ngs.ru

НИИТИАГ (Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»),
г. Москва, Россия

УДК: [72.036+711.4.03](571.1)

1919-й ГОД В АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

**Публикация выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00193А*

Аннотация. Рассматривается роль 1919-го года в истории архитектурно-художественного образования Западной Сибири. Анализ первоисточников показал, что этот год стал переломным в борьбе двух подходов к созданию архитектурно-художественной школы в регионе. Первая тенденция, сложившаяся в 1910-е гг. и активизировавшаяся в годы первой мировой и гражданской войны, уступила место второй, стихийно возникшей в годы гражданской войны при содействии советских органов народного образования. Стремительное завершение гражданской войны в Сибири в 1919 г. создало условия, благоприятствовавшие реализации второго подхода. Исследование основано на архивных источниках.

Ключевые слова: архитектурно-художественное образование; Западная Сибирь.

Постановка проблемы. 1919-й год в истории архитектурно-художественного образования Западной Сибири не получил должного освещения.

Историки архитектуры и градостроительства Западной Сибири, как правило, вообще игнорировали период первой мировой и тем более гражданской войны. Сложилось негласное мнение, что это время было потеряно для профессиональной деятельности, поскольку в Западной Сибири ничего не проектировалось и не строилось, а сама она оказалась отрезана от архитектурно-художественных центров в европейской части страны.

Совершенно иная точка зрения сложилась среди исследователей, изучавших культурно-художественную жизнь Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. Они, напротив, выделяли 1914–1918 гг., как наиболее насыщенный событиями период. При этом, как следует из опубликованных ими материалов и введенных в научный оборот архивных документов, именно годы гражданской войны были наиболее яркими, содержательными и интересными в истории архитектурно-художественного образования Западной Сибири 1890–1910-х гг. [1; 5; 6].

Интерес к материалу первой мировой и гражданской войны был вызван концентрацией в городах Западной Сибири в этот период большого числа военнопленных и эвакуированных деятелей культуры из Западной Европы и европейской части России и связанной с этим творческой активностью в регионе. По этой же причине, конец гражданской войны и 1919-й год, в частности, положившие конец этой уникальной исторической ситуации, не вызывали интереса исследователей. При этом в тени оставались конкретные события 1919-го года и их место в развитии архитектурно-художественного образования Западной Сибири. Соответственно, оставалась неясной и роль последнего года гражданской войны, который воспринимался лишь как «разрыв» преемственности, а не «связующее звено».

О материалах и методах. Рассматриваются первоисточники 1900-х – начала 1920-х гг.: архивные документы (административная переписка, отчеты и др.) и

материалы местной периодической печати. Выявляются и систематизируются сведения о событиях в сфере архитектурно-художественного образования Западной Сибири, произошедших в 1919 г.; определяется их роль в развитии архитектурно-художественного образования региона в первой четверти XX в.

Основное содержание исследования. Анализ первоисточников показал, что 1919-й год стал переломным в борьбе двух противоположных подходов к организации центров архитектурно-художественного образования в Западной Сибири.

Первый подход, сложился еще до революции и был основан исключительно на частной инициативе местных художественных обществ. Не имея собственных крупных средств, эти общества смогли в 1910-х гг. организовать только классы и курсы рисования и лепки. В предвоенный период они безуспешно ходатайствовали перед заинтересованными министерствами о получении субсидий для организации в своих городах художественно-промышленных школ или менее затратных школ живописи, ваяния и зодчества.

Этот подход активизировался в годы гражданской войны, причем наиболее яркие идеи создания центров архитектурно-художественного образования возникли как раз в первой половине 1919 г., когда вследствие некоторой стабилизации белого правительства, социально-политические условия, как казалось, наиболее благоприятствовали осуществлению подобных замыслов.

В январе 1919 г. идея создания сибирской художественно-промышленной школы была озвучена на съезде по организации Института исследования Сибири (ИИС), проходившем в Томске. Выступивший с докладом томский архитектор А.Д. Крячков предложил «ходатайствовать перед Министерством торговли и промышленности об открытии в Томске первой художественно-промышленной школы и музея (с отделами живописи, скульптуры и художественной промышленности) и библиотеки при них по всем отраслям искусства» [13, с. 93].

Аналогичную идею в 1919 г. попытались реализовать в Омске. В 1916 г. в Омске, который в то время был административным центром Степного края, охватывавшем большую часть Западной Сибири, было организовано Общество художников и любителей изящных искусств Степного края (ОХЛИИСК, 1916–1919 гг.), которое проводило ежегодные выставки и организовало художественные курсы [3, с. 49; 7, с. 96]. Целью общества было открытие в Омске художественно-промышленной школы имени М.А. Врубеля и художественно-промышленного музея при ней. В июле 1919 г. на совещании представителей ОХЛИИСК и учебного отдела Министерства торговли и промышленности, было принято решение об открытии училища «памяти художника М.А. Врубеля» [3, с. 49], правда, с оговоркой – в октябре месяце [2, с. 415, 421–422].

Сохранилось ценное свидетельство М.И. Стрельникова, заведующего Первой Сибирской художественно-промышленной школой, созданной в Омске уже при советской власти, который работал с документами ОХЛИИСК. В 1922 г. он писал, что «только в 1919 году бывшему обществу художников и любителей искусств Степного края удалось реально приступить к осуществлению долго бродившей идеи. Была образована особая комиссия по разработке положений и планов будущей школы и приступлено к заготовке имущества. Работа комиссии, судя по оставшимся материалам, в общей своей части была закончена, но осуществить ее не удалось по причинам, от общества художников не зависящим» [17, с. 107].

«Причины» прежде всего заключались в том, что проект государственного значения не получил поддержки государства даже в Омске – «столице» белой Си-

бири. До сих пор не выявлены сведения о какой-либо конкретной помощи, которую будущему учебному заведению оказали, или хотя бы планировали оказать, правительственные инстанции. Судя по всему, участие белых властей ограничилось проектом административного решения («бумажкой»). Вся же практическая работа, как и в дореволюционный период, велась членами самого общества, в частном порядке. Они сами собирали пожертвования, вносили из собственных средств взносы и передавали из своих личных собраний книги и экспонаты в фонд будущей художественно-промышленной школы и планировавшихся при ней библиотеки и музея [3, с. 70–71; 2, с. 415–416, 418, 420–421].

В этих условиях вопрос о таком дорогостоящем имуществе, как здание и оборудование для учебных мастерских, вообще остался открытым. В 1920 г., уже при советской власти, художественно-промышленную школу в Омске пришлось создавать практически с нуля, «так как школа при своем возникновении совершенно ничего не имела» [17, с. 109].

Еще одна общественная инициатива, имеющая дореволюционные корни, связана с Томском, где в марте 1919 г. был озвучен масштабный проект создания «Дома Искусств». Инициатором идеи стал крупный томский общественный деятель и меценат, купец П.И. Макушин. Он и его сторонники понимали, что рассчитывать на помощь правительства не приходится, и поэтому стремились привлечь к проекту максимум имевшихся в городе общественно-культурных сил. «Дом Искусств» предназначался для размещения целого комплекса уже существовавших в Томске художественно-образовательных учреждений: классов живописи и ваяния, классов музыки и пения, классов сценического искусства и декламации, а в очень далекой перспективе – также Сибирских академии художеств, консерватории и художественного театра [14, с. 3].

«Дом Искусств» создавался по той же организационной схеме, по которой в 1905–1910 гг., по инициативе того же Макушина, в Томске был построен «Дом Науки» (рис. 1). Макушин вполне обоснованно считал, что «Дом Искусств» должен располагаться рядом с «Домом Науки» и составлять с ним единый архитектурно-градостроительный комплекс – задуманный им еще в 1912 г. «Городок народного образования, науки и искусства» [12, с. 4].

8 апреля 1919 г. городская дума утвердила список особого комитета по созданию «Дома Искусств», куда среди других лиц вошли известные томские архитекторы и инженеры: А.Д. Крячков, автор победившего в 1910 г. на конкурсе проекта «Дома Науки», П.А. Парамонов и Н.И. Молотиллов [20, с. 3–4], специалист по железобетонным конструкциям.

28 апреля 1919 г. состоялось первое собрание комитета, на котором присутствовало свыше 40 чел. Согласно принятому положению, одной из задач комитета стала разработка конкурсного задания, организация и проведение конкурса на проект «Дома Искусств» [19, с. 3]. Сбор средств продвигался достаточно успешно и в начале августа 1919 г. строительный капитал «Дома Искусств» составлял уже более 65 тыс. руб. [18, с. 3] из 150 необходимых.

Однако, как писал в июле 1924 г. в Сибревком П.И. Макушин, «государственный переворот в Сибири, совершившийся в конце 1919 года, пресек выполнение этих проектов в самом начале...» [9, л. 110об.].

Рис. 1. Томск. Дом Науки им. П.И. Макушина. Авторы: арх. А.Д. Крячков, А.И. Лангер, Т.Л. Фишель, 1910–1912 гг. Фотография 1920-х гг. [15, л. 248, фото 1]

Таким образом, проекты томского «Дом искусств» и омского художественно-промышленного училища им. М.А. Врубеля имели ту общую черту, что, несмотря на стремление заручиться поддержкой властей, они в итоге должны были создаваться на средства и силами самих инициативных групп (художественных обществ). Этот путь показал малую эффективность еще в дореволюционный период. Кроме того, он требовал для накопления необходимого капитала значительного времени, которого в условиях гражданской войны зачастую просто не было.

Второй подход стихийно оформился в годы установления первой советской власти в Сибири (ноябрь-декабрь 1917 – май-июнь 1918 гг.) и был связан с группами художников левых и демократических взглядов, которые при активной поддержке советских органов народного образования смогли в 1918 и 1919–1920 гг. создать реальные центры.

Первый центр нового типа был создан в Томске. В апреле 1918 г. по инициативе художника К.К. Зеленевского и группы его сторонников, художников левых взглядов, Томский губисполком открыл три тесно связанных между собой учреждения: Первую Сибирскую народную художественную академию (СНХА), Народную картинную галерею имени Рабоче-крестьянской революции и при галерее – художественную библиотеку. Занятия начались уже в мае 1918 г. В СНХА было два отдела: живописи с подотделом графики и скульптуры; отдел архитектуры планировалось открыть осенью. Увы, академия успела проработать меньше месяца: в конце мая произошел чехословацкий переворот, занятия прекратились, а в июле 1918 г. СНХА была окончательно закрыта в связи с необходимостью возврата прежним владельцам зданий и другого имущества [6, с. 6, 24, 31, 44, 46, 50, 55, 60, 67–68, 78, 80, 81, 90].

Показательны те совершенно новые принципы, на основе которых советская власть, несмотря на свое крайне тяжелое положение, сумела оперативно реализовать проект. Под здания были немедленно реквизированы пустующие доходные дома, имевшие подходящие залы и помещения (рис. 2). Инвентарь, библиотека и экспонаты были собраны в основном путем национализации частного имущества и лишь отчасти благодаря добровольным пожертвованиям, например, того же П.И. Макушина. Для дореволюционной практики подобная оперативность была просто немислимой.

Рис. 2. Томск. Доходный дом купца Ф.И. Деева (слева), в котором в мае – июле 1918 г. размещалась Сибирская народная художественная академия (СНХА). Автор: арх. А.И. Лангер, 1913–1914 гг. Фотография С.Н. Баландина, 1960–1970-е гг. [15, л. 46, фото 3]

После окончательного установления советской власти в Западной Сибири в конце 1919 г., новый подход к созданию центров архитектурно-художественного образования получил широкое распространение. Из фондов национализированного имущества учебным учреждениям передавались необходимые здания, помещения, оборудование, книги и экспонаты. Штат преподавателей пополнялся бывшими пленными офицерами и специалистами белой армии, имевшими соответствующее архитектурно-художественное образование.

В Барнауле в 1919 г. на основе классов рисования и живописи Алтайского художественного общества (АХО), была открыта Алтайская губернская советская художественная школа с художественно-промышленным уклоном. В 1921 г. школа была реорганизована в Алтайские губернские советские художественные мастерские [1, с. 168–171]. В этом же году в Барнауле был открыт Музей изящных искусств [8, с. 39].

В конце 1919 – первой половине 1920 гг. в Омске шла активная работа по созданию Первой Сибирской художественно-промышленной школы, которая была открыта в октябре 1920 г. на базе художественно-промышленных курсов [10,

л. 26], организованных в 1916 г. ОХЛИИСК. При школе имелись учебные мастерские, библиотека и исторический кабинет (музей) по изучению художественной культуры и техники [17, с. 109].

Сибирский комитет профессионально-технического образования отпустил необходимые финансовые средства, школе было выделено подходящее здание учебного профиля в самом центре города [11, л. 5об.] (рис. 3). Учебные мастерские, которые требовали достаточно сложного технического оборудования, были организованы благодаря помощи губернского совнархоза, профсоюзов и центральных инстанций в Москве [17, с. 109; 11, л. 5, 6об., 10].

Рис. 3. Омск. Здание бывшего Императора Александра III низшего механико-технического училища (постройки XIX – начала XX вв.), в котором в 1920–1922 гг. размещалась Первая Сибирская художественно-промышленная школа. Фотография 1925–1930 гг. [16]

Выводы. Таким образом, 1919-й год имел не меньшее, если не большее значение в истории формирования архитектурно-художественного образования в Западной Сибири, чем предшествующие, прежде всего, дореволюционные годы.

В 1919 г. в Западной Сибири нашли отражения следующие идеи в сфере архитектурно-художественного образования: 1) идея художественно-промышленной школы в Томске, Омске и Барнауле, и 2) идея «Дома Искусств» в Томске.

В 1919 г. завершилась возникшая во время революции и гражданской войны борьба двух подходов к созданию образовательных учреждений, и началась подготовка к открытию реальных центров архитектурно-художественного образования в регионе. В экстраординарных и стремительно менявшихся условиях гражданской войны наиболее эффективными оказались советские методы создания учебных заведений.

Что касается дореволюционного подхода, то здесь достаточно близко к осуществлению удалось подойти лишь авторам идеи «Дома Искусств». Этот проект имел ту особенность, что в наибольшей мере учитывал специфику гражданской войны: опирался на серьезный дореволюционный «задел» и стремился охватить

максимум общественных и культурных сил, сконцентрировавшихся в городах Западной Сибири в этот период.

Список литературы

1. Бакулина Н.А. К истории художественной жизни Западной Сибири в годы гражданской войны // *Традиции и инновации в современном социокультурном пространстве*. – Вып. 1. – Новосибирск: [б.и.], 2011. – С. 168–171.
2. Девятьярова И.Г. Общество художников и любителей изящных искусств Степного края // *Тобольск и вся Сибирь: альманах. Книга 27: Омск – 300 лет* / Ред.-сост. Ю.П. Перминов; оформление Г.И. Метченко. – Тобольск: Возрождение Тобольска, 2016. – С.414–433.
3. Мысливцева Г.Ю. Территория мечты: сборник трудов Г.Ю. Мысливцевой / Г.Ю. Мысливцева; [сост.: Е. Дорохов и др.]. – Омск: Омскбланкиздат, 2014. – 383 с.
4. Овчинникова Л.И. Художественная жизнь Томска в переломные годы истории Сибири: 1917–1922: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04 / Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2006. – 20 с.
5. Хроника художественной жизни Томска, 1909–1919 гг.: (по материалам газеты «Сибирская жизнь») / Вступ. ст. и подгот. И.П. Тюрина. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. – 170 с.
6. Художественная жизнь Томска. 1917–1918: хроника, архивные документы и материалы, каталоги / Томский областной художественный музей; [сост.: Л.А. Булычева и др.; отв. ред. Л.И. Овчинникова]. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2001. – 148 с.
7. Черноок С.В. Новая школа Красной Сибири // *Баландинские чтения*. – 2011. – Т. 6. – № 1. – С. 96–103.
8. Шишин М.Ю., Дариус Е.И. Алтайское художественное общество (1918–1920) и его наследие в собрании Алтайского художественного музея // *Вестник КемГУКИ*. – 2016. – № 37/2. – С. 33–42.

Список источников

9. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1307.
10. ГАО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 67.
11. ГАО. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 590.
12. Дом науки имени Петра Ивановича Макушина в Томске: открыт 7-го октября 1912 года / Предисл. П.И. Макушина. – Томск: Типография Приюта и Дома трудолюбия, 1912. – 104 с.
13. Крячков А.Д. О задачах изучения искусства в Сибири // *Труды съезда по организации Института исследования Сибири* / Изд. под набл. предс. съезда проф. Б.П. Вейнберга. – Томск: Типография Сиб. Т-ва печатного дела и Дома трудолюбия, 1919. – Ч. III. – С. 91–93.
14. Макушин П.И. Заявление П.И. Макушина в томскую городскую думу // *Сибирская жизнь*. – 1919. – № 64. – 29 марта (суббота). – С. 3.
15. Музей истории архитектуры Сибири (МИАС) им. С.Н. Баландина. ФГС. Оп. 9.
16. Омский государственный историко-краеведческий музей (ОГИКМ). ОМК-15922/1. Инв. № Н-4376 [Электронный ресурс] // URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=15645060> (дата обращения: 21.02.2018).
17. Стрельников М.И. Сибирский художественно-промышленный практический институт: (К годовщине его открытия): обзор / М.И. Стрельников // *Искусство: журнал искусств, литературы и техники*. – Омск, 1922. – № 2. – С. 107–115.
18. Томская жизнь. Дом искусств // *Сибирская жизнь*. – 1919. – № 167. – 10 августа (воскресенье). – С. 3.
19. Шипицына М. В комитет по созданию «Дома Искусств» // *Сибирская жизнь*. – 1919. – № 86. – 1 мая (четверг). – С. 3.
20. Юревич Н. Городская дума (заседание 8 апреля 1919 г.) // *Сибирская жизнь*. – 1919. – № 73. – 10 апреля (четверг). – С. 3–4.

Лисов А.Г.
allisov@mail.ru
 ВГАВМ, г. Витебск, Беларусь

УДК: 7.036

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СМОЛЕНСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННО- ПРОМЫШЛЕННЫХ МАСТЕРСКИХ*

**Публикация выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00193А*

Аннотация. В статье на документах Государственного архива Смоленской области рассматривается история становления Смоленских государственных художественно-промышленных мастерских. В новых общественных условиях в истории мастерских нашло отражение отношение к академической традиции преподавания искусства и революционным творческим экспериментам. В 1920 г. при мастерских возник филиал организации художников-супрематистов УНОВИС.

Ключевые слова: история художественного образования; государственные художественно-промышленные мастерские; Смоленск; В.М. Стржеминский; В.Ф. Штраниях.

Постановка проблемы. Формирование в России специальных художественно-промышленных учебных заведений происходило в последние десятилетия XIX века после принятия «Положения о промышленных училищах» (1888 г.) и приняло более определенные формы после принятия «Положения о художественно-промышленном образовании» (1902 г.). Образцом для учреждения подобных учебных заведений в регионах, находящихся в ведении Министерства финансов, стали программы Московского Строгановского и Петербургского Центрального училища технического рисования. В местных условиях учебные заведения создавались с учетом конкретной специфики. Они, как правило, были связаны с существовавшими народными промыслами и ориентированы на подготовку мастеров-рисовальщиков и мастеров-руководителей прикладного искусства.

В первые послереволюционные годы в новых социальных условиях, которые постепенно формировались в провинции, учебные заведения с их штатом консервативно настроенных педагогов оставались источником традиций дореволюционного академического художественного образования, но одновременно были вынуждены реформироваться под влиянием новых общественных задач.

Послереволюционная история художественно-промышленных мастерских в городе Смоленске рассматривалась в контексте становления форм левого авангардного искусства, источником которых стал город Витебск, где новая художественная школа носила не прикладную, но творческую, художественную направленность и где определяющую роль сыграла педагогическая деятельность К.С. Малевича. Однако, в Смоленске идеи Малевича не получили достаточной поддержки адептов супрематизма и наткнулись на сопротивление сторонников других художественных направлений. Сложный культурный ландшафт города, в котором создавались художественно-промышленные мастерские остался пока неизученным.

Источником исследования стали документы Государственного архива Смоленской области (ГАСО) [9], а также воспоминания художников – бывших педаго-

гов и учащихся Смоленских государственных художественно-промышленных мастерских [1–2; 5–7].

Основное содержание исследования. В Смоленске 1919–1920 гг. художественные мастерские создавались по образцу псковских художественных мастерских. На это указывают документы Государственного архива Смоленской области. Среди них сохранился «Устав художественно-ремесленных учебных мастерских при художественно-промышленной школе имени Н.Ф. Фан-дер-Флита в г. Пскове», утвержденный еще в апреле 1914 г. и изданный в типографии Псковского губернского земства в том же году. Этот ориентир на первом этапе организации смоленских мастерских имел определяющее значение.

Ориентир художественных учебных заведений, сложившихся в предреволюционные годы в Смоленске и Пскове, был художественно-промышленным, предполагавшим в качестве известного образца столичные Санкт-Петербургское художественно-промышленное училище имени А.Л. Штиглица и Московское императорское художественно-промышленное училища имени С.Г. Строганова. Этот стандарт-ориентир предполагал включение учащихся в традиционную академическую и окончательно выработанную во второй половине XIX в. художественно-промышленную систему образования. Преемственность открывала перед выпускниками путь к академической школе и столичным профессионально-художественным школам. Учебные заведения в Смоленске и Пскове имели мастерские и давали основу профессии, художественного ремесла.

В Смоленске с 1918 г. существовало несколько студий изобразительного искусства. Школа-студия Пролеткульта была самой значительной. Она хорошо обеспечивалась художественными материалами и натурой. Ей было предоставлено в городе замечательное помещение центре, на Пушкинской улице, во Дворце Труда. Первоначально численность учащихся в ней не превышала 20 человек. Первым руководителем школы был преподаватель рисования местного реального училища Сергей Шведов. Преподавателями в разное время были Петр Лаленков, Борис Цапенко, Владимир Штраних, Чеслав Стефанский, Нил Яблонский а также витеблянин Виктор Меклер, а позднее – Борис Рыбченков, написавший воспоминания о пребывании в Смоленске Малевича.

Студия была разделена на 3 отделения: для начинающих, натурное (класс рисунка – с гипса и с живой натуры) и живописное. Классами руководили педагоги, ориентированные на разные художественные системы – от академической, до импрессионистской.

По итогам выставки школы-студии в Москве в 1921 г. были отмечены работы учеников классов-мастерских Нила Яблонского и Владимира Штраниха. В отзыве периодической печати на выставку было сказано: «Смоленский Пролеткульт, в отличие от столичного, выступал за сохранение культурного наследия прошлого, бережное отношение к традициям реалистической и академической живописи, отсутствие засилья крайне экспериментальных, абстрактно-схематизированных форм» [10].

Эта оценка деятельности смоленской организации Пролеткульта важна для понимания той достаточно настороженной позиции, которую организация заняла по отношению к новаторским идеям Малевича.

В смоленском губернском отделе образования художественный подотдел был образован в 1920 г. В структуре подотдела было 4 секции, в том числе музейная секция и секция изобразительного искусства. Заведующим подотделом искусств

был С.Д. Ширяев, заведующими секциями Н.С. Петров и Я.А. Тепин. Заведующим секцией изобразительного искусства был первоначально назначен Владимир Штраних, а после него – Владислав Стржеминский. Для поддержки педагогической системы Малевича последнее обстоятельство имело большое значение.

Владислав Стржеминский был назначен на должность заведующего секцией изобразительного искусства губернского отдела народного образования 15 июня 1920 г. [9, д. 914, л. 1–2], вместо выбывшего по болезни В. Штраниха. До этого момента Стржеминский работал в аппарате отдела образования в качестве инструктора секции и одновременно был заведующим секцией изобразительного искусства в губернском профсоюзе работников искусств. Его служба в Смоленске, которой предшествовало пребывание в Москве, началась с 18 ноября 1919 г. В Москве он был учеником мастерской Малевича во Вторых Свободных художественных мастерских и одновременно работал в отделе изобразительных искусств Наркомпроса инструктором строительного отдела, заведующим подотделом вывесок и членом коллегии отдела изобразительных искусств. В анкете Стржеминского отмечены в графе ученых трудов и специальных работ выполненные им картины и рисунки, которые находились по его информации на тот момент в музеях Москвы, Петрограда, Самары, Витебска и Смоленска [9, д. 914, л. 2].

Секция изобразительных искусств Смоленского губоно в августе 1920 г. состояла из заведующего и 3 инструкторов, при ней функционировала декоративно-плакатная мастерская, располагавшаяся во дворе дома № 2 по улице Пушкинской.

Еще с весны 1920 г. при секции изобразительных искусств действовал художественный совет. В его состав входили, наряду со Стржеминским, известные в последствие, художники Николай Иванович Дормидонтов (в документах его фамилия приводится как Дермидонтов, 1898–1962), в то время работавший как оформитель в политотделе штаба Западного фронта, Михаил Михайлович Цехановский (1889–1965), также художник политотдела штаба Западного фронта. Кроме того в совет входили работавшие в губернии, в частности, в Талашкинских художественных мастерских княгини М.К. Тенишевой Алексей Прокофьевич Зиновьев (1880–1941) и обследовавший в послереволюционное время музей в Талашкино Яков Алексеевич Тепин (ок. 1883 – ок. 1952).

Ранее, в октябре 1919 г. Цехановский представил отделу образования свой проект об организации школы графической грамоты. Проект был утвержден с предложением – привлечь для его реализации «всех школьных работников-преподавателей графических искусств» [9, д. 1221, л. 20]. Само название школы дает основание говорить о ней, как об учебном заведении с академическими установками.

Непосредственная близость Витебска и Смоленска находит отражение в биографиях ряда художников, тех, кто не нашел себе места в учебных заведениях Витебска, искал работу в Смоленске.

В этой связи следует вспомнить имя витебского художника, ученика Ю.М. Пэна и прежнего близкого приятеля Марка Шагала по учебе в Витебске и Петербурге, В.С. Меклера. После возвращения Шагала из Парижа в Витебск их отношения с Меклером стали носить негативный характер. Найти после революции себе работу в Витебске, где Шагала занял пост уполномоченного по делам искусств и директора основанного им художественного училища, сын состоятельных родителей не мог. Среди документов подотдела искусств Смоленского губернского отдела образования сохранилось его заявление от 29 сентября 1919 г. В

нем отмечено, что Меклер работал весной 1919 г. инструктором живописной мастерской Смоленского Пролеткульта, а в октябре того же года был зачислен инструктором секции изобразительных искусств губотдела народного образования [9, д. 1237, л. 10].

И в Витебске, и в Смоленске делались попытки пополнения местных собраний произведений изобразительного искусства для создания музеев из государственного музейного фонда.

Работники смоленского подотдела изобразительных искусств осенью и зимой 1919 г. выезжали в Москву для получения произведений искусств из фонда государственного музейного фонда для создания Смоленского губернского музея живописи. В протоколе подотдела от 18 декабря 1919 г. сообщается о доставке в Смоленск 46 картин, предназначенных для этих целей [9, д. 1241, л. 386].

Из отчета заведующего музейной секцией подотдела искусств Смоленского губоно о командировке в Москву с целью получения произведений искусства для смоленского музея из бывшего собрания князей Юсуповых можно представить круг «намеченных к предоставлению» авторов: работы С. Коненкова, В. Сурикова, К. Коровина, К. Савицкого, И. Шишкина, И. Левитана, М. Врубеля, В. Серова, М. Нестерова, а также некоторых других, менее известных, сегодня авторов – Александра Валентиновича Средина, Степана Федоровича Колесникова, Екатерины Николаевны Качур. Все эти имена относятся к традиционным направлениям русского искусства: позднему передвижничеству, академической школе и др. [9, д. 1221, л. 20].

Картинная галерея в Смоленске получила помещение и была развернута в это время в бывшем здании уездного земства по Энгельгардовской улице, в отличие от городского художественного музея Витебска, произведения которого частично экспонировались лишь на временных выставках и в классах народного художественного училища.

Смоленские государственные художественно-промышленные мастерские функционировали с осени 1919 г. Образцом для их создания, как уже отмечалось, были Псковские художественно-промышленные мастерские. И те, и другие строились по художественному учебно-производственному принципу. Псковские мастерские имели классы керамики, столярно-резбярно-токарный, ткацкий, малярно-декорационный, мозаичный и игрушечный. В Смоленских государственных художественно-промышленных мастерских было 8 инструкторов: 3 при мастерской гончарного дела – Л. Глембовицкий, Е. Поляков, Л. Копылов, 2 при столярной – И. Трущенко и У. Самусев, а также мастер резного дела А. Мишонон, вышивальщица Осипенкова и мастер ткацкого дела П. Князева. Мастерские предполагалось развернуть по тем же направлениям, что и в Пскове, однако на первоначальном этапе, в феврале 1920 г. в них насчитывалось 20 учащихся всего в двух классах в резном и столярном, причем самым многочисленным был именно класс резчиков – 17 человек [9, д. 1224, л. 68].

В докладе о положении Смоленских государственных художественно-промышленных мастерских от 5 февраля 1920 г., за подписью Стржеминского [9, д. 1224, л. 29–31] проанализировано организационное и финансовое состояние мастерских, которые подчинены непосредственно подотделу художественной промышленности отдела изобразительных искусств Наркомпроса. Докладчик отметил, что это обстоятельство лишает местное руководство отдела изобразительных искусств губоно возможности контролировать их деятельность.

Мастерские ставили задачу технического овладения производством, инструментами, навыками профессиональной работы и лишь вторая сторона предполагала выработку творческих навыков. При численности в 20 учеников мастерские, которые по ряду направлений только разворачивали и организовали работу, при существующем штате инструкторов-руководителей могли бы обучать в два раза большее число учащихся. Обучающиеся привлекали к обучению путем делегирования из организаций и путем свободного доступа. В первом случае – это большинство делегированных смоленским детским домом № 3. Из второй категории – лица «мелкобуржуазного и интеллигентского положения», как они охарактеризованы. Большинство лиц второй категории требовало обеспечения работой, которая мешала посещению ими занятий в мастерских, организованных, как раз, в рабочее время, в первой половине дня с 9 утра до 15 часов. Регулярно посещали мастерские лишь направленные детским домом учащиеся, из которых 2–3 были наиболее подготовлены к самостоятельному выполнению простейшей работы и передачи ее навыков другим. Как отмечено в докладе, учебный процесс был организован в гончарном, столярно-токарном и резном отделениях, а вот работа вышивального и ткацкого отделений в январе 1920 г. только начиналась и находилась на стадии развертывания.

В докладе Стржеминского отражены сложности по оборудованию мастерских и их обеспечению материалами. Часть этого оборудования изготавливалась непосредственно на месте из-за недостатка средств к его закупке. Лишь состояние гончарной мастерской на начало 1920 г. давало возможность производить предметы художественной производства. Одновременно отмечено, что мастерская на тот же момент не имела учеников и в ней трое инструкторов выполняли заказы организаций и предметы обихода. Столярная и резная мастерские были оборудованы недостаточно, менее чем на половину требуемого, поэтому соответствующее их положение ограничивало работу изготовлением простейшей деревянной мебели.

В докладе отмечено также, что вышивальная и ткацкая мастерские на первоначальной организационной стадии оборудования вообще не имеют и в то же время требуют его как неперемennого условия для функционирования.

При достаточной обеспеченности сырьем мастерскими было налажено производство, и доход от реализации заказанной продукции составил 80 000 рублей.

В постановлении по докладу о состоянии мастерских губернская секция изобразительных искусств отметила, что отсутствие учащихся в наиболее оборудованной гончарной мастерской вызвано неправильным набором на учебу всех желающих. Было предложено, руководствуясь классовым подходом, привлекать учащихся по направлениям из пролетарских организаций. Организации при этом сами смогут наблюдать за ходом занятий делегированных. Их рекомендовано обеспечить общежитием и прожиточным минимумом. Предложено поддерживать из свободно поступивших тех наиболее способных, кто в перспективе сам может выполнять функцию инструктора. Предлагалось также «насаждение» художественной промышленности в сельскохозяйственных коммунах Смоленской губернии. Отмечено неполноценное развитие мастерских из-за отсутствия в них живописно-декоративного и скульптурно-формовочного отделений, которые могли бы способствовать обеспечению Смоленской губернии портретами и бюстами «революционных деятелей, нужда в которых заставляет или обращаться в Москву, или оставлять требования неудовлетворенными». Секция изобразительных искусств сделала вывод о том, что недостатки в работе мастерских продиктованы цен-

трализованным их подчинением и отсутствием полноценного управления. Предлагалось передать их под местное, секции же, управление и назначить уполномоченного мастерских.

Лишь 22 июня 1921 г. Стржеминский был утвержден в должности уполномоченного Смоленских государственных художественно-технических мастерских [9, д. 914, л. 5]. Собственно, небольшой промежуток времени около года с лета 1920 по 1921 гг., когда художник занимал ключевые административные посты в Смоленске, он мог существенно воздействовать на художественную ситуацию, благоприятствовать организации и деятельности местной организации УНОВИСа.

В книге Александры Шатских, посвященной искусству Витебска, рассказ о Смоленском УНОВИСе основан на устных воспоминаниях художника Бориса Рыбченкова 1988 г. [8]. Однако не следует забывать и другие свидетельства: Надежды Ходасевич-Леже, а также одного из смоленских учеников Рыбченкова – художника Константина Дорохова [1; 2; 5–7].

В Смоленске учащиеся могли знакомиться с новаторской системой Малевича не только через объяснения своих педагогов, его последователей, но и через убеждающее слово самого мастера. Художник был в Смоленске на протяжении 1920 г. не один раз. На это указывают бывшие ученики Стржеминского, в частности, Надежда Ходасевич-Леже, а также начинавший свою педагогическую деятельность в Смоленске Борис Рыбченков.

Опыт организации филиалов УНОВИСа оказался совершенно необходимым, но не достаточным для утверждения супрематизма как педагогической системы общероссийского художественного образования, как цели художественного творчества и, тем более, как миротворения.

История смоленского филиала, в силу причин в т.ч. и личного свойства, может быть в этом смысле показательна. Ближайшая к Витебску организация, в создании которой пытался принимать участие сам Малевич, не стала образцовым филиалом. Одна из причин этого – общая художественная ситуация. Не смотря на территориальную близость двух городов, Витебска и Смоленска, формирование в них с начала XX века художественных традиций имело свою специфику.

Художественно-производственный характер местной школы, смоленских мастерских не благоприятствовал формированию филиала УНОВИСа. Интерес к новациям в ней не разрушал понимания необходимости академической художественной выучки. Сильны оказались и позиции производственного направления. Не случаен акцент смоленских мастерских на профессиональные навыки, а уже потом на художественное развитие учащихся. Большинство педагогов придерживалось связки «художественное ремесло-школа». И хотя Малевич в Витебске не отказывался от возможностей выхода своего новаторского искусства в практические сферы, для него главнейшей была связка «школа-научный институт», в которой главнейшей целью обучения становилось освоение художественных систем: кубизма, футуризма и супрематизма. Разумеется, и в Витебске, и в Смоленске уровень подготовки учеников был не достаточен для такой работы.

В Витебске для большинства все заканчивалось первой ступенью – попытками освоения принципов кубизма. В Смоленске, как видно из воспоминаний К. Дорохова, например, творческие эксперименты педагогов не соединялись с твердым и вполне классическим пониманием задач художественного образования. Поэтому ученика-Дорохова так поразили собственные творческие эксперименты его учителя-Рыбченкова. Можно усомниться в истинности утверждения Н. Хода-

севич-Леже, что Стржеминский в своей педагогической практике строго следовал исключительно установкам супрематизма. Он фактически остался без группы поддержки.

Выводы. Энтузиазм «супрематической» активности в Смоленске летом-осенью 1920 г. с самой непосредственной поддержкой Малевича не удалось реализовать из-за слабости самих мастерских и из-за их художественно-производственных установок, которые были сделаны предшественником В. Стржеминского В. Штранихом. А в 1921 г., когда последователи супрематизма в Смоленске оказались способны более повлиять на организационные принципы мастерских, Малевич подвергся резкой критике. И со стороны отдела изобразительного искусства Наркомпроса в связи с активными попытками рекомендовать свои методики во всероссийском масштабе, и в соседнем Витебске, «столице» супрематизма, где он вызвал недовольство местного губернского руководства. К концу лета 1921 г. он окончательно склоняется к мысли покинуть Витебск, в скором времени его ученик, уроженец Беларуси, Стржеминский оправился в Польшу, подписавшую с советской Россией Рижский мирный договор. На территории нового польского государства в Вилейке жили родители художника.

Разумеется, история филиалов «партии УНОВИС» определяется зигзагами культурной политики нового большевистского государства, в не меньшей степени личными факторами, но, вместе с этим, основаниями тех культурных и художественных традиций, на фундаменте которых в послереволюционные годы создавалась сеть местных художественных школ-мастерских.

Список литературы

1. *Дорохов К.Г.* Записки художника / К.Г. Дорохов. – М.: Советский художник, 1974. – 126 с.
2. *Дубенская Л.А.* Рассказывает Надя Леже / Л.А. Дубенская. – Минск: Юнацтва, 1983. – 253 с.
3. *Комиссарова Е.В.* Развитие художественного образования на Смоленщине в начале XX века / Е.В. Комиссарова // Культура, искусство, образование: проблемы и перспективы развития: материалы научно-практической конференции с международным участием (8 февраля 2013 г.). – Смоленск: СГИИ, 2013. – С. 36.
4. Малевич о себе. Современники о Малевиче. Письма. Документы. Воспоминания. Критика. В 2-х т. Т. 2 / Авт.-сост. И.А. Вакар, Т.Н. Михиенко. – М.: РА, 2004. – 680 с.
5. *Рыбченков Б.Ф.* Запфронт РОСТА. Рассказ-воспоминание // Б. Рыбченков. Живопись и графика. Каталог выставки. – М.: Советский художник, 1989. – С. 14–22.
6. *Рыбченков Б.Ф.* Смоленск. 1919 год / Б.Ф. Рыбченков // Край Смоленский. – 1992. – № 3. – С. 18.
7. *Рыбченков Б.Ф.* Смоленск. 1918 год / Б.Ф. Рыбченков // Край Смоленский. – 1993. – № 1 (5). – С. 33–40.
8. *Шатских А.С.* Витебск. Жизнь искусства. 1917–1922 / А.С. Шатских – М.: Языки русской культуры, 2001. – 256 с.

Список источников

9. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. Р-19. Оп.1.
10. *Каржанский Н.С.* Выставка в Москве // Рабочий путь. – 1921. – 24 июня.

Баснина Е.Ю.
basnina@me.com
 МАРХИ, г. Москва, Россия

УДК: 72.036+7.036

ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ ПЕРВОГО СОВЕТСКОГО ПОЛИТЕХА В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ. 1918–1920 гг.*

**Публикация выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00193А*

Аннотация. Материалом для изучения послужила история инженерно-строительного факультета Иваново-Вознесенского Политехнического института (ИВПИ) в 1918–1920 гг. В публикации рассматриваются процессы становления факультета в условиях новой политической и социальной ситуации с ярко выраженной региональной спецификой.

Ключевые слова: архитектурное образование; инженерно-строительный факультет; Рижский политехнический институт; Иваново-Вознесенский политехнический институт

Постановка проблемы. В 1915 г. Рижский политехнический институт (РПИ) был эвакуирован в Москву от линии фронта. Шесть факультетов и лаборатории института разместились в корпусах пяти разных учебных заведений: единого здания для Политеха не нашлось, так как полноценный учебный процесс института требовал огромных площадей. Несмотря на то, что в Москве институт находился всего три учебных года, деятельность строительного факультета в это время заслуживает отдельного изучения: его выпускниками стали Лазарь Лисицкий и Моисей Гинзбург. Практику по дисциплине «Архитектурные проекты» на 4 и 5 курсе в 1917/1918 уч. г. вел Р. Клейн [4, л. 95].

Руководство института, как и весь преподавательский состав, считали переезд в Москву временной мерой. Они были уверены, что при первой же возможности вернуться в Ригу. Данное обстоятельство особо подчеркивается в Условиях приема в Рижский Политехнический институт на 1917/1918 уч. г. Этому плану помешали осуществиться политические события. В 1918 г. по условиям Брестского мира РСФСР потеряла все территории Прибалтики. Подписание мирного договора закрепило отделение Прибалтики от Советской России, Рига вошла в состав Балтийского герцогства. В среде профессорско-преподавательского состава произошел раскол по политическим убеждениям: часть коллектива РПИ была решительно настроена вернуться в Ригу, другие предпочли остаться в России, приветствуя перемены и «предвидя огромную культурную работу, предстоящую в России в связи с новым строем» [6, л.3].

Неоднозначная ситуация, сложившаяся в стенах РПИ, стала темой газетных статей. Одна из них «Судьба Рижского Политехникума», напечатанная в газете «Утро России» 19 марта 1918 г., привлекла внимание предпринимателя из Иваново-Вознесенска Ивана Ивановича Власова. Сложившуюся ситуацию Власов рассматривал как возможность реализовать давнюю идею наиболее активных ивановских предпринимателей об учреждении в регионе высшего учебного заведения для подготовки специалистов с учетом особенностей промышленности региона. Иваново-Вознесенск был крупным промышленным городом и носил неофициальный титул «Русского Манчестера». Идея действительно обсуждалась в течение не-

скольких лет, но не получала необходимого движения. Вопрос о создании такого вуза в Иваново-Вознесенске возник еще до революции. По воспоминаниям И. Власова, в ноябре 1916 г. на собрании фабрикантов и заводчиков, которое проходило в Москве, обсуждался вопрос о необходимости развития промышленного образования в регионе [9, л. 9].

О том, как создавался ИВПИ, обстоятельно рассказано в монографии Е. Почиваловой и О. Койфмана «История становления высшей школы в Иваново-Вознесенске» [2]. В сборнике «Из «золотого фонда» Ивановского государственного химико-технологического института» [3] последовательный ход событий изложен Ю.К. Щипаловым в статье «Образование Иваново-Вознесенского политехнического института». Деятельность исключительно инженерно-строительного факультета ИВПИ ранее не изучалась.

Исследование проводилось на документах из Государственного архива Ивановской области (ГАИО), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), научного фонда Ивановского государственного историко-краеведческого музея (ИГИКМ) им. Д.Г. Бурдылина. Рассматриваются первоисточники 1918–1924 гг.: административная переписка, отчеты в Главпрофобр, воспоминания и др. Выявляются и систематизируются сведения о событиях, связанных с созданием Иваново-Вознесенского политехнического института как преемника Рижского Политеха. Прослеживается история инженерно-строительного факультета ИВПИ, излагаются события, связанные с развитием архитектурно-художественного образования.

Изложение основного материала исследования. Учреждению ИВПИ предшествовала энергичная организационная деятельность, в которой принимали участие непосредственно председатель Иваново-Вознесенского Губисполкома М. Фрунзе, профессора и студенты РПИ, члены общества Рижских Политехников, а также представители общественности Иваново-Вознесенска. На совместных собраниях обсуждалась структура будущего института в целом, а также цели и задачи отдельных факультетов. Участники этих собраний не теряли из виду основной идеи: создать в регионе вуз, который будет соответствовать промышленному потенциалу губернии. Именно поэтому в ИВПИ появился Прядильно-ткацкий факультет (впоследствии переименован в Инженерно-текстильный), «являющийся новшеством не только в России, но и на западе, так как до сего времени в высших Учебных заведениях подобных факультетов не существовало» [6, л. 4]. По этой же причине структуру химфака дополнили специальным отделением колористики.

Необходимость и важность инженерно-строительного факультета в структуре ИВПИ не подлежала обсуждению. Для входящих в состав Комитета по учреждению института было очевидно, что в ближайшие годы регион будет испытывать острую необходимость в специалистах строительно-архитектурного профиля. Но именно в этой области полное заимствование программ Рижского Политеха не имело смысла. Содержание учебного плана строительного факультета РПИ должно было подвергнуться пересмотру. До революции студенты-архитекторы РПИ выполняли заказы совершенно другого уровня и содержания, они проектировали и строили доходные дома, особняки, соборы. Как известно, здания, построенные выпускниками РПИ, стали выдающимися образцами югендстиля. То есть предыдущий опыт не соответствовал планам и возможностям молодого советского государства по развитию промышленности Ивановской в губернии.

На одном из общих собраний профессор РПИ В. Келдыш (позже преподавал в ИВПИ дисциплину Железобетонные сооружения) безапелляционно высказался о состоянии и необходимых мерах для достижения результатов, ожидаемых от ИВПИ: «Исходя из факта отсутствия в России специалистов по постройке фабрично-заводских зданий, вполне приспособленных к тому или другому виду производства, так как имеющиеся учебные заведения готовят специалистов по постройке зданий, имеющих чисто художественную ценность, [...] члены комиссии считают необходимым в основу организации инженерно-строительного факультета поставить цель – подготовку специалистов по постройке фабрично-заводских зданий. Факультет предлагается разбить на два отделения 1) Промышленно-строительное и 2) Санитарно-техническое. Курс 8-ми семестровый. Из них 8-й семестр посвящается подготовке к дипломной работе» [9, л. 68].

Соответствующая формулировка отражена в Отчете об организации и деятельности ИВПИ от 15 июня 1918 г.: инженерно-строительный факультет предназначен «для подготовки инженеров специалистов по постройке и оборудованию фабрик и заводов» [6, л. 4]. Занятия на первом курсе факультета начались 22 октября 1918 г., как и во всем институте. На первый курс факультета 1918/1919 уч. г. было принято 270 студентов, к учебе приступали все желающие без вступительных испытаний. С первых дней в преподавательский корпус факультета входили представители Рижского Политеха – проф. В. Келдыш, Г. Зейберлих, В.С. Федоров. В 1918/1919 уч. г. его состав пополнили профессора А.И. Некрасов (Теоретическая механика) и Н. Гениевым (Гидравлика), доцент Д.А. Заводчиковым (начертательная геометрия) и ассистент А.А. Архангельский. В 1919/1920 уч. г. были приглашены профессора М.И. Филоненко-Бородич (сопротивление материалов), В.К. Дмоховский (подземное и подводное строительство), П.М. Орлов (геодезия), доцент В.И. Руднев (каменные сооружения).

При подготовке учебного плана профессорско-преподавательский состав не делал скидку на крайне тяжелые условия, в которых началось обучение на инженерно-строительном факультете. Программа охватывала четыре учебных года, хотя это считалось «ограниченным сроком прохождения курса» (обучение на строительном факультете РПИ занимало пять лет). В течение первых двух лет изучали общие предметы. Со второго года вводилось разделение на две специальности – строительную и санитарную, чего в РПИ не практиковалось. Чтобы усилить образовательный компонент, при факультете организовали ряд лабораторий и несколько показательных кабинетов «где студенты могли бы знакомиться с деталями того дела, к которому они готовятся» [5, л. 22об.]. Занятия и работа в лабораториях соответствовали традициям РПИ. Учебный план первого курса содержал дисциплины Высшая математика, Начертательная геометрия, Физика, Химия, Строительное искусство, Архитектурные формы, Теоретическая механика, Сопротивление материалов, Техническое черчение, Рисование, Техническая каллиграфия. По сравнению с учебным планом первого курса, утвержденного для строительного факультета РПИ, заметны незначительные отличия в сторону сокращения художественной составляющей.

В первый же учебный год преподавателям бывшего РПИ предстояло столкнуться со сложностями не только финансового характера. С тем, что Наркомпрос не имел возможности предоставлять средства на приобретение необходимого для лабораторий оборудования, удавалось справляться. Для ремонта имеющейся аппаратуры и изготовления новых несложных приборов на факультете организовали

механическую мастерскую. Более серьезным препятствием стал общий низкий уровень образования учащихся первого курса. В предисловии к программе по строительному искусству проф. Зейберлих отмечает, что студенты «приступают к курсу более или менее неподготовленными». Поэтому курс приобретает «описательный эмпирический характер». В преподавании профессор избегает сложных расчетов и теоретических доказательств, делает упор на подготовку «студентов к упражнениям по строительному искусству, т.е. к исполнению задач и чертежей конструктивных частей зданий самого простого характера» [8, л. 7].

Каждый лекционный курс сопровождался программой упражнений, на которую делали основной акцент. Эта система считалась наиболее эффективной для развития основных навыков в строительстве и воспитания художественного вкуса. В предисловие к лекциям «Византийское и русское искусство», прочитанным в Иваново-Вознесенском Политехническом институте, профессор А. Некрасов обращает внимание на то, что он избегал «впасть лишь в технико-инженерное толкование, равно как и подменить художественную эволюцию историей культуры по памятникам или хронологическим каталогом». Его задачей была «эволюция художественного выражения в живой смене причинно связанных форм» [10, с. 3]. Но художественные задачи не стали первостепенными. Факультет воспитывал специалистов, способных решать задачи проектирования и строительства промышленных предприятий: от применения строительных материалов до решения экономических вопросов.

Роль инженерно-строительного факультета в промышленной жизни Иваново-Вознесенска охарактеризована в отчете Губисполкома, направленном в Главпрофобр в 1924 г. В отчете говорится, что «Строительный факультет оформился как факультет преимущественно промышленного зодчества и строительства, обслуживая силами своих преподавателей и питомцев многочисленные потребности краевого хозяйства. Почти все вопросы строительного характера, интересующие местные органы, находили свое отражение в учебных и дипломных работах студентов факультета» [6, л. 129].

Инженерно-строительный факультет вел образовательную деятельность с 1918-го по 1924-й годы. В 1924 г. он был ликвидирован постановлением Совнаркома РСФСР (от 8 июля 1924 г.). Состав факультета менялся, адаптируясь к требованиям времени, но фундамент инженерно-строительного образования в регионе был заложен именно в первые годы.

Выводы. Импульс к возникновению ИВПИ получил от Рижского Политехнического института, учебного заведения с многолетней историей, с устоявшимися традициями, созданного по образцу лучших политехнических школ Европы. Изменения, которые произошли в структуре инженерно-строительного факультета ИВПИ по сравнению с институтом-предшественником, наглядно демонстрируют новый курс в подготовке архитекторов и строителей, связанный с появлением новых типов построек – рабочий клуб, дом культуры, фабрика, с технологией строительных материалов, сроками и стоимостью строительства.

Исследуя историю инженерно-строительного факультета ИВПИ невозможно игнорировать и тот факт, что начало деятельности приходится на период первых образовательных реформ в художественных учебных заведениях – в 1918 г. появляются первые СГХМ. Но система высшего технического образования эти эксперименты не восприняла, подготовка инженеров-архитекторов и строителей опи-

ралась на испытанный метод обязательных лекционных курсов, подкрепленных практическими занятиями.

Список литературы

1. *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века / А.Е. Иванов; Академия наук СССР; Институт истории СССР. – М.: [б.и.], 1991. – 392 с.
2. *Почивалова Е.И., Койфман О.И.* История становления высшей школы в Иваново-Вознесенске / Е.И. Почивалова, О.И. Койфман; научн. ред. К.Е. Балдин. – Иваново: ИГХТУ, 2010. – 271, LXXI с.
3. *Щипалов Ю.К.* Образование Иваново-Вознесенского политехнического института // Из «золотого фонда» Ивановского государственного химико-технологического института / Под ред. проф. О.И. Койфмана. – Иваново: ИГХТУ, 2005. – С. 4–13.

Список источников

4. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф.Р-1094. Оп. 2. Д. 7. Отчет о состоянии и деятельности и сводка узаконений и правил для факультетов Рижского политехнического института
5. ГАИО. Ф.Р-1094. Оп. 2. Д. 6. Отчеты об организации института и о деятельности факультетов.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.А-1565. Оп. 3. Д. 298. Протоколы заседаний правления Иваново-Вознесенского политехнического института; отчеты факультетов за 1921–22 г., переписка об утверждении преподавательского состава института и сметы расходов на 1924–25 г.
7. ГАРФ. Ф.А-1565. Оп. 4. Д. 41. Отчет об организации и деятельности Иваново-Вознесенского политехнического института
8. ГАРФ. Ф.А-1565. Оп. 4. Д. 42 Учебные планы и программы Иваново-Вознесенского политехнического института
9. Ивановский государственный историко-краеведческий музей (ИГИКМ) им. Д.Г. Бурлыкина. Научный архив № 2300
10. *Некрасов А.И.* Византийское и русское искусство. Для строительных факультетов высших учебных заведений. С 327 рисунками в тексте / Проф. А.И. Некрасов. – М.: Издание Государственного универсального магазина, 1924. – 211 с.

Беляева Г.А.
galina-bva@mail.ru

СГХМ имени А.Н. Радищева, г. Саратов, Россия

УДК: 75.03+74.01/.09+93

САРАТОВСКИЕ СВОМАС (1918–1920 гг.). ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ Г.И. КОЖЕВНИКОВА*

*Публикация выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00193А

Аннотация. В статье рассматривается опыт первого исследования по истории Саратовских Свомас (Свободных государственных художественных мастерских, 1918–1920 гг.), которое было проведено сотрудником Радищевского музея Г.И. Кожевниковым в 1946–1947 гг. в связи с 50-летием Саратовского художественного училища.

Ключевые слова. Саратовский Свомас; Боголюбовское рисовальное училище; Г.И. Кожевников; реформа художественного образования 1918 г.; Наркомпрос.

Постановка проблемы. История художественного училища в Саратове и одной из его пост-революционных «реинкарнаций» с 1918 г. – Свободных государственных художественных мастерских (Свомас, СГХМ) – была опубликована в 2000-е гг.: Е.И. Водоносом и Н.Н. Манжос [2; 3; 7]. Эти и другие исследователи данной темы в числе прочего пользовались материалами Г.И. Кожевникова, которые хранятся в архиве Саратовского государственного художественного музея имени А.Н. Радищева [12; 13]. Однако, выявление специфики Саратовской «школы» периода первой реформы художественного образования в 1918–1920 гг., по разным причинам оставалось за пределами интересов исследователей. Особенно «оптики», настроенной на охват больших временных периодов не располагали к выстраиванию картины событий, происходивших в эти годы, «по дням и по часам».

Основными источниками настоящего исследования послужили: 1) текст первой масштабной «биографии» Саратовского художественного училища, который был написан сотрудником Радищевского музея Г.И. Кожевниковым в 1947 г. в связи с 50-летним юбилеем учебного заведения [12]; 2) блок материалов, хранящихся в «деле Кожевникова» в архиве Радищевского музея [13].

Георгий Иванович Кожевников (*рис. 1*) родился в 1914 г. В 1931–1935 гг. учился в Саратовском художественном училище. В 1935–1938 гг. преподавал черчение и рисование в школе № 1 РУЖД в Саратове. В Радищевском музее работал в 1938–1950 гг. (экскурсоводом, научным сотрудником, художником-реставратором, заведующим запасами, заведующим экспозиционным отделом). В 1951 г. переехал в Пермь, работал заместителем директора по науке Пермской картинной галереи. Умер в 1962 г. [4, с. 130].

В данной статье автор выявляет, какой вклад в изучение истории саратовского Свомаса внес Г.И. Кожевников, каким образом искусствоведы следующих поколений воспринимали и использовали собранные им материалы, и почему его версия событий в некоторых аспектах оказалась более точной и адекватной реальности.

Изложение основного материала исследования. Саратовская рисовальная школа открылась в 1897 г. по инициативе академика живописи А.П. Боголюбова.

Сам художник до реализации проекта не дожид, и потому в память о нем школа с момента открытия стала именоваться Боголюбовским рисовальным училищем (БРУ). За долгую историю существования училище неоднократно переживало периоды реформ, и каждый раз структура и номинация учебного заведения менялись в соответствии с логикой «исторического момента». Самая существенная трансформация произошла, как известно, в 1918 г., когда БРУ было преобразовано в Свомас в рамках первой реформы системы художественного образования, которая проводилась по всей стране центральным отделом ИЗО Наркомпроса. Осенью 1920 г. (в рамках второй реформы) Свомас был реорганизован в высшее учебное заведение – ВСГХМ (типа московского ВХУТЕМАСа), которое с 1921 г. именовалось Государственными высшими художественно-техническими мастерскими (ГВХТМ), а с осени 1922 г. было преобразовано в институт (ГХПИ) [3, с. 198]. Все это время, на протяжении почти тридцати лет, школа находилась в одних стенах с Радищевским музеем. В 1923 г. институт преобразовали в техникум и перевели в другое здание.

Рис. 1. А.В и В.В. Леонтьевы. Фотопортрет Г.И. Кожевникова. 1938–1940-е гг. [11]

Созданию Кожевниковым текста об училище предшествовала огромная подготовительная работа, начатая задолго до юбилейных торжеств 1947 года. Уже в марте 1946 г. Кожевников получал письма от бывших учеников и педагогов БРУ-Свомас – в ответ на просьбы прислать биографические сведения и написать воспоминания [13, л. 37 (письмо М.А. Аринина), 114 (письмо Н.И. Симона)]. Далее переписка с тремя десятками респондентов продолжалась более полутора лет. География ее была весьма обширна: от Москвы и Ленинграда до Ташкента. Кто-то из художников счел возможным прислать в Саратов всего лишь краткие анкетные данные, кто-то взялся активно помогать Кожевникову и писал не только и не столько о себе, сколько о бывших соучениках и преподавателях, помогал разыскивать их адреса или хоть какую-нибудь информацию. На основании этих сведений, по мере их поступления, Кожевников составлял списки художников-саратовцев, один из которых включал 70 персоналий.

В настоящий момент объем собранных тогда материалов составляет более 170 листов, однако сохранились далеко не все: так, в тексте Кожевникова [12, л. 39] процитировано письмо Бориса Кушельмана и упомянут «случай с художником А.В. Скворцовым» [12, л. 53] – и дана ссылка на архив музея, но ни писем, ни воспоминаний этих художников в архиве нет. Утрачена и большая часть одного из наиболее информативных писем Михаила Аринина, сегодня нам доступен лишь короткий отрывок благодаря публикации в книге Е.И. Водоноса [2, с. 78–79].

Из тех преподавателей и бывших студентов, кто остался в Саратове, воспоминания об училище написали Иван Щеглов (в 1947 г. – действующий и один из самых авторитетных педагогов СХУ) и Владимир Никитин (в 1946 г. – завуч СХУ). Более или менее развернутые рассказы о своем пребывании в БРУ-Свомас-ВСГХМ-ГХПИ прислали Михаил Аринин, Борис Зенкевич, Евгений Кацман и Виктор Перельман (рис. 2).

О том, что должно было стать итогом всего этого колоссального труда, Кожевников сообщал в письме В.С. Климашину весной 1947 г.: «... издание исторического очерка полувековой жизни и деятельности этого старейшего в нашей стране художественного учебного заведения [...]. Исторический очерк училища, написанный мною [...] уже подготовлен к печати. Приложением к этому очерку предполагается напечатать воспоминания отдельных известных теперь художников, ранее учившихся в Саратовской школе [...]» [13, л. 36] (рис. 3).

Очерк, как уже было сказано, Кожевников действительно написал, но издать его не получилось ни через два месяца, как предполагал автор, ни когда бы то ни было позже. Машинописный оригинал объемом в 79 стр. свидетельствует о том, что помимо работы с документами, Кожевников провел еще и глубокие архивные изыскания и, синтезировав то и другое, создал вполне качественный текст – первую историю саратовской художественной «школы». Она охватывает не только события, произошедшие за полвека (с 1897 по 1947 гг.), но включает и краткий обзор этапов становления системы российского художественного образования, и подробное изложение перипетий, непосредственно связанных с организацией Боголюбовым рисовальной школы в Саратове.

С ходом времени кожевниковская «История» приобрела свойства «исторического источника», – прежде всего потому, что автор включил в ее канву устные свидетельства очевидцев «давно минувших дней». Кроме того, он имел доступ к документам Государственного архива Саратовской области (фонды художествен-

ного училища и властных инстанций первых лет советской власти), которые практически полностью уничтожил пожар 1974 г.

Например, то, как Кожевников описывает превращение БРУ в Свомас в 1918 г., позволяет думать, что он был знаком с текстом инструкций [5, с. 5] отдела ИЗО Наркомпроса «о выборах руководителей и приеме учащихся в Свободные государственные художественные мастерские»: «Свободные Государственные Художественные Мастерские представляли из себя высшее художественное учебное заведение, в котором каждый учащийся по своему выбору мог обучаться той или иной художественной профессии за счет государства. На основании инструкций разосланных отделом изобразительных искусств Наркомпроса за подписью Луначарского в Свободных Государственных мастерских учащиеся все без исключения пользовались правом выбрать руководителя по художественным предметам. Для этого требовалось только организовать группу не менее 20 человек [из] близких по своему направлению творчества учащихся и выбрать себе руководителя-профессора. Всем художественным течениям обеспечивалось место и свобода действий и мастерских. Учащимся предоставлялась возможность работать и без руководителя. Разрешался также переход от одного руководителя к другому» [12, л. 45–46].

Более поздние историки саратовской художественной «школы» доступа к этому документу уже не имели: Н. Манжос использовала приведенный у Кожевникова пассаж с минимальными корректировками и без ссылки на источник [7, с. 56]; Е.И. Водонов ориентировался на совершенно иные свидетельства [2, с. 70, 266].

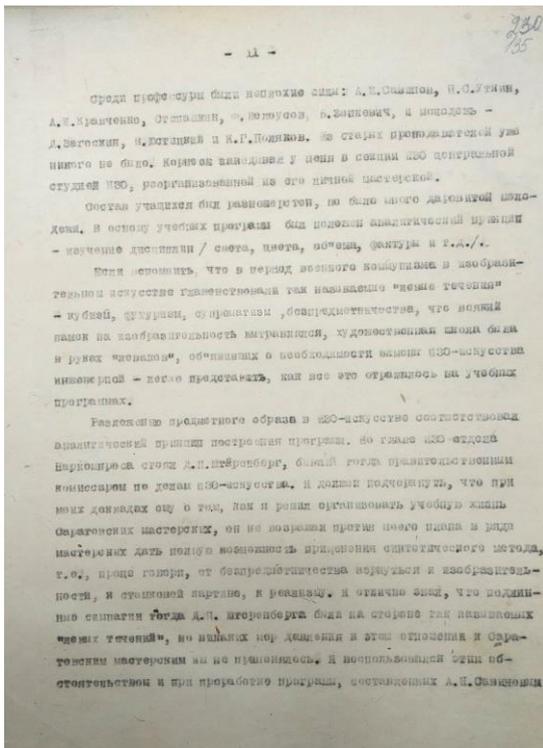

Рис. 2. Воспоминания В.Н. Перельмана о саратовском Свомасе (фрагмент). [13, л. 135]

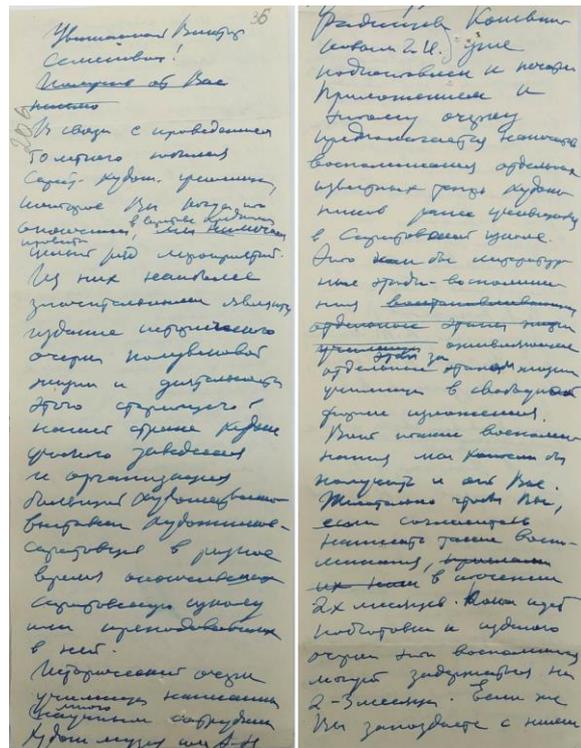

Рис. 3. Черновик письма Г.И. Кожевникова В.С. Климашину (фрагмент). [13, л. 36]

В своей «Истории» Георгий Кожевников достаточно точно и подробно реконструировал канву событий, происходивших на рубеже 1910–1920-х гг. в саратовском Свомасе, выявил круг главных действующих лиц и по достоинству оценил их влияние на ситуацию: «Такого обилия преподавателей с именами крупных художников не знало уже больше Саратовское училище ни в какие другие годы» [12, л. 47]. А его утверждение о том, что «художественная жизнь Саратова переживала годы наивысшего расцвета и кипучей деятельности», если и не напрямую предопределило оценку этого времени Водоносом как «эпохи “культурного взрыва”» [2, с. 3–18, 250–259], то, по крайней мере, вполне с ней коррелирует.

Эмоциональная тональность кожевниковского повествования о революционных переменах в жизни «школы» соответствует боевому духу передовиц центральных газет и демонстративному кино-энтузиазму конца 1930-х – второй половины 1940-х гг.: «Дружно и весело участвовали преподаватели и учащиеся на «субботниках»; отправлялись по первому требованию и разверсткам Губкома на трудовые работы и шли добровольцами на фронта гражданской войны. [...] Этот же энтузиазм молодежи, а главное, беспредельная любовь к своему делу помогли преодолеть все трудности и невзгоды тяжелого 1920 г. Ни отсутствие топлива, ни недостатки материалов, ни продовольственные затруднения не охлаждали жажды к знаниям, жажды учебы» [12, л. 47–48].

Отрицать тот факт, что, по крайней мере, некоторая часть населения России первых послереволюционных лет была заряжена верой в «светлое будущее», сегодня не имеет никакого смысла. Но, имея под рукой одновременно и письма-«исходники», и созданный Георгием Кожевниковым «конечный продукт», небезынтересно приглядеться к тому, каким образом он конструирует свой образ истории, как отсекает ненужное при работе с воспоминаниями художников и как охотно цитирует «политкорректные» высказывания.

Так, в сноске к приведенному выше тексту [12, л. 48] он говорит о «несколько сократившемся» числе учащихся в мастерских – по причине переживаемых страной трудностей. В качестве комментария здесь можно припомнить «статистические данные» из докладной записки Бориса Андреева-Горского, который приехал в Саратов 28 октября 1920 г. «из Центра» (чтобы стать новым уполномоченным Мастерских) и насчитал там всего 34 студента, «из коих только 11 являются старыми учениками» [10, л. 15]. Для сравнения стоит напомнить, что по данным газеты «Известия Саратовского Совета» в конце 1918 г. в саратовских Мастерских насчитывалось «до 400 человек» [2, с. 71]. Понятно, что в обоих случаях мы, вероятнее всего, имеем дело с преувеличениями; понятно также, что число учеников и в самом деле могло сокращаться по причине мобилизации на военную службу. Но вот признание Михаила Аринина, откровенно противоречащее образу «дружного и веселого» преодоления трудностей: «В октябре 1920 г. возвращаюсь опять в Саратов, намереваясь продолжить занятия, но материальные условия были тяжелы, пришлось отправиться в свое Синодское, там было посылней» [13, л. 52]. Такие факты первый историк Свомас предпочитал игнорировать, поскольку в противном случае пришлось бы признать, что даже самые увлеченные и убежденные в своем призвании художники иногда разумно предпочитали не умирать с голоду.

А вот при описании «нелепого кривлянья» «левых» свидетельства Михаила Аринина и Бориса Зенкевича оказались как нельзя кстати. В данном случае защитные механизмы автоцензуры обоих респондентов сработали правильно и син-

тез их «квантов памяти» дал яркую картинку непростительного осквернения классических образцов: «Греческие боги Зевсы, Аполлоны, Венеры вдруг, из гипсовых белых становятся ярко красными, желтыми, синими, а многие совсем выбрасывались в окно» [12, л. 50]. В целом, все авангардные практики, согласно искусствоведческому «этикету» 1940-х гг., Кожевников сваливает в одну кучу и подвергает разному за «формализм», под которым имелось в виду стремление к «экспериментаторству в области цвета, фактуры, композиции», а именно, использование в качестве средств изображения обломков стекла, железа, фанеры, проволоки и т.д. [12, л. 50–51].

В период Свомас Кожевников справедливо вписывает и существование «мастерской независимых», которая не имела никакого отношения к «левым», но должна была раздражать советского искусствоведа одним своим названием. По его мнению, название это намекало на возможность «”свободного” развития творческой личности, без посторонних влияний и руководства» [12, л. 51], что казалось абсолютно неприемлемым в стране, где восторжествовал социальный детерминизм. По непонятным соображениям наш историк все-таки причислил «независимых» к «левым», несмотря на то, что сам же, цитируя в очередной раз Арина, констатировал, что там «писали привычным академическим методом без всяких вывихов» [12, л. 52].

Впрочем, несмотря на все «идеологические деформации» в оценках событий, происходивших в саратовских Свомас, в заслугу Георгию Кожевникову можно поставить уже то, что он впервые собрал множество разрозненных фактов и выстроил «сюжетную канву» исторического процесса, в которую искусствоведы 2000-х гг. получили возможность встраивать новые элементы.

Следующая попытка реконструировать историю БРУ-СХУ была сделана спустя почти шестьдесят лет: в 2004 г. Н.Н. Манжос защитила диссертацию [6], а в 2007 г. издала монографию [7] о саратовском художественном училище. Зависимость ее текста от текста Кожевникова очевидна, несмотря на то, что она ни разу не ссылается на его «Историю». Следуя схеме Г.И. Кожевникова, она начинает повествование с далекой предыстории; затем подробно описывает начальные годы существования БРУ, его административную структуру, систему преподавания, приводит биографии первых педагогов; далее достаточно кратко обрисовывает советский период и совсем пунктирно доводит рассказ до 2000 г. При этом структура ее книги не предусматривает выстраивания единой, «сквозной» хронологии, материал разбит по «проблемным» главам, внутри которых каждый раз вычленяется своя последовательность событий с произвольными временными рамками. К 1920-м гг. автор возвращается несколько раз, но составить целостное и внятное представление о Свободных Мастерских по ее тексту практически невозможно. Она не пытается разобраться в специфике, отличавшей Свомас от более поздних «реинкарнаций» учебного заведения, и потому путается в названиях и хронологии (смешивая Свомас, ГХПИ и техникум). А стремясь проследить зависимость трансформаций училища от местных и центральных управляющих органов и от происходивших в них процессов реорганизации, запутывается еще больше [7, с. 54–56].

Значительным вкладом в изучение истории саратовской художественной «школы» стала книга Водоноса [2], опубликованная почти одновременно с монографией Манжос. Водонос также во многом следует опыту Кожевникова. В главе, посвященной реформе художественного образования, картина преобразований

выстраивается с опорой прежде всего на воспоминания бывших учеников и педагогов, свидетельства которых частично были почерпнуты из того же «дела Кожевникова», а частично собраны Водоносом в 1970-е гг. в переписке с художниками или же были написаны ими по собственной инициативе в разное время и в конце концов попали в архив Радищевского музея. Благодаря такому подходу, история жизни училища конца 1910–1920-х гг., созданная Водоносом, получилась очень живой и яркой, однако отсутствие официальных документов (которые, судя по всему, еще были доступны Кожевникову) предопределило расстановку некоторых значимых акцентов. По версии Водоноса институциональные трансформации «школы» представляют собой скорее проявления локального волюнтаризма (а не реформу, централизованно проводившуюся Наркомпросом по всей стране), смену вывесок – и как таковые не заслуживают особого внимания. В начале главы автор перечисляет через запятую все последовательно происходившие «превращения» [2, с. 71] и больше к этому не возвращается, сосредоточив все внимание на работе каждой отдельной мастерской, на характеристике методов преподавания разных педагогов и воссоздании общей атмосферы времени.

Выводы. Таким образом, оба позднейших исследователя были знакомы с текстом «Истории» Кожевникова и во многом ориентировались на него, но, в отличие от Кожевникова, один из них (Водонос) не эксплицирует и не учитывает административной зависимости саратовских СГХМ от вышестоящих властных инстанций, а другой (Манжос) делает это не всегда внятно и корректно. При этом оба они придерживаются того «нивелирующего» подхода к институциональной эволюции учебного заведения, который был заложен Кожевниковым. Для него общая поступательная логика развития художественного образования была гораздо важнее выявления специфики, характерной для каждого из этапов. Специфика эта уходила в тень на фоне жизнеутверждающей борьбы единственно верной «реалистической» линии с разного рода «формалистическими» отклонениями.

Существование «дела Кожевникова» в музейном архиве давно стало предметом общего знания для саратовских историков искусства. Однако, извлекая из этого корпуса документов нужную для своих целей информацию, они иногда либо вовсе «забывают» сослаться на человека, ее собравшего, либо ссылаются не на Кожевникова, а на его респондентов [2, с. 79, 94, 110, 112, 267–269, 277]. Вероятно, проблема заключается в том, что тексты самого Георгия Ивановича, прежде всего написанные в конце 1940-х гг., с характерной для эпохи лексикой и «антиформалистским» пафосом, сохраняя значимость в фактологической части, в части аналитики сегодня могут быть востребованы, скорее, как источник по истории советской идеологии. Поэтому сослаться на его оценочные суждения представляется возможным лишь при очень специфическом исследовательском ракурсе.

Тем не менее, огромная работа, проделанная Георгием Кожевниковым, на десятилетия вперед предопределила направления исследовательской деятельности, в которых двигались саратовские историки искусства следующих поколений. Много лет спустя намеченные им темы получили развитие сразу в нескольких значимых публикациях: в «Хронике художественной жизни Саратова» [8], истории Радищевского музея [4] и биобиблиографическом словаре «Художники Саратова» [9]. В них роль Кожевникова как первого историка художественной жизни Саратова четко обозначена и отмечена благодарным упоминанием [4, с. 130, 134; 9, с. 8]. Несколько лет назад сотрудница архива Радищевского музея Ю. Рогожни-

кова написала статью, непосредственно посвященную искусствоведческим трудам Кожевникова. К сожалению, статья до сих пор не опубликована [14].

История же саратовских Свободных Мастерских еще ждет своего достойного освещения. Короткие отрезки времени требуют соответствующей методологии исследования – более пристального внимания к «мелким», разрозненным фактам, которые прежде не считались значимыми и не принимались в расчет. Выявление и «стыковка» такого рода свидетельств позволят создать гораздо более отчетливый образ прошлого. Работа в этом направлении была начата в одной из недавних публикаций [1] и, несомненно, требует продолжения. При этом тексты и материалы Георгия Кожевникова остаются одним из важнейших источников.

Список литературы

1. Беляева Г. «Советский художник»: конструирование профессиональной идентичности в государственной политике и ее региональных вариациях (1918–1932) // Новое литературное обозрение (НЛО). – 2016. – № 1(137). – С. 58–83.
2. Водонос Е.И. Очерки художественной жизни Саратова эпохи «культурного взрыва», 1918–1932. – Саратов: СГХМ имени А.Н. Радищева, 2006. – 288 с.
3. Водонос Е.И. Саратовские СВОМАС (Свободные государственные художественные мастерские. ВСГХМ-ГВХТМ-ГХПИ). 1918–1923 // Энциклопедия русского авангарда. Изобразительное искусство. Архитектура. – Т. 3. Кн. 1. – М., 2014. – С. 197–198
4. Жукова И.А., Савельева Е.К., Гродскова Т.В., Рогожникова Ю.С., Червякова О.Н. Саратовский Радищевский музей. Факты. События. Люди. 1885–2010. – Саратов: СГХМ им. А.Н. Радищева, 2010. – 344 с.
5. Иванова-Везн Л.И. География и система архитектурно-художественного образования в России 1918–1930 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2: Искусствоведение. Филологические науки. – 2013. – № 3. – С. 4–9.
6. Манжос Н.Н. Становление и развитие среднего художественного образования в регионах России в конце XIX – XX веках: На примере Саратовского художественного училища имени А.П. Боголюбова: Дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2004. – 242 с.
7. Манжос Н.Н. Саратовское художественное училище имени Алексея Петровича Боголюбова: История становления и развития. Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. – 110 с.
8. Хроника художественной жизни Саратова. 1874–1980. По материалам местной периодической печати. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1988. – 116 с.
9. Художники Саратова и Саратовской губернии: Библиографический указатель / Авт.-сост. И.А. Жукова, Ю.С. Рогожникова, О.Н. Червякова. – Саратов: Изд-во «Новый ветер», 2010. – 692 с.

Список источников

10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 23. Д. 109.
11. Отдел хранения архивных материалов Саратовского государственного художественного музея (ОХАМ СГХМ) им. А.Н. Радищева. Леонтьевы А.В и В.В. Фотопортрет Г.И. Кожевникова. 1938–1940-е гг.
12. ОХАМ СГХМ им. А.Н. Радищева. Ф. 369(1). Оп. 4. Ед. хр. 16. Г. Кожевников. Из истории Саратовского художественного училища (к 50-летию основания). 1946–1947 год.
13. ОХАМ СГХМ им. А.Н. Радищева. Ф. 369. Оп. 2. Ед. хр. 160. Переписка Кожевникова с художниками по поводу участия их в выставке в честь 50-летнего юбилея художественного училища, запрос автобиографических данных к созданию «Сборника материалов о художественной жизни Саратова с 1874–1930» за 1946–1947 гг.
14. Савельева Е.К. Личный архив. Неопубликованная статья: Рогожникова Ю.С. Г.И. Кожевников – исследователь творчества А.П. Боголюбова и художественной жизни Саратова.

Голенкевич Н.П.
 ninagolenkevich@yandex.ru
 ЯХМ, г. Ярославль, Россия

УДК: 75.03+74.01/.09

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ХУДОЖНИКОВ-ПЕДАГОГОВ ГСХУМ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА (1919–1921 гг.)*

**Публикация выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-012-00193А*

Аннотация. В публикации рассматриваются общие тенденции художественного образования региональных центров, расположенных к северу от Москвы: Ярославля, Твери, Владимира, Костромы, Вологды и Вятки. Анализируются произведения и материалы творческого наследия педагогов региональных ГСХУМ в 1919–1921 гг.

Ключевые слова: региональные ГСХУМ; мастера-руководители; ярославские, тверские, костромские, владимирские и вологодские мастерские.

Постановка проблемы. Вопросы организации и деятельности Государственных Свободных художественных учебных мастерских (ГСХУМ, СГХМ) в региональных центрах советской России освещены в целом ряде публикаций, но степень их изученности неравномерна. Активизации исследований по изучению учебных художественных заведений, деятельности их педагогов в столичных и региональных городах способствовала целенаправленная работа музея МАРХИ под руководством Л.И. Ивановой-Везн – исследователя, не одно десятилетие посвятившего изучению и систематизации информации по художественному образованию [5; 6]. В рамках гранта РГНФ в 2011–2013 гг. ей была составлена сводная таблица региональных ГСХУМ [5, с. 6].

В данной публикации освещаются новые выявленные материалы, даются ссылки на источники и исследователей, которые ввели в научный оборот сведения о подлинных произведениях, эпистолярных наследиях, фотоматериалах, в частности, с воспроизведениями экспозиций выставок педагогов и учеников ГСХУМ. Этот материал позволяет раскрыть потенциал мастеров-руководителей, определить их роль в истории региональных школ. Сведенная воедино информация и ее обобщение дают возможность увидеть общие и частные особенности в развитии и становлении художественного образования в период 1919–1921 гг.

Изложение основного материала исследования. В большинстве русских городов, расположенных к северу от Москвы (Владимире, Вологде, Вятке, Костроме, Твери и Ярославле), художественное образование в конце XIX – начале XX вв. сочетало традиционные и новые формы обучения. Сохранялась передача знаний, опыта и основ художественного ремесла от мастера к ученикам «из рук в руки». Параллельно, благодаря инициативе отдельных художников, стали возникать частные студии и учебные заведения, в которых ставились задачи по овладению основами рисунка, лепки и других предметов, необходимых будущим мастерам художественных ремесел. Революционные идеи советской власти в области художественного образования внедрялись постепенно. На первом этапе (1918 г.) шел процесс реорганизация уже действовавших и создание новых школ среднего звена – изостудий и мастерских художественно-производственного профиля.

В Ярославской губернии в 1918–1919 гг. было создано десять изостудий, две из них в Ярославле. Первая городская – на базе Городских классов рисования при этом педагогический состав остался прежним. В Костроме в качестве школы среднего звена продолжила работу частная студия Н.П. Шлейна и по инициативе ГубОНО в 1919 г. была открыта студия рисования и живописи Н.С. Изнар-Купреяновой (Изнар) при Первом социалистическом рабочем клубе (с ориентацией на подготовку художников новых направлений в искусстве). В Вологде сохранялась художественная школа при Северном кружке. В Вятке с декабря 1918 г. работала Губернская студия художеств. Во Владимире была создана студия рисования, живописи, ваяния и прикладного искусства, а в Тверской губернии – целый ряд изостудий в уездных городах. На изостудии были возложены задачи художественного воспитания широких масс. Вместе с тем, изостудии и школы часто совмещали педагогическую и производственную деятельность. Они привлекались к исполнению заказных работ оформительского и агитационного характера.

В 1918 г. Наркомпрос (под руководством А.В. Луначарского) начал реформирование художественного образования РСФСР. На основе существовавших школ и студий были созданы СГХМ – это была первая реформа. С осени 1920 г. на основе ряда центральных Свободных мастерских были созданы ВХУТЕМАСы – это была вторая реформа.

Свободные художественные мастерские были призваны продвигать новые методы обучения и формы изобразительного искусства. В отличие от столичных школ, где определяющую роль играли представители левых течений, в регионах преобладали сторонники традиционных методов обучения. Новые тенденции в художественную жизнь региональных школ приносили впитавшие вольный дух современного искусства художники, возвращавшиеся в свои «пенаты», и столичные эмиссары, направляемые сюда Отделом ИЗО Наркомпроса.

Отчетные материалы школьного подотдела ИЗО Наркомпроса сохранили сведения о составе ГСХУМ Северного региона страны. Из этих материалов следует, что в 1918/1920 уч. гг. были созданы следующие мастерские [11, с. 75; 12, с. 47–49]:

В 1918/19 уч. г.:

- в Твери – 4 живописных мастерских и 1 по прикладному искусству (учащихся – 50 чел., руководителей – 3 чел., уполномоченный Захаров);
- в Ярославле – 3 живописно-декоративных, 1 архитектурная и 1 скульптурная (учащихся – 124 чел., руководителей – 8 чел., уполномоченный Матвеев).

В 1919/20 уч. г.:

- в Вологде – 1 архитектурная, 3 живописных (учащихся – 95 чел., руководителей – 5 чел.);
- в Костроме – 2 живописных, 1 графическая (уполномоченный Куприянов);
- в Вятке – 2 живописных, 1 графическая (уполномоченный Савинский);
- во Владимире – в стадии формирования.

Опубликованы исследования по Вологодским, Костромским, Тверским и Ярославским ГСХУМ [1; 2; 7; 8].

В последние годы появилась публикация о Владимирских мастерских: «В начале апреля 1920 г. губернской секцией изобразительного искусства (ИЗО) был разработан план организации художественно-промышленных мастерских во Владимире на базе уже существующей художественной студии, который был одобрен губернской коллегией народного образования и II губернским съездом деятелей

искусства» [16]. Подобные съезды в 1920 г. проходили в большинстве региональных центров; во Владимире они прошли 22–25 апреля. Т.Н. Меркуловой определено местонахождение Владимирской художественной мастерской в 1920 г. (ул. III Интернационала) [16]. В сентябре 1921 г. Государственные художественно-промышленные мастерские находились в помещении бывшего Васильевского училища (ныне ул. Комсомольская, д. 1). Там же размещалась коллекция картин новой живописи, привезенная из Московского музея живописной культуры в марте 1921 г., которая должна была стать частью будущей картинной галереи. К сожалению, нет информации о преподавательском составе. Известны имена деятелей губернских учреждений в 1920–1921 гг.: губернский подотдел искусств возглавлял Алексей Иванович Иванов (1890–1976), который одновременно занимал должность директора губернского музея. Н.Л. Никитин (1896 г.р.) и А.А. Прохоров (1893 г.р.) возглавляли секцию ИЗО губернского отдела народного образования; оба имели художественное образование. Некоторые подробности биографий Никитина и Прохорова обнаружены в документах РГАЛИ.

Согласно имеющейся на сегодня информации, существование региональных учебных заведений типа ГСХМ было кратковременным, а авангардные мастерские имелись лишь в Ярославских, Тверских и Костромских ГСХМ.

Дополнительные сведения можно найти в монографиях, посвященных творчеству отдельных педагогов ГСХМ, например, Н.Н. Купреянова. Последний был назначен уполномоченным Костромских мастерских (6 января 1920 г.) и объединил школу Шлейна, созданную в 1905 г., и студию рисования и живописи Изнар-Купреяновой, открытую по инициативе ГубОНО при Первом социалистическом рабочем клубе. В письме от 28 февраля 1920 г. Купреянов сообщает Н.А. Тырсе о работе двух живописных и одной графической мастерских [10, с. 130]. Купреянову принадлежит заслуга в организации при мастерских Музея живописной культуры [9]. В январе 1921 г., из-за разногласий Шлейна и Купреянова, Наркомпрос отстраняет Купреянова от руководства и назначает уполномоченным Шлейна. Школа стала развиваться в рамках реалистической живописи.

В документах Вятского архива значится, что «1 апреля 1919 г. на базе Вятских земских учебно-показательных мастерских образованы Государственные областные художественно-промышленные мастерские Губпрофобра. Реорганизованы в Вятский художественно-промышленный техникум на основании постановления Коллегии Вятского Губоно от 3 сентября 1922 г.» [13].

Вятские ГСХУМ специально не исследовались. Известно, что одним из организаторов Вятских художественно-промышленных мастерских (1919–1922) была скульптор З.Д. Клобукова. Ее биография воссоздана на основе дневниковых записей, эпистолярного и документального наследия Л.Б. Горюновой [4]. Работы Клобуковой вятского периода позволяют говорить о ее приверженности традиционным формам в скульптуре и близости к творчеству своего главного учителя – А.С. Голубкиной.

Монографические исследования творчества А.Ф. Софроновой [9] и М.К. Соколова [3] дают развернутую картину их деятельности. Здесь представлены уникальные фотоматериалы, документы, воспоминания, дневниковые записи и письма. Тексты и эпистолярное наследие погружают нас в атмосферу жизни и творчества самих художников. Соколов продвигал авангардное искусство сначала в мастерских Ярославля, а затем вместе с Софроновой в Твери (рис. 1, 2).

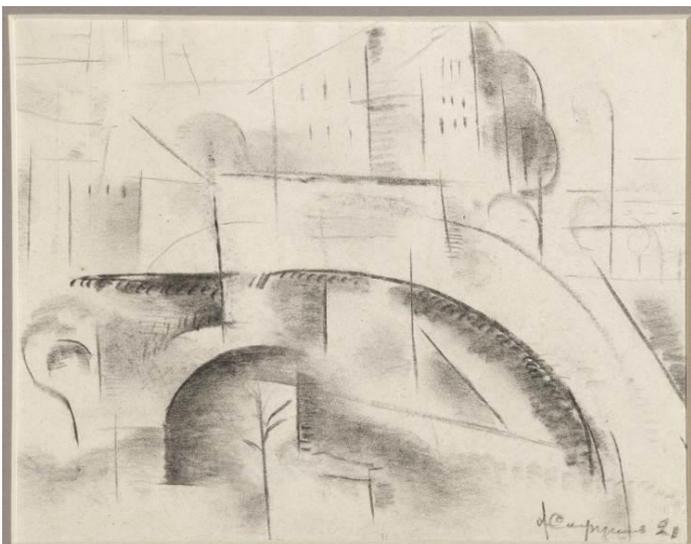

а) Натюрморт. 1920. Бумага, тушь. Собрание ЯХМ [15]

б) Композиция. «Конструкция острова по вертикали». 1921 г.
Бумага, тушь, чернила.
Частное собрание, Москва [14]

Рис. 1. Работы М.К. Соколова. Публикуются впервые

а) Городской пейзаж. 1921 г. Бумага, уголь

б) Конструктивная композиция.
1922 г. Бумага, уголь

Рис. 2. Работы А.Ф. Софроновой. Частное собрание, Москва. Публикуются впервые [14]

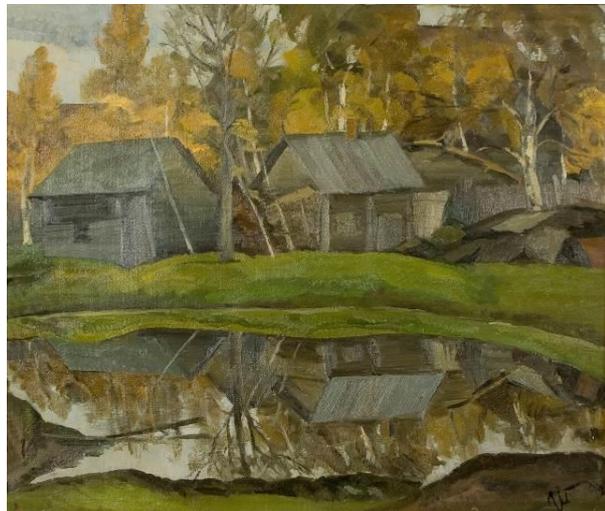
Сохранились бесценные фотографии, запечатлевшие работы этих художников и их учеников [9, с. 399–435; 3, с. 23, 151–233; 1, с. 284, 407]. Сохранился целый ряд графических и одна живописная работа М.К. Соколова [3, с. 182–199].

Борьба с «левизной», как правило, заканчивалась увольнением преподавателей и в итоге реорганизацией всех ГСХУМ. Из-за разногласий во взглядах на искусство и на педагогическую деятельность с уполномоченным Ярославских ГСХУМ С.А. Матвеевым, Соколов покинул Ярославль в 1920 г. Он получил от отдела ИЗО Наркомпроса новое направление в Тверские СГХУМ (1921 г.). Его единомышленник и коллега П.А. Алякринский, также возглавлявший футуристическую мастерскую, покинул Ярославль в 1921 г. Учебных работ учащихся этого периода обнаружить не удалось. Сохранились лишь графические и живописные произведения педагогов других направлений.

В собрании Ярославского художественного музея хранится поступившее сюда в 2000-е гг. наследие Ф.И. Панкова, художника, ориентированного в творчестве и педагогике на классические традиции. Однако авангард в виде легких кубистических форм проник и в его, по сути, реалистические пейзажи, портреты и натюрморты (рис. 3).

а) Портрет женщины в очках. 1921 г.
Картон, масло

б) Осень. Сарай у пруда (Баньки). 1921 г.
Холст, масло

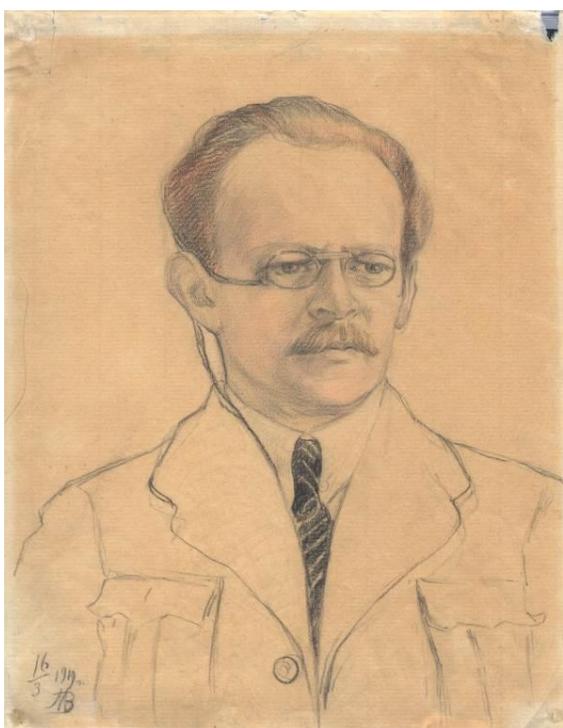
Рис. 3. Работы Ф.И. Панкова. Собрание ЯХМ. Публикуются впервые [15]

Творчество М.А. Владыкина, преподававшего в учебном заведении более двух десятилетий, было стабильным и сохраняло реалистические традиции. Это подтверждают единичные, но все же сохранившиеся работы из музейных и частных собраний периода преподавания в Мастерских (рис. 4).

Педагогические принципы Свободных художественных мастерских не успели сложиться в определенную систему. 15 марта 1921 г. по решению Центрального отдела ИЗО Главпрофобра ЯГСХУМ были преобразованы в высшее художественное учебное заведение нового типа – Ярославский ВХУТЕМАС. В последние годы выявлены и опубликованы материалы творческого наследия М. Соколова, которые позволяют познакомиться с особенностями художественного и педа-

гогического процесса, самого автора и ЯГСХМ в 1919–1920 гг. [3]. Следующий, тверской период М. Соколова нашел отражение в эпистолярном наследии его единомышленницы, художницы А. Софроновой [9, с. 140–190], и в теоретических трудах Н.М. Тарабукина – искусствоведа и друга художника [3, с. 32–79].

Все трое были в эти годы убежденными представителями «левого» искусства; их деятельность в 1921 г. была связана с Тверью. После отчетной выставки руководителей и студентов Тверских СГХМ, состоявшейся в мае 1921 г. и получившей негативные отклики в прессе, Софронова и Соколов с их «кубофутуристическими и конструктивистскими поисками и независимыми характерами» были отозваны из учебного заведения распоряжением Главпрофобра от 10 июня 1921 г. Эти события отражены в публикациях [1, с. 285; 9, с. 150]. В июле на место заведующего СГХМ Ф.Н. Захарова центр назначил нового уполномоченного – Н.Г. Бонч-Осмоловского, «художника старой школы». Началась реорганизация мастерских с целью «возрождения реалистического творчества».

а) Портрет Л.А. Владыкина, брата художника. 1919 г. Бумага, карандаш

б) Зима. Иней. 1920 г. Бумага, масло

Рис. 4. Работы М.А. Владыкина. Собрание ЯХМ. Публикуются впервые [15]

Выводы. Мастера-педагоги ГСХМ принадлежали к самым разным творческим направлениям – от реализма до авангарда. Сегодня их творческое наследие, как и произведения тех, кто оказался «заражен» поиском новых форм в искусстве лишь временно, выявлено далеко не полностью. Задача современных исследователей продолжить изучение, соединяя разрозненные факты и материалы, и главное – выявлять работы художников – участников художественной жизни тех лет.

Эти произведения позволят увидеть творческую направленность педагогов мастерских, так как в 1919–1921 гг. каждый педагог разрабатывал и внедрял свою

методику преподавания. Произведения мастеров-руководителей были для учеников образцами и ориентирами в процессе обучения. Сохранившиеся произведения позволят расширить и воссоздать картину короткого, но яркого периода в истории отечественного художественного образования на примере региональных центров.

Список литературы

1. Биберин В.Н. Тверские СГХМ (Свободные государственные художественные мастерские) // *Энциклопедия русского авангарда. Изобразительное искусство. Архитектура. В 3 т. Т. 3. Кн. 2: История. Теория. Н-Я* / Авт.-сост.: В.И. Ракитин, А.Д. Сарабьянов. – М.: Global Expert & Service Team, 2014. – С. 284–285.
2. Голенкевич Н.П. Ярославские ГСХМ (Государственные свободные художественные мастерские) // *Энциклопедия русского авангарда. Изобразительное искусство. Архитектура. В 3 т. Т. 3. Кн. 2: История. Теория. Н-Я* / Авт.-сост.: В.И. Ракитин, А.Д. Сарабьянов. – М.: Global Expert & Service Team, 2014. – С. 407–408.
3. Голенкевич Н.П., Петухов Ю.М. Соколов Михаил. Графика. Станковые произведения / Авт.-состав. Альбом-каталог. – Т. 1. – М.: Изд-во «2К», 2018. – 312 с.
4. Горюнова Л.Б. Биография скульптора З.Д. Клобуковой. Вятский период (1887-1923) // Герценка: Вятские записки: [научно-популярный альманах]. – Киров, 2016. – Вып. 30. – С. 57–83.
5. Иванова-Веэн Л.И. География и система архитектурно-художественного образования в России 1918–1930 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. – 2013. – № 3. – С. 4–9.
6. Иванова-Веэн Л.И. Региональные СГХМ. 1918–1923 годы / Свободные Государственные художественные мастерские. Из столицы – в регионы. 1918–1920-е гг. М-лы Всесоюзной конф., 24–26 декабря 2018 г. МАРХИ, МГХП им. С.Г. Строганова. – М.: МАРХИ, 2018. – С. 122–140.
7. Малясова Г.В. Костромские СГХМ (Свободные государственные художественные мастерские). 1920–1921. // *Энциклопедия русского авангарда. Изобразительное искусство. Архитектура. В 3 т. Т. 3. Кн. 1: История. Теория. А-М* / Авт.-сост.: В.И. Ракитин, А.Д. Сарабьянов. – М.: Global Expert & Service Team, 2014. – С. 313–314.
8. Соснина Л.Г. Вологодские ГоСвоХум (Государственные свободные художественные мастерские) // *Энциклопедия русского авангарда. Изобразительное искусство. Архитектура. В 3 т. Т. 3. Кн. 1: История. Теория. А-М* / Авт.-сост.: В.И. Ракитин, А.Д. Сарабьянов. – М.: Global Expert & Service Team, 2014. – С. 90–91.
9. Софронова А.Ф. Записки независимой. Дневники, письма, воспоминания / Сост. И. Евстафьева, А. Лейкин. – М.: Русский авангард, 2001 – 528 с.

Список источников

10. Купреянов Н.Н. 1894–1933: литературно-художественное наследие: статьи и воспоминания, автобиография, из писем, каталог произведений / сост. Н.С. Изнар, М.З. Холодовская. – М.: Искусство, 1973. – 458 с.
11. Советское искусство за 15 лет: Материалы и документация / Под ред. с ввдн. статьями и примечаниями И. Маца; Сост.: И. Маца, Л. Рейнгардт, Л. Ремпель; Секция пространственных искусств Ин-та ЛиИ Комакадемии. – М.-Л.: Изогиз, 1933. – 664 с.
12. Справочник [отдела Изо Нар. к. по пр.] / РСФСР. Народный комиссариат по просвещению. Отдел Изо. – М.: [б.и.], 1920. – [б.с.].
13. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. Р-1158. Оп. 1. Историческая справка.
14. Частное собрание, Москва.
15. Ярославский художественный музей (ЯХМ), Ярославль. Собрание.

Список интернет-источников

16. Меркулова Т.Н. Государственные художественные мастерские во Владимире [Электронный ресурс]. – URL: http://lubovbezusl.ru/publ/istorija/uchebnye_zavedenija/m/82-1-0-4950 (дата обращения: 09.07.2019).

Кузеванов В.С.
Kuzevanovvs@omsu.ru
 ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

УДК: 930.2

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ «ОМСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО СТРОИТЕЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ И СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ»

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования методов источниковедения в историко-архитектурных исследованиях. В качестве материала для разработки исследовательской модели используется архивные делопроизводственные документы «Омского отделения Западно-Сибирского строительного объединения строительной индустрии и строительных материалов». В работе освещается весь период существования данной организации (1922–1932 гг.), которая в разное время носила разные названия.

Ключевые слова: исторические источники; города Сибири; источниковедение.

Введение. Проблема поиска и критика источников в отраслевых историях является краеугольным камнем любого фундаментального исторического исследования [2]. Исследования по истории архитектуры и градостроительства не обходятся без обращения к архивным или музейным материалам.

В отечественных историко-архитектурных исследованиях прослеживаются следующие тенденции изучения материалов 1920–1930-х гг.:

- *именные* – связанные с именем крупного архитектора/градостроителя или его школой;
- *институциональные* – история общественных организаций и проектных контор или групп;
- *событийные* – исторические факты, архитектурные события и акции;
- *пространственно-средовые* – изучение пространственно-временных взаимоотношений и трансформации среды;
- *когнитивные* – применение гуманитарных методов в архитектурных исследованиях.

Любое обращение к историческим материалам в рамках этих исследований неизбежно приводит к искажению восприятия предмета исследования. Интерпретация источника должна проходить поэтапно, с учетом особенностей процесса создания источника и требований времени. Наиболее сложно поддаются интерпретации неопубликованные источники, которые ранее не попадали в поле исследования ученых [1, с. 566]. Если встречается упоминание данного источника в историческом контексте (например в местной печати, или воспоминаниях, или в отчетах), то это не означает, что современное отношение к нему будет таким же как и в ту эпоху. Подчеркнем, что графические листы (особенно выполненные самим автором-архитектором, единолично) должны исследоваться комплексно – с учетом личностных характеристик исполнителя и требований времени.

Разделение источников на опубликованные и неопубликованные является традиционным способом дифференциации [1], однако любой источник надо оценивать по месту бытования: находится ли документ в архивах, музеях, текущем

документообороте и т.д. К примеру, В.И. Кочедамов в своем исследовании [3] опирался на документы, которые лишь спустя годы были переданы в архив; поэтому сегодня его личные записи становятся самостоятельным источником. Архивные и музейные документы могли быть переданы участниками проектного процесса и их предпочтения могли сказаться на полноте передаваемых материалов. Полнота сохранности также может быть предметом отдельного исследования. Документы организаций, которые существовали в непродолжительный отрезок времени, являются наиболее ценными, т.к. сама история таких организаций становится иллюстрацией исторических процессов и политических коллизий.

В связи с этим была поставлена цель исследования – проанализировать возможность использования основных методов источниковедения, учитывающих специфику отраслевого делопроизводства, в историко-архитектурном исследовании. Предмет исследования – делопроизводственные документы Омгосстройконтора. В первом разделе статьи приведены краткие результаты реконструкции истории конторы, во втором – дана характеристика изученных источников.

Краткая история организации. История строительной организации как в капле воды отразила историю строительного хозяйства региона. 3 января 1920 г. Постановлением Сибирского революционного комитета была образована Омская область. Разрушенная в годы гражданской войны и интервенции экономика Сибири требовала создания жизнеспособных организаций, способных решать сугубо утилитарные задачи.

Приказом губернского СНК от 25 января 1922 г. была образована Омская губернская строительная контора. Позже, во исполнение Декрета СНК СССР от 17 июля 1923 г. «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах), находящихся в управлении местных органов», контора «образует собственную хозяйственную единицу, [и] обладает правами юридического лица» [7, л. 2] с новым названием – «Омский государственный строительный трест».

В октябре 1930 г. было образовано «Западно-Сибирское краевое объединение строительной индустрии и промышленности строительных материалов минерального происхождения и новых стройматериалов» [4], а 27 ноября 1930 г. в него вошло Омское отделение. В названиях данной статьи и фонда Исторического архива Омской области было выбрано последнее наименование строительной организации. 2 марта 1932 г. Омское отделение было ликвидировано вместе с головным предприятием – «Запсибстройобъединением» [5; 17, л. 2].

На момент создания Омгубгосстройконтора была единственной крупной организацией по обслуживанию жилищного и промышленного строительства в омской области [7, л. 1]. В разное время в нее входили: строительная контора, кирпичные заводы (до 5 марта 1928 г. пять заводов, после реструктуризации второй половины 1928 г. вошло еще два; в 1929 г. все заводы вошли в особое Управление, а после 1 октября 1929 г. были реорганизованы в Силикаттрест [11, л. 11]), подсобные предприятия, деревообделочная мастерская (передана Омским механическим заводом им. Розы Люксембург [8, л. 154–159об.]).

Строительная контора/трест выполняла строительные-монтажные работы на таких объектах как сырьевые склады в Омске и округах, Дом Metallистов, универсам ЦРК, Дом ЦЭС, сельскохозяйственная опытная станция цеха Сибметаллтрест и др. [11, л. 1, 11, 13, 16об.–18об.].

Стройконтора выполняла обязательства ремонтного характера по договорам с Омским городским отделом коммунального хозяйства, оставаясь основным участником благоустройства города и обеспечения городской инфраструктуры [10, л. 2об.–6] вплоть до закрытия Омского отделения Запсибстройобъединения.

Характеристика источников. В Историческом архиве Омской области в фонде Р-2 сохранились документы Омской губернской государственной строительной конторы («Омгостройконтора»). Документы осели в фонде в неполном объеме, поэтому о целостности повествования истории и полноте источников говорить не приходится. Документы фонда были отреставрированы, в настоящий момент ведется перекомпоновка части документов, поэтому для исследования был доступен ограниченный набор дел. Важной составляющей делопроизводства является номенклатура дел, которая может помочь разобраться в специфике производства данной конторы. Однако в данном случае, номенклатура дел отсутствует, поэтому следует обратиться к структуре фонда.

Фонд состоит из двух описей. Можно предполагать, что названия описей и их разделов отражают номенклатуру дел.

Опись 1 объединяет делопроизводственные дела с 1922 по 1932 гг., всего 172 единицы хранения. Документы разбиты по отделам (общий, бухгалтерский, производственно-технический). Дела с 8 по 41 включают в себя среди прочего документооборот по приемо-сдаточным работам. Специалист архива, составивший предисловие к описям, Е.В. Плинтю подчеркнул: «интересными для исследователей будут чертежи конструкций и зданий» [17, л. 3]. Дела с 9 по 41 включают 33 чертежа, составленные в период с 1924 по 1929 гг., всего 1568 графических листов. Чертежный материал собран стихийно, без разбивки по типам зданий и объектам строительства, поэтому будущему исследователю понадобится условно распределить разрозненные графические листы по своим объектам.

Опись 2 включает в себя документы по личному составу (80 единиц хранения): в том числе личные счета, служебные и ведомственные записки, приказы по личному составу, общие и титульные списки работников и служащих, таблицы рабочего времени. Документы всех описей скомпонованы работниками самой строительной конторы, но в некоторые дела собраны «случайные» документы.

Устав конторы был напечатан на чистой бумаге, без орфографических поправок (обнаружены только механические), на чистом листе. Возможно, это была одна из основных копий документа (хранившейся в ведомственном архиве конторы), которая была оформлена в строгом соответствии с порядком документооборота и подписана директором Госстроя и заведующим техпроизводственной частью. Устав конторы был проработан основательно: в нем был дан анализ состояния строительной отрасли региона и города на начало 1920-х гг., подробно прописаны все виды деятельности конторы, ее состав, производственные мощности, технический парк и уставной капитал. Текст устава можно рассматривать как самостоятельный источник по производственным мощностям отрасли, т.к. в уставе определяется место конторы среди отраслевых производств [7, л. 1–8].

Социальное обеспечение в конторе проводилось исходя из финансового благополучия самой конторы. Контора арендовала помещения не только для складских нужд, но и для обеспечения работников, в том числе не работающих, жильем [7, л. 23–25об.]. В документах отражена информация об арендуемом помещении, размере зарплаты, стоимости и продолжительности аренды. В списке разделены рабочие и служащие [12; 14], что отражает специфику производства. Сохранилась

книга личного состава с указанием приказов, касающихся каждого сотрудника, в ней содержатся персональные данные всех рабочих и служащих [13]. При реконструкции картины повседневности и личного пространства данная информация может оказаться полезной, если учитывать исторический контекст и социальную стратификацию внутри конторы.

Внутри дел встречаются секретные поручения вышестоящих органов и организаций, заключения ревкомиссий, что говорит об участии треста в единой государственной системе [8, л. 122–127] хозяйственного обеспечения.

В фонде отложились протоколы заседания правления Омской государственной строительной конторы [6] и Омского окротделения Союза строительных рабочих [9]. Источников по работе местных отделений общественных организаций строительной отрасли 1920-х гг. крайне мало, поэтому значение этих документов для исторических исследований очень высоко. На 18 страницах представлен полный протокол заседания Первого Омского окружного Съезда строительных рабочих от 13 сентября 1925 г. в здании рабочего клуба им. Степана Халтурина (в здании бывшего Свято-Никольского казачьего собора) [9, л. 50–68]. Интерес вызывает протокол № 8 от 4 ноября 1925 г. расширенного заседания правления, на котором обсуждали доклад товарища Вичинского на Первом Сибирском краевом съезде строителей [9, л. 24–25].

Сборные документы, которые могут пролить свет на строительные процессы и недостатки в строительной отрасли города и региона, объединены в единое дело. Объяснительные записки, годовые отчеты и разного рода сведения позволят исследователям собрать статистические данные о договорных отношениях конторы с городскими и региональными органами власти [11].

Ограниченный объем данной статьи не позволяет осветить все используемые документы и дать даже краткую характеристику архивным делам, поэтому ниже будут представлены некоторые итоговые положения, касающиеся в том числе документов, не упомянутых выше.

Выводы. Проанализированные источники позволяют сделать следующие выводы.

- Во-первых, хранящиеся в фонде Исторического архива Омской области документы Омского отделения Запсибстройобъединения необходимо рассматривать комплексно, применяя системный подход для обработки данных, анализа и оценки содержащейся в документах информации. Стоит критически относиться к документам, описывающим недостатки строительной отрасли города и области, поскольку они имеют субъективный характер – подчеркивают превосходство строительного треста над строительными партнерами.
- Во-вторых, единственным источником для составления статистических данных по отдельным направлениям деятельности остается бухгалтерско-отчетная документация [15]. Сведения этих материалов необходимо дополнять и сравнивать с другими, в том числе печатными, источниками.
- В-третьих, методы источниковедения позволяют избежать информационно-повествовательного характера исследования и перейти на уровень анализа. По нашему мнению, отдельные документы и чертежные листы заслуживают самостоятельного изучения и опубликования в научной литературе.

В целях дальнейшего развития темы, предполагается детальное изучение отреставрированных документов и представление научному сообществу более полной истории развития Омского отделения Запсибстройобъединения.

Список литературы

1. Источниковедение и информационные ресурсы истории: учеб. пос. / отв. ред. М.Ф. Румянцева. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.
2. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / Под ред. А.К. Соколова. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2004. – 687 с.
3. *Кочедамов В.И.* Омск. Как рос и строился город / В.И. Кочедамов. – Омск: Ом. кн. изд-во, 1960. – 112 с.

Список источников

4. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.Р-932. Оп. 1. Д. 1.
5. ГАО. Ф.Р-932. Оп. 1. Д. 130.
6. Исторический архив Омской области (ИАОО) Ф.Р-2. Оп. 1. Д. 1.
7. ИАОО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 3.
8. ИАОО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 46.
9. ИАОО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 48.
10. ИАОО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 85.
11. ИАОО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 108.
12. ИАОО. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 1.
13. ИАОО. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 15.
14. ИАОО. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 73.
15. ИАОО. Ф. Р-2. Оп. 2. Д. 80.
16. ИАОО. Ф. Р-2. Предисловие к описям (Плинтю Е.В.).

Атапин И.И.
 ivatapin@gmail.com
 ТГУ, г. Томск, Россия

Научный рук.: канд. ист. наук Богданова О.В.

УДК: 72.036

НОВОЕ ЖИЛЬЕ ДЛЯ «ЗНАТНЫХ ЛЮДЕЙ»: ДОМА УДАРНИКА И ДОМА СПЕЦИАЛИСТОВ В ГОРОДАХ КУЗБАССА

Аннотация. В статье рассматривается малоизученная страница истории архитектуры и градостроительства Сибири – проектирование и строительство новых типов жилища («домов ударника» и «домов специалистов») в Кузбассе в первой половине 1930-х гг. В результате исследования выявлена историко-культурная ценность подобных жилых домов в Анжеро-Судженске, Кемерово и Прокопьевске.

Ключевые слова: история советской архитектуры; конструктивизм; Кузбасс.

Введение. В начале 1930-х гг. в советском государстве перестали поддерживаться коллективистские настроения в сфере жилищной политики. Переход от коллективного к индивидуальному быту выразился в создании таких типов жилища, как «дома повышенной комфортабельности», «дома специалистов», «дома ударника» и др. Проектирование и строительство этих зданий остается недостаточно изученным сюжетом истории архитектуры Сибири. Можно упомянуть работы В.Г. Лисицина и М.Г. Мееровича, в которых рассматривается дом специалистов в Иркутске [3; 4, с. 270–274]. В данной статье представлена характеристика трех подобных жилых зданий, возведенных в городах Кузбасса в первой половине 1930-х гг.

Результаты. Как известно, постановление ЦК ВКП(б) от 16 мая 1930 г. «О работе по перестройке быта» осудило идею полного обобществления быта, а вместе с ней фактически и проекты домов-коммун. Некоторое время перспективным направлением архитектурных поисков оставались дома переходного типа, которые сочетали в себе традиционные квартиры и помещения общественно-бытового обслуживания. В первой половине 1930-х гг. также сложилась особая практика «награждения» жилищем, в которой квартира служила инструментом социального стратифицирования [2, с. 113–114]. Подобные процессы происходили и в сфере торговли и обслуживания. Например, для ударников производства создавались закрытые распределители и отдельные столовые, возводились благоустроенные жилые дома. Всё это способствовало формированию новых привилегированных слоев советского общества.

Что касается домов специалистов, то их строительство в Сибири началось после 25 марта 1932 г., когда было принято совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О постройке домов для специалистов». В этом новом типе зданий ярко воплотилось изменение тенденций жилищной политики. Такие дома возводились для «быстрого улучшения жилищного положения специалистов и ученых, инженеров и техников, беспартийных и партийных, работающих в различных предприятиях, учебных заведениях и учреждениях Союза ССР» [12, с. 268]. Иными словами, они предназначались прежде всего для научно-технической интеллигенции. Отмечалось, что «квартиры в этих домах должны быть 3- и 4-комнатные <...> с кухней, ванной и прочими удобствами в каждой квартире» [12, с. 269]. Со-

гласно постановлению планировалось строительство 102 жилых зданий в крупных городах СССР, включая два дома в Западной Сибири – 100-квартирный в Новосибирске и 50-квартирный в Омске. В дальнейшем «география» домов специалистов была расширена, они появились и в других городах региона.

1) «Дом ударника» в Анжеро-Судженске. Строительство этого дома развернулось в начале 1930-х гг. и завершилось в 1935 г. Крупное конструктивистское здание было размещено в северной части города (Судженке). Оно имело асимметричную форму плана, близкую к П-образной, и состояло из двух параллельных жилых корпусов и блока с общественно-бытовыми помещениями. Блок примыкал к восточному жилому корпусу, а с западным был связан крытым переходом по второму этажу. Автору статьи удалось установить, что при строительстве использовался переработанный проект дома-коммуны, выполненный в проектно-отделе треста «Сибуголь» в 1930 г. (рис. 1). Реализованное здание отличалось от этого проекта некоторыми пропорциями, ритмом и количеством окон, но сохранило общую объемную композицию.

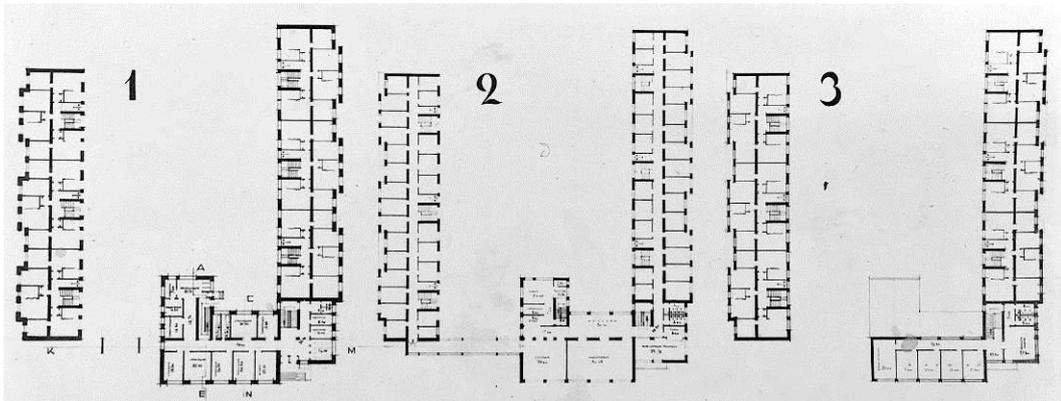

Рис. 1. Проект дома-коммуны. Планы этажей (фрагмент). Проектный отдел «Сибугля», 1930 г. [11, л. 1]

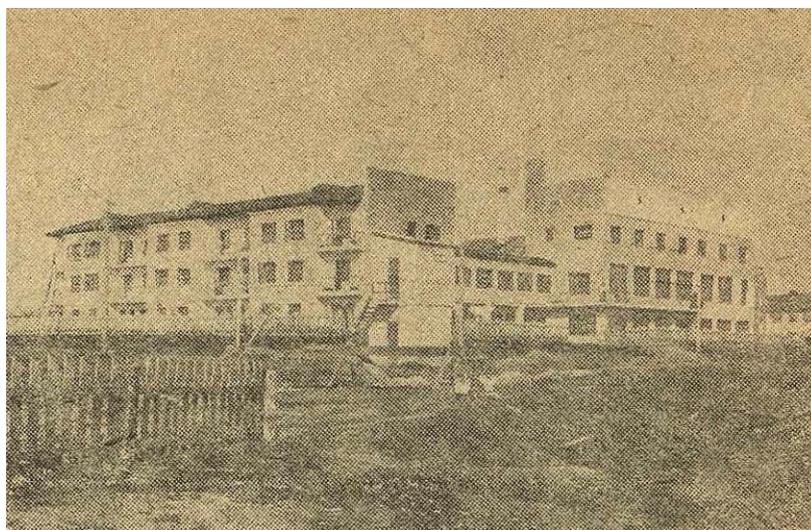

Рис. 2. «Дом ударника» в Анжеро-Судженске. Снимок 1934–1935 г. [16, с. 25]

Об использовании проекта «Сибугля» косвенно свидетельствует и тот факт, что «Дом ударника» первоначально возводился как «Дом коммуны» и лишь позднее поменял своё название [8]. Дом был рассчитан на 24 семьи и около 200 «одиночек молодежи». Квартиры состояли из трех комнат, кухни, уборной, душа. В доме также должны были разместиться столовая, два магазина, читальня, кружковые комнаты, парикмахерская и некоторые другие общественно-бытовые учреждения [9], т.е. здание представляло собой своеобразный «город в городе».

Жильцами «Дома ударника» стали начальство и ударники шахты № 5–7. «Дом этот виден издали. Четырехэтажный и многооконный, с четкими и мягкими линиями фасада, он горделиво высится над Судженкой. В доме живут знатные люди шахты...», – писала газета «Советская Сибирь» [10]. Сообщалось, что дом часто посещали высокопоставленные гости и руководящие работники, среди которых были управляющий Анжеро-Судженским рудником А.А. Шестов и председатель горсовета Михалев. Несмотря на внимание со стороны властей, жилой дом сдали в эксплуатацию с многочисленными недоделками и без запроектированных общественных помещений. «Советская Сибирь» обвинила руководство рудника и шахты № 5–7 в том, что они «преступно», «безответственно» и «нечутко» отнеслись к культурно-бытовому обслуживанию ударников [10]. И все же «Дом ударника» был самым престижным жильем в Анжеро-Судженске, его фотографии (рис. 2) публиковались в отраслевых журналах и сборниках статей как образец «социалистической реконструкции» города [16, с. 25; 17; с. 257]. Тем временем обычные рабочие Анжеро-Судженского рудника жили в полужемлянках, деревянных стандартных и каркасно-засыпных домах; программа жилищного строительства постоянно срывалась. В 1937 г. средняя обеспеченность жильем в городе составляла 3,1 кв. м на одного человека [5, с. 303].

Рис. 3. Бывший «Дом ударника» в Анжеро-Судженске. Снимок автора, 2019 г.

Впоследствии «Дом ударника» лишился своего функционального назначения и стал частью промышленного комплекса (стекольный завод). В результате перестроек были утрачены первоначальный облик и планировочное решение здания. Обследование в июне 2019 г. застало дом в аварийном состоянии, снесены западный жилой корпус и крытый переход (рис. 3).

2) Дом специалистов в Кемерово. С 1931 г. в Кемерово велось строительство «социалистического города» по проекту германского архитектора Э. Мая. В соответствии с этим проектом были построены четыре четырехэтажных жилых дома на Притомском участке и проложены новые городские магистрали – современные пр. Ленина, ул. Дзержинского и др. Застройка остальных кварталов велась по другим проектам и с измененной типологией жилых зданий. В 1932–1933 гг. в первом квартале соцгорода был возведен дом специалистов, предназначенный для инженерно-технических работников главного управления по строительству промышленных предприятий («Кемеровокомбинатстрой»).

Сравнительно небольшое, П-образное в плане двухэтажное здание расположено по ул. Жуковского, 3. Внешняя архитектура дома выдержана в формах конструктивизма (рис. 4). Представляет большой интерес планировка дома: все квартиры были двухуровневыми, с кухнями, уборными и ванными комнатами, а также имели отдельный вход с улицы [15]. Вполне возможно, что архитекторы вдохновлялись застройкой Кемеровского рудника по проектам голландского архитектора Й.Б. ван Лохема, который использовал подобное планировочное решение. Такая оригинальная концепция выделяет кемеровский дом специалистов среди остальных подобных зданий, построенных в Сибири: они представляли собой, как правило, большие многоэтажные здания с квартирами традиционной планировки. К сожалению, к настоящему времени дом специалистов дошел с заметными утратами – появились различные пристройки, частично перепланированы квартиры.

Рис. 4. Дом специалистов в Кемерово. Снимок 1933 г. [7, л. 1]

3) **Дом специалистов в Прокопьевске.** В июне 1932 г. Госплан СССР выделил Западно-Сибирскому краю стройматериалы для возведения домов специалистов в Новосибирске (100 квартир) и Прокопьевске (первоначально – 50 квартир) [13]. Прокопьевский дом был построен в 1933–1935 гг. О пятиэтажном жилом здании, расположенном в самом центре города, на ул. Фасадной (ныне – пр. Шахтеров, 6), местная газета «Забой» писала: «В доме будет 52 квартиры по три комнаты с кухней и по четыре комнаты с кухней. В каждой квартире устанавливается телефон и радио. В нем будет также центральное паровое отопление и водопровод в каждой квартире. В нижнем этаже оборудуется специальное помещение для универсального магазина» [14]. Строительству дома уделялось особое внимание, хотя шло оно с задержками. Так, например, в сентябре 1934 г. СНК РСФСР обязал обеспечить сдачу дома специалистов к 1 декабря того же года [6], однако сроки были сорваны.

Внешний облик дома был выдержан в строгом конструктивистском духе, но, вероятно, уже в процессе строительства фасады получили накладной декор. Нижний этаж обработан рустом, верхние расчленены стилизованными лопатками. Тем не менее здание выделяется именно конструктивистскими элементами – широкими окнами и высокими парапетами, скрывающими скатную крышу.

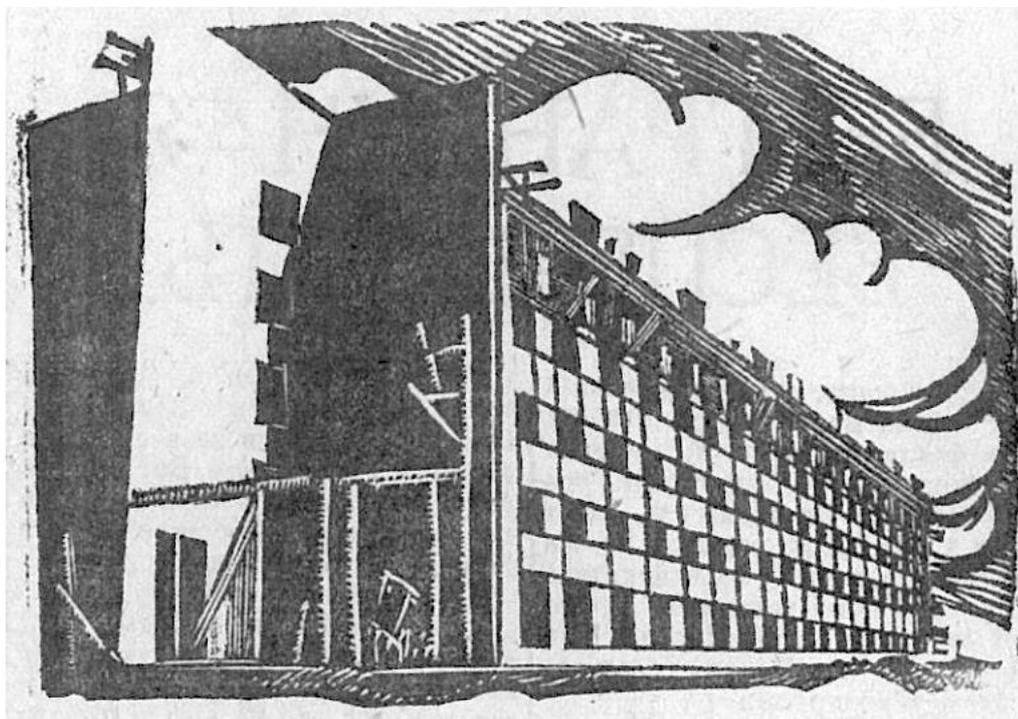

Рис. 5. Дом специалистов в Прокопьевске. Рисунок 1934 г. [14]

Можно смело утверждать, что дом специалистов стал самым комфортабельным жилым зданием в городе. Рекордные по меркам довоенного Прокопьевска сроки возведения выглядят особенно драматично в сравнении с домами-коммунами соцгорода Тырган, строительство которых началось в 1930 г., шло с большими трудностями и завершилось только к середине десятилетия [1].

Выводы. Таким образом, в первой половине 1930-х гг. в крупных городах Кузбасса были возведены благоустроенные многоквартирные дома, предназна-

ченные для научно-технической интеллигенции и ударников труда. Все рассмотренные в статье здания примечательны как в архитектурно-художественном, так и в историческом плане. Они были спроектированы и построены по оригинальным проектам и в соответствии с принципами конструктивизма, только один дом (в Прокопьевске) получил декоративное оформление фасадов. В перенаселенных городах Кузбасса дома ударника и дома специалистов являлись островками комфорта, символами «сталинской заботы о человеке», о которой рядовые горожане могли лишь мечтать. Научное изучение строительства подобных жилых зданий в Кузбассе позволит дополнить не только историю архитектуры и градостроительства Сибири, но и социальную историю региона.

Список литературы

1. *Атапин И.И.* Дома-коммуны для «города углекопов»: идея обобществления быта в проекте социалистического города Тырган // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: мат-лы 13-й межд. конф. молодых ученых (26–27 апреля 2019 года, Санкт-Петербург). – СПб.: Изд-во ЕУ СПб, 2019. – С. 7–13.
2. *Лебина Н.Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н.Б. Лебина. – 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 482, [1] с.
3. *Лисицин В.Г.* Первый Дом специалистов в Иркутске / В.Г. Лисицин // Проект Байкал. – 2011. – № 29/30. – С. 184–185.
4. *Меерович М.Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). – М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 303 с.
5. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) / [Д.М. Зольников, В.С. Познанский, В.А. Кадейкин и др.; отв. ред. А.С. Московский]. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1982. – 425 с.

Список источников

6. Банно-прачечный комбинат и дом специалистов построить в срок // *Забой.* – 1934. – 6 сент.
7. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Фотофонд. Оп. 8д. Д. 625.
8. Дом коммуны в ноябре должен быть сдан в эксплуатацию // *Борьба за уголь.* – 1933. – 11 июня.
9. Дом ударников шахты 5–7 // *Борьба за уголь.* – 1934. – 7 ноября.
10. *Иванов С.* Дом на Судженке // *Советская Сибирь.* – 1935. – 18 января.
11. Новосибирский городской архив (НГА). Ф. 798. Оп. 5ф. Д. 5.
12. О постройке домов для специалистов: постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25 марта 1932 г. // *Городское строительство. Марксистско-ленинская хрестоматия.* – М.: Соцэкгиз, 1934. – С. 267–269.
13. По Советскому союзу // *Советская Сибирь.* – 1932. – 29 июня.
14. Прокопьевск строится // *Забой.* – 1934. – 30 июля.
15. *Туманова М., Никитина Л.* Это мой дом: первое элитное жилье для технической интеллигенции Кемерова [Электронный ресурс] // *Avokado.* – URL: <http://avoka.do/view/24377638/etomu-dom-pervoe-elitnoe-zhile> (дата обращения: 13.06.2019).
16. *Христолюбов.* Город Анжеро-Судженск // *Социалистический город.* – 1935. – № 12. – С. 25–26.
17. *Циприс Б.* Города Кузбасса // Вторая угольная база СССР Кузбасс: [сб. ст.]. Ч. 2. Кн. 2. Техника производства и экономика Кузбасса / под общ. ред. М.С. Строилова. – Новосибирск [и др.]: Гос. ОНТИ, 1936. – С. 250–270.

Блинов Е.Н.
1041954@rambler.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.036

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО (НОВОСИБИРСКОГО) ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ

Аннотация. В статье представлены результаты изучения документов, связанных с функционированием в Новосибирске местного отделения Союза советских архитекторов на начальном этапе его существования.

Ключевые слова: история советской архитектуры; Союз советских архитекторов; Новосибирск.

Введение. До сих пор деятельность Новосибирского отделения Союза советских архитекторов рассматривалась лишь в контексте общих итогов за более ли менее значительный временной период [1; 2; 4; 5] и чаще всего привязывалась к конкретной юбилейной дате [1; 2; 5]. Между тем, такой важный для понимания период, как этап становления, остался мало изученным.

Материалы и методы. Источником исследования послужили документы, хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО). Выявляются и анализируются сведения о численном и возрастном составе, уровне профессиональной подготовки и выполняемых задач.

Результаты. Отдельные шаги к созданию объединения архитекторов в Западной Сибири предпринимались еще во второй половине 1920-х гг. Организующим началом выступало стремление к определению своей принадлежности к тому или иному творческому направлению (как в те годы называли – «группировке»), сложившемуся в советской архитектуре. Примером подобного рода может служить появление организации Объединения современных архитекторов (ОСА) в Томске. Основу томского отделения ОСА составили студенты-архитекторы, обучавшиеся в Томском технологическом институте (ТТИ). Особую активность проявил Н.С. Кузьмин, ставший корреспондентом издающегося в Москве печатного органа ОСА – журнала «Современная архитектура».

После принятия 23 апреля 1932 г. Постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», упразднившего все существующие объединения художественной интеллигенции и провозгласившего создание Союза советских писателей, а также «аналогичные изменения по линии других видов искусства», летом 1932 г. был организован Союз советских архитекторов (ССА).

В пределах Западной Сибири начало организационному объединению архитекторов на базе ССА было положено в 1934 г., формально, в связи с возникновением в Новосибирске инициативной группы Союза советских архитекторов, созданной Б.А. Биткиным, А.Д. Крячковым, Д.И. Козьминым, Б.В. Удоновым, Д.М. Агеевым и другими «для совместных занятий по совершенствованию своего творческого мастерства и повышению производственной квалификации» [5, с. 9].

подавляющее большинство членов Западно-Сибирского отделения Союза советских архитекторов на этапе его формирования работало непосредственно в

Новосибирске, где были сосредоточены проектные организации: Горстройпроект, Запсибпроект, Сибпромпроект, Транспроект и другие. Некоторые архитекторы работали в специализированных организациях и учреждениях, нуждавшихся в сравнительно небольшом числе проектировщиков: Кузбассугле, Сибметаллстрое, Запсибзолоте, штабе СибВО (Военпроекте), ИСО НКВД и других. Часть архитектурных кадров была сгруппирована в Сибирском строительном институте, возникшем в 1930 г. на базе переведенного из Томского технологического института строительного факультета.

В рамках одной организации – Западно-Сибирского отделения Союза советских архитекторов – были объединены люди разного возраста, образования, творческих взглядов и вкусов, различного профессионального уровня, имеющие неодинаковый опыт и стаж работы. На ноябрь 1938 г. образовательный ценз, возрастной состав и стаж профессиональной деятельности 94 членов Западно-Сибирского отделения ССА характеризовались следующими показателями: высшее образование имели 79 чел., среднее – 15; четверо были моложе 25 лет, возраст 79 чел. колебался в пределах 25–30 лет, 11 перешагнули порог тридцатипятилетия; стаж работы 59 чел. составлял от 1 года до 5 лет, 25 проработали 5–10 лет, 10 имели стаж свыше десяти лет [7, л. 1–10б.].

Динамика изменения численности членов Западно-Сибирского (Новосибирского) отделения Союза советских архитекторов за первое десятилетие его существования может быть представлена в виде следующей таблицы (табл. 1):

Таблица 1

Динамика изменения численности членов Западно-Сибирского (Новосибирского) отделения Союза советских архитекторов

Годы	1935	1936	1937	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944
Число членов, чел.	32	67	122	96	104	107	133	133	172	83

Согласно архивным данным, колебания численности членов Западно-Сибирского (Новосибирского) отделения ССА даже в течение одного года достигали существенного значения.

Имевшее место уменьшение числа членов Союза архитекторов в «Отчете о работе отделения за 1936–38 гг.» объяснялось в духе того времени. Тем, что «в первые годы работы союз плохо проверял в него вступающих, и недостаточно проводилась работа по изучению каждого члена, что привело к засорению его рядов классово чуждыми и даже враждебными Советской власти элементами», впоследствии исключенными, а также закрытием проектных организаций «в районных центрах» [7, л. 10б.].

Ряды членов Западно-Сибирского отделения Союза советских архитекторов формировались из выпускников высших и средних архитектурно-строительных учебных заведений Новосибирска, Томска, Москвы, Ленинграда, Омска, Киева, Харькова, Одессы, Баку, Воронежа, Иркутска, Новочеркасска, Ростова, Саратова, Хабаровска.

Основные архитектурные школы страны были представлены в Западно-Сибирском отделении ССА выпускниками Ленинградского института инженеров коммунального строительства, Московского архитектурного института, Ленин-

градского института гражданских инженеров, Академии художеств, Московского инженерно-строительного института.

В пределах региона архитектурные кадры подготавливались в Томском технологическом институте, Сибирском строительном институте (с 1935 г. – Новосибирском инженерно-строительном институте), Омском художественно-промышленном техникуме (с 16 августа 1921 г. до весны 1923 г. – Омском художественно-промышленном институте).

Среди членов Западно-Сибирского отделения ССА находилось несколько человек, получивших образование за рубежом – в Германии – на факультете архитектуры и гражданской инженерии Рейнско-Вестфальской высшей технической школы в Ахене, Высшей технической школе в Берлине, Баухаузе (Дессау), Высшей школе архитектуры и строительного дела в Веймаре, архитектурном техникуме в Оффенбахе-на-Майне.

В количественном отношении в региональном отделении ССА преобладали специалисты, окончившие сибирские ВУЗы. На 1 февраля 1936 г. в Западно-Сибирском отделении ССА находились 18 выпускников Томского технологического института и 19 сибстриновцев. К концу тридцатых годов основным источником пополнения молодыми специалистами становится Новосибирский инженерно-строительный институт: на 1 февраля 1940 г. число окончивших это учебное заведение архитекторов, работавших в городах региона и состоявших членами ССА, составило 38 человек. Относительно стабильной оставалась численность входивших в Западно-Сибирское отделение ССА выпускников ВУЗов Москвы (8 человек на 1 февраля 1936 г. и 9 – на 1 сентября 1940 г.) и Ленинграда (на 1 февраля 1936 г. – 11, на 1 сентября 1940 г. – 15 человек).

Творческая работа отделения ССА охватывала достаточно широкий круг вопросов и проводилась «путем постановки докладов, проведения дискуссий на творческие темы, самоотчетов архитекторов, общественных просмотров проектов, организации конкурсов и выставок, а также постоянных циклов лекций по линии повышения квалификации».

Представляет интерес тематика, «выбираемая для обсуждения» на собраниях Западно-Сибирского отделения ССА. В 1936–1938 гг., наряду с обсуждением статей, публиковавшихся в центральных печатных органах, ставшим характерной приметой времени, предпринимались попытки увязки насущных задач развития архитектуры с учетом региональных особенностей и местных условий. Примером могут служить доклады Р.В. Кутепова «Об опасности эклектики и формализма в архитектуре Новосибирска», Б.А. Биткина «Принципы проектирования жилищ в сибирских условиях», И.Д. Белогорцева «О планировке городов Запсибкрая», А.Д. Крячкова «Об итогах III-го пленума ССА», Н.С. Кузьмина «О жилищном строительстве в условиях Сибири».

Одной из форм работы союза являлось устройство общественных просмотров архитектурных проектов. Только в течение 1936–1938 гг. были проведены просмотры по проектам планировки Новосибирска, Новосибирского железнодорожного вокзала, Дома Культуры и Науки, универмага, поселка трикотажной фабрики, реконструкции Дома Ленина.

За этот же период в отделении ССА в Новосибирске были организованы конкурсы на оформление постройки здания Новосибирского горсовета, оформление его интерьеров и интерьеров центральной сберкассы, на проект памятника пограничнику Коротееву.

В планах работы Западно-Сибирского отделения ССА уделялось внимание таким видам деятельности, как устройство архитектурных выставок (в том числе и демонстрация архитектурных проектов в витринах), доклады и сообщения по архитектурной тематике через городскую радиосеть.

Представители Западно-Сибирского отделения ССА принимали участие в Съездах и пленумах Союза советских архитекторов. Седьмого июня 1937 г. было проведено городское собрание архитекторов [6, л. 41].

Основная масса проектных работ, выполнявшихся местными архитекторами, предназначалась для городов Западной Сибири, однако, система конкурсных проектов позволяла архитекторам выходить со своими идеями за пределы региона. Особенно успешно участвовал в конкурсах А.Д. Крячков, чьи проекты в 1916–1935 гг. восемь раз отмечались первыми и вторыми премиями. Им же в 1937 г. за архитектурные и научные работы был получен диплом 1-ой степени с золотой медалью на Международной выставке искусства и техники в Париже [3, с. 12].

Кроме А.Д. Крячкова, существенный вклад в архитектуру и градостроительство западносибирского региона внесли Д.М. Агеев, Б.А. Биткин, И.А. Бурлаков, А.Я. Куселиович, К.Е. Осипов, И.И. Соколов-Добрев, В.М. Тейтель и ряд других членов ССА.

На уровень работ местных архитекторов неизбежно влияла получившая распространение со второй половины 1920-х гг. практика проведения общесоюзных конкурсов на проекты крупных общественных зданий для Новосибирска, привлекавших внимание видных мастеров советской архитектуры. Не только архитектура региона, но и сибирские архитекторы в отношении профессионального роста изменялись, благодаря еще одной из форм участия архитектурных сил центра – разработке крупных объектов для сибирских городов в ведущих проектных организациях страны. Примером может служить использование проектов, созданных московским отделением Горстройпроекта, при участии И.В. Жолтовского, для строительства группы жилых домов в Новосибирске. Ряд примеров подобного сотрудничества можно встретить и в практике застройки Новокузнецка. Коллективом архитектурной мастерской № 4 Моссовета под руководством И.А. Голосова для Новокузнецка разрабатывался ансамбль центральной площади и были спроектированы здания Дома Советов (И.А. Голосов и В.М. Кусаков) и гостиницы (И.А. Голосов и Т.А. Капустина). В 1937–1938 гг. по проекту И.А. Голосова в Новокузнецке осуществлено строительство двух жилых домов на 112 и 140 квартир.

Когда в 1933 г. поднимается вопрос об изменении архитектуры строившегося в Новосибирске здания Дома Культуры и Науки (ДНК) привлекаются силы московских специалистов. С предложениями по реконструкции фасадов выступали работники 1-ой проектной мастерской Моссовета, архитекторы Г.П. Гольц, М.П. Парусников и И.Н. Соболев. Окончательный вариант оформления здания разрабатывался во 2-ой проектной мастерской Моссовета, возглавлявшейся академиком архитектуры А.В. Щусевым. Непосредственными авторами являлись победивший в конкурсе проживавший в то время в Новосибирске архитектор Б.А. Гордеев, специально приехавший в 1934 г. в Москву, и сотрудники мастерской. Общее руководство осуществлял архитектор-художник В.С. Биркенберг. Свою лепту в создание проекта внес Е.Е. Лансере, представивший варианты решения интерьера театра.

Об определенном, хотя и косвенном воздействии на решение архитектурно-планировочных проблем городов Западной Сибири видных советских архитекто-

ров и градостроителей позволяет говорить привлечение их для консультаций и рецензирования выполненных местными архитекторами проектов.

По просьбе Новосибирского отделения ССА, обратившегося в редакцию «Строительной газеты» с пожеланием «организовать в порядке творческой помощи отзыв мастеров Москвы о работе архитекторов Новосибирска», на страницах этого издания со своей оценкой проектов сибирских архитекторов в апреле-мае 1940 г. трижды выступил Н.Я. Колли.

С большим докладом «Архитектурное лицо Новосибирска», содержащим разбор работ местного отделения ССА, перед членами последнего выступил 5 ноября 1943 г. А.И. Гегелло, находившийся в это время в Новосибирске, в числе 24 эвакуированных из европейской части страны архитекторов [8].

На стадии формирования нового подхода к архитектурному наследию рядом с сибиряками работали и их иностранные коллеги, например, Герхард Козель или Рудольф Вольтерс. Деятельность последнего не только стала основой для воплощения ряда его проектов на территории Новосибирска, но и дала ему пищу для книги «Spezialist in Sibirien» (1933 г.).

Выводы. Таким образом, выявленные и проанализированные нами первоисточники позволяют составить представление о характере формирования в западносибирском регионе местного отделения Союза советских архитекторов.

Результаты анализа численного и возрастного состава, профессиональной подготовки, уровня выполняемых задач, свидетельствуют об относительно быстрой организационной и творческой перестройке в рядах западносибирских зодчих и деятельном участии представителей вновь созданной структуры в формировании архитектурного облика сибирских городов.

Список литературы

1. Архитектура Новосибирска: к 70-летию образования Новосибирского Союза архитекторов России: [альбом] / Союз архитекторов России; [авт.-сост. И.В. Поповский]. – Новосибирск: Бизнес-пресса, 2004. – 45 с.
2. *Ворошилова И.А.* Влияние Новосибирского Союза архитекторов России на архитектурно-градостроительную деятельность в сибирском регионе: автореф. дис... магистра. – Новосибирск, 2015. – 22 с.
3. *Баландин С.Н.* А.Д. Крячков. Сибирский архитектор: Докум. очерк / С.Н. Баландин. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1991. – 159 с.

Список источников

4. Архитектура Сибири 1951: ежегодник Новосибирского отделения Союза Советских архитекторов / [редкол.: Е.А. Ащепков, А.Д. Крячков, И.А. Тыжнов]. – Новосибирск: [б.и.], 1951. – 80 с.
5. *Белогорцев Иг.* Архитекторы Новосибирска: К 10-летию организации Новосибирского отделения Союза советских архитекторов. / Иг. Белогорцев. – Новосибирск: [б.и.], 1945. – 63 с.
6. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 6.
7. ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 10.
8. ГАО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 21.

Старостенко Ю.Д.
ystarostenko@yandex.ru

НИИТИАГ (Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»),
г. Москва, Россия

УДК: 711.03«193»

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ УЧЕБНИК ПО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВУ: ПОПЫТКА ОБОБЩЕНИЯ НАКОПЛЕННОГО ОПЫТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.*

**Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.2.3».*

Аннотация. В статье на основе вновь выявленных архивных материалов воссоздается история работы над первым советским учебником по градостроительству, которая велась во второй половине 1930-х гг. Кабинетом Градостроительства Всесоюзной Академии архитектуры, а после реорганизации 1939 г. – Институтом градостроительства Академии архитектуры СССР.

Ключевые слова: советское градостроительство; учебник; Академия архитектуры СССР; А.П. Иваницкий

Введение. В отличие от учебника по истории архитектуры, подготовка которого была начата Всесоюзной Академией архитектуры (ВАА) в 1936 г. и нашла отражение на страницах журнала «Академия архитектуры», работа над учебником по градостроительству велась уже после того, как ВАА перестала издавать собственные периодические издания. Поэтому в публикациях 1930-х гг. история создания учебника «Основы социалистического градостроительства» практически не нашла отражения, и в последующем осталась вне поля зрения исследователей, хотя история научно-исследовательской деятельности ВАА, преобразованной в августе 1939 г. в Академию архитектуры СССР (АА СССР), и становилась объектом особого исследования [1].

Хотя учебник так не был издан, а материалов, связанных с его подготовкой, практически не сохранилось, выявленные на настоящий момент в документы позволяют проследить процесс создания учебника и составить представление о его структуре и том, как менялась эта структура в процессе работы. Таким образом, эти материалы позволяют дополнить и расширить уже имеющиеся знания по истории советского довоенного градостроительства и по истории создания советской теории градостроительства, а также связанной с этими процессами деятельности ВАА и АА СССР.

Исследования Академии архитектуры в области градостроительства. С самого начала работы ВАА, созданной при ЦИК СССР в 1933 г., в число кабинетов ее Научно-исследовательского института входил Кабинет планирования населенных мест и садово-парковой архитектуры. О деятельности этого кабинета в период 1933–1937 гг., который позднее в работах по истории академии назовут «организационным» [2, с. 6], известно весьма немного. Те немногие данные, которые есть в распоряжении исследователей, позволяют установить, что в период 1934–1935 гг. руководителями кабинета были А.В. Власов, В.Н. Семенов и Н.Я. Колли, а в середине 1936 г. кабинет возглавил Л.А. Ильин. Среди научных тем, которые разрабатывали сотрудники кабинета в то время, преобладали темы,

связанные с архитектурой города и его отдельных элементов – улиц, площадей и т.п. Все они носили общетеоретический характер и так или иначе были связаны с проблемой ансамбля, которая приобрела актуальность после провозглашения в 1932 г. курса на «освоение исторического наследия».

На протяжении 1936 г. ВАА все чаще подвергалась критике. В декабре этого года ректором ВАА М.В. Крюкова была подготовлена докладная записка о «неблагополучных участках» в работе академии на имя председателя Всесоюзного Комитета по делам искусств при СНК СССР (ВКИ), в ведение которого ВАА была передана в феврале 1936 г. В этой записке Кабинет планировки и садово-парковой архитектуры был назван фактически несуществующим, «т.к. выполнявшиеся до сих пор отвлеченные планировочные схемы в настоящее время приостановлены», в качестве решения проблемы его предлагалось просто ликвидировать [7, л. 43].

Однако реорганизация, последовавшая после обсуждения предложений М.В. Крюкова, пошла по иному пути. По постановлению ВКИ от 13 января 1937 г. Кабинет планировки был переименован в Кабинет градостроительства «с расширением тематики этого кабинета на область техническую, нормативную и инженерно-строительную, как частей градостроительства» [11]. Это решение отражало стремление приблизить теоретические поиски сотрудников ВАА к насущным проблемам советской архитектурно-градостроительной практики.

Бурные дискуссии в апреле 1937 г. на собраниях, посвященных ситуации в ВАА, показали, что постановление ВКИ мало что изменило. М.В. Крюков продолжал настаивать на ликвидации Кабинета градостроительства [13, л. 34]. Итогом этих событий стал приказ о снятии Л.А. Ильина с 1 августа 1937 г. с должности «ввиду его проживания в г. Ленинграде и необходимости возглавить кабинет постоянным руководителем» [12]. Этого постоянного руководителя кабинет получил только через год, уже после смены руководства ВАА.

В феврале 1938 г. М.В. Крюков был арестован. Документы из фонда ВКИ свидетельствуют, что примерно в это же время было проведено масштабное обследование деятельности ВАА, целью которого была выработка новых принципов ее работы. 11 мая 1938 г. Руководителем ВАА стал президент, пост которого по постановлению СНК СССР занял В.А. Веснин [4]. Однако реформирование ВАА завершилось лишь через год – 31 августа 1939 г. с утверждением нового устава [5]. Согласно нему ВАА получила новое название – Академия архитектуры СССР – и стала «высшим научным учреждением в области архитектуры в СССР». Кабинет градостроительства, который уже больше года с 3 июня 1938 г. возглавлял Н.Х. Поляков [14], был преобразован в Институт градостроительства. Н.Х. Поляков исполнял обязанности директора института до назначения в мае 1940 г. на эту должность Л.А. Ильина [18, л. 20].

Все исследовательские темы, выполнявшиеся сотрудниками Института градостроительства в 1940–1941 гг., были ориентированы на решение вполне конкретных прикладных задач, и, хотя каждая тема предполагала проведение теоретического исследования, оно рассматривалось лишь как сопровождение экспериментального проектирования. Понять, каким образом осуществлялся переход от прежних принципов организации научной работы к новым, весьма сложно. Сведений о деятельности Кабинета градостроительства за период 1937–1939 гг., т.е. на протяжении затянувшейся реорганизации ВАА–АА СССР, крайне мало. Из отчета Института градостроительства за 1939 г. следует, что среди незавершенных

тем 1938 г. особое место занимал учебник «Основы социалистического градостроительства» [17, л. 1].

Организация работы над учебником. Первое документальное свидетельство работы ВАА над учебником по градостроительству относится к началу 1938 г. Приказом ВКИ от 7 января для разработки учебного руководства «Основы устройства и планировки советских городов» была утверждена редколлегия в составе ответственного редактора А.П. Иваницкого, его заместителя А.М. Заславского, членов редколлегии В.А. Шкварикова, Н.Х. Полякова и В.В. Бабурова [6]. В уже упоминавшемся отчете Кабинета градостроительства за 1939 г. указывалось, что работа над учебником «Основы социалистического градостроительства» была начата в конце 1937 г. За последний квартал того года А.П. Иваницким была составлена программа, которая в декабре была утверждена Ученым советом кабинета, что и стало, судя по всему, основанием для приказа ВКИ об утверждении редколлегии [17, л. 2].

В «Сведениях о состоянии работы над учебниками на 15 января 1938 г.», обнаруженных в документах ВКИ, приводились данные о том, что в декабре 1937 г. «25 авторам были выданы наряды на составление конспектов по всем частям и разделам учебника», и что «в настоящее время все конспекты поступили, около половины из них обсуждены на заседаниях Редсовета, и авторам предложено внести соответствующие изменения». Предполагалось, что к концу месяца конспекты будут утверждены, и будет начата работа над основным текстом учебника [9, л. 196]. В этом же документе фиксировалась масштабная вспомогательная работа по переводам иностранной литературы, подготовке иллюстративного материала и т.п.

О том, кто входил в число авторов учебника, позволяет судить приказ по ВАА от 28 июля 1938 г. В нем помимо уже названных в приказе ВКИ имен значились М.Я. Гинзбург, Г. Д. Дубелир, Л.А. Ильин, Б.А. Коршунов, А.К. Страментов, А.Л. Эйнгорн, В.А. Лавров, А.М. Мостаков, С.Г. Кобзарь и многие другие. Также этим приказом в состав редколлегии вводился экономист Л.А. Волков, и определены объем учебника – 60 печатных листов и 600 иллюстраций – и срок окончания работы над текстом. 5 марта 1939 г. текст должен был быть передан на рассмотрение Президиума ВАА, а через две недели – в издательство [15, л. 192]. И хотя в приказе издание учебного курса «Основы социалистического градостроительства» было названо «основной и важнейшей задачей Кабинета градостроительства», работа над учебником шла не очень гладко.

К 1 января 1939 г. в редколлегию поступило 85 % текстов, по итогам рассмотрения которых было принято решение заказать некоторые тексты для параллельной подготовки другим авторам. После получения большей части текстов Кабинет Градостроительства констатировал плохую систематизацию материала, превышение установленного объема в два раза при нехватке в ряде случаев фактологических данных (имен, дат, конкретных цифр и т.п.). Было решено сократить программу учебника. «На основе полученного авторского материала членам Редколлегии было поручено составление сводных текстов по отдельным частям в целом. Для ускорения дела каждому редактору была поручена лишь одна часть» [17, л. 3]. В итоге вместо 60 авторов, редакторов и референтов над текстом работало 9 человек, получивших указания ориентироваться на подобранный иллюстративный материал, поскольку ранее он никак не был увязан с текстом. На окончательный

просмотр все материалы были переданы ответственному редактору А.П. Иваницкому лишь в конце ноября 1939 г.

Дата окончания этой работы неизвестна. В отчете Института градостроительства за 1940 г. она значилась как уже завершенная [19, с. 1]. Среди материалов ВКИ есть письмо председателю Всесоюзного Комитета по делам высшей школы с просьбой включить учебник «Основы социалистического градостроительства», в список учебников, подлежащих выпуску в 1940 г., с тем, чтобы издательство могло получить необходимую для типографии бумагу [8]. Однако учебник так и не был издан. Авторы вышедшей в 1945 г. книги «Градостроительство» в предисловии отмечали, что книга представляет собой новый текст, подготовленный в 1942-1943 гг., хотя материалы были собраны АА СССР еще накануне войны [3, с. 3]. Это дает основание предположить, что текст рукописи, отредактированной А.П. Иваницким, был утрачен в 1941 г.

Структура и содержание учебника. Несмотря на фактическое отсутствие материалов учебника, сохранившиеся «предварительные соображения» А.П. Иваницкого по составлению руководства «Основы планировки и устройства городов» от сентября 1937 г., т.е. от самого первого этапа работы над учебником, и материалы I-ой сессии ВАА от июля 1939 г., т.е. от завершающего этапа, позволяют составить представление о том, что собой представлял первый советский учебник по градостроительству.

В «предварительных соображениях», которые представляли собой концепцию будущего учебника (руководства) А.П. Иваницкий делал акцент на необходимости формирования «комплексных представлений о задачах планировки и устройства городов» с учетом экономической, технической и архитектурной сторон вопроса. Исходя из этого, предлагалось два варианта структуры учебника, целью которых было добиться не просто равного, но и гармоничного сочетания всех аспектов градостроительства, поскольку, по мнению А.П. Иваницкого, архитектору были «нужны четкие систематические знания инженерной стороны дела». В условиях, когда архитекторы, как правило, воспринимали градостроительство через рисование перспективных видов улиц и площадей, такая постановка вопроса была, безусловно, продиктована практическим опытом автора – гражданского инженера по образованию [10]. Особое место в «соображениях» было отведено задаче освоения «культурного наследия прошлого» и «опыта технически передовых стран» с четким обозначением различий «социальных основ буржуазных стран и СССР», иными словами о выявлении особенностей социалистического градостроительства [10, л. 1об.].

На I-ой сессии ВАА в июле 1939 г. А.П. Иваницкий выступал с докладом о подготовке учебника, который включал краткое описание его структуры. По сравнению с первоначальным вариантом количество разделов было сокращено, а порядок разделов был близок тому, который сам А.П. Иваницкий в сентябре 1937 г. называл неудачным из-за обособления архитектурных и инженерных аспектов градостроительства. При обсуждении доклада А.П. Иваницкого участники сессии, среди которых были Л.А. Ильин, А.Л. Эйнгорн, Н.Х. Поляков, Г.Д. Дубелир и др., сходились в том, что решение по многим принципиальным вопросам найдено, хотя Л.А. Ильин и поднял вопрос о названии книги, предлагая использовать понятие «градостроительство», а не «планировка городов», как более емкое и широкое. В то же время замечания А.Л. Эйнгорна по содержанию учебника подтверждали, что в конечном итоге задача раскрытия принципов «социалистического реализма»

в градостроительстве взяла верх над стремлением представить градостроительство, как комплексную науку, для которой художественные и технические моменты имеют равное значение [16].

Заключение. Суммируя все выше изложенное, можно заключить, работа над учебником по градостроительству была начала осенью 1937 г. и стала одной из первых попыток приблизить деятельность Кабинета градостроительства к практическим задачам советской архитектуры. Учебник замыслился как первый труд, обобщающий опыт советского градостроительства, накопленный ко второй половине 1930-х гг., поскольку ранее в виду отсутствия такого опыта все работы по градостроительству базировались на зарубежном материале. Авторы учебника стремились сформулировать те «принципиальные основания» проектирования, которые отличали создание социалистических городов. В результате стремление рассмотреть проектирование города через призму «социалистического реализма» привело к смещению акцентов в сторону архитектурно-художественных аспектов проектирования в ущерб освещению технических и экономических вопросов.

Список литературы

1. Косенкова Ю.Л., Самохина Т.Н. Академические наука и образование в истории советской архитектуры (1933–1963) // РААСН. Альбом творческих работ членов академии и советников 2001–2006 гг., посвященный 15-летию РААСН. – М., 2007. – С. 8–30.

Список источников

2. 10 лет Академии архитектуры СССР: материалы к VI сессии Академии архитектуры СССР / Академия архитектуры СССР. – М.: [б.и.], 1944. – 98 с.
3. Градостроительство / члены-корреспонденты Академии архитектуры СССР А.В. Бунин, Л.А. Ильин, Н.Х. Поляков, В.А. Шквариков; под ред. В.А. Шкварикова. – М.: Изд-во Академии архитектуры СССР, 1945. – 327 с.
4. Постановление СНК Союза СССР «Об утверждении Веснина В.А. Президентом Академии архитектуры СССР // Бюллетень Всесоюзного Комитета по делам искусств при СНК Союза СССР. – 1938. – № 9-10. – С. 3.
5. Постановление СНК Союза СССР «Об утверждении устава Академии архитектуры Союза ССР // Бюллетень Всесоюзного Комитета по делам искусств при СНК Союза СССР. – 1939. – № 2. – С. 11–15.
6. Приказ Всесоюзного Комитета по делам искусств при СНК СССР № 10 “О составлении учебника «Основы устройства и планировки советских городов»” от 7 января 1938 г. // Бюллетень Всесоюзного Комитета по делам искусств при СНК Союза СССР. – 1938. – № 2. – С. 15.
7. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 962. Оп. 3. Д. 212. Л. 33–49.
8. РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 593. Л. 94–94 об.
9. РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 656. Л. 195–196.
10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 185. Оп. 1. Д. 244. Л. 1–8.
11. РГАЭ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.
12. РГАЭ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 4. Л. 97.
13. РГАЭ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–70.
14. РГАЭ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 9. Л. 169.
15. РГАЭ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 9. Л. 192–193.
16. РГАЭ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 13. Л. 50–190.
17. РГАЭ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–19.
18. РГАЭ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 17. Л. 20–24.
19. Сообщения Института градостроительства и планировки населенных мест. Вып. 1 / Акад. архитектуры СССР. – М.: [б.и.], 1940. – 1 бр.

Овсянникова Е.Б.

eb.ovsyannikova@gmail.com

МАРХИ (Государственная академия), г. Москва, Россия

Васильев Н.Ю.

n.vassiliev@docomoto.ru

НИУ МГСУ, г. Москва, Россия

УДК: 72.036

АВТОРЫ АРХИТЕКТУРНЫХ АНСАМБЛЕЙ ПОСЛЕВОЕННОГО СЕВАСТОПОЛЯ

Аннотация. Рассматривается творчество архитекторов, которые в послевоенный период работали над восстановлением центра Севастополя – одного из самых целостных ансамблей в советской градостроительной практике 1940–1950-х гг. Выявляются и систематизируются сведения о главных архитекторах города: В.М. Артюхове, А.В. Арефьеве, Г.Б. Бархине, М.А. Врангеле, М.Я. Гинзбурге, Л.М. Полякове, Ю.А. Траутмане, В.П. Мелик-Парсаданове; крупнейших мастеров советской архитектуры: А. И. Гегелло, Л.Н. Павлове, М.П. Парусникове, Е.Н. Стамо, а также работавших вместе с ними над проектами жилых и общественных зданий молодых архитекторов.

Ключевые слова: Севастополь; послевоенная реконструкция; советская архитектура; советское градостроительство.

Введение. Послевоенная архитектура Севастополя до сих пор оставалась малоизвестной даже историкам архитектуры, потому что город долгое время был закрытым. Несомненно, она отличается единством стиля. Примечательно, что сегодня в городе бытует два мифа. Согласно первому – основное послевоенное лицо города создали ленинградцы. Согласно второму – это лицо создали москвичи. Каков же архитектурный облик Севастополя – московский или ленинградский? Вопрос далеко не праздный в связи с необходимостью сохранения и выявления памятников архитектуры города советского периода.

Чтобы осветить специфику архитектурного облика Севастополя послевоенного десятилетия, необходимо обратиться к сведениям первоисточников об архитекторах, работавших в городе и ставших авторами его наиболее значимых построек в это время. Исследование основано на документах ГКУ «Архив города Севастополя», в том числе частично опубликованных [5; 6; 8], материалах личного архива семьи В.П. и М.И. Мелик-Парсадановых [7; 11], а также воспоминаниях архитекторов – участников послевоенного проектирования и застройки Севастополя [1; 4; 10].

Предыстория послевоенных ансамблей. В послевоенной планировке Севастополя прослеживаются черты предвоенной в трассировке улиц центрального городского кольца. Сохранился и отдельный квартал – бывший «Жилой комбинат № 1» (квартал-коммуна). Его спроектировал М.А. Врангель главный архитектор города, работавший в этой должности с 1922-го по 1937-й год, выпускник Петербургского института гражданских инженеров (1909). Он был репрессирован и больше не вернулся к работе для Севастополя [8]. В ходе послевоенной реконструкции города этот квартал (примыкающий к улицам Большой Морской, Адмирала Октябрьского, П.П. Шмидта), был бережно реконструирован А.С. Уразовым, А.М. Хабенским и С.М. Эстриным – ленинградскими сотрудниками организации

Ленкоммунстрой. Они занимались послевоенной реконструкцией и ряда других кварталов Севастополя [5; 8].

Наиболее известен из этих зодчих А.С. Уразов (1909 – после 1975), учившийся в Ленинградском институте инженеров коммунального строительства (ЛИИКС), с 1953 г. – главный архитектор ленинградского Военпроекта.

Дальнейшая реконструкция Севастополя, в отличие от многих других разрушенных городов СССР, проходила по принципу максимального использования цокольных этажей прежних зданий, что позволило оставить почти прежней ширину улиц центрального городского кольца. Это решение позволило очень быстро возвести многие новые здания. При их строительстве был вторично использован белый камень, а строительный мусор из завалов применялся для работ по благоустройству [5; 6; 11].

Поиск будущих планировочных решений в 1943–1945 гг. Видные советские зодчие начали работать над эскизами нового Севастополя, как думали тогда, полностью разрушенного, задолго до окончания в нем боевых действий. М.Я. Гинзбург (1892–1946), всемирно известный теоретик конструктивизма, создатель группировки Объединение современных архитекторов (ОСА), руководитель архитектурной мастерской при Наркомате тяжелой промышленности, в 1943 г. предложил эскизы генерального плана и монументов для Севастополя [9]. По его проекту был осуществлен обелиск, расположенный в стороне от города, за мысом Херсонес [5; 9].

Параллельно с Гинзбургом работал над эскизами восстановления Севастополя Г.Б. Бархин (1880–1969), академик, основатель целой династии зодчих, преподаватель Московского архитектурного института (МАИ–МАРХИ). Бархин автор выдающихся построек – здания редакции и типографии «Известия ВЦИК» в Москве и др. В 1943 г. он предлагал создать на месте разрушенного Севастополя город-крепость, напоминающий по композиции план Петербурга Ж.-Б. Леблон (1717) [1]. Затем Г.Б. Бархин разработал более прагматичную, приближенную к реальному рельефу Севастополя, пространственно-планировочную концепцию, которая была утверждена в 1945 г. [1; 5; 10].

Реализованный генеральный план. Обследование реально сохранившейся застройки города, проведенное в 1947–1948 гг., позволило переработать проект Г.Б. Бархина с целью сохранения фрагментов городской застройки. Этой работой руководили главный архитектор города в 1945–1948 гг. Ю.А. Траутман (1909–1986) и его заместитель В.М. Артюхов (1913–1978), окончившие ЛИСИ [5; 6; 11; 10]. После землетрясения 1948 г. в Ашхабаде Траутмана перевели в этот город. С 1961 г. он работал во Владивостоке главным архитектором города, где стал автором ряда монументов, преподавателем и руководителем Приморской секции Союза советских архитекторов [5].

В.М. Артюхов (1913–1978), соученик Ю.А. Траутмана по ЛИСИ, был после его отъезда заместителем у всех главных архитекторов Севастополя, а в 1960–1962 гг. – главным архитектором города. Он основной автор уточненной версии генерального плана Бархина и далее – генерального плана 1965 г. Артюхов внес значительный вклад в концепцию восстановления Севастополя и дальнейшего его развития как «города-памятника». Он способствовал сохранению огромного числа объектов культурного наследия, проектировал скверы, монументы, выполнял детальную планировку улиц [5; 6; 10].

Авторы главных объектов городских ансамблей. Несмотря на кратковременное пребывание в Севастополе, Траутман проектировал в 1946 г. гостиницу «Севастополь» – одно из самых престижных зданий на центральной улице, проспекте Нахимова. Но, судя по архивным документам, его проект был переработан в 1951 г. Е.Г. Ставинским вместе с Л.А. Стукачевым, забытым в городе архитектором, репрессированным в 1935 г., когда он был еще студентом 3-го курса Московского архитектурного института. Эта работа шла в Ленинградском отделении Госинжпроекта, руководителем которого был Ю.В. Зимарев, выпускник бывшей Академии художеств (Высшего художественно-технического института).

Мария Константиновна Ушакова, жена Ю.А. Траутмана, окончившая Московский архитектурный институт, – автор замечательного здания городской библиотеки им Л.Н. Толстого, спроектированной в 1946 г. [5; 10].

Совершенно неизвестен в Севастополе такой крупный зодчий старшего поколения, как А.И. Гегелло, автор (вместе с А.С. Никольским и Д.Л. Кричевским) лучших построек конца 1920-х – начала 1930-х гг. в Ленинграде. Для Севастополя, как видно по подписанным им чертежам, он разработал проект Матросского клуба (1948–1956) в Центроморвоенпроекте вместе с И.В. Богдановым и А.С. Гольдиным [5]. Однако местные краеведы приписывают это здание главному архитектору севастопольской организации Военморпроект-30 [2; 3].

Не упоминают краеведы и В.Г. Гельфрейха, соратника академика В.А. Щуко, спроектировавшего вместе с ним такие шедевры, как Драматический театр им. Горького в Ростове-на-Дону, Ленинскую библиотеку в Москве, высотное здание Министерства иностранных дел СССР и принятый к реализации проект Дворца Советов (с Б.М. Иофаном). Однако, как следует из документов, он руководил персональной архитектурной мастерской, где трудилась Зоя Осиповна Брод (1907–1972), жена известного архитектора А.Ф. Хрякова, окончившая в 1930 г. бывшую Академию художеств (Высший художественно-технический институт). Она еще до окончания института, в 1949 г., стала автором проекта, типового, но весьма неординарного по архитектуре кинотеатра на 300 мест («Украина»), выходящего на две улицы в центре Севастополя – ул. Ленина и ул. Пушкина [5].

Н.Н. Сдобняков (1916–1963), окончив в 1941 г. Ленинградский инженерно-строительный институт, воевал на фронтах Великой Отечественной войны, после демобилизации в 1945 г. приехал восстанавливать Севастополь. Он – признанный в городе автор проектов весьма заметных жилых домов на улице Большая Морская, 3, и дома на спуске Шестакова, 1 (оба совместно с И.А. Самбуровой, выпускницей Московского архитектурного института, МАИ), застройки жилого квартала на той же улице (№ 20–28) и ряда домов на улице Гоголя. Все его постройки выделяются своими помпезными фасадами с крупными объемными деталями [5].

Выпускники ВХТЕМАСа-ВХУТЕИНа и МАИ, работавшие в Севастополе: А.В. Арефьев, А.В. Борецкий, А.В. Вулых, А.С. Гольдин, Н.И. Гришин, А.З. Дяниляк, Б.В. Калинин, П.В. Кумпан, В.В. Пелевин, И.А. Самбурава, Е.Н. Стамо, С.П. Тутученко, М.К. Ушакова, Г.Г. Швабауэр, А.Л. Шеффер, а также архитектурного факультета МВТУ – К.И. Соломонов и др. Они запроектировали самые заметные постройки в центре Севастополя – наравне с признанными мастерами, такими как М.П. Парусников, М.Н. Поляков и молодым, но авторитетным зодчим Л.Н. Павловым. Все они занимались планировкой и застройкой целых кварталов

трактованных как ансамбли, которые сегодня, к сожалению, числятся «поштучно» и без малых архитектурных форм, подпорных стенок, арок и лестниц [5; 10].

Л.М. Поляков (1906–1965) стал в 1948–1950 гг. главным архитектором Севастополя. Выпускник бывшей Академии художеств (1929) он с 1933 г. работал в Москве в мастерской Щуко и Гельфрейха над проектом Дворца Советов, был автором выдающих московских построек: станции метро «Арбатская» и высотной гостиницы «Ленинградская» (с А.В. Борецким). С 1944 г. возглавлял персональную мастерскую при Комитете по делам архитектуры СССР. Здесь архитекторами А.В. Борецким, Е.Н. Стамо, А.З. Даниляком и А.В. Вулых были разработаны многие проекты для Севастополя, в том числе жилой квартал, расположенный между Большой Морской (дома 2, 4, 6, 8) и Одесской улицами, здание Морской библиотеки, а также постройки, находящиеся к северу от нее – на пр. Нахимова [5; 10].

С Поляковым сотрудничал В.В. Пелевин (1913–1958), выпускник МАИ (1936), работавший с Б.М. Иофаном над проектом Дворца Советов, высотного здания МГУ и станции метро «Бауманская» (1944). Помимо упомянутого жилого квартала и застройки пр. Нахимова, Пелевин реконструировал жилой дом (до революции – здание градоначальства) под Ленинский райком КПУ (ул. Ленина, 31), выходящий на пл. Суворова (1954). Кроме того, он основной автор проекта жилого здания на ул. Ленина, 33 (1948), а самым известным из его объектов стал Севастопольский драматический театр им. А.В. Луначарского (1954–1956) [5; 10].

В 1950 г. главным архитектором города был А.В. Арефьев (1912–1979), окончивший Московский институт инженеров транспорта (МИИТ), затем МАИ (1936), далее аспирант и преподаватель этого вуза. После него главным архитектором Севастополя стал герой Советского Союза Семен Павлович Тутученко (1913–1994), окончивший МАИ в 1940 г., проектировавший ряд зданий на Украине, преподававший в Киеве [5; 10].

Вклад зодчих из Баку. Сегодня малоизвестен автор проектов почти пятидесяти зданий города – В.П. Мелик-Парсаданов, (1922–1991), выпускник архитектурного факультета бакинского Индустриального (Политехнического) института, ученик выдающихся азербайджанских мастеров архитектуры М.А. Усейнова и С.А. Дадашева. Мелик-Парсаданов работал в Севастополе с 1945 г. в Севморвоенпроекте-30 (1945–1947), затем в Горпроекте. В 1959–1960 гг. был главным архитектором города, а далее – главным архитектором Крыма. Он – автор проекта реконструкции здания Отдела гидрографии Черноморского флота, жилого квартала, расположенного между улицами Б. Морская (дома 10, 14, 16, 18) и Одесской, казарм на центральном городском холме, на ул. Гоголя и многих других объектов [3; 4; 5; 7; 11].

М.И. Мелик-Парсаданова, жена В.П. Мелик-Парсаданова (р. 1925 г.), окончила тот же архитектурный факультет в Баку и работала в Севастополе с 1949 г. Она автор проекта жилого дома на ул. Луначарского, 18, и Клуба строителей на ул. Ленина, 25. С 1960 г. проектировала для Симферополя и других городов Крыма и черноморского побережья Кавказа [4; 5; 7; 11].

Выпускники Московского архитектурного института. В.П. Петропавловский (1918–2000) стал автором проекта восстановления здания Панорамы обороны Севастополя 1854–1855 гг., ему же принадлежит проект изящной полуротонды в сквере на пл. Суворова и музея на Сапун-горе [5; 10].

М.П. Парусников (1893–1968) с 1913 г. учился в московском Училище живописи, ваяния и зодчества, окончил Вхутемас (1924), работал с И.В. Жолтов-

ским. В 1944–1948 гг. возглавил персональные архитектурные мастерские Комитета по делам архитектуры СССР и стал автором двух жилых домов в Севастополе – на ул. Ленина, 48–50, с аркой, оформляющей спуск Сильникова, далее внес большой вклад в восстановление Минска [5; 10].

Л.Н. Павлов (1909–1990), ученик выдающегося мастера архитектурного авангарда И.И. Леонидова, окончил Вхутеин (1930) и сегодня известен как один из лидеров советского модернизма 1960–1970-х гг. По его проектам в Севастополе возведено уникальное здание ЦКБ судостроительного завода «Черноморец», увенчанное ротондой с колоннами ордера необычного вида (ул. Б. Морская, 1) и комплекса жилых домов для этой организации на улице Генерала Петрова, дома 1, 2/6; проспекте Нахимова, дома 10, 12, 14; на ул. Б. Морская, 5, 7 [5; 10].

Севастопольский проспект Нахимова невозможно представить без монументальных построек московского архитектора Н.И. Гришина – двух административных зданий на проспекте Нахимова (№ 5 и № 7), обрамляющих парадную Синопскую лестницу [6; 5; 10].

Б.В. Калинин выполнял проект реконструкции здания кенассы на Большой Морской улице под спортивный зал, максимально сохранив архитектуру исторических фасадов. Он же принимал участие и в восстановлении других исторических зданий [5; 10].

И.А. Самбунова и Г.Г. Швабауэр выполнили ряд ландшафтных проектов – Приморский бульвар, площадь Ушакова (совместно с В.П. Петропавловским) и др. И.А. Самбунова была автором проекта жилого дома на спуске Шестакова, 1, отличающегося помпезными фасадами. Г.Г. Швабауэр с коллегами из Ленинграда разрабатывал проекты застройки кварталов, выходящих на улицы Генерала Петрова, Новороссийскую, Очаковцев и др. Ему же принадлежит проект Таврического спуска (от вершины городского холма до ул. Б. Морской) [5; 10].

П.В. Кумпан, в начале 1950-х гг. – главный архитектор Севгорпроекта, вместе со своей женой, архитектором А.А. Шуваловой, автором эффектного здания Государственного банка, разработали проект жилого дома для работников хлебокомбината на ул. Пушкина, 18. Строительство этого здания обернулось для зодчих весьма драматичной историей, поскольку круглая башня, украсившая угол их постройки, вышла за красную линию. Из-за творческого максимализма архитекторы потеряли свои рабочие места и были вынуждены уехать в Москву. Однако благодаря им город приобрел эффектный градостроительный акцент, хорошо видный с Корабельной стороны. Они же были и авторами зданий Холодильника и его административного корпуса на Красном спуске [5; 10].

Ученик Парусникова – А.Л. Шеффер (р. 1924 г.), выпускник МАИ (1950), до сих пор работает в Севастополе. Он – участник окончательного восстановления и дальнейшего развития города. Шеффер стал автором жилого дома № 3 на улице Маяковского, жилых домов у 1-го бастиона на Корабельной стороне и других объектов, а также – самых заметных монументов: Обелиска Славы на мысе Хрустальном (1977), Арки-монумента на въезде в город со стороны Сапун-горы (1982–1983) и др. [3; 10].

Выводы. Таким образом, на основании многочисленных документальных свидетельств того времени можно понять следующее: вопреки распространенной легенде в восстановлении разрушенного Севастополя участвовали представители самых разных архитектурных школ: помимо ленинградцев и москвичей – выпускники архитектурных факультетов Баку, Киева и Харькова. Все они увидели в

разрушенном городе уникальный ландшафт, аналогичный средиземноморскому, с его античными сооружениями. Эти зодчие применяли в Севастополе архитектурно-планировочные приемы 1930-х гг., основанные на древнегреческих и древнеримских прототипах, и стремились выразить в архитектуре города-героя пафос победы СССР в Великой отечественной войне.

Сегодняшняя задача – сохранить выдающиеся архитектурные ансамбли этих зодчих и вернуть им былую красоту.

Список литературы

1. Бархина А.Г. Г.Б. Бархин / А.Г. Бархина. – М.: Стройиздат, 1981. – 173 с.
2. Веникеев Е.В. Архитектура Севастополя: [Путеводитель] / Е.В. Веникеев. – Симферополь: Таврия, 1983. – 208 с.
3. Военные строители Черноморского флота: Ист. хроника. К трехвековой истории Рос. флота / Авт.: С.А. Полоцкий (рук.), В.А. Балан, В.Д. Герасимович и др.; Редкол.: В.А. Айнбунд (пред.) и др. – Севастополь: Ахтиар, 1997. – 285 с.
4. Ежов В.И. Полвека глазами архитектора / В.И. Ежов. – Киев: НИИТИАГ КНУСА, 2001. – 301, [2] с.
5. Васильев Н.Ю., Овсянникова Е.Ю. Послевоенная архитектура центра Севастополя [Электронный ресурс] / Н.Ю. Васильев, Е.Б. Овсянникова // *Architecture and Modern Information Technologies (AMIT)*. – 2018. – № 4 (45). – С. 135–144. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2018/4kvart18/08_vasilev/index.php (дата обращения: 12.06.2019).
6. Васильев Н.Ю., Овсянникова Е.Б. Архитектор В.М. Артюхов и его роль в формировании послевоенного облика Севастополя [Электронный ресурс] / Н.Ю. Васильев, Е.Б. Овсянникова // *Architecture and Modern Information Technologies (AMIT)*. – 2019. – № 2 (47). – С. 28–42. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2019/2kvart19/01_ovsyannikova/index.php (дата обращения: 12.06.2019).
7. Овсянникова Е.Б., Васильев Н.Ю. Архитектура Севастополя. Послевоенный город глазами архитектора [Электронный ресурс] / Н.Ю. Васильев, Е.Б. Овсянникова // *Севастопольские известия*. Газета Законодательного собрания Севастополя. – 2019. – 19 января. – № 2 (2003). – С. 11. – URL: https://sevlakon.ru/view/pressa/gazeta/yanvar_2019/n_2_2003-_subbota/ (дата обращения: 12.06.2019).
8. Соловьева М.Г. «Севастополь я знаю, люблю и отдал ему все свое лучшее время – труд». К вопросу о севастопольском наследии гражданского инженера – архитектора М.А. Врангеля [Электронный ресурс] / М.Г. Соловьева // ГКУ «Архив города Севастополя». – URL: <http://sevarchiv.ru/novaya-publikaciya/> (дата обращения: 12.06.2019).
9. Хан-Магомедов С.О. Моисей Гинзбург / С.О. Хан-Магомедов. – М.: С.Э. Гордеев, 2011. – 160 с.
10. Шеффер А.Л. Время вспомнить о былом: воспоминания севастопольского архитектора о жизни и творчестве в минувшие 1940–2016 годы / А.Л. Шеффер. – Севастополь: ЭКОСИ–Гидрофизика, 2016. – 268, [2] с.

Список источников

11. Овсянникова Е.Б., Васильев Н.Ю. Архитектура Севастополя. Послевоенный город глазами архитектора. Письма Виктора Мелик-Парсаданова к жене Майе. 1945–1949 [Электронный ресурс] / Публ., ред., сопроводит. статьи и примеч. Васильева Н.Ю., Овсянниковой Е.Б. // *Севастопольские известия*. Газета Законодательного собрания Севастополя. – № 3 (2004), с. 11; № 5(2006), с. 11; № 6(2007), с. 12; № 7(2008), с. 11; № 8(2009), с. 11; № 9(2010), с. 11; № 10(2011), с. 11; № 11(2012), с. 11; № 12(2013), с. 8–9; № 13(2014), с. 11. – URL: <https://sevlakon.ru/view/pressa/gazeta/> (дата обращения: 12.06.2019).

Шагаева О.А.
shagaeva.olga@gmail.com
 ИАиД СФУ, г. Красноярск, Россия
 Научный рук.: д-р арх., доцент Царев В.И.

УДК: 72.021

ПРЕДПОСЫЛКИ ОТКРЫТИЯ АРХИТЕКТУРНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ В г. КРАСНОЯРСКЕ

Аннотация. В статье на основе материалов периодической печати и архивных данных проанализированы предпосылки открытия в Красноярске в 1973 г. архитектурного факультета на базе Красноярского политехнического института.

Ключевые слова: Восточная Сибирь; архитектурное образование; Красноярск.

Введение: Большинство опубликованных исследований, касающихся истории архитектурных специальностей, построены на рассмотрении истории архитектурных институтов и конкретных изменений в методологии образовательного процесса, однако вопрос первопричин исторических изменений архитектурного образования изучен недостаточно полно.

Материалы и методы. Информационной основой исследования являются материалы «Архитектуры СССР» – периодического издания, выпускавшегося до 1991 г., и документальные исторические материалы Государственного архива Красноярского края (ГАКК). Автором статьи выявляются и анализируются сведения о предпосылках открытия в Красноярске архитектурной специальности на базе Красноярского политехнического института в 1973 г.

Результаты. В 1955 г. впервые прозвучали призывы ЦК КПСС к освоению районов Восточной Сибири. На XX съезде КПСС в 1956 г. была обозначена, как одна из важнейших задач строительства, освоение новых сырьевых районов. Работа над планировкой и застройкой Красноярского, Экибастузского, Кустанайского, Енисейского промышленных районов была поручена институту Гипрогор [3]. При этом в 1950-е гг. работа красноярских архитекторов подверглась серьезной критике, ее признали неудовлетворительной, отмечалось, что застройка города ведется хаотично и некомплексно [4, л. 8].

Проблемы застройки Красноярска освещаются в статье К. Лагутина «Преодолеть недостатки в застройке городов СССР» 1955 г., когда по результатам комплексной проверки управления по делам архитектуры СССР в застройке города было выявлено множество недостатков. Красноярск транслировался по СССР в профессиональной периодической прессе как негативный пример индустриальной застройки. В отчете по результатам смотра 1954 г., который являлся основной темой статьи Лагутина, звучали следующие слова: «При проверке качества строительства и застройки г. Красноярска было установлено, что за последние 2 года качество застройки города особенно ухудшилось. Строительство ведется с нарушением важнейших принципов градостроительства, большей частью рассредоточенно, отдельными жилыми массивами возле заводов на окраине города, преимущественно малоэтажными домами с низким качеством строительных работ, жилых и гражданских зданий» [5]. В отчете приведены конкретные примеры неудачных решений красноярской администрации: «на Базарной улице в зоне мно-

гоэтажной застройки в нарушение генерального плана города заканчивается с разрешения горисполкома строительство 19 двухэтажных брусчатых домов. В поселке «Строитель» в зоне санитарной вредности с разрешения властей в 1952–1953 гг. выстроен 21 жилой дом, заканчивается строительство пяти культурно-бытовых зданий. Вместе с тем, с 1950 г. в городе не закончено строительство ни одной улицы, площади, не организовано ни одного образцового квартала» [5].

Причина подобных неудач была озвучена в 1961 г. В докладе доктора архитектуры И. Николаева особо подчеркивался следующий факт: «К сожалению, географическое размещение архитектурных факультетов не соответствует масштабам строительства в различных регионах страны. Например, на Урале, в Сибири, Средней Азии и Казахстане имеется только по одному архитектурному факультету. [...] Хотя за последние десять лет число архитекторов с высшим образованием значительно выросло (примерно в полтора раза по сравнению с довоенным временем), в ряде районах страны, особенно на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и в Средней Азии, потребность в архитектурных кадрах не удовлетворяется. [...] Особенно велик недостаток архитектурных кадров в проектных институтах по промышленному и сельскохозяйственному строительству. Иногда в таких институтах вовсе нет архитекторов» [6]. Выводами данного доклада обосновывалась необходимость открытия новой архитектурной школы в Красноярском крае, которая бы обеспечивала всестороннюю художественно-техническую подготовку, с солидной научной базой и возможностями для обучения архитекторов по всем видам специализаций.

В условиях острого дефицита архитектурных кадров в Красноярске разворачивается масштабное строительство, отправной точкой которого стало сооружение крупной транспортной артерии, связывающей берега Енисея – коммунального моста. Мосту, как крупному объекту общегородского значения, требовались соответствующим образом оформленные входные узлы. Выполненные проектным институтом Ленгипрогором в 1956 г. проекты левобережной и правобережной предмостных площадей из-за изменений подходов к архитектуре были признаны не соответствующими времени. Это стало основанием для создания новых проектов предмостных площадей коммунального моста. Подробно создание предмостных площадей рассматривалось нами ранее [2].

В 1960-х гг. в городе было начато строительство сразу нескольких крупных архитектурных ансамблей, связанных с Коммунальным мостом – Центральный стадион на острове Отдыха и площадь им. 350-летия Красноярска (ныне Театральная). Для проектирования крупных объектов культурной и спортивной направленности в Красноярск были приглашены архитекторы из Новосибирска и Ленинграда, такие как В.В. Орехов и А.С. Демирханов. Однако для детальной разработки крупных объектов требовалась целая команда проектировщиков, которой на тот момент не было. Партийным руководством Красноярского края применялись стимулирующие меры для переезда в Красноярский край квалифицированных специалистов. В частности, в течение от одного до трех лет им предоставляли собственное жилье. Кроме того, в Красноярск распределяли бывших ссыльных архитекторов [1]. По воспоминаниям участников тех событий – В.К. Шадрина, А.С. Демирханова, они ехали в отдаленный провинциальный край, чтобы реализовать себя в качестве авторов проектов, чтобы получить новый опыт, и апробацию полученных знаний, но решался на такое далеко не каждый, ввиду отсутствия жилья и культурно-бытовых условий в сибирском регионе.

В 1961 г. в журнале «Архитектура СССР» были впервые рассмотрены дипломные проекты жилых и общественных зданий, планировок сельских населенных мест и промышленных объектов. Данная тематика рассматривалась как новая, требовавшая внимания общественности и популяризации среди студентов. Особое внимание уделялось наиболее удачным проектам для неосвоенных регионов. К примеру, упоминаются дипломные проекты вузовского городка в Красноярске, нового города в Сибири [8], что свидетельствует о внимании высшего руководства страной к застройке новых регионов Сибири. Помимо того, для стимуляции выпускников и определения верного вектора их работ были учреждены премии Союза Архитекторов СССР для дипломного проектирования. Исправляя прошлые ошибки по слабой подготовке молодых специалистов к рабочему проектированию, использованию ими актуальных тем, часть тем дипломного проектирования составляется из заданий проектных организаций. Подготавливая темы дипломных проектов, кафедры архитектурного проектирования начали привлекать для совместной работы смежные инженерные кафедры и технологов из проектных организаций и научно-исследовательских институтов.

Тема подготовки специалистов для Сибири и Урала была продолжена в статье В. Перлина и Г. Нагорнского «Вопросы подготовки архитекторов для районов Сибири и Урала». Данная статья акцентировала внимание на то, что в Сибирском регионе в 1950–1960-х гг. функционировало только два архитектурных факультета – на базе Новосибирского строительного института и Уральского политехнического института, при этом отмечался мощный подъем строительства в данных областях. Как подчеркивали авторы, «главные архитекторы некоторых городов Дальнего Востока и Сибири не имеют высшего архитектурного образования. Большую часть проектных работ для сёл выполняют Сибгипросельхозстрой и Челябинский филиал Росгипросельхозстроя. Между тем, в этих организациях имеется всего лишь по 2–3 архитектора, а остальные проектировщики являются выпускниками землеустроительных и сельскохозяйственных вузов, уровень архитектурно-строительной подготовки которых не отвечает современным требованиям, предъявляемым к проектированию и строительству» [7]. Подытоживая, авторы приходят к выводу, что подготовка специалистов-архитекторов в данных вузах ведется правильно, однако количество выпускаемых специалистов не соответствует масштабам строительства. Основным выводом становится обоснование необходимости создания в Восточной Сибири высшего архитектурного учебного заведения. Авторы статьи подчеркивали: «Архитектурный вуз на востоке страны способствовал бы повышению архитектурно-художественной культуры во всех областях строительства и значительному подъему научно-исследовательских работ, особенно в области строительства и архитектуры. В архитектурном вузе можно было бы в дальнейшем разрабатывать такие важные проблемы, как планировка промышленных районов, решение интерьеров промышленных зданий на уровне современной техники и создавать в них условия, которые стимулировали бы повышение производительности труда. В таком вузе необходимо также готовить специалистов для сельского строительства» [7].

Заключение. Рассмотренные события легли в основу открытия в 1973 г. архитектурного факультета на базе Красноярского политехнического института и положили начало Красноярской архитектурной школе в целом. За Уралом появился третий вуз после Уральского политехнического института и Новосибир-

ского строительного института, выпускавший специалистов для Красноярского края.

Первыми преподавателями новой для города специальности стали Г.П. Лашук (специалист высшей квалификации, кандидат архитектуры, выпускница Московского архитектурного института), Ю.И. Гринберг (выпускница Ленинградского инженерно-строительного института, старший преподаватель историко-архитектурных дисциплин), В.И. Качин (выпускник новосибирского инженерно-строительного института) и Е.П. Балашёв (выпускник новосибирского инженерно-строительного института, выпускник аспирантуры Академии строительства и архитектуры СССР).

Список литературы

1. Захарченко Е.К. Проектная деятельность репрессированных архитекторов в Центральной Сибири (1940–1950-е годы) / Е.К. Захарченко // *Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (2–6 апр. 2018 г.).* – М., 2018. – С. 97–100.
2. Шагаева О.А., Симанженкова Т.К. Ключевые моменты проектирования и строительства предместных площадей города Красноярска // *Региональные архитектурно-художественные школы.* – 2016. – № 1. – С. 466–475.

Список источников

3. Ахутин В. Районная планировка и ее народно-хозяйственное значение. // *Архитектура СССР.* – 1956. – № 7. – С. 3–8.
4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-1153. Оп 1. Д. 2. Протокол совещания КО СА СССР от 13 июля 1950 г.
5. Лагутин К. Преодолеть недостатки в застройке городов СССР // *Архитектура СССР.* – 1955. – № 9. – С. 4–9.
6. Николаев И. Улучшить подготовку архитектурных кадров // *Архитектура СССР.* – 1963. – № 8. – С. 41–43.
7. Перлин В., Нагорнский Г. Вопросы подготовки архитекторов для районов Сибири и Урала // *Архитектура СССР.* – 1963. – № 8. – С. 44–51.
8. Соболев И., Урбах А. Дипломные проекты жилых и общественных зданий // *Архитектура СССР.* – 1961. – № 8. – С. 27–33.

Духанов С.С.
 ssd613@ngs.ru

Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ,
 Москва, Россия

УДК: [72.036+711.4.03](571.1)

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРНОЙ МЫСЛИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ 1950-х – НАЧАЛЕ 1960-х гг.

Аннотация. До сих пор влияние архитектурной реформы второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. на развитие архитектурной мысли в Западной Сибири не рассматривалось, поскольку считалось, что архитектурное мышление оказалось несовместимо с типизацией. Однако анализ материалов творческих дискуссий конца 1950-х гг. показал иное. Начало реформы активизировало развитие архитектурной мысли среди западносибирских архитекторов, причем именно в сфере типового проектирования. Основные же проблемы развития архитектурной мысли заключались в том, что созданная в ходе реформы новая организация проектно-строительного дела оторвала местную архитектурную мысль от практики. Исследование основано на архивных источниках.

Ключевые слова: архитектурная реформа; типовое проектирование; Западная Сибирь.

Введение. Архитектурная реформа второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. стала переломным этапом в развитии советской архитектуры. На общесоюзном материале проблемы резкой и принципиальной перестройки отечественной архитектурной мысли в ходе реформы рассматривались целым рядом исследователей [1–3; 6]. Для понимания характера этой реформы и ее влияния на развитие отечественной архитектурной мысли крайне важен опыт отдельных регионов, имеющих свои специфические условия и традиции [1, с. 17–19]. Одним из таких регионов является Западная Сибирь. Однако проблемы развития архитектурной мысли в Западной Сибири в период реформы не были предметом специального исследования на историко-архивном материале. Исследователей, как правило, привлекали лишь отдельные положительные примеры того времени – такие, как новосибирский Академгородок СО АН СССР [4, с. 170–175, 178–179]. В результате возникло определенное несоответствие: если инициированные реформой новые идеи получали опыт успешной реализации уже в самых первых, экспериментальных, проектах, то почему все эти позитивные архитектурные явления в столь ничтожно малой степени смогли затронуть основную массовую типовую застройку – то, ради чего реформа затевалась?

Материалы и методы. Рассматриваются материалы творческих совещаний западносибирских архитекторов второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. Выявляются основные архитектурные идеи местных архитекторов, возникшие с началом реформы, их связь с типовым проектированием и проблемы реализации.

Результаты. В 1950–1960-х гг. значение важнейшего архитектурного центра Западной Сибири продолжал сохранять Новосибирск. К началу 1958 г. в Новосибирске насчитывалось почти 180 архитекторов, здесь размещался филиал Академии строительства и архитектуры СССР, а также Новосибирский инженерно-строительный институт (НИСИ) с архитектурным факультетом [10, л. 55]. Как показал анализ архивных материалов, архитектурная мысль Западной Сибири периода реформы, как комплекс архитектурных идей, наиболее ярко и полно была

представлена на творческом совещании 28 июня и 2 июля 1957 г., где выступали сторонники сразу нескольких архитектурных направлений.

Сторонниками идей «сибирской архитектуры», основоположником которой был А.Д. Крячков, выступили архитекторы Е.А. Леонтьев и Н.Ф. Храненко. Они доказывали, что «совершенно своеобразный климат Сибири требует иного подхода к проектированию массового жилища», а значит, «механически опыт проектирования центральных организаций на нас переносить нельзя» [9, л. 105, 124]. Соответственно, одна из главных задач сибирских архитекторов в новых условиях – разработка типовых проектов массового жилища, отвечающих региональной специфике климатических и социально-бытовых условий Сибири. Без этого обеспечить в квартирах нормальные бытовые и санитарно-гигиенические условия будет невозможно [9, л. 105–108, 121–124; 14].

Бывшие конструктивисты, архитекторы В.А. Добролюбов и Н.С. Кузьмин, считали, что «наша современная архитектура будет новым конструктивизмом», так как «если мы говорим о конструкциях, если говорим о себестоимости, мы идем, бесспорно, к конструктивизму» [9, л. 86, 79]. Говоря о возрождении конструктивизма, Кузьмин призвал коллег совершенствовать типовые проекты и для этого тесно «связаться с практикой строительства, влиять на технологию изготовления элементов зданий и участвовать в самом строительстве» [9, л. 91, 148–149].

Актуальные в новых условиях идеи озвучил архитектор А.В. Баранский, который через своего учителя, архитектора И.А. Бурлакова, был связан с другим направлением архитектурного авангарда 1920-х – начала 1930-х гг. – АСНОВА-АРУ. Баранский занимался вопросами архитектурной композиции и хорошо понимал, что при типовом индустриальном строительстве от классических композиционно-художественных средств придется отказаться. А значит, архитекторы должны искать новые средства: «как могут быть по новому использованы объем, пространство, цвет, светотень и т.д., а такие предложения есть и в нашей и зарубежной литературе и в практике» [9, л. 46–47].

Близкую к Баранскому позицию занимали сторонники неоклассики, так или иначе связанные со школой И.В. Жолтовского. Многие из них еще в 1940-х – начале 1950-х гг. работали в Новосибирском отделении Горстройпроекта, а затем Новосибирском проекте и ГСПИ-4, где под руководством архитектора Б.А. Биткина применялся введенный Жолтовским метод проектирования по альбомам рабочих чертежей типовых секций, конструкций и деталей. Задача архитектора при этом была в грамотном и умелом подборе и комбинировании элементов из этих альбомов – в соответствии с местными особенностями, а также возможностями заказчиков и строителей [7, л. 17об.–18об.]. Неудивительно, что архитектор Г.Ф. Кравцов говорил об изменении не методов проектирования (оно и так было типовым), а лишь его масштабов, так как теперь, с применением типовых проектов зданий, «мы отходим от решения отдельного дома и оперируем решениями комплексов». Отсюда возрастает значение объемно-пространственной группировки зданий, благоустройства, озеленения, архитектуры малых форм и цвета [9, л. 96об.].

Таким образом, идеи местных архитекторов отличались реализмом и не только не противоречили официальным задачам реформы (массовое индустриальное типовое строительство), но и полностью им соответствовали. Почему же эти идеи так слабо проявились на практике?

Первая группа проблем была обусловлена тем, что в ходе реформы обновление строительной базы городов Западной Сибири резко отстало от стремитель-

ных преобразований в организационно-административной и тем более концептуальной сфере. В результате официально декларируемые задачи реформы вступили в противоречие с насущными задачами проектирования.

Массовый переход к крупнопанельному домостроению и индустриальным методам строительства в городах Западной Сибири начался только в 1960-х гг., так как введение в строй и освоение новых домостроительных комбинатов (ДСК) сильно затянулось и шло с большими трудностями [11, л. 206–3]. В конце 1950-х гг. новые строительные, в том числе стеновые, материалы и конструкции для массового индустриального строительства в городах Западной Сибири отсутствовали. Возникло серьезное противоречие, которое было отмечено на совещании летом 1957 г. С одной стороны, «появилась необходимость проектировать по-новому», а с другой стороны, строительство должно было вестись из кирпича очень плохого качества (марки 50). Как возмущенно говорил архитектор Вайсбург, «здесь появляется не желание, а необходимость проектировать, как [древние] греки. Можно ли создать простенки стройными, высокими, [а] конструкции ажурными в этом кирпиче, марки 50? Конечно, нет» [9, л. 93–95, 127–128].

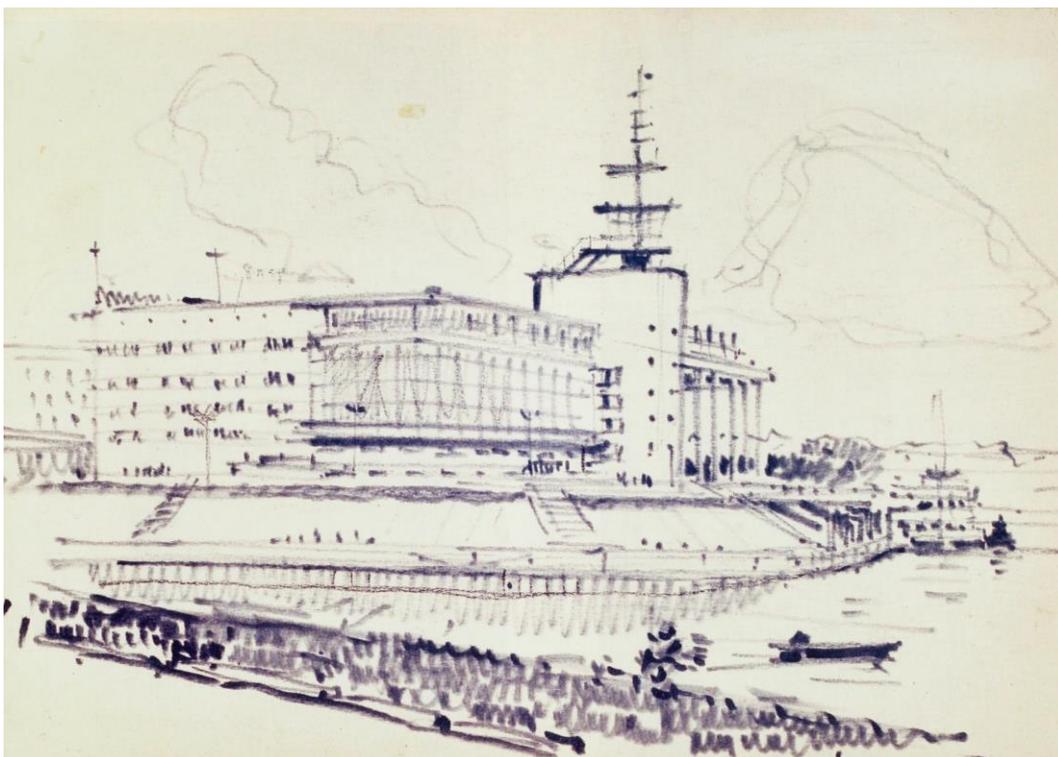
Кроме того, до начала 1960-х гг. у городских строительных организаций все еще не было необходимой строительной техники (башенных кранов, панелевозов и т.д.) для перевозки и монтажа многотонных блоков и конструкций из сборного железобетона. В этих условиях участие архитекторов в типовом проектировании сводилось к созданию проектных суррогатов – непрерывной и крайне трудоемкой переработке уже готовых типовых проектов под далеко не передовые технические возможности стройорганизаций [8, л. 41, 98, 133–134].

Типовые проекты для массового строительства были нужны также для сельских районов Западной Сибири и малоэтажного самодеятельного строительства в городах. Объем последнего должен был превысить в 1958–1960 гг. только в Новосибирске 1 млн. кв. метров. Здесь проектировщик должен был особенно тщательно учитывать социально-бытовые потребности и строительные возможности застройщика, а значит, ориентироваться на простейшие виды техники и строительных материалов и высоту зданий не более 2-3 этажей. Неудивительно, что и в этой сфере проектирования развитие архитектурной мысли шло в направлении прямо противоположном официально провозглашенному курсу на индустриализацию методов строительства [9, л. 121–124, 140; 10, л. 160–161].

Современные материалы и техника были в Западной Сибири дефицитом даже в крупных городах, и применялись лишь на немногих элитных новостройках, имевших общесоюзный статус и финансирование – таких, как, например, Академгородок СО АН СССР. Этим, достаточно узким полем деятельности, оказалось ограничено применение новых строительных технологий и передовых идей местных архитекторов. Напротив, все массовое, прежде всего, жилищное строительство, главная цель реформы, до начала 1960-х гг. основывалось на старых материалах и соответствующих проектных решениях. Из-за этого дисбаланса в архитектурной среде городов Западной Сибири возникло заметное противоречие, отмеченное современниками (*рис. 1–2*): одновременно с немногими объектами, имевшими ультрасовременный облик и олицетворявшими реформу (*рис. 2*), имели место, используя терминологию Н.С. Хрущева, «рецидивы архаики и украшательства» [6] (*рис. 1*). И главное, нарастало массовое строительство кирпичных зданий самого примитивного, «казарменного», облика, о чем возмущенно говорил архитектор В.А. Добролюбов в июне 1957 г. [9, л. 79].

*Рис. 1. Новосибирск. Строительство здания Совнархоза. Акварель.
Автор: В.А. Касаткин, 1960 г. [5, с. 32, рис. 105]*

*Рис. 2. Омск. Речной вокзал. Набросок. Автор: В.А. Касаткин,
вторая половина 1960-х гг. [5, с. 56, рис. 167]*

Вторая группа проблем была связана с созданной в ходе реформы новой организацией проектно-строительного дела. До реформы в городах Западной Сибири доминировала ведомственная система организации строительства, завязанная на промышленные предприятия. Ведомственные заказчики, проектировщики и строители были тесно связаны, работая на территории своего промышленного предприятия и его рабочего поселка. В ходе реформы ведомственная система была ликвидирована. Вместо нее, путем укрупнения, были созданы подчиненные горсоветам крупные городские строительные тресты и проектные организации (будущие гражданпроекты). Что дала эта новая система для архитектуры?

На многочисленных совещаниях второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. из раза в раз повторялись положительные примеры массовой типовой застройки в Сибири: рабочий поселок НЗХК («Красная горка») в Новосибирске, центр Сталинска, Ангарск и, конечно же, Академгородок СО АН СССР [9, л. 24–26, 43, 56–58; 10, л. 39, 41, 65–66]. Однако, и этот парадокс отмечали современники, все они принадлежали к «старым», осужденным в ходе реформы, ведомственным формам организации строительства. Тот же Академгородок, который своей новаторской архитектурой олицетворял реформу, по сути, был ведомственной стройкой. Его строили не созданные в ходе реформы городские строительные тресты и комбинаты Новосибирска, а независимая от них специализированная строительная организация (Сибкадемстрой), опиравшаяся на свою строительную базу.

Показательна судьба архитектурных идей Новосибпроекта, который проектировал для Новосибирска и Академгородка. На совещании в июне 1963 г. архитекторы Новосибпроекта докладывали, что разработанные ими в 1958 г. новые, технологически очень простые, приемы обработки фасадов были реализованы только Сибкадемстроем в Академгородке СО АН СССР. На собственно городских объектах Новосибирска, в кварталах типовой застройки, заказчики и строители категорически отказались выполнять эти отделочные работы – «все осталось на бумаге». Главное отличие проявилось в том, что «заказчик Академгородка не только требует, но и помогает архитектору и строителю разрешать неотложные нужды, и с материалами, и с рабочей силой, и с целым рядом других вопросов» [12, л. 20, 21].

Об остром разрыве между заказчиком, проектировщиком и строителем при новой системе организации проектно-строительного дела свидетельствует и печальный опыт внедрения в практику других архитектурных идей. Архитектору Н.Ф. Храненко в конце 1950-х гг. так и не удалось внедрить разработанные им для местных условий новые крупноблочные конструкции в 43 стройтресте Новосибирска, хотя эта разработка была, что называется, адресной, и полностью соответствовала возможностям треста [9, л. 125]. Созданному на базе Сибирского филиала Академии строительства и архитектуры СССР в начале 1960-х гг. Сибирскому зональному научно-исследовательскому институту экспериментального проектирования (СибЗНИИЭП) потребовалось не одно десятилетие упорной борьбы для внедрения в практику знаменитой теперь 97-серии крупнопанельных жилых домов, отвечавшей специфике сибирских условий [13, с. 44–45].

Главной причиной, по которой городские строительные организации категорически отказывались от таких экспериментальных работ, современники называли саму специфику новой стройиндустрии: нацеленность на массовый планомерный выпуск готовой продукции и проблемы освоения новых предприятий, которые в Западной Сибири пришлось создавать, по сути, с нуля [9, л. 125].

Выводы. Таким образом, основные проблемы развития архитектурной мысли в Западной Сибири в период реформы определялись внутренней логикой самой реформы, которая резко ограничила поле реализации архитектурных идей. Архитекторы Западной Сибири откликнулись на вызовы времени и стремились увязать свои идеи с накопленным в местных условиях опытом и официально озвученными задачами реформы. Однако реформа разрывала преемственность и игнорировала специфику отдельных регионов и в результате уже на своем начальном этапе вступила в противоречие и с насущными задачами проектирования в Западной Сибири, прежде всего, массового типового, и с нацеленным на решение этих задач направлением местной архитектурной мысли. Одновременно западносибирские архитекторы с ужасом обнаружили, что фактической целью реформы было не формирование новой архитектурной среды, а создание новой стройиндустрии, которой архитектурная мысль, даже обслуживающая ее интересы, была не нужна. Заложенный реформой разрыв между проектированием и строительством оторвал местную архитектурную мысль от практики и на десятилетия затормозил ее развитие.

Список литературы

1. Косенкова Ю.Л. Советская архитектура в поисках средств создания благоприятной среды / Ю.Л. Косенкова // *Academia. Архитектура и строительство*. – 2009. – № 5. – С. 15–19.
2. Косенкова Ю.Л. Распад и интеграция советского города в представлениях архитекторов 1950-х – начала 1960-х гг. // *Социология города*. – 2011. – № 4. – С. 5–14.
3. Меерович М.Г. От коммунального – к индивидуальному: неизученные страницы жилищной реформы Н.С. Хрущева / М.Г. Меерович // *Вестник ТГАСУ*. – 2016. – № 2. – С. 28–33.
4. Невзгодин И.В. Архитектура Новосибирска / И.В. Невзгодин. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 204 с.: ил.
5. *Новосибирск в рисунках Касаткина*: [Альбом-каталог] / Автор-сост. Н.В. Касаткина. – Новосибирск: Советская Сибирь, 2010. – 104 с.: ил.
6. Хан-Магомедов С.О. Хрущевский утилитаризм: плюсы и минусы [Электронный ресурс] / С.О. Хан-Магомедов. – Условия доступа: <http://niitiag.ru/publications/biblio/52-hrushevskiy-utilitarizmplyusy-i-minusy.html> (дата обращения: 20.12.2015).

Список источников

7. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф.Р-1444. Оп. 1. Д. 104.
8. ГАО. Ф.Р-1444. Оп. 1. Д. 141.
9. ГАО. Ф.Р-1444. Оп. 1. Д. 156.
10. ГАО. Ф.Р-1444. Оп. 1. Д. 168.
11. ГАО. Ф.Р-1444. Оп. 1. Д. 221.
12. ГАО. Ф.Р-1444. Оп. 1. Д. 247.
13. Роль архитекторов в формировании жилой среды городов Сибири и Дальнего Востока: VIII Пленум Правл. СА СССР, Красноярск, 7-8 июня 1979 г. / Союз архитекторов СССР; [Отв. ред. И.В. Шишкина]. – М.: Б.и., 1980. – 143 с.
14. *Храненко Н.Ф.* Городская квартира в условиях центральной зоны Сибири. (На примере г. Новосибирска): Автореф. дис. ... канд. архитектуры / Новосиб. инж.-строит. ин-т им. В.В. Куйбышева. – Новосибирск, 1970. – 28 с.

Прищепа А.И.
aiprishepa@yandex.ru
 СурГУ ХМАО-Югры
 г. Сургут, Россия

УДК: 72.036

ПРОЕКТИРОВЩИКИ СУРГУТА 1960-х – НАЧАЛА 1970-х гг.

Аннотация. Рассматриваются проблемы генеральной планировки Сургута в 1960-х – начале 1970-х гг. Раскрыта роль проектных организаций и разработанных ими генеральных планов в архитектурно-планировочном развитии города. Исследование основано на архивных источниках.

Ключевые слова: Сургут; проект генеральной планировки; зонирование; селитебная территория.

Введение. Сургут является крупнейшим городом Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, вторым по размеру в Тюменской области и одним из крупнейших по численности в Западной Сибири. В 2019 г. в нем проживало более 376 тыс. чел. На протяжении многих лет он входит в число богатейших городов России: занимает третье место по количеству автомобилей на 1000 жителей, четвертое – по доле импортных автомобилей в автопарке, третье – в рейтинге городов с самыми высокими заработными платами в стране. Город активно развивается; в нем ведется строительство WTC Surgut (Международный торговый центр «Сургут», со штабом в Нью-Йорке), университетский кампус (инновационный центр – филиал «Сколково»), исторический парк, новый городской дом культуры, технопарк (на 1500 рабочих мест) [3].

Материалом исследования послужили документы Государственного архива социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО) и воспоминания современников, участников проектирования и строительства Сургута.

Результаты. Строительство нового города в селе Сургут началось в середине 1960-х гг. с выбора площадки и планового размещения на ней первоочередных объектов производства, жилья, дорог, инженерных сетей, очистных сооружений. При этом ставились задачи:

1) Сохранить наиболее благоприятные и выразительные территории для будущей капитальной застройки и зеленых массивов.

2) Наметить первоочередное и перспективное зонирование с определением промышленных, селитебных, коммунальных и других территорий с тем, чтобы в дальнейшем при разработке генеральных планов эти отводы можно было органически включить в градостроительные решения.

Во второй половине 1960-х гг. планированием поселений на месте будущего города занималось множество различных организаций. Возведение поселков строителей и нефтяников шло на основе плана, разработанного институтом «Гипротюменьнефтегаз»; поселок геологов строился на базе проекта института «Геологстройпроект». Для речников проектные работы выполнял институт «Сибгипроречтранс», для энергетиков – «Уралтеплоэнергострой», для железнодорожников и транспортных строителей – «Сибгипротранс», промышленные зоны проек-

тировали Московский проектный институт № 2 (ПИ-2) и Государственный институт градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор».

Проектный институт № 2 все будущие предприятия, названные министерствами, разместил на плане в двух зонах. В 10 км западнее Сургута, в «западном промышленном узле», должны были строиться деревообрабатывающие предприятия. На севере вдоль территории Старого Сургута и Черного Мыса планировалось размещение домостроительного комбината. Восточный промышленный узел должны были составить предприятия по производству зданий и строительные организации, обслуживающие основные потребности нефтяников. На восточной окраине этой территории, ограниченной речкой Черной, должна была строиться Сургутская ГРЭС, работающая на попутном нефтяном газе. Для расположения города оставалась полоса земли, включавшая массив территории от речного порта и рыбоконсервного завода до реки Кедровки вдоль основного русла реки Оби с охватом лесного массива, существующего аэродрома и застроенных территорий – Старый Сургут, поселки геологов, строителей и нефтяников.

Другой вариант плана предусматривал застройку территории западнее реки Кедровки вдоль поймы Оби – между поселком Белый Яр и поселком НПУ «Сургутнефть» до западного промышленного узла между речкой Бардаковкой и болотом.

Переход к комплексному проектированию производственной инфраструктуры в увязке с градостроительным освоением Сургута сопровождался еще более активным подключением к работе Проектного института № 2. Многие специалисты этого института проявили себя в ходе глубокой разработки научных обоснований, ценных рекомендаций и высококвалифицированного исполнения функций главного проектировщика. Я. Дресс, Ю. Николагорский, В. Левин очень хорошо знали специфику Севера, посвятив этому региону значительную часть своей трудовой биографии [1, с. 239].

Большую роль в решении градостроительных задач на начальном этапе проектирования Сургута сыграл институт «Башнефтепроект» (БашНИПИнефть) под руководством М.П. Мазина, коллектив которого имел большой опыт обустройства нефтяных территорий в Башкирии и Татарии [1, с. 156].

После того, как БашНИПИнефть разработал системы сооружений промышленных объектов и первых рабочих поселков, 22 февраля 1966 г. бюро Тюменского обкома КПСС на своем заседании утвердило план регулирования текущей застройки города Сургута до 1970 г., представленный Московским проектным институтом «Гипрогор» [6, л. 16–17]. П.А. Мунарев в своих воспоминаниях ошибочно датирует это решение Тюменского обкома КПСС 1967 г. [2, с. 87].

В соответствии с его расчетами, численность населения города в 1970 г. должна была составить 60 тыс. человек. Весь объем нового капитального пятиэтажного жилищного строительства в размере 350 тыс. м² и необходимые для него объекты соцкультбыта предполагалось разместить на свободных территориях между поселком нефтяников и западным промышленным узлом, т.е. растягивая город еще на добрый десяток километров западнее строящегося жилого района нефтяников. Как новая, так и существующая застройка, согласно плану, обеспечивались всеми видами инженерного оборудования и благоустройства: водопроводом, канализацией, энергоснабжением, дорожной сетью, озеленением и инженерной подготовкой.

Московский проектный институт № 2 являлся также автором плана Сургутского промышленного узла, представлявшего собой схему размещения предприятий, складских и транспортных сооружений. Основным видом городского общественного транспорта был принят автобус.

На основании принятого плана регулирования текущей застройки в Сургуте развернулась интенсивная подготовка площадок для массовой капитальной застройки, оснащение их всеми видами инженерного оборудования, строительство общегородской магистрали от жилого района нефтяников до Черного Мыса.

Однако уже тогда город, еще не начав строиться, растянулся километров на 16–18. В 1969 г. журналист А. Нежный, побывавший в Сургуте, в опубликованном в «Новом мире» очерке «Города, которые мы строим» писал: «Сургут вообще представляет собой город несколько несообразный. Странный город – где ни тронь, всюду больно» [7].

Руководство и общественность города сначала робко, а затем все увереннее стали возражать против такого проекта «Гипрогора». В соответствии с решением исполкомом Тюменского областного Совета депутатов трудящихся, «Гипрогору» было дано задание разработать генеральный план строительства города с учетом замечаний городской общественности. На споры и согласования ушло несколько лет [2, с. 68].

К 1969 г. московским проектным институтом «Гипрогор» был подготовлен «Генеральный план застройки города», руководителем авторского коллектива которого являлся П.П. Джишкариани [2, с. 67]. Этот план был рассчитан на 130 тыс. жителей. Он предусматривал строительство города на площадке между нынешним санаторием «Кедровый Лог» и поселком Белый Яр. На территории от «Кедрового Лога» до Старого Сургута, где уже начали обустраиваться первые базы нефтяников, газовиков и строителей, предполагалось разместить промышленную зону [8].

Однако старожилов города не удовлетворял и этот план застройки Сургута. Согласно ему город удалялся от Оби на 7 км заливной поймой, которая после весеннего паводка превращалась в болото. К растянувшемуся на 16–18 км городу добавлялось еще 10 км новой застройки. При этом уничтожался большой массив хорошего леса, в котором Сургут испытывал большую потребность. Серьезные возражения вызывало и непомерное растягивание всех инженерных коммуникаций, и их большая удаленность от восточной промышленной зоны, речного порта и будущей ГРЭС.

Выражая мнение общественности, первый секретарь Сургутского горкома КПСС В. Бахиллов и председатель исполнительного комитета Сургутского городского Совета депутатов трудящихся П. Мунаев, обратились в Тюменский обком КПСС с просьбой поменять площадку и перенести строительство города на территорию ныне существующего Сургута. В качестве аргумента ими выдвигалось наличие в существующих поселениях нефтяников, газовиков, строителей и энергетиков электро-, тепло- и водоснабжения, инженерных коммуникаций, дорог и канализации, «за которые можно было зацепиться» на начальном этапе масштабного городского строительства [8].

После обсуждения позиции руководителей города, сначала в областном отделе архитектуры, а затем на заседании бюро Тюменского обкома КПСС в 1969 г., «Гипрогору» было дано задание разработать новый генеральный план застройки города Сургута в уже сложившихся границах [1, с. 199]. Он был окончательно

утвержден на заседании Госстроя РСФСР в 1970 г. и отличался большей компактностью городской территории [2, с. 68].

Переход на Севере Западной Сибири в конце 1960-х – начале 1970-х гг. к комплексному проектированию производственной инфраструктуры в увязке с градостроительным освоением новой территории, разработке научных обоснований генерального планирования городов потребовал принципиального отказа в строительной политике от изначального формирования производственной структуры севера Тюменской области на основе узкоотраслевого принципа нефтедобычи. Для этого требовались иные специалисты в области архитектуры и проектно-изыскательских работ.

12 января 1968 г. в памятной записке председателю Госстроя СССР И.Т. Новикову Тюменский обком КПСС выражал свое неудовольствие по поводу проектных работ Башкирского нефтепроектного института. Он напоминал о неоднократных просьбах передать разработку генпланов и проектов детальных планировок новых городов от института «Башнефтепроект» специализированному Ленинградскому зональному научно-исследовательскому институту по экспериментальному проектированию городов Севера – ЛенЗНИИЭПу [5, л. 46].

14 мая 1970 г. Тюменский областной Совет депутатов трудящихся на основании приказа Госкомитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР и Госстрое РСФСР от 18 марта 1970 г. возложил обязанности головных проектных организаций по разработке комплексной проектной документации по жилищно-гражданскому строительству, включая рабочие чертежи и авторский надзор, на следующие проектные институты. В Сургуте, Надыме и Уренгое – на ЛенЗНИИЭП, в Нефтеюганске, Урае и Южном Балыке – на ЛенНИИ-гражданстроительство, в Нижневартовске – на СибЗНИИЭП, в Салехарде, Лабитнанги, Харпе – на Ленгипрогор.

В принятом постановлении Тюменского областного Совета депутатов трудящихся был определен порядок организации филиала ЛенЗНИИЭПа в Сургуте, который был открыт в 1970 г. Его первым директором был назначен Евгений Борисович Никифоров, главным инженером – Н.С. Пукач. С ними приехали из Ленинграда архитекторы В.И. Лопоногов, В.В. Ванин, И.А. Гургенов, инженеры Д.П. Дейч, А.А. Миронов [4, л. 51].

С 1971 г. сургутский филиал начал решать задачи проектно-изыскательского обеспечения крупномасштабной застройки Сургута. Под руководством С.В. Билецкого, проработавшего в должности директора института 25 лет, сургутские архитекторы сделали максимум возможного для реализации в кратчайшие сроки в экстремальных условиях севера Западной Сибири крупномасштабных программ инженерно-изыскательских работ, архитектурного проектирования, жилищного и гражданского строительства.

В 1979 г. во исполнение постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 февраля 1978 г. ЛенЗНИИЭП градостроительства разработал новый генеральный план города Сургута, проделав большую работу по корректировке его центрального ядра и заметно улучшив как планировочные, так и объемно-композиционные характеристики этого важного комплекса. Даже те идеи проекта, которые остались нереализованными, оказали большое влияние на архитектурно-строительный процесс не только в Сургуте, но и в других городах нефтегазовой отрасли Западной Сибири.

Выводы. Таким образом, на процесс разработки генерального проекта

планировки Сургута влияли как экономико-географические, так и социальные факторы, обусловившие достаточно длительный период осуществления генплана города.

На первом этапе проектированием занимались многочисленные проектные организации, представлявшие интересы различных промышленных ведомств. Среди них особую роль играл Московский проектный институт № 2, сумевший разработать схему размещения новой промышленности и предложить варианты территориальной организации нового города.

В начале 1970-х гг. последовал отказ от узкопрофильного принципа нефтедобычи в политике освоения Севера Западной Сибири. Новые задачи комплексного социокультурного проектирования и развития Сургута стал осуществлять Ленинградский зональный научно-исследовательский институт по экспериментальному проектированию городов Севера.

Важную роль в процессе проектирования Сургута играла городская общественность, которая несколько раз добивалась пересмотра уже разработанных генпланов, не отвечавших интересам города, и смены проектных организаций.

Список литературы

1. История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс / Администрация Тюм. обл., Союз архитекторов России, Рос. акад. архитектуры и строит. наук; [Б.С. Нелюбин (пред.) и др.]. – М.: Суханово; Союз архитекторов России, 2004. – 511 с.

2. *Мунарев П.А.* Так было, так начиналось (записки председателя). Воспоминания о становлении Сургута в 60–70-х годах. Изд. 2-е, доп. / П.А. Мунарев. Сост. В.В. Киселев, Г.В. Кондрякова; ред. Г.В. Кондрякова. – Сургут: Сургутская типография, 2008. – 153 с.

Список источников

3. Администрация города Сургута [Электронный ресурс]. – URL: <http://admsurgut.ru/> (дата обращения: 18.04.2019).

4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 113. Оп. 31. Д. 7.

5. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 19. Д. 23.

6. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 182. Д. 18.

7. *Нежный А.* Города, которые мы строим: [О проблемах градостроительства. Заметки публициста] // *Новый мир*. – 1969. – № 10. – С. 188–206.

8. Сургутские ведомости. – 2003. – 10 сентября.

Самарина Н.Д.
samarinanandezhda@mail.ru
 НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.036

АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНИСЛАВСКОГО ЖИЛОГО МАССИВА (г. НОВОСИБИРСК)

Аннотация. В статье рассматриваются архитектурно-градостроительные особенности Станиславского жилого массива в г. Новосибирске. Размещение массива на периферии города создало проблемы с транспортом и культурно-бытовым обслуживанием населения. Сложный рельеф территории и расположение массива вблизи р. Тула играют двоякую роль. С одной стороны, они позволили организовать интересную архитектурную среду даже при использовании массовой типовой застройки. С другой стороны, активный рельеф затруднил решение ряда инженерных вопросов, а в современных условиях массовой автомобилизации он усугубляет неблагоприятные микроклиматические явления (смог) и усложняет передвижения внутри массива. Исследование основано на данных натурных обследований.

Ключевые слова: природные факторы; свободная планировка; типовая застройка.

Введение. Активный территориальный рост Новосибирска пришелся на вторую половину XX в., когда на периферических территориях быстро возводились новые жилые массивы и микрорайоны. Здесь формировались особая архитектурная среда, отличная от той, которая сложилась в центральных районах города или соцгородах и рабочих поселках 1930–1950-х гг.

Один из ярких примеров такой застройки в Новосибирске – Станиславский жилой массив, возведенный в 1960–1970-х гг. на левом берегу Оби. Отдельные аспекты его градостроительного решения затрагивались в ряде исследований [2, с. 62; 3, с. 70–71], однако специально массив никогда не изучался. Новизна нашей работы состоит в детальном рассмотрении территории современного Станиславского жилмассива. Цель исследования: определить архитектурно-планировочные особенности реализованного проекта и дать им оценку.

Результаты. До середины XX в. территория, занимаемая ныне Станиславским массивом, была на далекой периферии города (*рис. 1*). В начале XX в. здесь располагались деревни Вертково, Бугры, Кривощёково, Ерестная. В 1930 г. на их основе был образован Заобский район, переименованный в 1934 г. в Кировский. Территория будущего жилого массива располагалась рядом с рекой Тулой и частично входила в состав деревни Вертково, возникшей в середине XVIII в. При рытье котлованов для домов жилого массива строители находили древние долбленые гробы ее кладбища.

Согласно генплану Левобережного Новосибирска, разработанному архитекторами Д.Е. Бабенковым, А.В. Власовым, Н.Х. Поляковым в 1931 г., в зеленой зоне вдоль реки Тулы должны были разместиться больничный городок, Дом санпросвета и Дом матери и ребенка [1, с. 96]. Согласно генплану 1960–1965 гг., разработанному в Новосибиргражданпроекте под руководством арх. Л.Н. Михалева, долина Тулы также решалась как рекреационная зона, которая должна была компенсировать отсутствие естественных зеленых массивов в городе [3, с. 68–69; 4, с. 65, 66–67].

Рис. 1. План Левобережного Новосибирска, 1935 г. [6]

Строительство Станиславского жилого массива началось в 1963 г. по проекту архитекторов Е.И. Засядь-Волк и И.К. Ершовой. Застройка велась домами 1-447-С серии в пять этажей и крупнопанельными домами серии 1-464-Д [2, с. 62; 3, с. 70–71; 5].

Жилой массив проектировался по новым принципам. К началу 1960-х гг. произошел переход от проектирования мелких кварталов площадью в 4–9 га к новой, микрорайонной, системе планировки, предполагавшей создание крупных планировочных районов площадью в 150–400 га, жилых районов в 500–100 га и микрорайонов в 20–30 га. Транзитное движение автотранспорта через селитебные территории исключалось. Сеть культурно-бытового обслуживания включала три ступени: центр эпизодического обслуживания (крупный район), периодического (жилой район) и повседневного (микрорайон). Одновременно произошел переход от регулярного принципа застройки периметра кварталов к так называемой «свободной планировке» микрорайонов, которая обеспечивала инсоляцию жилых помещений, позволяла учитывать рельеф, сохранять зеленые насаждения и т.д. Застройка велась с использованием типовых проектов и промышленных сборных изделий. Предпочтение отдавалось секциям с двухсторонней ориентацией квартир. Жилые дома старались размещать перпендикулярно к господствующему направлению ветра [4, с. 67; 3, с. 69].

Общая площадь жилого массива составила – 48,6 га, жилая – 28,8 га, плотность застройки – 20 % [2, с. 62]. Территория имеет сложный рельеф, который несколькими широкими ярусами понижается к реке Тула (рис. 2). По обоим берегам Тулы тянутся многочисленные дачные общества, территория которых ограничена железнодорожными путями. Близость садовых обществ и особенно реки (рис. 3) создает особенную атмосферу и микроклимат этого места, что в сочетании с обилием зелени и закрытостью от промышленных зон и магистралей, делает массив

достаточно комфортным для проживания. Очень резкие перепады высот потребовали большого количества подпорных стенок, спусков и лестниц. Большие проблемы возникли при организации канализационных стоков.

Рис. 2. Панорама Станиславского жилого массива [5]

Рис. 3. Река Тула. Фото автора [7]

С трех сторон жилой массив ограничен важными транспортными магистралями: с севера – ул. Немировича-Данченко, с востока – ул. Станиславского с запада – ул. Троллейной. С юга расположена ул. Тульская, не имеющая большого транспортного значения.

Когда-то на ул. Троллейной была конечная остановка трамвая и Ленинское трамвайное депо, но сейчас от него осталось только название остановки. На ул. Станиславского находится конечная остановка общественного транспорта (троллейбуса). Рядом с ней был размещен общественно-торговый центр жилого массива: гастроном с отделом «соки-воды», в котором продавался сок на розлив из стеклянных конусов, кинотеатр «Искра», детский клуб «Горизонт», парикмахерская (сохранилась), домовая кухня и столовая. Ниже по рельефу была построена поликлиника. Активное строительство на этих территориях началось в 1965–1966 гг. Застройка велась пятиэтажными жилыми домами серий 1-464 и 1-468 (рис. 4). Дома располагались значительно ниже уровня транспортной магистрали (ул. Немировича-Данченко), в «яме», что послужило естественной защитой от шума и ветра. Застраивались также территории, примыкавшие к конечной остановке троллейбуса и торговому центру. Наряду с пятиэтажными строились дома серии 1-447С-26 – односекционные девятиэтажные дома башенного типа из силикатного кирпича (рис. 4).

Серия 447С-26

Серия 1-464

Серия 1-468

Рис. 4. Жилые дома Станиславского жилого массива [7]

В центре массива, в шаговой доступности от жилья и на большом расстоянии от магистралей, расположены школа № 15 и детские сады. Территории, лежащие ниже, застраивались позднее. Так, жилые дома по ул. Ударной появились в 1969–1976 гг. Здесь были возведены пятиэтажные и девятиэтажные панельные жилые дома, типовая школа (№ 187) и два детских сада на самых низких отметках. Из-за сильных перепадов высот плотность застройки невелика. Школы и дет-

ские сады стоят в центре своих участков, защищенных со всех сторон жилыми домами и перепадами рельефа.

Несмотря на массовое применение типовых проектов, впечатления серости и безликости массива не возникает, напротив, архитектурная среда кажется интересной и насыщенной. Прежде всего, этому способствует умелое использование проектировщиками сложной ландшафтной ситуации: наличие видовых точек, зеленых зон, подпорных стенок, выемок, лестниц, малых архитектурных форм и т.п. Свою роль играют приемы свободной планировки, активный цвет ряда зданий и то, что жилой массив возводился в течение длительного времени, благодаря чему здесь применялись типовые проекты разных серий. Кроме того, со стороны улиц Станиславского и Троллейной были созданы градостроительные акценты: группы многоэтажных жилых домов, в том числе башенного типа, с культурно-бытовыми учреждениями в первых этажах (рис. 2).

Имеет смысл оценить архитектурно-планировочное решение Станиславского жилого массива, сравнив его плюсы и минусы с точки зрения современных условий проживания здесь.

а) Плюсы:

- Рациональное размещение жилых домов, школьных и дошкольных учреждений с учетом наилучшей инсоляции, защиты от ветров и пешеходной доступности – отсутствие на пути детей крупных автодорог, транспортных развязок, заборов, тупиков и т.п.
- Доступность всех видов общественного транспорта (автобус, троллейбус, трамвай), благодаря размещению жилого массива на пресечении крупных транспортных магистралей – улиц Станиславского, Немировича-Данченко и Троллейной.
- Полный набор культурно-бытовых услуг: торгово-развлекательный центр, художественная школа, супермаркеты и магазины, поликлиника, общеобразовательные школы и детские сады, почтовое отделение.
- Близость живописной долины реки Тулы как зоны рекреации для прогулок и отдыха (рис. 3).

б) Минусы:

- Значительная удаленность от центра левого берега (площади К. Маркса), не говоря уже об общегородском центре на правом берегу Оби (площади Ленина).
- Большая загруженность ул. Немировича-Данченко в часы пик и образование пробок вследствие того, что эта улица является транзитной и обслуживает также население других жилых массивов.
- Отсутствия мест для автостоянок и узкие внутриквартальные проезды, образующие из-за особенностей рельефа целый лабиринт, в котором трудно ориентироваться водителю, незнакомому с местностью.
- Смог, который часто скапливается в местах понижения рельефа из-за выхлопных газов с охватывающих массив с трех сторон транзитных магистралей (ул. Станиславского, Троллейной и Немировича-Данченко).
- Проблемы с ливневой канализацией, которая не справляется с большим объемом воды во время сильных дождей и таяния снега. Это результат

резких перепадов рельефа и развитой горизонтальной планировки, которая усложняет рациональный отвод поверхностных вод.

- Сложность в ориентации по номерам домов, которые размещались на зданиях не по порядку их современного расположения, а по мере строительства.

Современный взгляд на архитектурно-планировочное решение жилого массива дает неожиданный результат. С точки зрения условий проживания основные плюсы жилого массива могут быть связаны с принципами микрорайонирования, которые подвергались критике в конце XX в., тогда как большинство минусов – с современными градостроительными проблемами города и спецификой того уникального места, в котором жилой массив расположен.

Выводы. Таким образом, характерной архитектурно-планировочной чертой Станиславского жилого массива является активный рельеф, роль которого в архитектуре и жизни массива неоднозначна. С одной стороны, рельеф позволил организовать интересную и насыщенную архитектурную среду даже при использовании типовых проектов массовых серий. С другой стороны, он же усложняет и условия проживания. Так, рельеф усугубил негативное влияние современной автомобилизации на жизнь массива. Да, развитие личного автотранспорта приблизило жителей к центрам культурно-бытового обслуживания. Однако в условиях затесненности (результат перепада высот) обилие машин крайне затрудняет рациональные перемещения внутри массива, а непродуваемое пространство за высокой дамбой ул. Немировича-Данченко способствует накоплению на селитебной территории вредных выбросов, особенно в штилевые дни.

Список литературы

1. *Баландин С.Н.* Новосибирск. История градостроительства 1893–1945 гг. / С.Н. Баландин. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. – 135 с.
2. *Баландин С.Н.* Новосибирск. История градостроительства 1945–1985 гг. / С.Н. Баландин. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1986. – 155, [3] с.
3. История города. Новониколаевск – Новосибирск. Исторические очерки / Г.А. Бочанова, С.С. Букин, В.И. Быстренко и др.; Гл. ред. А.Ф.Косенков; СО РАН; Институт истории. – Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2005. – 864 с.
4. *Оглы Б.И.* Новосибирск: от прошлого к будущему / Б.И. Оглы. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1991. – 117, [2] с.

Список источников

5. Жилмассив – Станиславский [Электронный ресурс]. – URL: https://prawdom.ru/k_jkompl.php?j=119&t=99050 (дата обращения: 10.06.2019).
6. План города Новосибирска 1935 года Запсибкрая [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.etomesto.ru/karta1267/> (дата обращения: 10.06.2019).
7. Самарина Н.Д. Личный архив.

Белинская А.А.
gemmagemms@mail.ru
 МАРХИ, г. Москва, Россия
 Научный рук.: канд. арх., доцент Зуева П.П.

УДК: 72.036

НЕУДАВШЕЕСЯ СОЦИАЛЬНОЕ ЖИЛЬЕ В ПРИГОРОДАХ ПАРИЖА

Аннотация. Представлены результаты анализа кварталов социального жилья, которые были реализованы в пригороде Парижа во второй половине XX в. по проектам архитекторов Жана Реноди, Рэне Гэльхосте, Рикардо Бофилла, Жака Бину и Мишеля Фоллиассона. На основе проведенного натурного исследования районов Ля Дефанс, Иври-сюр-Сэн, и коммуны Нуази-ле-Гран выявлены причины, по которым местные жители не считают подобный социальный и революционный тип жилья удобным для жизни.

Ключевые слова: архитектура Парижа; социальное жилье; архитектура 1970-х гг.; архитектурный авангард.

Введение. Париж, безусловно, славится красотой и богатством своей архитектуры. Интересно историческое развитие и формирование города, особенно его генеральный план, на первый взгляд, отдаленно напоминающий кольцевой план Москвы. Восприятие урбанистической среды Парижа радикально отличается от восприятия столицы москвичами. Парижане не знают Париж! Самый первый вопрос при новом знакомстве, как правило, звучит так: «из какого ты квартала?».

Париж разделен на практически изолированные дистрикты, которые развиваются вокруг исторического «центра» города наподобие «улитки». При этом каждый квартал, вне зависимости от расположения, имеет все необходимое для полноценной жизни. Это сказывается и на образе жизни парижан. Люди расслаблены, спокойны, им не нужно никуда ехать, бежать опаздывать. Все что нужно всегда оказывается под рукой.

В начале 1970-х гг. революционные идеи социального равенства, а также творческое наследие Ле Корбюзье и его современников, вдохновили французских архитекторов на создание ряда новаторских по тем временам проектов в Париже. В пределах столицы было создано несколько жилых районов социального типа, которые принципиально отличались друг от друга своей застройкой и архитектурным обликом.

Материалы и методы. На основе материалов натурных обследований и интервьюирования местных жителей анализируются современные проблемы использования многофункциональных жилых комплексов социального типа второй половины XX в. в пригородах Парижа. Рассматриваются районы Ля Дефанс, Иври-сюр-Сэн и коммуна Нуази-ле-Гран.

Результаты. Сегодня архитектура этих жилых районов поражает своей динамичностью и красотой, однако, как обнаруживается при ближайшем рассмотрении, архитектурный замысел «не работает» уже 40 лет. Люди живут там, учатся, ходят в школу и на работу, но то, что мы видим сейчас, сильно отличается от того, что задумывалось архитекторами и идеологами проектов.

1. Квартал Иври-сюр-Сэн. (Ivry-sur-Seine) Ж. Реноди и Р. Гэльхосте (рис. 1) – из самых известных и все еще функционирующих кварталов того времени [2; 3; 4]. Комплекс расположен на огромной территории и имеет очень сложную

структуру. Пространство четко делится на личное и общественное; в свою очередь общественное – на общественное для посетителей, для жителей и т.д. Часть квартир имеет небольшие сады. Все многоуровневые пространства объединены общими площадями, коридорами, балконами и садиками. Очень сложный звездобразный план тщательно проработан, каждый «угол» звезды соединяется со следующим блоком и несет свою функцию разделения или соединения двух пространств.

Рис. 1. «Город-сад», снимок автора [5]

Если смотреть на комплекс сверху, то он выглядит как огромный сад из множества маленьких озелененных площадок. Достигнуто впечатление оазиса, который контрастирует с окружающей его высотной застройкой. Если смотреть на комплекс снизу, с уровня пешеходов, то благодаря поддерживающим его колоннам и переходам, он кажется парящим над проездами и напоминает подвесные сады.

Однако этот гениальный и сложный с архитектурной точки зрения комплекс «не работает» по назначению. Как выяснилось, парижане не хотят там жить, потому что не понимают, как там жить: что делать в темных перекрытых дворах, зачем столько изолированных переходов, которые после заката солнца производят жуткое впечатление и становятся небезопасными? В итоге комплекс оказался заселен иммигрантами, которые не могут позволить себе селиться в другом месте. За зданием никто не следит, в центральной галерее образовался стихийный рынок, во дворах можно встретить только подозрительного вида молодых людей, а в узких коридорах так грязно, что лучше обходить их стороной. Для современных студентов-архитекторов это кажется совершенно непонятным – ведь архитектура комплекса действительно впечатляюща, она детально продумана, но почему-то «не работает»...

2. Квартал Нуази-ле-Гран. Если говорить о других районах, то в числе первых, несомненно, будет коммуна Нуази-ле-Гран, где расположены объекты Рикардо Бофилла, Мануэля Нуньес Яновского и Анри Гуше.

Комплекс Абракасас (Les Espaces d'Abrahas) был спроектирован архитектурным бюро Ricardo Bofill Taller de Arquitectura в 1982 г. как «обитаемый памятник в новом городе» Марн-ла-Валле [1, с. 171–175; 7] (рис. 2).

При знакомстве с «памятником» прежде всего бросаются в глаза интересная игра разномасштабных архитектурных деталей и смешение стилей. Архитектура сооружения кажется монументальной и очень сложной для восприятия. Комплекс известен во всем мире и в последние годы служит декорацией для кинофильмов.

Однако, на наш взгляд, подобного рода архитектура очень тяжело ассоциируется с жилой функцией. Так, одна из частей комплекса, благодаря своей полукруглой форме, создает чувство защищенности со стороны внутреннего двора. Однако в целом здание, со всеми его архитектурными деталями, настолько громоздко и монументально, что даже в его защищенном дворе находиться, а тем более жить, не слишком уютно. Это не единственный проект социального жилья Боффилла в пригороде Парижа, однако, как и «Аркады у озера» [1, с. 175], Абракасас в наши дни кажется заброшенным и устрашающим.

Другой проект, расположенный в той же коммуне – проект Мануэля Нуньес Яновского «Арены Пикассо» [1, с. 193–195; 7] (рис. 3), стал попыткой усовершенствования идеи социального жилья путем уменьшения числа квартир. Была организована своего рода арена, с двух сторон которой поставлены огромные круглые здания, каждое 50 метров в диаметре. Особенно удивляют выразительные, необычные для Парижа, круглые формы и искривленные аркады, отделяющие общественную зону от жилой части.

Однако, несмотря на всю кинематографичность своей архитектуры район не пользуется популярностью и спросом, а местные жители его не ценят. Напротив, это один из тех кварталов, про которые говорят «не смей ехать туда один», а когда местные уличные бродяги видят, что ты приезжий и пытаешься что-то сфотографировать, они кричат на тебя и преследуют с угрозами. В общем, «Арены Пикассо» – не самое приятное место. Одной лишь необыкновенной архитектуры оказалось недостаточно, чтобы создать атмосферу и настроение жилого квартала.

3. Район Ля Дефанс. Другой район, где дела обстоят лучше – Ля Дефанс. Это своего рода бизнес-квартал Парижа, с высотками, современной архитектурой и известным зданием-аркой архитектора И.О. фон Шпрекельсена в 50 этажей, откуда можно насладиться окружающим видом. Здесь есть центральная площадь с торговыми центрами и сетевыми магазинами. Гулять не страшно и на первый взгляд все хорошо. Но если пройти чуть дальше, то мы снова найдем специфическую социальную застройку 1970-х гг., напоминающую космические корабли. При этом здания настолько не сочетаются между собой, что взгляд невозможно на чем-то остановить.

Автору наиболее запомнился комплекс Vision 80, спроектированный Жаном Пьером Жувом в 1973 г. [3; 6] (рис. 4). Все сооружение имеет обтекаемую форму со сглаженными углами, и при этом приподнято на V-образные опоры. Ленточное остекление усиливает образ огромного летящего корабля. Кроме того, под зданием образованы трехуровневые пешеходные проходы с магазинами, кафе и садами. Однако обнаружилось, что, несмотря на плавность и логичность этих проходов, они абсолютно заброшены.

Рис. 2. Абраксас, снимок автора [5]

Рис. 3. Арены Пикассо, снимок автора [5]

Рис. 4. Vision 80, снимок автора [5]

Рис. 5. Дамьер д'Анжу, снимок автора [5]

Другой впечатляющий комплекс – Дамьер Д'Анжу, построенный по проекту Жака Бину и Мишеля Фоллиассона в 1976 г. [3; 6] (рис. 5). Двенадцатиэтажный комплекс ступенчатой формы имеет отдельные, вынесенные через дорогу, блоки с лифтами и лестницами, чтобы жителям было удобнее переходить к другим комплексам, в метро или к общественному транспорту. Получается, что основной вход на общественную территорию комплекса располагается на высоте пятого этажа. На этом же уровне находятся рестораны, кафе и магазины.

В Ля Дефанс имеет место самая интересная игра с уровнями. Однако, местные жители находят эту систему неудобной, а посетители – непонятной. В частности, нелегко инвалидам, людям с колясками, поскольку на каждый блок предусмотрен только один лифт, который, во-первых, надо ждать, а во вторых, в случае неисправности приходится идти к другому.

Несмотря на всю изобретательность и продуманность комплексов в Ля Дефанс, они, как и рассмотренные выше районы, оставляют впечатление безжизненности и пустынности. Все крытые переходы пусты и темны. Массивные сооружения с крупными деталями кажутся заброшенными и поэтому имеют устрашающий вид.

Выводы. Таким образом, рассмотренные кварталы и их пространства не функционируют так, как планировали запроектировавшие их архитекторы:

1. Все кварталы имеют ряд общих черт: монументальность, уникальность и сложность. Сооружения поражают воображение масштабом, в них прочитывается сплав исторических и культурных традиций, театральность и компьютерные технологии. Казалось бы, каждая из этих характеристик является позитивной в контексте архитектуры. Каждый из комплексов удивителен, но он создан как «архитектура ради архитектуры», а не «архитектура ради человека».

2. В этих кварталах отсутствует такая важная для жилья черта как «человечность». Забыто главное – то, что проекты социального жилья должны были быть предназначены для проживающих здесь людей и их коллективного обитания. А эти кварталы игнорируют особенности жизни парижан, отвергающих культуру полуофициальных крытых переходов и площадок. Французы не знают, как жить в комплексах, не имеющих внутренних дворов с детскими площадками, скамеечками и парковками.

Поэтому эти необычные по архитектуре кварталы удивляют и привлекают только иностранных туристов и режиссеров.

Список литературы

1. Шукурова А.Н. Архитектура Запада и мир искусства XX века / А.Н. Шукурова. – М.: Стройиздат, 1990. – 318 с.
2. Lambert Leopold. Ivry-Sur-Seine: the architectural genius of Renee Gailhoustet and Jean Renaudie in Paris Banlieues [Электронный ресурс] // The Funambulist. – URL: <https://thefunambulist.net/architectural-projects/ivry-sur-seine-architectural-genius-renee-gailhoustet-jean-renaudie-paris-banlieues> (дата обращения: 27.05.2019).

Список источников

3. Архив библиотеки института Ecole Nationale Supérieure d'Architecture de Paris La Villette.
4. Архив библиотеки Музея Musée spécialisé à Ivry-sur-Seine.
5. Белинская А.А. Личный архив.
6. Damier d'Anjou // Paris La Défense [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ladefense.fr/fr/tour/damiers-danjou> (дата обращения: 01.06.2019).
7. Noisy-Le-Grand: Architecture retro-futuriste. 10 février 2016 [Электронный ресурс] // French Vadrouilleur. – URL: <https://frenchvadrouilleur.fr/blog/noisy-le-grand-architecture-retro-futuriste> (дата обращения: 15.05.2019).

АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Арбатский В.П.
Гамалей А.А.
Романовский В.Г.
gamaley10@mail.ru
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 721.011(076)

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КАФЕДРЫ ДИЗАЙНА АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ НГУАДИ

Аннотация. В статье представлены основные этапы становления и развития кафедры Дизайна архитектурной среды НГУАДИ. Даны краткая характеристика образовательных программ и общая концепция (модель) подготовки обучающихся, отмечаются наиболее крупные и значительные творческие проекты, выполненные студентами совместно с преподавателями кафедры. Источником статьи послужили личный научно-педагогический и творческий опыт авторов.

Ключевые слова: дизайн архитектурной среды; исторические предпосылки; этапы становления; образовательная модель.

Исторические предпосылки. Кафедра дизайна архитектурной среды была создана приказом ректора в 1991 г. по инициативе учебно-методического Совета и ректората вуза, получившего к тому времени академическую самостоятельность.

Идея создания кафедры дизайна архитектурной среды возникла, прежде всего, в результате стремления соответствовать актуальным тенденциям конца XX в. и отражала стремление к поиску вариантов трансформации модели архитектурного образования на фоне кризисных явлений и происходящих в стране радикальных социально-экономических преобразований.

В определенной степени это была реакция на состояние архитектуры и градостроительства, сложившееся в позднесоветский период, когда на гигантских городских территориях массово воспроизводилась однотипная среда обитания человека, по многим параметрам неполноценная как в функциональном, так и в эстетическом отношениях.

Открытие новой кафедры в стенах Новосибирского архитектурного института (ныне НГУАДИ) происходило в контексте предпринятых в 1990-е гг. попыток преодоления кризиса дегуманизации формируемой городской среды, которые привели к актуализации идеи комплексного архитектурно-дизайнерского проектирования и, как следствие, возникновению в сфере архитектурного образования соответствующего направления в подготовке специалистов.

При этом учитывался опыт организации подобных специализированных кафедр в структуре Московского архитектурного института (с 1988 г.), а также ряда региональных вузов.

Таким образом, можно констатировать, что начиная с 1991 г. сложилась ситуация, когда параллельно с традиционными архитектурными специальностями

(архитектор-объемщик, архитектор-градостроитель) внутри высшего архитектурного образования возникло третье специфическое ответвление – архитектор-дизайнер.

Оценивая ситуацию в ретроспективе, представляется, что тогда была поставлена цель возрождения в профессии таких, во многом утраченных методов, и принципов, как художественный подход, средовое проектирование, комплексность городской среды, концептуальность проектных решений.

С современных позиций является очевидным, что данный эксперимент по формированию нового типа специалиста продолжается и в настоящее время.

Возможно, именно незавершенность, открытость и наличие значительного потенциала развития делает профессию архитектора-дизайнера столь привлекательной и востребованной.

1. Начальный этап становления (1991–1996 гг.). На первом этапе одним из ключевых направлений кафедры представлялась концепция привнесения методических и технологических приемов предметного дизайна в систему архитектурного образования. Сама идея подготовки специалиста «синтезирующего» типа виделась в освоении программы проектирования архитектурной среды как непрерывного процесса начинающегося с дизайна деталей, мебели, интерьера, проектирования архитектуры и далее – окружающей предметно-пространственной среды и города в целом.

Исходя из этого, при создании кафедры ставились и соответствующие задачи при подготовке лекционных и практических курсов, учебных программ, заданий на курсовое и дипломное проектирование, подборе кадров преподавателей.

Становление новой специальности в системе архитектурного образования Сибири происходило впервые, практически «с чистого листа», поэтому важнейшей задачей данного этапа было формирование коллектива преподавателей-единомышленников, профессионалов из различных сфер архитектурной и дизайнерской деятельности.

Здесь будет уместным и даже необходимым назвать всех архитекторов, педагогов, ученых, кто за 28 лет существования кафедры внес частицу своей энергии, таланта, знаний и опыта в ее работу.

Основателями новой специальности являются: профессор, канд. арх. Арбатский В.П.; зав. каф. ДАС профессор, канд. арх. Гамалей А.А.; доцент кафедры Романовский В.Г.; доцент кафедры, канд. арх. Клевакин А.Н.

В разные годы на кафедре ДАС работали Косов Ю.М., Булатов С.Е., Пятницкий В.Б., Воскобойников В.П., Чунтонов В.С., Руденко А.И., Ермишин В.Л., Митюшов С.А., Шанышина Е.Ю., Рувинская Н.С., Пивкин В.М., Горбачев В.Т., Дроздецкий О.Д., Гамалей-Бенар М.А. и Плужников В.В.

Резюмируя результаты начального этапа, можно сказать, что в этот период были заложены фундаментальные основы новой специальности архитектора-дизайнера, синтезирующего в сфере своей деятельности широкий круг профессиональных компетенций.

- Во-первых, создана стартовая концептуальная учебно-методическая и информационная база, задающая вектор дальнейшего развития.
- Во-вторых, сформировано первоначальное ядро преподавательского коллектива, которое до сих пор объединяет разные поколения преподавателей.

- В-третьих, повышена привлекательность вуза путем расширения образовательных возможностей для потенциального круга абитуриентов.

2. Современный этап (с 1996 г. по настоящее время). Для подготовки архитекторов-дизайнеров на кафедре за эти годы был создан уникальный коллектив педагогов-практиков, имеющих большой опыт научной и методической работы.

Для преподавателей кафедры первостепенными являются профессионализм, творческая и научная активность, знание особенностей современных технологий проектирования, практическая деятельность, а также честность, порядочность и доброжелательность в межличностных отношениях; умение идти на компромисс наряду с принципиальностью в решении вопросов, касающихся обучения студентов на кафедре.

В настоящее время на кафедре работают: Гамалей А.А. – зав. кафедрой, канд. арх., профессор, член-корр. Международной академии дизайна (МАНПО), почетный работник НГАХА; Давыденко С.А. – доцент кафедры, член СД, руководитель персональной мастерской; Каплан О.С. – доцент кафедры, член СА, руководитель персональной мастерской; Ласкарис П.В. – доцент кафедры, член СА; Лимонова И.А. – доцент кафедры, член СД, руководитель персональной мастерской; Романовский В.Г. – доцент кафедры, почетный работник НГАХА; Смолякова И.В. – доцент кафедры, член СА; Сергеенко А.М. – старший преподаватель кафедры; Булгач Р.В. – канд. арх., доцент, Смирнов В.Н. – доцент кафедры, член СД; Моржаков С.В. – доцент кафедры.

Совместители кафедры: Арбатский В.П. – канд. арх., профессор, главный архитектор ООО «СИАСК», почетный архитектор РФ, Лауреат премии Мэрии г. Новосибирска в области архитектуры и градостроительства; Турецкий Б.М. – почетный архитектор РФ, член СА, член правления СРО Гильдии проектировщиков Сибири, директор ООО «СибАкадемстрой».

Документовед кафедры Захарова И.А.

90 % преподавателей в составе коллектива кафедры – члены творческих союзов: Союза Дизайнеров; Союза Архитекторов; ряд преподавателей имеют правительственные награды, более 80 % преподавателей являются лауреатами Всероссийских и Международных конкурсов, авторами крупных архитектурных построек, градостроительных комплексов, ландшафтно-парковых ансамблей и городских памятников.

Обучение студентов навыкам профессионального мастерства ведется на кафедре с первого курса, это уникальный прецедент в практике архитектурно-дизайнерского образования России. В решении этой задачи кафедра опирается на три взаимодополняющих подхода.

- **Первый подход** включает в себя обучение ремесленническим навыкам, через изучение технологии производства и материалов, освоение графики, исполнение «рабочих» и демонстрационных моделей проектируемых объектов.
- **Второй подход** направлен на обогащение традиционных приемов графической подачи современной компьютерной графикой.
- **Третий подход**, включенный в образовательную концепцию кафедры, нацелен на формирование учебных проектов и заданий на основе реально существующих объектов и в соответствии со сложившимся социальным заказом в области архитектурно-дизайнерского проектирования в городе и регионе.

Исходя из учета запросов и требований реально существующего рынка заказов, кафедрой определен круг проектных задач. Несмотря на то, что в настоящее время исчезла система распределения и трудоустройства, выпускники кафедры определяются с местом будущей работы еще до окончания университета, во время прохождения производственной практики. Этому во многом способствует приобретенный за время обучения на кафедре творческий багаж в области методики архитектурно-дизайнерского проектирования, исполнительского графического мастерства, навыков и компетенций, полученных в процессе выполнения учебных заданий, ориентированных на запросы современного рынка.

Производственная связь образования с реальной архитектурно-дизайнерской практикой остается одной из важнейших проблем учебно-методической и организационной работы кафедры.

В том числе, это касается переосмысления и соответствующей корректировки рабочих программ и заданий на подготовку обучающихся с учетом новых государственных образовательных стандартов, а также актуальных реалий и тенденций.

Образовательная модель, принятая кафедрой, основывается на том, что она должна быть, с одной стороны прагматичной, т.е. исходить из конкретных вызовов, с которыми выпускники сталкиваются «здесь» и «сейчас», а с другой стороны, должна иметь вектор развития на перспективу и ориентировать студентов на профессиональное саморазвитие и самореализацию в изменяющихся условиях.

В соответствии с целевыми задачами и основополагающими проектно-образовательными концепциями на кафедре ведется совместная работа преподавателей и студентов в студенческой проектно-творческой мастерской «СПТМ-ДАС». По итогам этой работы был разработан согласованный с администрацией Центрального района и города Новосибирска проект благоустройства территории и архитектурно-художественного оформления Нарымского сквера (2006 г.), реализованный в 2007 г. 11 студентов 2-го курса были отмечены благодарственными письмами и денежными премиями администрации Центрального района за выполнение проектов архитектурно-художественной среды Первомайского сквера.

В 2009 г. студентами кафедры по заданию Управления дизайна архитектурной среды г. Новосибирска разработан проект «Театральной аллеи» с памятником А.С. Пушкину в Центральном парке г. Новосибирска.

В 2010 г. был разработан проект городского сада у академии водного транспорта в Железнодорожном районе, который был полностью реализован и впоследствии получил наименование «Сад семьи».

В 2011–2015 гг. по заказу проектно-строительной компании «Конус» студентами мастерской были выполнены проекты колористического решения жилых домов массового типового строительства «Квартет», «Тихие зори» и «Чеховский» в Ленинском районе. Проекты реализованы.

Наиболее крупными и значительными работами, выполненными силами студентов, являются проекты благоустройства бульвара им. Татьяны Снежиной в Октябрьском районе, реализованный в 2012 г. Заказчик ООО «Дискус плюс». И проект благоустройства аллеи Красного проспекта, примыкающей к памятнику маршала Советского Союза А.И. Покрышкина (2014 г.). Заказчик МУП Горзеленхоз Мэрии г. Новосибирска.

Студенты кафедры активно участвуют в выставочной деятельности. По итогам выставок, кафедра была отмечена дипломом Сибирской Ярмарки за внедре-

ние новых образовательных технологий. Работы кафедры экспонировались на выставке «Новосибирская область 60 лет» в Верховном Совете Российской Федерации. Международное сотрудничество осуществляется кафедрой по направлениям: международные конкурсы и биеннале, обмен проектами с зарубежными ВУЗами. Кафедра успешно участвует в Международных смотрах-конкурсах лучших дипломных проектов.

Кафедра заслуженно гордится своими выпускниками. Всего за период с 1995-го (первый выпуск) и по 2019-й год кафедрой было подготовлено 440 специалиста архитектора-дизайнера и 112 бакалавров архитектуры, которые сегодня успешно работают во многих проектно-строительных организациях, творческих мастерских, вузах, не только России, но также Англии, Германии, Франции, Нидерландах, Чехии, Новой Зеландии.

3. Перспективы развития. Спустя 28 лет со дня своего основания специальность архитектора-дизайнера прошла путь становления, сопоставимый с продолжительностью активной жизни одного поколения, и сегодня остается одной из самых динамично развивающихся. О ее значительном творческом потенциале свидетельствует широкое распространение федеральных и региональных программ «комфортная городская среда», в которых активное участие принимают студенты и профессорско-преподавательский состав кафедры.

Очевидно, что сегодня говорить о более или менее конкретизированном перспективном планировании в системе регионального архитектурно-дизайнерского образования было бы преждевременным – вследствие наличия множества неизвестных и непредсказуемых обстоятельств и векторов влияния.

Сейчас можно сформулировать лишь общие контуры и доминирующие направления, приняв за основу наиболее вероятный сценарий развития на ближайшую перспективу (ориентировочно до 2030 г.).

Логично предположить, что получат дальнейшее формирование те ростки-векторы, которые исторически сложились в течение предшествующих этапов концептуальных поисков образовательной модели архитектора-дизайнера.

В действительности, это три главных направления развития.

- **Первое направление** – учебно-методические связи с образовательными моделями смежных архитектурных, дизайнерских и художественных специальностей. В результате происходит освоение и интегрирование в систему подготовки архитектора-дизайнера определенных подходов, методик, приемов, нормативов, регламентов, технологий и т.д. из профессиональных сфер архитектуры, градостроительства, предметного дизайна, изобразительного и монументально-декоративного искусства.
- **Второе направление** – учебно-производственные коммуникации. С одной стороны, они могут быть ориентированы на максимально возможное включение в образовательный процесс ситуаций и заданий, приближенных к актуальной проблематике, реальным условиям и технологиям профессиональной проектной практики. С другой стороны, могут получить развитие новые разнообразные форматы организации производственных практик студентов, а также непосредственного участия в рамках лекционно-семинарских занятий ведущих специалистов-теоретиков и практиков, в том числе мирового уровня.

- **Третье направление** – концептуальные исследования, посвященные моделированию профессиональных компетенций архитектора-дизайнера. Оно возможно станет наиболее актуальным и приоритетным на ближайшее десятилетие, так как вопросы идентификации специальности «дизайн архитектурной среды» остаются до настоящего времени недостаточно раскрытыми. И в этом может заключаться едва ли не самая ключевая проблема развития, которое может пойти, в принципе, по одному из двух вероятностных вариантов.
- **1) Вариант первый.** Или будет реализовываться сценарий образования еще одного узкоспециализированного вида деятельности – дополнительно к ныне существующим. Тогда эта деятельность будет иметь прикладной характер, и ограничиваться разработками в области оформления интерьеров уже запроектированных и построенных кем-то другим зданий, благоустройства территорий, малых архитектурных и ландшафтных форм в контексте сложившейся застройки.
- **2) Вариант второй.** Или это будет создание модели специалиста абсолютно нового, «постархитектурного» и «постградостроительного» типа, целью профессиональной деятельности которого станут не отдельные здания и их комплексы, и не элементы их оформления и благоустройства, а формируемая ими жизненная среда человека с заранее заданными свойствами. Согласно данному перспективному варианту специальность архитектора-дизайнера предстает совершенно в ином, интегрированном виде, по своей роли в чем-то аналогичной статусу сценариста или режиссера в сфере кино- и театрального искусства, определяющих общую концепцию произведений.

Заключение. Решение проблемы исторического выбора того или иного варианта концептуального развития специальности будет во многом зависеть от совместной творческой работы преподавателей и студентов кафедры, от степени их заряженности на достижение качественно нового профессионального уровня.

Иванова Е.Г.
seleniya7@gmail.com
 НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 72.013

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ В.И. САЗОНОВА В ПРОГРАММАХ ВУЗА И ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ АРХИТЕКТОРОВ

Аннотация. Научно-педагогическое наследие В.И. Сазонова – исследователя проблем гармонии и пропорционирования – требует осмысления и реализации в образовательном процессе. В статье представлены результаты обобщения материалов публикаций и лекций В.И. Сазонова: выявлены научные приоритеты автора и показаны новые возможности применения ценного научно-педагогического опыта в образовательных программах профессионального и предпрофессионального уровней подготовки архитекторов.

Ключевые слова: В.И. Сазонов; геометрия; композиция; пропорционирование; теория гармонии; архитектурное образование.

Введение. Наследие профессора НГУАДИ Виктора Ивановича Сазонова (1936–2015) – ученого, педагога и архитектора-практика, требует внимательного изучения. Спектр научных интересов Виктора Ивановича обширен, однако основной темой исследований явились проблемы *языка архитектуры* и *геометрии* как его основы. Геометрия понимается им не только как математически сухая дисциплина, но и как сфера «пред-художественная, пред-поэтическая». Геометрия – универсальный «язык Вселенной», коммуникатор между другими языками – естественными и искусственными [1, с. 18, 28].

Исследования В.И. Сазонова опираются на многообразный арсенал различных геометрий: классическая (евклидова, неевклидова, проективная), в том числе природная геометрия филотаксиса (листорасположения), геометрия голографических изображений, прямая и обратная перспективы; а также фрактальная геометрия и топология.

В своих работах Виктор Иванович стремился показать общие основания художественных языков архитектуры, музыки, поэзии, изобразительного искусства. Круг его интересов составляли проблемы взаимодействия искусства и науки; родство языков архитектуры и природы. Он интересовался естествознанием, философией и эстетикой.

Особое место в научных трудах ученого отведено проблемам *гармонии*. Разработана авторская версия графоаналитической теории гармонии. В рамках исследования рассматривались вопросы композиции, зрительного восприятия и особенно *пропорционирования*. Целью научного поиска В.И. Сазонова стало создание *универсальных формализованных моделей-инструментов* на базе пропорций золотого сечения и круго-квадрата для практического применения – формообразования, гармонизации и анализа произведений архитектуры.

Материалы и методы. Наиболее крупными результатами научной деятельности ученого являются 2 диссертации; теория архитектурной гармонии-грамматики и исследования в междисциплинарных областях; авторские теоретико-прикладные инструменты гармонизирующего формообразования и анализа.

Практическое применение инструментов гармонизации осуществлено В.И. Сазоновым в исследованиях пропорционального строя архитектурных объектов и археологических находок (анализ Ачинского жезла); в проектировании храмового комплекса, интерьеров и мебели; в процессе композиционной подготовки студентов НГАХА-НГУАДИ.

Осознавая теоретическую и практическую ценность наследия В.И. Сазонова, была предпринята попытка проанализировать результаты деятельности ученого и педагога. В итоге обобщения материалов лекций, статей и монографии необходимо было выявить следующие аспекты:

- научные ориентиры и предпочтения автора, их реализацию в научной и преподавательской деятельности;
- новые возможности приложения ценного научно-педагогического опыта в сфере архитектурного образования для программ разных уровней – профессионального и предпрофессионального.

1. Научные приоритеты и их реализация в результатах деятельности ученого и педагога В.И. Сазонова. В итоге изучения массива результатов исследовательской и преподавательской деятельности В.И. Сазонова удалось сформулировать ряд ценностных научных ориентиров и предпочтений:

1. *Склонность к теории как обобщению фундаментальных знаний.* «Высшая форма научных знаний – теория (как текст высшей доказательной системности)» [1, с. 26].

2. *Универсальность. Интерсубъективность. Вневременность. Междисциплинарность. Фундаментальность и минимизация знаний.*

3. *Целостность. Системность. Структурность. Бинарные оппозиции.*

4. *Использование языка геометрии. Создание моделей и «формул».*

5. *Наглядная графоаналитика, «самодоказательность».*

Эти научные предпочтения В.И. Сазонова проявлены в методах, подходах и результатах его исследовательской и преподавательской деятельности.

Например, «Словесная схема-формула архитектуры» преимущественно составлена из всеобще-значимых категорий, которые систематизированы с помощью вертикальной иерархии и горизонтальной координации. Вертикальный порядок расположения терминов соответствует триаде «явление – язык – сущность». Таким образом, благодаря целостности и структурности можно определить место каждого элемента в системе. Например, миссия композиции как языка представлена в среднем слое таблицы. Универсальность схемы в том, что ее структура может быть использована как для архитектуры, так и для любого другого вида искусства. По полной или выборочной программе схемы-формулы можно проанализировать любое произведение. Недостатком схемы-формулы В.И. Сазонов считал вербальную форму, так как «специфически архитектурным языком является геометрия, а не слово» [1, с. 33].

Авторская версия *теории гармонии* опирается на постулат «гармония как единство многообразия» [1, с. 8]. В соответствии с этим определением авторские инструменты гармонизации – абстрактные многослойные геометрические структуры – представляют собой единство противоположных, но неразрывных сущностей. В них присутствует рациональное и иррациональное, ритмическое и метрическое, разнообразие пропорциональных отношений – от тождественных до контрастных, конечное и бесконечное (фрактальность).

В унисон с заявленным пониманием гармонии Виктор Иванович убеждал студентов, что придерживаться крайностей в сфере искусства – значит впасть в «нежизнеспособную однобокость». Например, гармония как единство многообразия не может строиться только на метрических, одномодульных, зрительно агрессивных моделях. «Без многообразия именно ритмометрических инвариантов невозможны многовариантность и неповторимость проявления живительной сущности архитектурной гармонии» [1, с. 11].

Авторские *модели-инструменты анализа и гармонизации* на основе золотого сечения и круго-квадрата – вневременны, не принадлежат к какой-то конкретной эпохе или стилю, по сути это плотно упакованные геометрические универсалии (лучевые, ортогональные, концентрически-круговые структуры и т.д.). В этом проявилась несклонность автора к погоне за модой, частностями, фактами и т.д. Структуры обеспечивают минимизацию знаний благодаря лаконичной и ёмкой форме, обладают самодоказательностью и наглядной графоаналитикой.

В преподавательской деятельности Виктор Иванович также придерживался принципа универсальности, фундаментальности и минимизации знаний. Он считал, что архитектор работает на благо будущих поколений, поэтому цель архитектурного образования – не только в получении прикладных и практических навыков. Требуется обращение «к высшему архитектурно-художественному мировосприятию, мировоззрению, «тайне вкуса», прорыв к целостности и всеобщности, к полноте картины страны профессионального языка, средств и закономерностей для любой современной и будущей ситуации, места и времени» [2].

Поскольку архитектура понималась Виктором Ивановичем как синтетический вид деятельности, объединяющий знания из различных областей искусства и науки, его программа преподавания архитектурной композиции отличалась «полифоничностью» за счет раскрытия междисциплинарных связей. Будучи сам разносторонне одаренным и образованным, он постоянно пояснял композиционные закономерности в архитектуре, приводя аналогии со средствами языков музыки, математики, поэзии, природы. Это способствовало расширению коридора узкопрофессиональных знаний, рождало ассоциации и метафоры, способствовало лучшему пониманию общности и специфики языка архитектуры в сравнении с другими языками.

В процессе преподавания Виктор Иванович всегда следил за структурной целостностью «продукта» студенческой мысли – будь то выявление композиционной основы анализируемого объекта или «упаковка» каких-либо понятий и терминов. Не любил «рассыпухи», описаний и перечислений без связующей нити. Анализируя архитектуру, скорее всего, он придерживался морфолого-феноменологического подхода, в процессе которого происходит отвлечение от конкретностей культуры, к которой принадлежит объект, идет поиск структурного каркаса формы, обеспечивающего визуальную связность ее элементов с помощью ритмических, симметричных, асимметричных, пропорциональных и др. закономерностей.

В.И. Сазонов полагал, что творческий метод архитектора сочетает знание объективных законов гармонии и интуицию: «Строгая закономерность и свобода творчества – синтетический путь архитектора» [1, с. 27]. Поэтому к чисто интуитивному творчеству он относился неодобрительно и наделял его эпитетом «от живота». С другой стороны, применение авторских инструментов формообразования и гармонизации на основе геометрии, вероятно, не гарантирует художе-

ственного результата, а создает лишь предпосылки связности и структурности объекта, поскольку геометрия – «пред-художественный», «пред-поэтический» язык. Виктор Иванович не жаловал типовые, канонические композиции, считая, что композиция обязана быть оригинальной. Следовательно, применение авторских инструментов требует мастерства индивидуальной интерпретации геометрических схем. В связи с этим вспоминается его любимое выражение «нарушать, не нарушая». Архитектурную форму необходимо оживлять «“живой водой” поэтического таланта художника» [1, с. 79].

2. Преемственность научно-педагогического опыта В.И. Сазонова в программах композиционной подготовки архитекторов. Виктора Ивановича интересовали проблемы целостного профессионального образования, он обдумывал идеи сквозной программы для архитекторов от детского сада до ВУЗа и послевузовской подготовки: «Для обеспечения общей культуры эффективного выживания и процветания, следует осознать всеобщую необходимость знать язык предхудожественной геометрии как сквозной композиции и изучать ее законы с раннего детства и всю жизнь» [1, с. 75]. В.И. Сазонов предлагал объединить школьные предметы «черчение», «геометрия» и вузовские «строительное и машиностроительное черчение», «начертательная геометрия» общей дисциплиной «архитектурно-пространственная композиция».

Нами предпринята попытка использовать некоторые результаты научно-педагогического опыта В.И. Сазонова в программе магистратуры и на уровне довузовского образования.

В рамках курса «Пропорциональные системы анализа и гармонизации» для магистрантов изучается теоретическое и практическое наследие В.И. Сазонова. В лекционном режиме рассматриваются его мировоззрение, научные приоритеты и предпочтительные методы работы. Изучаются основные положения авторской версии теории гармонии. На практических занятиях разработанные ученым инструменты и методики применяются на относительно современном архитектурно-градостроительном материале.

Например, для самостоятельного композиционного анализа фрагмента городской среды Новосибирска студентами используется словесная схема-формула архитектуры. По заданию необходимо выявить композиционные достоинства и недостатки территории, руководствуясь свободной траекторией движения по структуре схемы-формулы, определить степень гармоничности и дисгармоничности участка, предложить пути улучшения ситуации.

Второе задание – пропорциональный анализ архитектурно-градостроительных объектов архитектора Р. Бофилла. Этот автор имеет «родство» с В.И. Сазоновым именно в сфере геометризма, структурности, использования методов пропорционирования в проектировании. Цель учебной работы – опираясь на текст и чертежи Р. Бофилла, используя знания о пропорциональных системах и теоретико-прикладные инструменты В.И. Сазонова, вскрыть особенности пропорционального метода автора, реконструировать геометрический алгоритм построения объекта. Инструменты-сетки на основе золотого сечения и круго-квадрата позволяют наглядно это показать. Параллельно студенты получают информацию о смысловых, мировоззренческих установках Р. Бофилла, проявленных в методах формообразования.

Результаты всех заданий представляются как в вербальной, так и в графической форме – в виде моделей, формул, схем, наглядно и самодеказательно.

В предпрофессиональной подготовке научно-педагогический опыт В.И. Сазонова был апробирован в ходе реализации программы дисциплины «Основы композиции» для школьников 7–8 классов. Содержание этого учебного курса направлено на теоретическое и практическое изучение закономерностей и средств композиции как общехудожественной базы для архитектурного, дизайнерского, изобразительного творчества.

Преимуществом школы В.И. Сазонова проявилась, например, в том, что для объяснения композиционных средств и закономерностей привлекаются наглядные схемы, кластеры. Это важно для соотнесения каждого понятия с другими, для осознания его места в общей структуре, для понимания взаимосвязей между элементами терминологического аппарата композиции.

На вооружение был взят и еще один ценный ориентир из педагогического арсенала Виктора Ивановича. В процессе освоения базовых композиционных закономерностей и средств акцентируются междисциплинарные связи «архитектура – дизайн – изобразительное искусство – музыка» и связи «абстрактное – конкретное». Проявления ритма, нюанса, контраста, симметрии или асимметрии, динамики и др. иллюстрируются на примерах из разных областей художественного творчества.

Значимую часть курса составляет изучение геометрии: разновидности геометрического вида элементов композиции, понятие геометрического подобия фигур и особенности фрактальной геометрии, разнообразие геометрических структур, аксонометрические построения и т.д.

Заключение. Научно-педагогическое наследие В.И. Сазонова обладает несомненной ценностью и актуально для реализации в образовательном процессе. Научные ориентиры и предпочтения автора – фундаментальность, универсальность, целостность, структурность, междисциплинарность, самодоказательность, склонность к наглядному моделированию и др., результаты исследований языка геометрических структур – все это видится неотъемлемой составляющей программ архитектурного образования.

В частности, на уровне магистратуры уместным оказалось знакомство с теорией гармонии, мировоззрением и методами автора, использование практических методик анализа. В программу довузовской композиционной подготовки органично встроились стремления к демонстрации универсальности композиционных категорий, наглядность в подаче материала, композиционно-геометрический тренинг.

Список литературы

1. Сазонов В.И. Становление графоаналитической теории архитектурной гармонии (версия пространственного языка целостности) / Новосиб. гос. архит.-худож. акад. – Новосибирск: НГАХА, 2002. – 216 с.

Список источников

2. Архив кафедры Архитектурной теории и композиции (АТиК) НГУАДИ.

Булгаева Г.Д.
alt_rest@mail.ru
 АлтГУ, г. Барнаул, Россия

УДК: 374.1(72.74.03)

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФОРМ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Аннотация. Архитектура – один из самых показательных видов изобразительного искусства. Архитектурные формы наиболее понятно отражают стилистические и общекультурные явления времени. Знакомство с архитектурным наследием родной страны важно начинать с детства. Изучение памятников архитектуры в детском возрасте через пластические формы дает высокие положительные результаты.

Ключевые слова: региональные особенности; архитектурная форма; стиль; типология; визуальные источники.

Введение. В архитектурных формах наиболее ясно представлено мировоззрение народа и эпохи в целом. [1, с. 28]. С одной стороны интерес к архитектурным формам проявляется у человека с детского возраста, с другой – именно в формах зданий и построек наглядно и доступно представлена история искусства. Кроме того, изучая архитектурные формы, необходимо обратиться к основным положениям и понятиям сопредельных наук.

Основное направление деятельности изостудии «Колорит» – реализация исследовательских проектов в форме детского творчества. Тестопластика является одной из основных видов деятельности. Рельефные формы, выполненные в данной технике, позволяют выявить основные характеристики предмета или архитектурного строения, его стилистические особенности. На базе изостудии, оказывающей услуги дополнительного образования, реализованы несколько образовательных программ. Все они охватывает научные сферы таких наук, как география, история, культурология, этнография, искусствоведение и другие. Важной составляющей является межрегиональный аспект, а так же ориентация во времени и пространстве. В процессе реализации проекта участники постепенно заполняют карту России, отмечая города и области, в которых расположились исследованные ими памятники, кроме того происходит разностороннее соприкосновение с культурой и традициями. Исследование их географического положения и исторического значения приводит к осмыслению исторических явлений. Цели данных программ в целом направлены на создание условий для формирования базовых научных понятий и представлений о видах, типах и стилистических особенностях памятников архитектуры, а так же их бытования сквозь призму истории и культуры. Обозначение хронологических и географических рамок исследования, а так же использование методов сравнения, сопоставления, выявления общих характеристик способствует формированию научного мышления с детского возраста.

Результаты. Важной стороной является знакомство детей с деятельностью народных зодчих, архитекторов и профессиональных реставраторов архитектуры. Рассматривается специфика этих видов деятельности и акцентируется внимание на роли реставраторов в сохранении отечественных памятников архитектуры. Вводятся и объясняются такие понятия как сохранность и утрата в произведении искусства, а также ряд других [5, с. 49]. Следует отметить, что в процессе реали-

зации проекта происходит обращение к понятию «культурный ландшафт». При исследовании памятников деревянного зодчества необходимо раскрыть взаимосвязь природы и архитектурных форм, созданных народными мастерами, поставить акцент на гармонии понимания форм окружающего мира и воплощении их в конструкциях деревянных строений. Важной составляющей стало изучение экологического аспекта: сохранения и природных ресурсов и шедевров искусства, как единого целого. В качестве наглядного материала используются фотографии сохранившихся памятников, опубликованные в альбомах, каталогах, электронных носителях и т.д., а также реконструкции, выполненные по обмерам и чертежам реставраторами, и другие прямые и косвенные документы [5, с. 127].

Закрепление полученных знаний происходит в процессе творческой деятельности. Дети не только анализируют, сопоставляют, выявляют и т.д., но выполняют рельефное или объемное изображение памятника в какой-либо освоенной ими технике. Это способствует лучшему усвоению и запоминанию особенностей конструкций и композиционных решений, названий и форм архитектурных элементов. Кроме того, идет развитие мелкой моторики, что немаловажно в данном возрасте. Наиболее продуктивно эта деятельность воплощается в технике тестопластики. В каждом таком рельефе передается монументальность и основательность изучаемых строений.

Одним из первых проектов изостудии стала программа «Кремль России». В процессе ее реализации акцентировалось внимание на том, что кремль является ансамблем, особенности которого определяются его топографическим расположением. Основной формой изучения стало погружение в среду, исследование исторических и культурных связей. Кроме того, удалось выявить принципиальную разницу в формах и планировке изучаемых памятников.

Исследование территории р. Волги, ее географического положения и исторического значения приводит к осмыслению общественных явлений. Значение Волги для народов Российского государства сложно переоценить. Эта река тесно связана и с важнейшими историческими событиями, и с жизнью народа в целом. В процессе реализации проекта «Река, объединившая народы», участники постепенно заполняют карту бассейна р. Волга, отмечая пройденные города. Во время реализации проекта происходит разностороннее соприкосновение с культурой и традициями народов России, населяющих берега уникальной реки: народные сказки, праздники, отношение к природе, к реке Волга, народные песни, эпос, костюмы и т.д. Исследование смен исторических эпох возможно на примере видоизменения стилей в архитектуре различных памятников. Наиболее показательными стали силуэты кремлей и монастырей, значительная часть которых расположена по берегам Волги. В каждом таком рельефе передается монументальность и основательность этих строений. Наряду со старинными архитектурными формами, представлены и памятники недавнего прошлого. К ним относятся знаменитый исторический памятник – мельница Гергардта в Волгограде – один из символов города и Сталинградской битвы [6, с. 271]. Немаловажно знакомство с именами великих людей, прославивших волжские берега. В процессе работы важной составляющей стало изучение экологии бассейна реки, видоизменения ее русла и ландшафта берегов.

Проблема изучения утраченных памятников наиболее актуальна в рамках современных научных изысканий. Образовательный проект «Купола родного города» направлен на изучение памятников храмового зодчества города Барнаула.

Важной составляющей в этом случае является региональная ориентированность данной работы. Ограничение определенными рамками исследования, позволило углубленно и подробно исследовать выбранный предмет. Изучение сфокусировалось на утраченных и не восстановленных часовнях г. Барнаула, а также храмах, к которым они были приписаны. Научный поиск основан на опубликованных фотодокументах, открытках с видами города, документальных описаниях, церковных описях и др. В тех случаях, когда не удавалось выявить визуальный вид утраченного памятника, приходилось обращаться к косвенным сведениям, аналогам, типовым проектам и т.д. [1, с. 97, 98]. В результате проведенной работы было выяснено, что барнаульские часовни были многофункциональными, имели разную форму и декоративное убранство, а также возводились из разных материалов. История строительства каждой часовни неповторима и своеобразна. Так, часовня при Знаменском храме г. Барнаула была построена купцом второй гильдии Иваном Спорыхиным в память 300-летия Дома Романовых [4, с. 48]. Деревянная Никольская часовня возведена над одноименным святым источником стараниями насельниц барнаульского Багородице-Казанского женского монастыря. Часовня при храме Святителя Димитрия Ростовского, построена по проекту барнаульского архитектора И.Ф. Носовича в 1906 г. для обрамления входа в храм [3, с. 81]. Кроме того, участники должны были выполнить небольшой реферат по исследуемым памятникам. Принцип пейзажного рельефа позволяет воспринимать изображения на тактильном уровне, ощущать непосредственно архитектурные детали и формы. Реализация проекта «Купола родного города», стала отправной точкой и фактической базой для разработки и воплощения тематических бесед и занятий, которые направлены на создание условий, способствующих разностороннему развитию детей с ограниченными возможностями. Таким образом, представленный проект стал подспорьем для разработки урока «Культурное наследие» для детей, у которых тактильное восприятие является приоритетным.

*Рис. 1. Знаменский храм г. Барнаул. Козорезов Арсений 10 лет.
46×44 см, тестопластика. Снимок автора [7]*

В основе разработки образовательного проекта «Храмовое деревянное зодчество» лежит типологический принцип. Образовательный проект по изучению

храмового деревянного русского зодчества направлен на формирование представлений о типах церковных строений Русского Севера, принципах их классификации [2, с. 137]. При изучении каждого памятника подчеркивается его значимость. Участники проекта (дети старшего возраста) выявляют основные характеристики построек, их архитектурные, конструктивные и стилистические особенности, а также историю создания и бытования каждого памятника. В процессе изучения и понимания русского народного творчества и русской культуры в целом, деревянное зодчество является основополагающим. В деревянных храмах Русского Севера наглядно представлен характер русской души, мировоззрение, отношение к окружающей действительности, о чем постоянно говорят исследователи [5, с. 97]. Поэтому русское народное зодчество является основополагающим при изучении русской культуры в любом возрасте, в том числе и младшими школьниками. Образовательный проект «Храмовое деревянное зодчество», является частью образовательной программы по изучению памятников русского деревянного зодчества, рассчитанной на несколько лет.

Заключение. В результате реализации каждого проекта планируется выставка выполненных работ, которая в свою очередь должна привлечь внимание общественности к данной теме. Мобильность разработанных и реализованных выставок позволяет использовать работы в передвижных условиях и небольших аудиториях (10–25 человек). Кроме того, рельефное выполнение работ в технике тестопластика позволяет проводить экскурсии и занятия образовательного характера со слабовидящими людьми, потому что выполненные работы можно воспринимать не только визуально, но и тактильно. Это одно из приоритетных направлений современных музеев [8]. Несмотря на то, что детские работы, выполнены в одной технике и единой технологической последовательности они не воспринимаются однообразными. Архитектурные особенности выполненного памятника, позволяют подчеркнуть уникальность каждой работы.

Список литературы

1. Волоснов Р.Ю., Гречнева Н.В., Степанская Т.М. Образ храма в культурном ландшафте Алтая: монография / Т.М. Степанская, Р.Ю. Волоснов, Н.В. Гречнева. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2015. – 156 с.
2. Гришина И.Е., Орфинский В.П. Типология деревянного культового зодчества Русского Севера / В.П. Орфинский, И.Е. Гришина. – Петрозаводск: Петрозав. гос. ун-т, 2005 – 280 с.
3. Ермакова Л.И. Скворцова Т.В. Церковь Святителя Димитрия Ростовского г. Барнаула: история и современность / Л.И. Ермакова, Т.В. Скворцова. – Барнаул: Алт. дом печати, 2011. – 125 с.
4. Кривоносов Я.Е. Скворцова Т.В. Православные храмы Барнаула (1751–2001) / Я.Е. Кривоносов, Т.В. Скворцова. – Барнаул: Азбука, 2001 – 174 с.
5. Ополовникова Е.А. Ополовников А.В. Бревенчатый Иерусалим. Деревянные церкви и часовни Руси: [в 3-х частях]. Часть 1. Клетские церкви и часовни / А.В. Ополовников, Е.А. Ополовникова. – М.: ОПОЛО, 2007. – 528 с.
6. Олейников П.П. Архитектурное наследие Сталинграда / П.П. Олейников. – Волгоград: Издатель, 2012 – 558 с.

Список источников

7. Булгаева Г.Д. Личный архив.
8. Как петербургские музеи адаптируют свои залы и выставки для людей с инвалидностью. Истории из Эрмитажа, Манежа, музея Ахматовой и Русского музея [Электронный ресурс]. – URL: <https://paperpaper.ru/dostupnaya-sreda/> (дата обращения: 10.06.2019).

Лукин А.Е.
Аникина А.В.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 742.1

ПОСТРОЕНИЕ КУБА В ЛИНЕЙНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Аннотация. В статье анализируется опыт преподавания автором линейно-конструктивного рисунка композиции из заданных геометрических тел по воображению абитуриентам, желающим пройти вступительные испытания в творческие вузы архитектурно-дизайнерской направленности. Выявляются основные проблемы, стоящие перед абитуриентами в процессе освоения линейно-конструктивного рисунка. Предлагаются наиболее простые алгоритмы их решения. Проводится сравнительный анализ методики автора с некоторыми другими популярными методиками.

Ключевые слова: линейно-конструктивный рисунок; академический рисунок; рисунок геометрических тел; линейная перспектива; методика обучения; рисунок по воображению.

Введение. Линейно-конструктивный рисунок композиции из заданных геометрических тел по воображению, входящий во вступительное испытание по рисунку для поступающих в НГУАДИ, а также в другие российские вузы архитектурно-дизайнерской направленности, по мнению авторов, вызывает у начинающих рисовальщиков (а это, как правило, выпускники художественных школ и студий) наибольшее количество затруднений.

Целью этого задания является проверка объемно-пространственного воображения абитуриента – то есть умение представить геометрические тела в различных (заданных) сочетаниях и изобразить их согласно законам линейной перспективы. Однако, даже имея обобщенные теоретические сведения об этих законах (что бывает отнюдь не всегда), абитуриенты, будучи лишены опыта рисования геометрических тел по воображению, зачастую оказываются совершенно беспомощны в практическом применении своих знаний. Между тем, «для того чтобы правильно рисовать с натуры и особенно рисовать по воображению, необходимо хорошо знать теорию линейной перспективы и уметь применять ее на практике» [2, с. 23].

Для того чтобы упростить для обучающегося освоение данного материала необходимо вначале упростить само задание. Знакомство с композицией и линейной перспективой следует начать с изображения в перспективе простого геометрического тела, а именно – куба. При этом необходимо учиться рисовать его по воображению. А далее, на базе освоения рисунка куба, можно приступить к построению т.н. «модульной сетки» т.е. изображению на листе сети из кубических модулей, в которую можно вписывать различные геометрические тела (подобно тому, как мы легко изображаем плоские геометрические фигуры на расчерченном в клеточку тетрадном листке). Поскольку оговоренные в экзаменационном задании пропорции тел кратны кубу, то, как правило, решается сама собой еще и проблема передачи этих пропорций.

Подобные идеи отнюдь не новы, однако часто реализуются не очень продуктивно. Порой учащиеся долго рисуют куб с натуры, чтобы «выучить» его и слишком поздно переходят к собственно рисунку по воображению. Между тем, изучение линейной перспективы нужно с первых моментов подкреплять практическими навыками изображения именно воображаемого куба.

Как пишет в своей книге «Рисунок по представлению» Ф.Н. Глущенко, «мало поставить куб и попросить учащихся изобразить его. Чаще всего такое «лобовое» задание приводит к пропорциональным и перспективным ошибкам... Не вызывает никаких сомнений, что эти ошибки вызваны непониманием законов линейной перспективы. Знание перспективы помогает не только предостеречь от грубых ошибок на самых первых этапах построения формы, но и стимулирует учащегося анализировать свою работу» [1, с. 13].

На сегодняшний день разработаны вполне точные, адаптированные для рисовальщиков, алгоритмы построения куба в линейной перспективе и его самопроверки. Авторы данной статьи предлагают рассмотреть одну из таких методик, которая, по нашему мнению, выгодно отличается от прочих своей простотой, позволяя значительно ускорить процесс обучения. Это особенно важно при работе с иногородними абитуриентами, которые обучаются на основе коротких циклов (только в течение каникул) и очень ограничены в сроках непосредственного прямого обучения.

Результаты. Рассмотрим вкратце данную методику (*рис. 1–8*). Чтобы упростить понимание построения куба, необходимо, как уже отмечалось выше, упростить задание и сначала рассмотреть правила построения квадрата с помощью линейной перспективы. Это связано с тем, что учащиеся, как правило, делают первые очень серьезные ошибки уже на начальной стадии своих построений.

Нужно сразу оговориться, что нас интересуют не все возможные ракурсы изображения квадрата. Например, мы, как правило, не рисуем квадрат в так называемой фронтальной перспективе, т.е. в положении, когда две стороны квадрата видны как горизонтальные линии, а две другие – сходящимися в центральную точку схода (*рис. 1а*). Для наилучшей выразительности и наглядности всей будущей композиции целесообразно учиться рисовать квадрат в угловой перспективе (*рис. 1б*). В этом случае стороны квадрата идут под углом к центральному лучу зрения и к линии горизонта, сходясь на ней в двух точках – а и б. Наиболее простым в этом случае является ракурс, когда стороны квадрата видны одинаково (*рис. 2*); здесь стороны АВ и ВС, а также углы АВА' и СВС' равны и при этом диагональ АС горизонтальна, а ВD вертикальна. Но подобный случай является частным и, по мнению А.О. Иванова, «при выборе ракурса таких положений следует избегать, так как излишние совпадения и жесткая симметричность затрудняют восприятие» [2, с. 29].

Наиболее приемлемым в данном случае следует считать ракурс, когда одна сторона квадрата раскрыта больше другой (*рис. 1б*). Здесь АВ больше ВС, а вершина А расположена к нам ближе чем С, причем стороны видимые меньшими идут под большим углом к линии горизонта и сходятся резче т.к. их точка схода ближе.

Основной проблемой для начинающего рисовальщика на данном этапе является невозможность правильно свести стороны квадрата в заданные точки схода на линии горизонта, т.к. они (точки схода), как правило, расположены вне формата листа. Вследствие этого наиболее часты ошибки, показанные на *рис. 3*, а ведь подобная неточность повлечет за собой искажение всей модульной сетки будущей композиции «и количество ошибок будет равняться количеству геометрических тел» [1, с. 9].

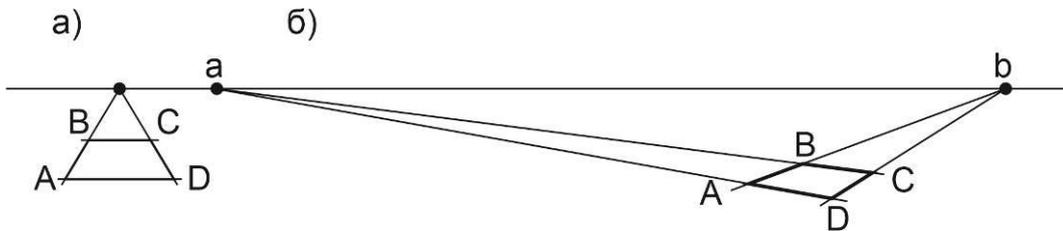

Рис. 1. Схемы построения перспективы. Автор: Аникина А.В.

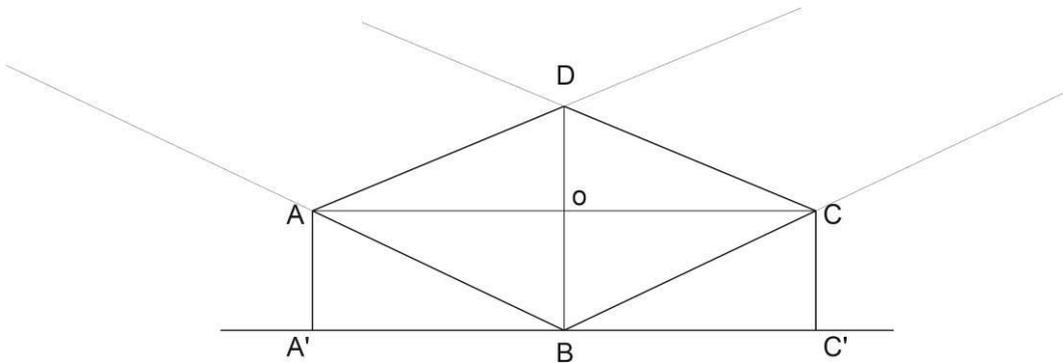

Рис. 2. Схема угловой перспективы. Автор: Аникина А.В.

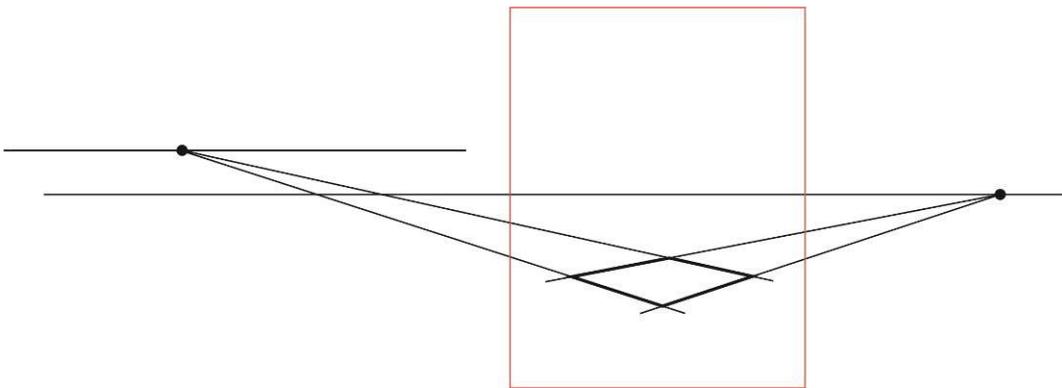

Рис. 3. Ошибочное построение перспективы. Автор: Аникина А.В.

Избежать подобных затруднений, очевидно, может помочь знание учащимися основных правил и закономерностей при перспективном изображении квадрата, а именно:

1. Степень раскрытия сторон квадрата обратно пропорциональна углам наклона этих сторон относительно линии горизонта (рис. 4а) где угол $\angle ABA'$ меньше угла $\angle CBC'$, а сторона AB больше BC . Подобную зависимость легко отследить, используя следующий прием: если $A'B$ больше BC' в два раза, то проведенная из вершины A параллельно картинной плоскости (т.е. горизонтально) прямая пересечет BC в точке N , поделив ее на две равные части ($BN = NC$), что хорошо

видно на виде сверху (рис. 4б), а если $A'B$ больше BC' в 3 раза, то BN составит $\frac{1}{3}$ от BC (рис. 4в). Построив с помощью данного метода угол ABC и продолжив линии AB и BC до линии горизонта, мы получим связанные между собой точки схода будущего квадрата.

2. Вершина D будущего квадрата может быть легко найдена с помощью диагонали BD , которая пересекает AC в точке O , причем $AO = OC$ (небольшое сокращение OC в данном примере можно не учитывать). При этом необходимо четко понимать, что отрезок OD должен быть несколько меньше BO , иначе перспективного схождения сторон квадрата добиться не удастся (рис. 5а).

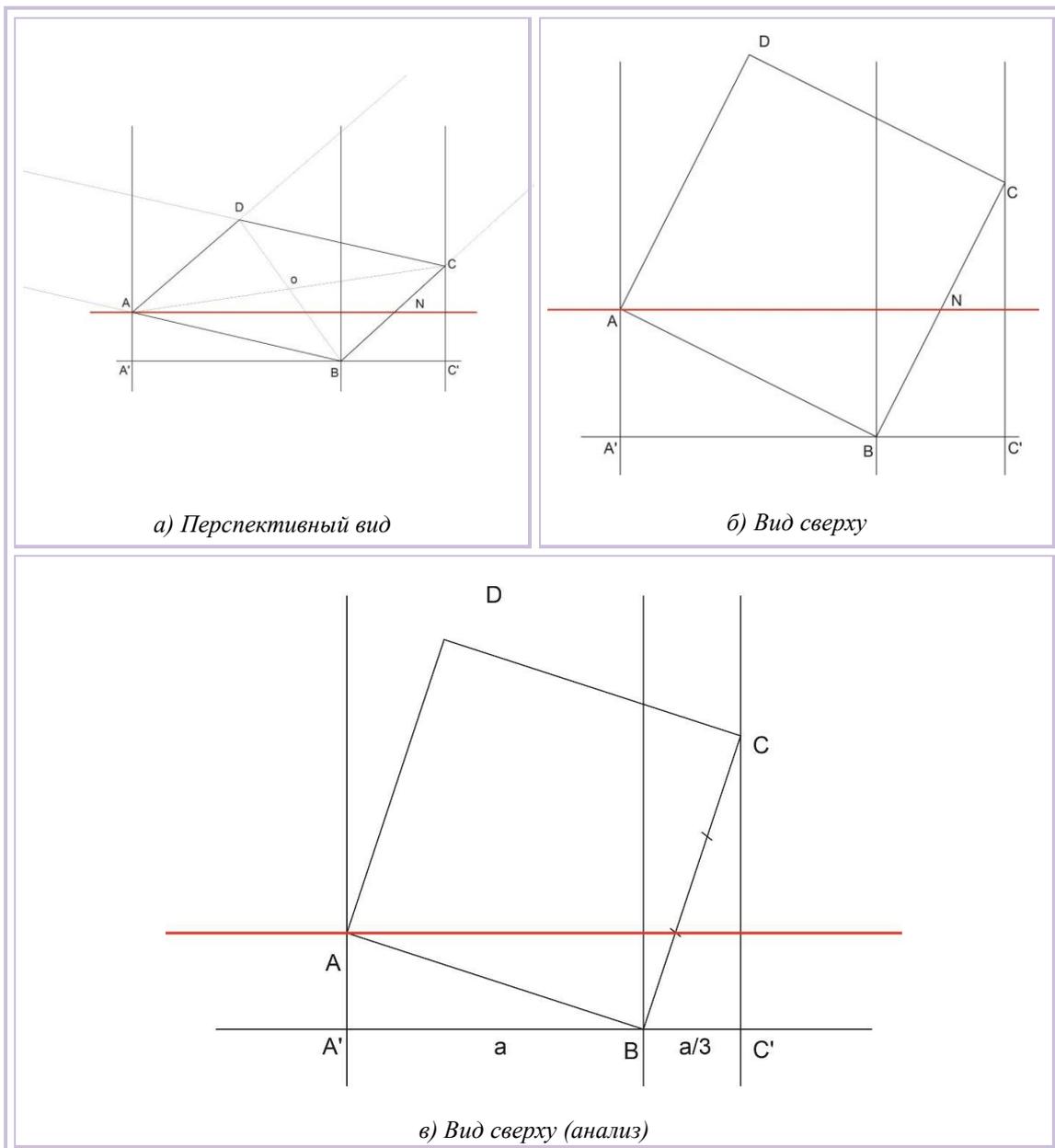

Рис. 4. Схема угловой перспективы. Степень раскрытия сторон квадрата.
Автор: Аникина А.В.

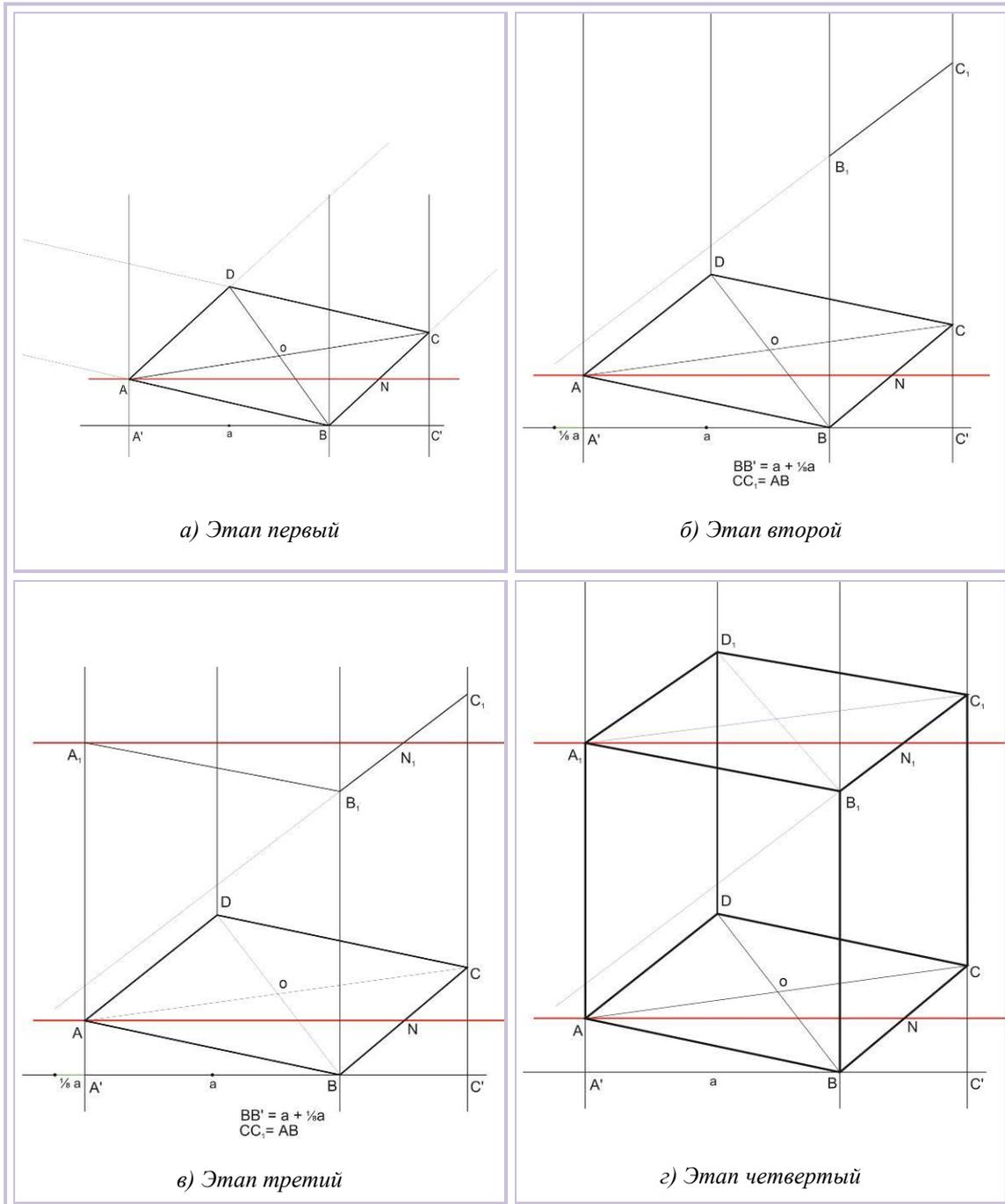

Рис. 5. Схема построения куба. Автор: Аникина А.В.

Авторам данной статьи известны популярные ныне методики, когда построение квадрата ведется путем описывания его вокруг заранее построенного эллипса (рис. ба). Однако, по нашему мнению, этот прием, хотя и имеет ряд явных преимуществ, все же чересчур сложен и громоздок, т.к. предлагает рисовать простую фигуру (квадрат) с помощью более сложной в рисовании (эллипс), а главное – не решает основную проблему привязки точек схождения сторон квадрата друг к другу. Тем не менее, подобный способ, применяемый более опытными рисоваль-

щиками, особо ценен для проверки уже построенных фигур, причем не только квадрата, но и, например, шестигранника, и может служить в качестве приема изображения фигур, располагающихся друг относительно друга под любыми углами, т.е. не ортогонально (рис. 6б).

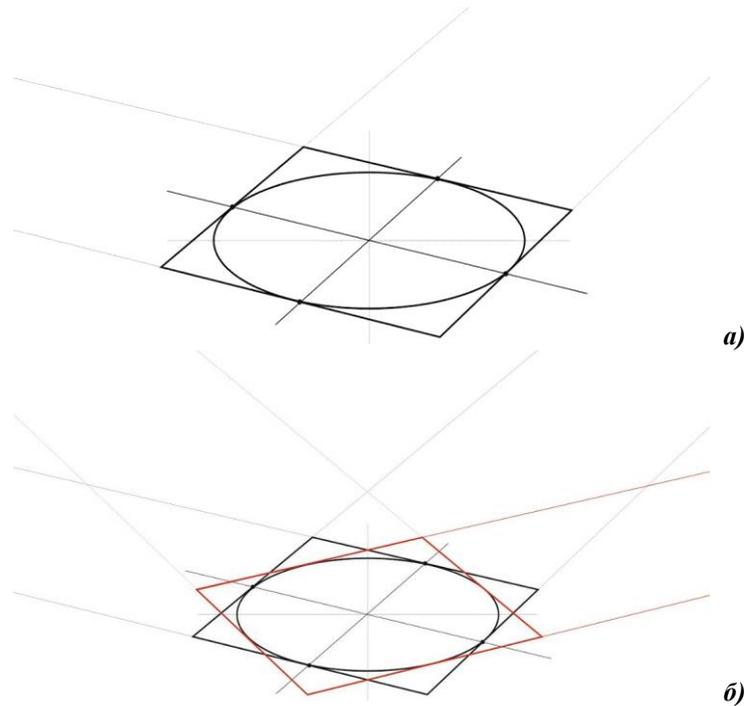

Рис. 6. Схема построения квадрата с помощью эллипса. Автор: Аникина А.В.

Построение куба будет следующим по сложности этапом в обучении. Здесь важно понимать, что сам куб в данном случае является лишь парой квадратов, расположенных на одной вертикальной оси и связанных единой линейной перспективой. Остается лишь найти его высоту – т.е. расстояние между вершинами B и B' (рис. 5г). Для начала следует через углы построенного квадрата провести вертикальные линии. Если принять во внимание тот факт, что в данном рисунке мы не учитываем так называемое вертикальное схождение линий в зенит или надир, то ракурсным сокращением видимых размеров вертикальных граней куба в той или иной степени тоже можно пренебречь, а значит ребро $B'B$ (рис. 5г) будет примерно равно стороне AB квадрата $ABCD$ на виде сверху (рис. 5а). Или, говоря иначе, отношение $A'B$ к AB на виде сверху (рис. 4а) будет таким же, как отношение $A'B$ к BB_1 (рис. 5г).

Найдя таким образом размер BB' и проведя через B прямую в направлении предполагаемой точки схода b (рис. 5б) (здесь лучше обеспечить ее легкое схождение с AD), мы получаем на пересечении с вертикалью, проведенной из точки C , точку C_1 . Поделив CC_1 пополам, получаем N_1 . Далее рисуем горизонталь A_1N_1 (рис. 5в). Вершина D_1 может быть найдена по полной аналогии с D (рис. 5г).

Итак, в результате мы получили квадрат $A_1B_1C_1D_1$ и далее, подобным образом построив квадраты $A_2B_2C_2D_2$, $A_3B_3C_3D_3$ и т.д. (рис. 7), можем получить вышеупомянутую «модульную сетку» и приступить к дальнейшей работе над композицией из геометрических тел.

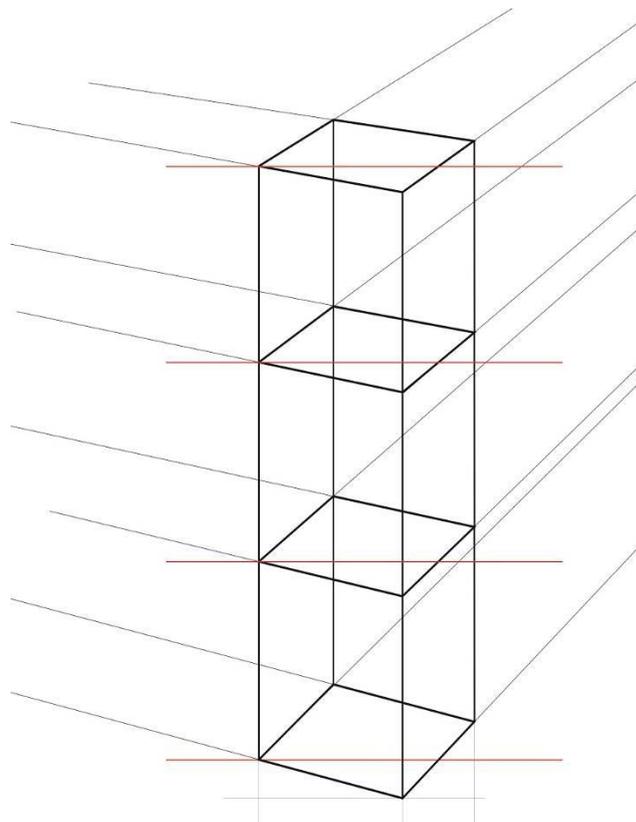

Рис. 7. Башня из полученного куба. Автор: Аникина А.В.

Выводы. Рассмотренная в рамках этой статьи методика, несмотря на внешнюю описательную сложность, на самом деле довольно проста т.к. не требует от ученика на начальном этапе серьезной предварительной подготовки. Здесь не нужен, например, навык рисования от руки окружностей, эллипсов и других сложных кривых. Вся задача сводится к проведению карандашом прямых линий, отрезков и умению делить их на части. Т.е. соответствует по уровню сложности первичным навыкам рисовальщика, а значит, позволяет не только сразу же приступать к изучению линейной перспективы, но и частично заменяет собой базовые упражнения: проведение прямых линий, членение линий на равные отрезки – 2, 3, 4, 5 частей, рисунки различных углов и т.п., и кроме того, упрощает способы самопроверки. По мере освоения учеником навыков рисунка и развития у него пространственного мышления задания естественным образом должны усложняться. Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что данная методика была опробована на огромном количестве абитуриентов и студентов и показала высокую эффективность, позволяя значительно упростить, а значит и ускорить процесс обучения.

Список литературы

1. *Глуценко Ф.Н.* Рисунок по представлению. Натюрморт и композиция из геометрических тел. Пошаговое руководство. – [Б.м.]: Издательские решения, 2016. – 209 с.
2. *Иванов А.О.* Рисунок. Подготовительный курс к высшей архитектурно-дизайнерской школе: Уч. пос. / А.О. Иванов; НГАХА. – Новосибирск: НГАХА, 2008. – 130 с.

Беляев А.И.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 75.02+75.017.2

ПРОБЛЕМЫ ТОНА В ЖИВОПИСИ АКВАРЕЛЬЮ И ГУАШЬЮ

Аннотация. Анализируются технологические особенности живописи акварелью и гуашью, прежде всего при передаче тональных градаций. Делается вывод о целесообразности использования этих материалов при выполнении учебных заданий академического и декоративного характера.

Ключевые слова: живопись; обучение академической и декоративной живописи; технология живописи акварелью и гуашью.

Введение. Основой исследования послужил практический опыт работы с живописными техниками и опыт преподавания живописи в высших и средних (специальных) учебных заведениях и детских художественных школах. Анализируются технологические особенности живописи акварелью и гуашью и целесообразность использования этих материалов при выполнении учебных заданий различных типов.

Результаты. Изобразительное искусство, как один из видов человеческой деятельности, предполагает определенную систему – ряд операций, действий, выполненных в определенной последовательности с целью достижения положительного результата. Восприятие художником окружающей его действительности за тысячу лет практически не изменилось. Изменились запросы общества на его творчество, в связи с чем стали появляться новые материалы и инструменты (кисти, краски и т.д.), которые художник органично встраивал в творческий процесс, но опираясь при этом на опыт предыдущих поколений. Не все новые виды красок можно встроить в привычный, традиционный технологический процесс создания художественного произведения.

К таким краскам можно отнести акрил и гуашь. Связующие, на основе которых они изготовлены, не позволяют этим краскам быть универсальными в решении различных живописных задач, в том числе и на занятиях академической живописью, для которой лучше всего подходит акварель.

Отчасти это объясняется различным решением проблемы тона в живописи акварелью и гуашью.

Акварель является одной из древнейших техник живописи. Зародившись много сотен лет назад, она неоднократно меняла свой состав и свое предназначение; и из всех видов водяных красок до сих пор считается наиболее доступной.

В начале эта техника использовалась как вспомогательный материал для раскраски и изготовления декоративных изделий, иллюстраций, миниатюр, картонов под живопись маслом, и в качестве подмалёвка под эти материалы. Акварель очень хорошо подходила для раскраски рисунков, гравюр, а особенно, – в сочетании с тушью, углем и пастелью.

Самостоятельные художественные произведения в технике акварели стали создаваться в Европе в XVIII в., а в России – в начале XIX в. Менялись не только области применения акварельной краски, но и связующие, красители, а также ин-

струменты для работы с ней. Главным условием было то, что при хорошей растворимости в воде краски прочно держались бы на бумаге при высыхании.

Связующие, на основе которых изготавливаются акварельные краски, могут быть различными. Так, если связующее будет традиционным, на основе клеев растительного происхождения, то, в этом случае, акварель на бумаге сохраняет текучесть, смешивается путем вливания цвета в цвет и позволяет работать лессировками, а при высыхании не так сильно высветляется.

Раньше акварель изготавливалась на основе гуммиарабика – клея растительного происхождения и довольно дорогостоящего продукта. На акварель постоянно возрастал спрос, и производители вместо гуммиарабика начали использовать более дешевые связующие, в том числе клеи животного происхождения. Дорогие красители стали замещаться более дешевыми аналогами, а для придания большего объема в такие краски стали добавлять существенное количество наполнителя – цинковые или свинцовые белила. Так появилась всем известная гуашь.

В первой половине XIX в. в связи с большой потребностью художников, архитекторов и др. в материалах для производства эскизов, изготовления декоративных произведений, макетов, картонов под различные монументальные техники, французская фирма Лефран выпустила краски под названием «гуашь для декоративной живописи». И с тех пор качество этого нового, по тем временам, материала практически не изменилось.

По отношению к акварели новые краски потеряли текучесть, не смешивались на бумаге во время живописного процесса, ими уже нельзя было работать методом лессировок как акварелью. Поэтому неудивительно, что именно акварель в силу своих живописных возможностей традиционно используется на занятиях по живописи в различных учебных заведениях наиболее широко.

Привлекательной стороной этого материала является технология нанесения. Она, с одной стороны, похожа на тональный рисунок с его последовательностью «от темного к светлому», а с другой – наложение красочных слоев акварели напоминает лессировочное письмо масляной живописи.

Так же, как и в других графических и живописных техниках, акварельная живопись начинается с больших отношений с переходом к работе над мелкими деталями с последующим обобщением изображения. Такая система воспитывается как у учащихся детских художественных школ, так и у студентов высших и средних (специальных) учебных заведений.

Можно сделать вывод, что техника акварели гармонично вписывается своей технологией в ряд других графических и живописных техник. Этот материал воспитывает у учащихся чувство меры, дает возможность отслеживать самые незначительные изменения в оттенках. При этом он позволяет обрабатывать мелкие детали, сохраняя общий тон изображения. Акварель заставляет живописца рассчитывать свои действия на несколько ходов вперед, имея целью результат последовательного наложения нескольких цветовых слоев.

Для начинающих акварелистов, перед тем как заняться полноцветной живописью, необходимо сделать несколько этюдов в технике «гризайль». Эта техника подразумевает отсутствие цветовой составляющей и сосредотачивает внимание живописца на технических особенностях материала и передаче тональных отношений. В этом случае выдержать общий тон изображения будет не так сложно, так как новые слои краски будут, накладываясь на предыдущие, частично в них

растворяться и гармонично вписываться. На этой особенности держится вся акварельная живопись.

В последние годы в художественных и специальных учебных заведениях, где есть дисциплина «академическая живопись», в качестве живописного материала стала использоваться гуашь. Но ее применение в таком качестве, на мой взгляд, не принесло положительных результатов.

Причина состоит в том, что гуашь, которая продается сейчас, даже если она имеет название «художественная», является на самом деле декоративной со всеми присущими ей свойствами. Прежде всего, это большая плотность, обеспеченная эмульсией на основе клея животного происхождения. Это заставляет гуашь очень быстро высыхать на бумаге, а во время живописного процесса последующие слои краски не смешиваются с предыдущими, оставаясь на бумаге локальными пятнами, резко отличающимися по тону от слоя, нанесенного ранее.

В силу этих обстоятельств работать гуашью над академическими постановками с их конкретными задачами бывает очень сложно. Прежде всего, трудно выстраиваются тональные отношения. Выглядит это так: после первой прописи без применения белил гуашевая живопись выглядела довольно насыщенной, несмотря на то, что после высыхания все ее компоненты изменяли тон в сторону светлого. Следующие слои живописец, не обладающий должным опытом, подбирает по цветовому тону к уже высохшей на бумаге краске, а этот новый слой при высыхании становится еще более светлым. Постепенно, от слоя к слою, живопись становится все более блеклой, теряя контрастность и насыщенность.

Очень сложно пишутся гуашью теневые части натуры, потому что они являются наиболее цельными по тону, и очень сложными, многообразными по цвету. В гуашевой живописи свет и тень, с точки зрения технических приемов, выглядят довольно однообразно.

Еще одной причиной, которая вредит живописи, является злоупотребление белилами, входящими в каждый набор гуаши. На их основе студенты пытаются скрасить цветовые оттенки, тем самым еще более разрушая общий тон и обесцвечивая изображение.

Очень часто студенты в качестве исправления отдельных частей живописи перекрывают их более толстым слоем краски, нарушая при этом технологию. В отличие от темперы, гуашью нельзя работать пастозно, она лишена эластичности и содержащийся в ней клей будет впитываться в нижние слои, делая красочный слой в целом хрупким. Рано или поздно слои краски будут отшелкиваться друг от друга и от бумаги. Бумага или картон под живопись должны быть прогрунтованы или же проклеены желатином – этими способами можно в какой-то степени компенсировать проблему тона.

Выводы. Гуашь в учебном процессе может быть использована там, где, согласно программе, живописные постановки, выполненные акварелью или темперой, перерабатываются в их декоративный вариант. Такая «декоративная» живопись обычно выполняется в один слой, сохраняет насыщенность, лишена нюансов и не требует корректировки тона. В этом случае недостатки гуаши, как живописной техники, приведенные выше, становятся ее достоинствами.

Самойлов В.В.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 75.02

СТИЛИЗАЦИЯ В НАТЮРМОРТЕ

Аннотация. В статье, на материале кафедры РЖС НГУАДИ, рассмотрены основные черты и значение декоративной композиции в процессе профессиональной подготовки архитекторов и дизайнеров.

Ключевые слова: стилизация; декоративная композиция; ассоциативно-образное мышление.

Введение. История декоративной живописи насчитывает несколько тысячелетий. Словосочетание «декоративный натюрморт» стало употребляться в начале XX в. Термин «стилизация» обозначает в изобразительном искусстве обобщенное изображение предметов с помощью условных приемов. Главной задачей стилизации является достижение максимальной выразительности и эмоциональности изображения [1–4; 6].

Роль стилизации, как творческого метода, в условиях современного общества, на наш взгляд, будет возрастать, так как увеличивается потребность в создании эстетически обустроенной среды жизнедеятельности человека. В этой связи стилизация является важнейшим связующим звеном между классическим восприятием окружающего мира и его декоративным осмыслением.

Как отмечает Л.В. Шакурова, «особое значение в профессиональной подготовке будущих специалистов имеет декоративное рисование, направленное на развитие ассоциативно-образного мышления, развитие творческих способностей, фантазии, воображения, интуиции» [7, с. 5].

Основными чертами стилизованных форм являются:

- лаконизм;
- символичность;
- обобщенность;
- красочность;
- геометричность;
- простота.

Результаты. Работа над стилизацией форм у архитекторов и дизайнеров НГУАДИ, как правило, начинается с написания декоративных натюрмортов в живописи и стилизации антуража в проекте. Начиная с первого курса, студенты, на основе натуральных реалистических работ выполняют варианты декоративных композиций на основе образно-стилизованных решений.

Отсутствие в работе над натюрмортом средств художественной выразительности (нюансов тона, деталей, воздушной перспективы и т.п.), дает возможность учащимся проанализировать форму и выявить ее характерные особенности, используя только линию, пятно и цвет.

Для декоративной стилизации вообще, и в натюрморте в частности, характерно абстрагирование, то есть отвлечение от несущественных признаков, и внимательное отношение к основополагающим (наиболее значимым) деталям натюрморта.

1. Виды стилизации. В декоративно-прикладном искусстве стилизация подразделяется на следующие виды:

- 1) *Подражательную*, где происходит незначительное изменение первоначального образа;
- 2) *Декоративную*, где происходит существенная трансформация первоначального образа;
- 3) *Абстрактную*, где происходит замена существующих форм беспредметными элементами;

В свою очередь абстрактная стилизация подразделяется на два вида:

- натуральная;
- вымышленная.

Например, в искусстве авангарда стилизация объекта доводится до абсолютной абстракции.

2. Последовательность ведения работы. Опыт выполнения учебного задания по стилизации натюрморта на кафедре РЖС НГУАДИ позволил выработать следующий, наиболее оптимальный, алгоритм выполнения работы.

Работа по декоративному натюрморту начинается с эскизирования на основе натурального изображения. Как правило, студенты выбирают один главный предмет натюрморта, расположенный в композиционном центре, вокруг которого и формируется вся композиция. На стадии эскизирования определяется статичность или динамичность композиции будущей работы. В процессе работы ведется образное и структурное переосмысление реалистичных объектов и элементов натюрморта и на основе характерных особенностей стилизованных форм, минимальными средствами составляется композиция.

В начале работы студентам необходимо увидеть силуэты декоративных форм на светлом или на темном фоне и затем определиться с одним или с двумя главенствующими цветами. Как правило, в декоративном натюрморте, идут от предметного (локального) цвета натурального натюрморта. Впрочем, основной цвет (колорит) будущего натюрморта может быть взят произвольно в зависимости от авторского замысла.

Для усложнения и большей выразительности формы, можно использовать элементы декоративного орнамента. В этом случае процесс стилизации предметных форм наиболее остро демонстрирует отход от натурального изображения.

Уравновешенность стилизованных форм, символичность, простота и красочность – необходимое условие декоративной композиции, выполненной в результате стилизации.

Заключение. На основе полученного опыта нами были определены следующие критерии оценки декоративной композиции:

1. Единство, целостность и соподчиненность элементов композиции.
2. Убедительное выражение сущности и характера заданной темы.
3. Узнаваемость образа.
4. Лаконизм, отсутствие излишней детализации.
5. Эстетические качества работы.
6. Органичность и новизна подхода, нестандартность образов и интерпретаций.
7. Наличие оригинальной художественной техники.

Рис. 1. Декоративный натюрморт. Учебные задания по стилизации, выполненные студентом второго курса НГУАДИ [5]

Список источников

1. *Власов В.Г.* Теория формообразования в изобразительном искусстве: учебник / В.Г. Власов; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2017. – 263 с.
2. *Дагдидян К.Т.* Декоративная композиция: учебное пос. для студентов высших учебных заведений, обучающихся по спец. 050602.65 (030800) – «Изобразительное искусство» / К.Т. Дагдидян. – Изд. 3-е. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2011. – 312, [1] с.
3. *Жабинский В.И., Винтова А.И.* Рисунок: учебное пособие для студентов средних специальных заведений, обучающихся по спец. 270301 (2901) «Архитектура» / В.И. Жабинский, А.В. Винтова. – Москва: ИНФРА-М, 2008. – 254 с.
4. *Кузин В.С.* Изобразительное искусство и методика его преподавания в школе: Учеб. для студентов сред. спец. учеб. заведений и худож.-граф. фак. пед. ин-тов и ун-тов / В.С. Кузин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Агар, 1998. – 334 с.
5. Самойлов В.В. Личный архив.
6. *Унковский А.А.* Живопись. Вопросы колорита / А.А. Унковский. – М.: Просвещение, 1980. – 145 с.
7. *Шокорова Л.В.* Стилизация в дизайне и декоративно-прикладном искусстве: учебник / Л.В. Шокорова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2018. – 74 с.

Ушков В.И.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 741.02/75.02

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НА ВЫЕЗДНОЙ ЖИВОПИСНО-ГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Аннотация. Анализируется опыт оптимизации форм работы со студентами архитектурных специальностей НГУАДИ, полученный на выездной живописно-графической практике в городе Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: обучение архитекторов; выездная живописно-графическая практика; городское пространство; Санкт-Петербург.

Введение. В настоящей статье анализируется опыт организации и проведения летней выездной живописно-графической практики в Санкт-Петербурге, полученный преподавателями кафедры Рисунка, живописи и скульптуры (РЖС) НГУАДИ в последние годы.

В программе рисунка и живописи для студентов-архитекторов и дизайнеров отводится значительное время для прохождения живописно-графической практики в условиях городской среды. Для студентов выход на пленэр в город – это всегда важный этап в обучении, когда полученные в аудиториях знания приходится применять на практике, в сложном городском пространстве. Главной задачей этой практики является воспитание у студентов профессиональных качеств необходимых в проектировании: видение архитектуры, понятие стиля, чувство гармонии и порядка [1].

Результаты. Как показал многолетний опыт, выездная практика в город Санкт-Петербург требует четкой организации учебного процесса, максимальной эффективности работы студентов и преподавателей. Здесь знания, полученные в аудиториях, осмысливаются по-новому благодаря непосредственному восприятию новой, крайне насыщенной городской среды, и впечатлениям от процесса. Поэтому для преподавателей кафедры РЖС стояла задача искать новые, эффективные методы работы со студентами.

Главный вопрос во время такой практики, это вопрос: «Что рисовать?». Что рисовать – это вопрос композиции. И здесь вся практика мирового искусства предлагает множество различных композиционных решений. И для студента очень важно на первом этапе увидеть простые композиционные решения, не отвлекаясь на мелочи, которых очень много в городском пространстве.

В выборе композиции мы задаем главный вопрос: «что мы хотим нарисовать?» – «портрет здания», «уличное пространство», «панораму», или небольшой «фрагмент». Также приходится учитывать вопрос композиции – сколько «брать» неба, сколько земли, где находится линия горизонта.

После решения этих задач идет плавный переход в прорисовку деталей, где тоже необходимо делать отбор и обобщение. Санкт-Петербург нашел отражение в творчестве многих художников, представителей различных школ. Мастера классической школы стремились в большей степени передать натурализм исторических объектов. Современные мастера предпочитают передавать впечатления от современной городской среды. И то и другое имеет право на существование.

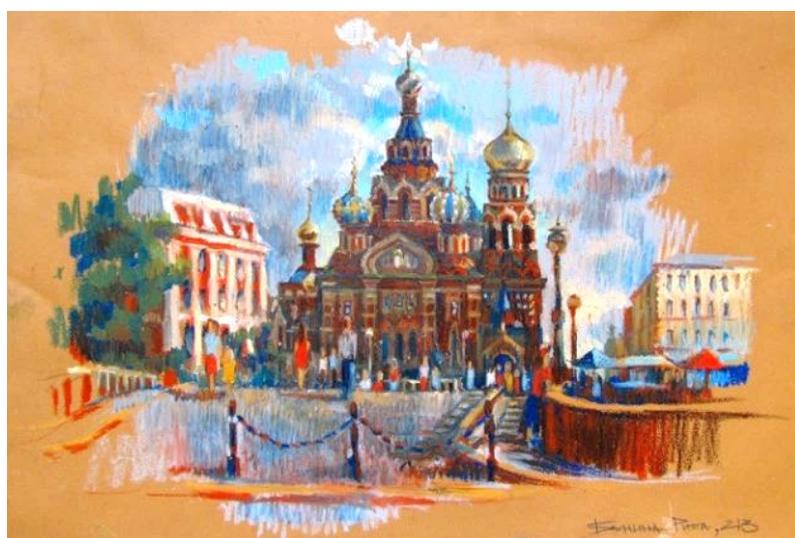

Рис. 1. Примеры студенческих работ [2]

Во время практики студенты, следуя программе, изучают и изображают архитектурные объекты по принципу «от простого к сложному».

Таким образом, закрепляются на практике полученные в аудиториях навыки в живописи и рисунке. Значение и важность практики заключается в комплексном изучении архитектурного и исторического наследия, которое закрепляется в форме графических и живописных работ. Важно научить студентов «видеть» архитектурную гармонию, сочетание ритмических и пластических характеристик, доминирующих и подчиненных начал, света и цвета и множество других факторов, влияющих на восприятие зрителя и определенным образом создающих тот или иной эмоциональный строй в выполненной работе (рис. 1).

Выездная практика некоторым образом отличается от практики, которую студенты проходят «дома».

В Новосибирске студенты имеют возможность изучать объекты более подробно, поскольку не существует временных границ пребывания у объектов, при этом здания и сооружения Новосибирска студенты видели ранее и достаточно осведомлены о них. Таким образом, «домашняя» программа подразумевает последовательное изображение от «архитектурной детали» до «городской панорамы».

Отправляясь на новое место, тем более, впервые, студенты обязаны получить о нем общее представление; историческую справку, узнать основные принципы градоформирования, достопримечательности и многое другое. Поэтому перед выездом на практику преподаватели настоятельно рекомендуют ребятам познакомиться с местом предстоящей практики через литературу, документальное кино, лекции и интернет.

Живописно-графическая практика начинается с организации «учебных классов». Под этим подразумеваются участки города, отмеченные на карте таким образом, чтобы преподаватели смогли обойти и проконсультировать каждого. В Санкт-Петербурге таких площадок-классов у нас было три:

- 1) р. Мойка от «Первого садового моста» до «Зимней канавки».
- 2) Заячий остров – Петропавловская крепость
- 3) Невская Лавра и речка Монастырка.

Все практиканты должны были обязательно 3–4 дня отработать последовательно на каждой площадке, начиная с реки Мойки, затем на Петропавловской крепости и в завершении – на Александро-Невской лавре.

На самых первых работах от студентов требуется умение выбирать формат, определяться с границами картинной плоскости, находить и определять для изображения «луч зрения» и линию горизонта.

Преподавателям было предложено оптимизировать работу, разбив ее на этапы следующим образом:

1. Подготовительный этап – выбор места и тщательно выполненный рисунок в зависимости от формата и сложности объекта.

2. Рабочий этап – завершение работы в тоне или цвете, причем в наиболее оптимальных условиях освещения данного места и погодных условиях.

Как показал опыт, при строгом следовании этим правилам студентам удается наиболее продуктивно и эффективно выполнять задания практики.

После завершения практики на трех площадках, студенты переходят к свободной работе, т.е. объект изображения определяется и выбирается студентом самостоятельно. Преподаватели лишь рекомендуют те или иные места, стараясь при

этом учесть индивидуальные качества обучаемого и его предпочтения. Таким образом, студенты помимо территории Санкт-Петербурга выполняют работы с близлежащих территорий, таких как Царское село, Гатчина, Петергоф и Выборг.

Перед этим была проведена обзорная экскурсия на автобусе по городу, по основным достопримечательностям Санкт-Петербурга, которая дает возможность перед свободной работой определиться в своих предпочтениях и организовать свой маршрут на топографических картах.

На протяжении всей практики, через день, по утрам, проводились просмотры, где студенты показывали все выполненные за прошедшее время работы и получали необходимые замечания и рекомендации. В ходе просмотров практикантам прививались оценочные критерии работ, ориентиры и предпочтения в изображении архитектурных объектов. Выслушивалось мнение авторов о своих работах, корректировались взгляды на цели и задачи; поэтому практиканты имели возможность оперативно скорректировать свою творческую деятельность.

В итоге активной оценочной деятельности у студентов сложилось более или менее четкие критерии в оценке своих работ. На этой основе студентам было предложено организовать группу проверяющих из наиболее подготовленных студентов в количестве 7 человек; такая группа была утверждена со стороны преподавателей и своих однокурсников, после чего она приступила к работе.

После проверки работ проверяющей группой студентов и внесения полученных баллов в журнал, совет преподавателей корректировал оценки в лучшую или худшую сторону. Совпадение результатов проверки преподавательского состава и группой студентов составило 90–95 %. Впоследствии это позитивно отразилось на дальнейшей работе студентов. Второе собрание проверяющей группы было при выведении итоговой оценки по курсу живописно-графической практики.

Просмотр был организован по группам. Было предложено оценивать всю практику каждого студента путем сравнения его лучшей работы при первой проверке и при последующих проверках. При этом акцент делался на рост профессионализма студента в ходе практики. При дальнейшей проверке преподаватели в незначительной мере корректировали оценки и выводили окончательные результаты.

Выводы. По результатам прохождения практики были выработаны рекомендации преподавателям и студентам:

1. Организация учебных классов, площадок на местности, где ставится четкая задача и требования к выполнению учебных работ.
2. Проведение обзорной экскурсии для расширения кругозора студентов в выборе композиционного решения.
3. Просмотры по утрам для проверки выполненных работ и постановке новых задач на предстоящий день.
4. Формировать итоговую оценку на основе роста качества работ.

Список источников

1. Рабочая программа практики «Учебная живописно-графическая практика» для специальности 07.03.01 Архитектура. НГУАДИ, 2018 г.
2. Архив кафедры Рисунка, живописи и скульптуры (РЖС) НГУАДИ.

Зинченко Н.И.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 745.52

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСКУССТВА ГОБЕЛЕНА В НГУАДИ

Аннотация. Анализируется опыт преподавания техники гобелена студентам, обучающимся по направлению «Монументально-декоративное искусство» в НГУАДИ (Новосибирск). Благодаря своей специфике гобелен позволяет повысить уровень профессиональной подготовки будущих художников-монументалистов. Обучение искусству гобелена помогает освоить разные материалы и техники, и развивает у студентов мелкую моторику рук и художественное мышление.

Ключевые слова: гобелен; монументально-декоративное искусство; Новосибирский университет архитектуры, дизайна и искусств (НГУАДИ).

Введение. Гобелен – это вид декоративно-прикладного искусства, вытканый вручную стеной ковер с сюжетной или орнаментальной композицией. Кратко об истории. Слово «гобелен» (фр. gobelin) возникло во Франции и связано с королевской мануфактурой братьев Гобеленов, которая была открыта в XVII в. в Париже и объединила все шпалерные мастерские столицы. Изделия этой мастерской пользовались огромной популярностью и получили название «гобелен». Родоначальником династии был красильщик Жиль Гобелен, который основал вблизи Парижа в XVI в. красильню для шерсти. Его дети продолжали дело и добавили к красильне ткацкую мастерскую. Красильня и ткацкая были выкуплены Людовиком XIV, так появилась Королевская гобеленовая мануфактура, которая сохранилась во Франции до наших дней. Гобелены производились только для украшения дворцов и очень редко выпускались для продажи. В России первый гобелен появился в XVII в. – его привезли в подарок из Франции. Производство российских гобеленов началось при Петре I, в XVIII в., когда в Санкт-Петербурге была основана мануфактура по производству гобеленов, где работали специалисты, приглашенные из Франции. Эта мануфактура просуществовала более 100 лет.

Результаты. В Новосибирске первопроходцем профессионального гобелена был Анатолий Георгиевич Крюков, уроженец Алтайского края, выпускник Львовского государственного института декоративного и прикладного искусства. В 1986 г. приехали в Новосибирск еще два выпускника того же вуза Михаил Иванович Крахмалев и Николай Иванович Зинченко. Первый заказ был связан с Государственным краеведческим музеем г. Новосибирска. Три автора: Крюков А.Г., Крахмалев М.И. и Зинченко Н.И. создали три гобелена на парадную лестницу музея [1]. Впоследствии каждый автор работал самостоятельно.

В настоящее время идет возрождение искусства гобелена и его традиций. Началось преподавание искусства гобелена для студентов монументально-декоративной специальности и в Новосибирском государственном университете архитектуры, дизайна и искусств (НГУАДИ).

Студенты, авторы гобеленов, изучают и пробуют на практике все этапы создания гобелена от эскиза до готового полотна. При выполнении учебных работ основные этапы следующие.

1. Работа над композицией начинается с поиска художественного образа. За основу образа берутся природные мотивы, и постепенно автор под руководством преподавателя переходит от реализма природы к условности художественного об-

раза. Это достигается благодаря выполнению ряда поисковых графических эскизов. В процессе эскизирования определяется конструктивная идея композиции. Важную роль играет ритмичность композиции – вертикальная, горизонтальная и диагональная. Автору необходимо сформировать колористическую гамму будущего гобелена, мыслить пятнами цвета. Для этого раскладываются тональные и цветовые отношения, определяется композиционный центр. Через него мы подчеркиваем выразительность художественного образа.

2. Изготовление рабочего картона в натуральную величину (в масштабе 1:1) на основе самого удачного эскиза. На этом этапе выбранный в качестве окончательного решения эскиз детально прорабатывается по массе, цвету и ритму.

3. Подготовка рамы к выполнению гобелена в материале. На этом этапе наиболее ответственными операциями являются следующие. Натяжение основы на одинаковом расстоянии в величину гобелена (рис. 1). Регулировка равномерного натяжения основы за счет клиньев, расположенных на раме. Закрепление за рамой эскиза (рис. 1). Размещение распределительной планки.

4. Подбор пряжи. Большую роль играет подбор пряжи в гамме, соответствующей цветовой гамме эскиза. Материалы для выполнения гобелена: вискоза, шерсть, акрил, люрекс, сизаль.

Рис. 1. Работа над гобеленом (ткачество по готовому картону). Фото автора [1]

5. Ткачество по рабочему картону. Немаловажно научить студентов выполнению разновидностей гобеленного ткачества: гладкое ткачество (полотняное переплетение), ворсовое (ковровое), петелька. Сначала делаем закрепляющую кромку внизу гобелена. Начинаем подбор пряжи по цвету эскиза. Производим набор отдельных цветных участков с последующим наложением друг на друга. Берем длинную нить (в зависимости от фрагмента) и, смотав в моточек в виде восьмерки, закрепляем его. Конец свободной нити перекидываем между нитями основы в соответствии с цветом на эскизе (рис. 1). Для соединения цветных участков используется техника соединения нитей, когда пряжа разных цветов цепляется за

соседние нити основы, благодаря чему получаются четко ограниченные контуры всех элементов гобелена.

6. Завершающий этап ткачества. Когда гобелен готов, сверху снова устанавливают закрепительную кромку. Рабочий картон и распределительная палочка убираются. Нити основы разрезают около рамы.

7. Оформление тканого полотна и придание ему законченного вида (рис. 2).

Рис. 2. Примеры работ студентов НГУАДИ [1]

Выводы. Таким образом, благодаря выполнению учебной работы студенты успешно осваивают все этапы создания гобелена, и каждый получает свою уникальную тканую работу. Эти работы показывают, что гобелен – одно из интереснейших учебных заданий – как по ставящимся и решаемым задачам, так и по разнообразию материалов и ручных техник, овладение которыми развивает художественное мышление и крайне важную в монументально-декоративном искусстве мелкую моторику рук. Не менее значимо овладение способностью развивать свою идею на разных технологических этапах: при переходе от реализма к условности, от изображения – к готовому произведению, от живописи – к ткачеству.

Список источников

1. Зинченко Н.И. Личный архив.

Фоминцев И.А.
НГУАДИ, г. Новосибирск, Россия

УДК: 73.027.1

ОПЫТ ОБУЧЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СКУЛЬПТУРЕ НА СТУДИИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Аннотация. В статье анализируется пятилетний опыт работы на студии Академической скульптуры для взрослых на кафедре Рисунка, живописи и скульптуры НГУАДИ.

Ключевые слова: академическая скульптура; пластическая композиция

Введение. В Новосибирском государственном университете архитектуры, дизайна и искусств (НГУАДИ) на кафедре Рисунка, живописи и скульптуры (РЖС) пятый год работает студия Академической скульптуры (*рис. 1*).

Работа студии проходит в рамках общеразвивающей программы дополнительного образования для взрослых. За это время студию посещали люди совершенно разного возраста и профессий. Большинство из них не имели даже начального художественного образования, некоторые ранее посещали студию рисунка или художественную школу. Цели работы в студии тоже разные, в основном они связаны с модными сейчас хобби (создание кукол), реже с профессиональной работой (3-D моделирование), и совсем редко – с возможной будущей профессией (скульптор, художник-керамист). Общая для всех студийцев задача, на которую направлена работа студии – научиться основным профессиональным принципам лепки скульптурной композиции.

Результаты. Основным отличием работы в студии от работы на дневной форме обучения является время, отведенное на работу с моделью (натурой). На студии время фактически не ограничено, так как срок обучения, в зависимости от задач слушателя, составляет от месяца до года (*табл. 1*). Человек работает до тех пор, пока не выполнит поставленную перед собой задачу. Минимальный курс составляет 24 часа (8 занятий по 3 академических часа). Минимальная задача, это выявление основного пластического характера модели без излишней детализации. Если студиец желает продолжить работу для создания копии модели, он может это сделать. В качестве моделей для лепки на студии используются гипсовые слепки с произведений античной скульптуры и произведений классической скульптуры более позднего времени (*рис. 1*).

В качестве первого задания для студийцев было решено дать лепку черепа человека. Моделью для этого задания является гипсовый слепок с реального черепа. На этом этапе обучения решается несколько задач.

- Во-первых, учащиеся знакомятся с конструкцией черепа как пластической основой головы человека.
- Во-вторых, череп человека является идеальной скульптурной композицией, все детали которой находятся друг с другом в определенной взаимосвязи. На этой модели можно научиться видеть пластические связи композиции и пластические ритмы композиции. Видеть и понимать пластический характер модели.
- В-третьих, на этом этапе закладывается принцип скульптурной лепки «от целого к частному», и в последующем «от частного к целому».

Вторым заданием после лепки стала лепка головы экорше (слепок с фигуры экорше скульптора Гудона). Конкретно в качестве модели взяли композицию, состоящую из головы и шеи без грудной клетки. Относительно первого задания задача усложнилась.

- Во-первых, голова имеет наклон, противоположный наклону шеи.
- Во-вторых, голова повернута относительно фронтالي шеи.
- В-третьих, изображение экорше является связующим звеном между изображением черепа и изображением головы человека.

*Рис. 1. На занятиях Студии академической скульптуры НГУАДИ.
Преподаватель: И.А. Фоминцев) [1]*

Третьим заданием стала лепка экорше с плечевым поясом. Композиция усложнилась с появлением в ней нового объема. Моделью является гипсовый слепок с экорше, где голова не имеет поворота относительно фронтали грудной клетки. Однако голова имеет фронтальный наклон (подбородок приподнят вверх, затылок опущен в сторону спины).

Четвертым заданием стала лепка головы человека с гипсового слепка греко-римской скульптуры или классических образцов более позднего времени. В этом задании композиция состоит из головы, шеи и части грудной клетки, к которой примыкает шея человека. Голова имеет небольшой наклон относительно фронтальной грудной клетки, фронталь грудной клетки может иметь незначительный поворот. В этом случае учащийся получает знания в понимании пластических связей частей композиции, и заложенных в композиции пластических движений при всей видимой статичности модели. На этом этапе обучения должно появиться понятие пластического обобщения частей композиции, расстановка пластических акцентов для выявления основного пластического характера модели, ее художественного образа.

Пятое задание – лепка бюста человека с активным поворотом головы относительно фронтальной грудной клетки модели. Моделью является гипсовый слепок с классической скульптуры. Усложняется пластическая композиция. Моделей несколько, каждая имеет свой неповторимый пластический характер.

Таблица 1

Распределение учебных часов по разделу «Круглая скульптура» на Студии академической скульптуры НГУАДИ (полный курс)

Наименование тем	Часов
1. Объем и его построение в скульптуре.	6
2. Лепка черепа	9
3. Лепка анатомической головы	18
4. Лепка головы человека с классической модели (статика)	30
5. Лепка головы человека с классической модели (динамика)	30

Заключение. Студиец, двигаясь от работы с одной моделью к другой, получает бесценный опыт создания скульптурной композиции, а также знания и навыки пластических приемов лепки с натуры, с помощью которых может решать пластические и образные задачи. От задания к заданию меняется пластический характер изображаемых моделей, усложняется композиция. В ходе выполнения заданий у учащегося вырабатывается единственно правильный принцип работы с моделью: от целого к частному, и от частного к целому.

Список источников

1. Школа-студия НГУАДИ Академический рисунок, живопись и скульптура [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/akadem_risunok_nguadi (дата обращения: 25.07.2019).

SUMMARY

CURRENT PROBLEMS OF TOWN PLANNING

Protasova Yu.A.

protasovay@mail.ru

Nitievskaya E.E.

nitiev@bntu.by

Belarusian National Technical University (BNTU),
Minsk, Belarus

GREENING COURTYARDS OF MINSK

Abstract. The article describes the state of greening of residential areas of the city of Minsk, analyzes the greening of yard spaces of the 1970s and 2010s of construction. Given suggestion for improving the green spaces of urban households.

Keywords: greening system of the city; yard spaces.

Berezina E.A.

sanell@list.ru

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

LANDSCAPE AND DENDROLOGICAL FEATURES OF THE FORMATION OF THE PARK IN THE VALLEY OF THE RIVER KAMENKA IN NOVOSIBIRSK

Abstract. The article presents the results of a landscape-dendrological analysis of the territory of the Kamenka River in the Dzerzhinsky district of the city Novosibirsk, conducted as part of a pre-project study to create a new landscape object in the flood plain of a small river.

Keywords: landscape architecture; landscape and visual analysis; landscape and dendrological assessment.

Shafray E.S.

ek.sh2012@yandex.ru; ekaterina@hnu.kr

Hannam University, Daejeon, South Korea

TOWARDS THE BY-THE-WATER PLACES DESIGNED: RECONSTRUCTION WITH THE NEW URBAN LANDSCAPE ON THE EXAMPLES OF SEVERAL CASES

Abstract. Nowadays more and more people as well as cities aspire and seek to urban comfort, safety, aesthetics and convenience for the places they live in. These requirements and wishes to urban environment lead to rethinking and renovation of places in the cities (such as unused spaces, open public spaces) that were previously neglected or decayed. This paper considers several theoretic and practical

aspects of reconstruction in the cities focused on open spaces located nearby water. The paper reviews relevant literature on this issue. Two cases of the reconstruction of the by-the-water places for two cities (Kirov in Russia and Daejeon in S. Korea) that were designed by the author for the design competitions are presented. Although cities worldwide embrace different history, economic, cultural and geographical conditions, the recent urban trends possess several common features in accordance with global trends: 1) aspiration towards walkable and pedestrian-oriented city, 2) creation of community parks, social and leisure places nearby the water, 3) community-making around local significant places (from the well-known 'Friends of High Line', 'Friends of Zaryadie', etc.). This paper aims to contribute to the discussion towards the resident's engagement with local environment and high social responsibility.

Keywords: renovation; open spaces nearby the water; new urban landscape; community-making around local urban attraction places; node development; design for the park with water.

Semikin P.V.

ksp@ngaha.ru

Gruzdeva E.A.

gruzdeva.evgenya@gmail.com

Gerasimov E.P.

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

STUDY OF SMALL ARCHITECTURAL FORMS OF YARDS «ALICE» AND «GULLIVER»

Abstract. The article presents the results of assessing the technical condition of small architectural forms and gaming complexes located in two courtyards of Novosibirsk. The yards are located on the territory of the identified object of cultural heritage – the landmark «Krasnaya Gorka». The study presents data on the history of the formation of yard areas, their description and the actual technical condition of small architectural forms and gaming complexes.

Keywords: assessment of technical condition; architecture of Novosibirsk; objects of cultural heritage; «Krasnaya Gorka».

Shalygina D.N.

dyudanova@yandex.ru

Scientific adviser is Erokhin G.P.

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

POST-SOCIALIST CITY: CHARACTERISTIC OF TRANSFORMATION IN NEW SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS (DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE)

Abstract. The article analyzes modern scientific domestic and foreign studies that consider various aspects of the transformation of the city and its structure during the period of social and economic changes of the late XX – early XXI century. Based on the analysis, the basic mechanisms of post-socialist (post-Soviet) urban development – commercialization and de-industrialization of urban space and changes in housing construction – are revealed. The dependence of transformation processes on local and regional conditions – the status and size of the city, the existing city-forming base, the degree of development of the transport infrastructure of the territories, etc. – is considered.

Keywords: post-socialist city; transformation; commercialization; deindustrialization.

Drobotova N.V.

desawsrose@gmail.com

Scientific adviser is Protasova Yu.A.

Belarusian National Technical University (BNTU),
Minsk, Belarus

PERIODS OF DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN TOWN PLANNING IN BELARUS

Abstract. The article considers the evolution of the working tools of the architect-urban planner and the history of the formation of modern computer-aided design (CAD) systems in Belarus. Identified The level of integration of existing software and the need for the introduction of information technology in urban design. The changes in the regulatory framework after the beginning of the application and implementation of information technologies in the process of urban design are also considered.

Keywords: computers; computer-aided design (CAD); information technology; geographic information system (GIS) technology; town planning design.

Kiseleva M.S.

marina_estetto@tut.by

Belarusian National Technical University (BNTU),
Minsk, Belarus

THE ARCHITECTURAL FEATURES OF THE AGROECOTURISM COMPLEX OF BELARUS

Abstract. The article deals multifunctional agro-ecotourism complexes, operating in the framework of rural tourism in the territory of Belarus. On the example of three objects similar in typology, common features are revealed. Agro-ecotourism complexes began their activities in accordance with the state program for the development of tourism and are actively developing.

Keywords: tourist complex; agroecotourism; rural homestead; tourist village; functional hybrid.

ARCHITECTURE OF BUILDINGS AND CONSTRUCTIONS

Lazovskaya N.A.

nat-lazovskaya@yandex.ru

Belarusian National Technical University (BNTU),
Minsk, Belarus

TRENDS OF THE DEVELOPMENT OF HOUSING CONSTRUCTION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. In the article, on the example of Minsk and Minsk agglomeration, the process of changing approaches to the formation of the living environment is considered. The directions of perspective development of architecture of residential buildings taking into account legal and organizational bases of housing construction, as well as the characteristics of the Republic of Belarus are revealed. The techniques of creating an accessible living environment are defined.

Keywords: living environment; the architecture of housing; accessibility.

Kniga E.N.*alenabuk30@gmail.com*Belarusian National Technical University (BNTU),
Minsk, Belarus**RECONSTRUCTION OF THE SCHOOL IN THE CENTER OF
SUPPLEMENTAL EDUCATION (STEAM)**

Abstract. The rapid development of science and technology in the XXI century has caused the need to strengthen the relationship with scientific and technical education. There was a need to create a link that would help to better use the achievements of science and introduce them into practice. This link has become children's technology parks – unique modern educational institutions. One of the most important functions of children's technology parks is the development of a new format of asupplemental education with the trajectory of professional formation.

Keywords: school; supplemental education; reconstruction; children's Techno-park; children's scientific and technical creativity; STEM-center.

Matyukhina K.S.*matyukhina_kseniya@mail.ru*Belarusian National Technical University (BNTU),
Minsk, Belarus**PROSPECTS OF USING BUILDINGS OF FORMER SYNAGOGUES
IN MODERN BELARUS**

Abstract. There were a significant number of synagogues on the territory of Belarus until the first quarter of the twentieth century, but only a few of them have survived to the present day. Due to the disappearance of Jewish communities in most settlements, these places of worship are often empty and destroyed, or undergo a radical transformation, after which they lose their original appearance. Thus, the original examples of Jewish architecture, which are part of the Jewish cultural heritage, are in danger of extinction. In order to restore and use these objects, a number of measures are proposed to adapt them to the needs of local communities, while preserving the sacred nature of buildings and original architectural and artistic solutions.

Keywords: synagogue; Jewish heritage; historical value; architectural monument; restoration; reconstruction; adaptation.

Panova N.G.*pana00@mail.ru*Moscow Institute of Architecture (State Academy),
Moscow, Russia**THE ARCHITECTURAL LANGUAGE OF RICARDO LEGORRETA**

Abstract. The article discusses a creative way of the famous Mexican architect twentieth century Ricardo Legorreta. His legacy has had a great impact on the development of architecture not only in Mexico, but far beyond. The architectural language of Legorreta, whose buildings are located on four continents, is unique and recognizable. In our country at present, the creativity of Ricardo Legorreta little studied

Keywords: Ricardo Legorreta; Mexico; architectural language; creative way; color; form; design.

Maryasova M.K.
mar98asova@gmail.com,

Tumanik A.G.

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

DECONSTRUCTIVISM AS THE TENDENCY OF EXPRESSIONISM

Abstract. The article introduces an attempt to define the main characteristics of deconstructivism, as the style, or the style tendency. We put a question about growing importance of the authorship in contemporary architecture and the declining interpretation of a style, as a commonly used system of rules. Local culture and exploitation are the natural filters on esthetics and rationality and in connection with that, we put in question the further mass development of deconstructivism as an independent style tendency, defining the high-importance of the expressionism influence, at the style of visualization of Hadid's deconstructivism.

Keywords: deconstructivism; expressionism; exterior; digital architecture; regional architecture; Hadid; Stirling; Tagliabue.

ARCHITECTURAL AND BUILDING DESIGNS AND TECHNOLOGIES

Shafray S.D.
shafray.sd@yandex.ru

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

FRACTALS IN ARCHITECTURE AND PHYLLOTAXIS

Abstract. The article deals with the cases of fractals from fracture mechanics to architectural details of buildings for various purposes. The formation of self-similar fractal systems in phyllotaxis based on examples of burdock leaves, horseradish and pine needles is highlighted. The revealed regularities of fractal self-similarity in phyllotaxis are necessary for improvement and creation of new architectural and constructive forms used in construction.

Keywords: fractal; sliding lines; architecture of religious buildings; Durer Pentagon; Kepler triangle; phyllotaxis.

Shafray S.D.
shafray.sd@yandex.ru

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

SELF-SIMILAR TRIANGLES IN BIOFORM ARCHITECTURE

Abstract. The article considers the principle of minimization of energy and material consumption in phyllotaxis. On its basis, the appearance of the observed self-similar figures, including Kepler triangles in the architecture of bioforms, is explained, and geometric patterns in the constructive systems created from them are investigated. It is established that the Kepler triangle from all set of such triangles has the greatest ratio between its area and perimeter. Examples of manifestations of Kepler triangles in the structure of plants, fish scales and color of animal skins are given.

Keywords: optimality criteria; natural constructions; phyllotaxis; self-similar triangles; Kepler triangle; plant leaves; geometric progression.

MODERN PROBLEMS, TASK AND ACTUAL DESIGN TECHNOLOGIES

Yakimenko A.V.

iakimenko@yandex.ru

Stroganov Moscow State Academy of Design and Applied Arts
(Stroganov Academy), Moscow, Russia

ON THE MODERN CRUIZE SHIP AND SUPERYACHT DESIGN CONVERGENCY

Abstract. The article deals with the similarities and differences in the twentieth century superyacht and cruise ship design. The causes of similarities in superyacht and some cruise ships design solutions are analyzed. The possible influence of such a trend on a cruise liner for contemporary Russia design choice is discussed.

Keywords: design; transportation design; user scenario; naval architecture; cruise ship.

Udaltsova M.B.

kondilartor11@gmail.com

Stroganov Moscow State Academy of Design and Applied Arts
(Stroganov Academy), Moscow, Russia

DESIGN AS A MARKET SURVIVAL STRATEGY. MOTORCYCLE AND HORLOGERY CASE STUDY

Abstract. The paper treats different design approaches used as survival tools during rises of 1970-s in watch making and motorcycle industry. Both conservative and innovative approaches prove to be useful depending on product characteristic features.

Keywords: design; watches; motorcycle; industrial design.

Taube M.V.

marika.taube@yandex.ru

Bekk N.V.

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

DESIGNER SOLUTIONS FOR BROADCASTING SIBERIAN MENTALITY IN THE OBJECT «TABLEWARE»

Abstract. Modern trends in the formation of the image of household items are considered. The necessity of orientation to the regional market is shown. Mental features of consumers of the Siberian region are studied. The initial samples of the object «tableware» on the example of the Siberian region are analyzed; not only culture, but also the nature of the Siberian region is considered. The concept of a new image of the Siberian tea set is developed. The aesthetics of the new image emphasizes the advantages of Siberian culture.

Keywords: cultural heritage; design; mentality; image; concept; tableware; service; design; trends.

Helmianov S.P.

cx-cx@mail.ru

Kiselev A.A.

ars8ars@mail.ru

Spitsin A.S.

alexanderspitsin@yandex.ru

Saint Petersburg State Academy of Art and Design named after A.L. Stieglitz
(Stieglitz Academy), Saint Petersburg, Russia

AFFECTIVE DESIGN OF SYSTEM OF DESIGN EDUCATION

Abstract. The article presents a look at the system of design education based on the results of many years of teaching. Design is seen as a symbiosis of science and art. On the example of autonomy of modern educational organizations, the trajectories of real and preferred ways of development of education in the field of design are considered, in which education is aimed at satisfying the needs of students, finding an emotional response in them.

Keywords: autonomy of modern educational organizations; design education; emotional response; satisfying the needs of students; design – science and art.

THEORY AND HISTORY OF ARCHITECTURE, TOWN PLANNING AND DESIGN. URGENT PROBLEMS OF ART CRITICISM

Sergeev S.K.

serkors@mail.ru

Dukhanov S.S.

ssd613@ngs.ru

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

ON THE GNOSEOLOGICAL (EPISTEMOLOGICAL) PROBLEM IN ARCHITECTURE AND TOWN PLANNING

Abstract. The gnoseological (epistemological) problem of architectural and town-planning activity is considered. The primary source of the problem is analyzed: the materials of the controversy between the leading ancient Greek philosophers of the V century BC – Gorgias and Plato. The key issues of ideological struggle and their architectural and town-planning component are revealed. The gnoseological problem of architectural and town planning is not limited to the professional community and has a public character. Representations of objects of professional activity have their own function, which is not identical with the function of the objects themselves.

Keywords: gnoseological (epistemological) problem; history of philosophy; theory and history of architecture and town planning; Gorgias of Leontina; Plato.

Panina N.L.

pa.nina@mail.ru

Zvir M.A.

zvir.rita@yandex.ru

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

THE CREATIVITY OF EDMOND BAUDOIN: ON THE CROSS OF TRADITIONS, GENRES, ARTS

Abstract. The article discusses the intertwining influences of traditional Oriental art, European existential art and performance on the specifics of the work of French artist Edmond Baudoin.

Keywords: comic book; graphic novel; traditional Oriental art; European existential art; performance; Edmond Baudoin.

Subbotin O.S.

subbos@yandex.ru

Kuban State Agrarian University (KSAU) named after I.T. Trubilin,
Krasnodar, Russia

ARCHITECTURAL AND PLANNING EVOLUTION OF THE SETTLEMENTS OF THE TAMAN

Abstract. Administrative and territorial borders of the Taman territory from the XVIII to the end of the XX centuries are revealed. The main historical periods of the formation of the architectural and planning structure of the village of Taman and the requirements of the military government to the planning of the military settlements are analyzed. Special attention is paid to the stage of formation and complex analysis of factors that operated at different historical stages. The preservation of monuments of architecture and urban planning that are true witnesses of past eras has been updated. The practical significance of the study is determined by the possibility to use its results to develop a strategy for the territorial development of Taman and its settlements.

Keywords: planning structure; living environment; village; town planning; architecture; Taman.

Golodyaev K.A.

golod62@mail.ru

Novosibirsk City Museum, Novosibirsk, Russia

ISSUES OF SANITARY CLEANING OF NOVOSIBIRSK IN THE XIX– XXI CENTURIES (from the cesspool to ultraviolet)

Abstract. In the material on the basis of archival sources, the development of the sanitary services of Novo-Nikolaevsk (Novosibirsk) is investigated: cesspool dumps, sewers, sewage treatment plants. The major part is devoted to the work of public utilities in the 1920–30s and 1960–70s, the core business of which is Unitary enterprise «Specavtokhozyaystvo». In conclusion, the problem of modern landfills of the city was touched upon and a conclusion was made on the need for the future development of sanitary services in Novosibirsk.

Keywords: Novosibirsk; sanitation; toilets; sewage; garbage; dog traps.

Gromova A.S.

swampssun@gmail.com

Scientific adviser is Savelyeva N.V., Litvinova O.G.
Tomsk State University of Architecture and Building (TSUAB), Tomsk, Russia

ACTUAL ASPECTS OF PERCEPTION OF OBJECTS OF CULTURAL HERITAGE

Abstract. In the article, on the example of the building of the former city pawn shop on K. Marx street, 26 in the city of Tomsk, the features of perception of cultural heritage objects are considered.

Keywords: restoration; preservation methods; types of perception.

Ivanova-Veen L.I.

marchimuseum@gmail.com

Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

ON THE HISTORY OF STUDYING PETROGRAD ART WORKSHOPS OF 1918–1922

Abstract. The article analyzes information about research and publications on history of Petrograd State free art training workshops (GSHUM), State free labor training workshops of decorative arts (GSTUMDI) and VKhUTEMAS.

Keywords: Petrograd State free art training workshops (GSHUM); State free labor training workshops of decorative arts (GSTUMDI); VKhUTEMAS; the People's Commissariat for Education (Narkompros); art workshops: painting, sculpture, architecture, printing.

Alekseev E.P.

ev-alex@yandex.ru

Ural Federal University (UrFU), Yekaterinburg, Russia

YEKATERINBURG ART AND INDUSTRIAL SCHOOL IN CHITA. JULY 1919 – JANUARY 1921

Abstract. On the basis of newly identified documents and evidence, the history of the evacuation of the Yekaterinburg art and industrial school (KhPSh) in 1919 from Yekaterinburg to Chita, its activities in Chita and the complex process of returning back to Yekaterinburg is covered. Emphasis is placed on the role played by the representatives of the Yekaterinburg free state art workshops (SGHM) in the return of the school's property.

Keywords: Yekaterinburg art and industrial school (KhPSh); Chita KhPSh; Yekaterinburg Free State art workshops (SGHM); A.F. Boeva; P.E. Sokolov; A.M. Tumbasov.

Donguzov K.A.

k.donguzov@gmail.com

Ufa State Petroleum Technological University (USPTU), Ufa, Russia

TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE UFA SGHM

Abstract. The article presents the results of a study on the activities of the Ufa free state art workshops (SGHM) in 1919–1921. New archival materials, locations of art studios and workshops, and the main circle of teachers were identified.

Keywords: Ufa free state art workshops (SGHM); V.N. Levitsky; N.A. Protopopov; A.E. Tyulkin; V.O. Weidner; Bashkir regional architectural school.

Dukhanov S.S.
ssd613@ngs.ru

Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (SRITHAUP, NIITIAG),
 branch of the Central Institute for Research and Design (CIRD) of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation,
 Moscow, Russia

1919-th YEAR IN THE ARCHITECTURAL AND ARTISTIC EDUCATION OF WESTERN SIBERIA

Abstract. The role of 1919 in the history of architectural and artistic education in Western Siberia is considered. The analysis of primary sources showed that this year was a turning point in the struggle of two approaches to the creation of an architectural and art school in the region. The first approach, developed in the 1910s and intensified during the first world war and the civil war, gave way to the second approach, which spontaneously emerged during the revolution and the civil war with the assistance of the Soviet public education bodies. As a result rapid end of the civil war in Siberia in 1919 created conditions that were favorable for the implementation of the second approach. The research is based on archival sources.

Keywords: architectural and artistic education; history of architecture and town planning; Western Siberia.

Lisov A.G.
allisov@mail.ru

Vitebsk branch of the Belarusian Union of Artists, Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine (VSAVM), Vitebsk, Belarus

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE HISTORY OF THE SMOLENSK STATE ART AND INDUSTRIAL STUDIOS

Abstract. The article deals with the history of formation of Smolensk State Art and Industrial Studios on the documents of the State Archive of Smolensk Region. The attitude to the academic tradition of teaching art and revolutionary creative experiments was reflected in the history of Studios in the new social conditions. The Studios established of the organization of suprematist Artists, UNOVIS branch at 1920.

Keywords: history of art education; State Art and Industrial Studios; Smolensk; V.M. Strzheminsky; V.F. Shtranikh.

Basnina E.Yu.
basnina@me.com

Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

CIVIL ENGINEERING DEPARTMENT IN THE FIRST SOVIET POLYTECHNIC INSTITUTE IN IVANOVO-VOZNESENSK. 1918–1920

Abstract. The study is about history of the Civil Engineering Department of Ivanovo-Voznesensk Polytechnic Institute (IVPI) in 1918–1920. The publication is aiming to follow the processes of CE Department formation in new political and social environment as well under distinguished regional features.

Keywords: architectural education; civil engineering department; Riga Polytechnic Institute; Ivanovo-Voznesensk Polytechnic Institute.

Belyaeva G.A.

galina-bva@mail.ru

Radischev Art Museum, Saratov, Russia

SARATOV SVOMAS (1918–1920). BASED ON MATERIALS RESEARCHES BY G.I. KOZHEVNIKOV

Abstract. The article considers the experience of the first research on the history of Saratov Svomas (Free state art workshops, 1918–1920), which was conducted by G.I. Kozhevnikov, an employee of the art Museum named after A.N. Radishchev, in 1946–1947 in connection with the 50th anniversary of the Saratov art school.

Keywords: Saratov Svomas; Bogolyubov drawing school; G.I. Kozhevnikov; reform of art education in 1918; Narkompros.

Golenkevich N.P.

ninagolenkevich@yandex.ru

The Yaroslavl Art Museum, Yaroslavl, Russia

THE CREATIVE HERITAGE OF NORTHERN REGION TEACHING ARTISTS (STATE FREE ART WORKSHOPS, 1919–1921)

Abstract. The article discusses the general trends of education of art in the regional centres located north of Moscow: Yaroslavl, Tver, Vladimir, Kostroma, Vologda, and Vyatka. The creative heritage of art educators of the regional State Free Art Workshops in 1919–1921 is analyzed there.

Keywords: regional State Free Art Workshops; master management; Yaroslavl, Tver, Kostroma, Vladimir, Vologda workshops.

Kuzevanov V.S.

kuzevanovvs@omsu.ru

Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia

UNPUBLISHED SOURCES ON THE HISTORY OF «OMSK BRANCH OF THE WEST-SIBERIAN BUILDING ASSOCIATION OF BUILDING INDUSTRY AND BUILDING MATERIALS»

Abstract. The article considers the possibility of using source study methods in historical and architectural research. As a material for the development of a research model, archival paperwork of the Omsk branch of the West Siberian Construction Association of the construction industry and building materials is used. The work covers the entire period of existence of this organization, which at different times bore different names.

Keywords: historical sources; cities of Siberia; source study.

Atapin I.I.

ivatapin@gmail.com

Tomsk State University (TSU),

Tomsk, Russia

Scientific adviser is Bodganova O.V.

NEW HOUSING FOR 'NOBLE PEOPLE': THE UDARNIK'S HOUSES AND THE SPECIALISTS' HOUSES IN KUZBASS CITIES

Abstract. The paper examines a little-studied aspect of the history of architecture and urban planning in Siberia: the designing and construction of new housing types (the “udarnik’s houses” and the “specialists’ houses”) in Kuzbass in the first half of the 1930s. The study reveals the historical and cultural significance of similar residential buildings in Anzhero-Sudzhensk, Kemerovo and Prokopyevsk.

Keywords: history of Soviet architecture; Constructivism; Kuzbass.

Blinov E.N.

1041954@rambler.ru

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),

Novosibirsk, Russia

THE FIRST YEARS OF THE WEST SIBERIAN (NOVOSIBIRSK) BRANCH OF THE UNION OF SOVIET ARCHITECTS

Abstract. The article presents the results of the study of documents related to the functioning of the local branch of the Union of Soviet Architects in Novosibirsk at the initial stage of its existence.

Keywords: history of Soviet architecture; The Union of Soviet Architects; Novosibirsk.

Starostenko Y.D.

ystarostenko@yandex.ru

Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban
Planning (SRITHAUP, NIITIAG),

branch of the Central Institute for Research and Design (CIRD) of the Ministry of
Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation,

Moscow, Russia

FIRST SOVIET TEXTBOOK ON TOWN PLANNING: AN ATTEMPT TO GENERALIZE THE ACCUMULATED EXPERIENCE IN THE SECOND HALF OF THE 1930s

Abstract. The article on the basis of newly identified archival materials recreates the history of work on the first Soviet textbook on Town planning. This work was carried out in the second half of the 1930s by Town Urban planning office All-Union Academy of architecture, and after its reorganization in 1939, by Town planning Institute of the Academy of architecture of the USSR.

Keywords: Soviet town planning; textbook; Academy of architecture; A.P. Ivanitsky.

Ovsyannikova E.B.

eb.ovsyannikova@gmail.com

Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia

Vasiliev N.Yu.

n.vassiliev@docomomo.ru

Moscow State University of Civil Engineering
(National Research University, MSUCE),
Moscow, Russia

AUTHORS OF ARCHITECTURAL ENSEMBLES OF POST-WAR SEVASTOPOL

Abstract. The article examines the creative of architects who in the post-war period worked to restore the center of Sevastopol – one of the most integral ensembles in the Soviet town planning practice of the 1940s and 1950s. Identified and systematized information about chief architects of the city (V.M. Artyukhov, A.V. Arefiev, G.B. Barkhin, M.A. Wrangel, M.Ya. Ginzburg, L.M. Polyakov, Yu.A. Trautman, V.P. Melik-Parsadanov), the largest masters of Soviet architecture (A.I. Gegello, L.N. Pavlov, M.P. Parashnikov, E.N. Stamo), as well about young architects who worked with them on projects of residential and public buildings.

Keywords: Sevastopol; post-war reconstruction; Soviet architecture; Soviet town planning.

Shagaeva O.A.

shagaeva.olga@gmail.com

Scientific adviser is Tsarev V.I.

Institute of Architecture and Design of Siberian Federal University (IAD SibFU),
Krasnoyarsk, Russia

THE PREREQUISITES FOR THE OPENING OF THE ARCHITECTURAL PROFESSION IN THE CITY OF KRASNOYARSK

Abstract. The article analyzes the prerequisites for the opening of the faculty of architecture in Krasnoyarsk in 1973 on the basis of the Krasnoyarsk Polytechnic Institute on the basis of periodicals and archival data.

Keywords: Eastern Siberia; architectural education; Krasnoyarsk.

Dukhanov S.S.

ssd613@ngs.ru

Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban
Planning (SRITHAUP, NIITIAG),
branch of the Central Institute for Research and Design (CIRD) of the Ministry of
Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation,
Moscow, Russia

PROBLEMS OF ARCHITECTURAL THOUGHT DEVELOPMENT IN WESTERN SIBERIA IN THE LATE 1950s – EARLY 1960s

Abstract. Until now, the impact of architectural reform in the second half of the 1950s and early 1960s on the development of architectural thought in Western Siberia has not been considered, since it was believed that architectural thinking was incompatible with typing. However, an analysis of the mate-

rials of creative discussions in the late 1950s showed otherwise. The beginning of the reform has activated the development of architectural thought among Western Siberian architects, and it is in the field of standard design. The main problems of the development of architectural thought were that the new organization of design and construction business created during the reform separated and isolated local architectural thought from practice. The research is based on archival sources.

Keywords: architectural reform; standard design; Western Siberia.

Prishchepa A.I.

aiprishepa@yandex.ru

Surgut State University (SurGU),
Surgut, Russia

ARCHITECTS WHO DESIGNED SURGUT IN THE 1960s – EARLY 1970s

Abstract. The problems of developing the master plan the Surgut in the 1960s – early 1970s are considered. The role of design organizations and their master plans in the architectural and planning development of the city is revealed. The research is based on archival sources.

Keywords: Surgut; General layout project; zoning; residential area.

Samarina N.D.

samarinanandezhda@mail.ru

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

ARCHITECTURAL AND PLANNING FEATURES OF THE STANISLAVSKY RESIDENTIAL AREA (NOVOSIBIRSK)

Abstract. The article discusses the architectural and town planning features of the Stanislavsky residential area in Novosibirsk. Placing the array on the periphery of the city created problems with transport and cultural services for the population. The complex terrain of the territory and the location of the massif near the Tula river play a dual role. On the one hand, they made it possible to organize an interesting architectural environment even when using mass typical buildings. On the other hand, active terrain has made it difficult to solve a number of engineering issues, and in modern conditions of mass motorization, it exacerbates adverse microclimatic phenomena (smog) and complicates movement within the massif. The study is based on data from field surveys.

Keywords: environmental factors; open floor plan; typical building.

Belinskaya A.A.

gemmagemms@mail.ru

Scientific adviser is Zueva P.P.
Moscow Institute of Architecture (State Academy),
Moscow, Russia

FAILED SOCIAL HOUSING IN THE SUBURBS OF PARIS

Abstract. The results of the analysis of blocks of social housing that were implemented in the suburbs of Paris in the second half of the twentieth century by architects Jean Renaudie, Renee

Gailhoustet, Ricardo Bofill, Jacques Benoit and Michel Folliasson. On the basis of a field study of the districts of La Défense, Ivry-sur-Seine, and the commune of Noisy-Le-Grand, the reasons why local residents do not consider such a social and revolutionary type of housing comfortable for life are revealed.

Keywords: architecture of Paris; social housing; architecture of the 1970s; architectural avant-garde.

ARCHITECTURAL AND ART EDUCATION

Arbatskiy V.P.

Gamaley A.A.

gamaley10@mail.ru

Romanovskij V.G.

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

THE FORMATION AND DEVELOPMENT STAGES OF THE DEPARTMENT OF DESIGN OF ARCHITECTURAL ENVIRONMENT AT NSUADA

Abstract. The article presents the main formation and development stages of the department of design of architectural environment at NSUADA, expressed a brief description of educational programmes and students training overall concept (model), the article acknowledges the largest and the most significant projects that have been implemented by the students in cooperation with teachers of the department. The sources of the article have been a personal scientific educational and the authors creative experience.

Keywords: design of architectural environment; historical backgrounds; formation stages; educational model.

Ivanova E.G.

seleniya7@gmail.com

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

CONTINUATION OF SCHOLARLY TRADITIONS OF V.I. SAZONOV IN THE UNIVERSITY PROGRAMS AND THE PRE-UNIVERSITY ARCHITECTURAL TRAINING

Abstract. Academic heritage of V.I. Sazonov (NSUADA) – a researcher of the problems of harmony and proportioning – requires understanding and implementation in the educational process. The article deals with the results of summarizing the publications and lectures by V.I. Sazonov: the author's scientific priorities are revealed and the new possibilities of applying valuable academic experience in educational programs of professional and preprofessional levels of preparation of architects are shown.

Keywords: V.I. Sazonov; geometry; composition; proportioning; harmony theory; architectural education.

Bulgaeva G.D.*alt_rest@mail.ru*

Altai State University (ASU), Barnaul, Russia

EXPERIENCE OF STUDYING ARCHITECTURAL AND ARTISTIC FORMS IN PRIMARY SCHOOL AGE

Abstract. Architecture is one of the most significant types of fine art. Architectural forms most clearly reflect the stylistic and general cultural phenomena of their time. It is important to start getting acquainted with the architectural heritage of your native country from childhood. The study of architectural monuments in childhood through plastic forms gives high positive results.

Keywords: regional features; architectural form; style; typology; visual sources.

Lukin A.E.**Anikina A.V.**

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),

Novosibirsk, Russia

BUILDING A CUBE IN A LINEAR PERSPECTIVE

Abstract. The article analyzes the experience of teaching the author of a linear-constructive drawing of a composition of given geometric bodies by imagination to applicants who want to pass the entrance tests to creative universities of architectural and design orientation. The main problems facing applicants in the process of mastering linear-constructive drawing are revealed. The most simple algorithms for their solution are proposed. A comparative analysis of the author's methodology with some other popular methodology is carried out.

Keywords: linear-constructive drawing; academic drawing; drawing of geometric bodies; linear perspective; teaching methods; drawing by imagination.

Belyaev A.I.

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),

Novosibirsk, Russia

PROBLEMS OF TONE IN WATERCOLOR AND GOUACHE PAINTING

Abstract. The technological features of watercolor and gouache painting are analyzed, mainly in the transmission of tonal gradations. The conclusion is made about the expediency of using these materials in the performance of educational pictorial tasks of academic and decorative nature.

Keywords: painting; teaching academic and decorative painting; technology of watercolor and gouache painting.

Samoilov V.V.

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),

Novosibirsk, Russia

STYLIZATION IN THE STILL LIFE

Abstract. In the article on the material of the department of Drawing, painting and sculpture NSUADA, describes the main features and significance of decorative compositions in the process of professional training of architects and designers.

Keywords: stylization; decorative composition; associative and imaginative thinking.

Ushkov V.I.

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

FROM EXPERIENCE AT THE «PICTORIAL AND GRAPHIC PRACTICE» IN ST. PETERSBURG

Abstract. The article analyzes the experience of optimizing the forms of work with students of architectural specialties NSUADA, obtained in the pictorial and graphic practice in the city of St. Petersburg.

Keywords: training of architects; visiting pictorial and graphic practice; urban space; St. Petersburg.

Zinchenko N.I.

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

TEACHING THE ART OF GOBELIN IN NSUADA

Abstract. The article analyzes the experience of teaching gobelin (tapestry) techniques to students who are studying in the direction of training «Monumental and decorative art» in NSUADA (Novosibirsk). Due to its specificity, the gobelin allows you to increase the level of professional training of future muralist artists. Learning the art of gobelin helps students master different materials and techniques, and develops they have fine motor skills of hands and artistic thinking.

Keywords: gobelin; monumental and decoration art; Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA).

Fomintsev I.A.

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA),
Novosibirsk, Russia

EXPERIENCE TEACHING ACADEMIC SCULPTURE AT AN ADULT STUDIO

Abstract. The article analyzes five years of experience in the Studio of the Academic sculpture for adults at the department of Drawing, painting and sculpture NSUADA.

Keywords: academic sculpture; plastic composition.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА	3
<i>Протасова Ю.А., Нитиевская Е.Е.</i> ОЗЕЛЕНЕНИЕ ДВОРОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ МИНСКА	3
<i>Березина Е.А.</i> ЛАНДШАФТНО-ДЕНДРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПАРКА В ДОЛИНЕ РЕКИ КАМЕНКИ В г. НОВОСИБИРСКЕ	8
<i>Шафрай Е.С.</i> ГОРОДСКОЙ ДИЗАЙН ПРОСТРАНСТВА У ВОДЫ: РЕКОНСТРУКЦИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НОВОГО ГОРОДСКОГО ЛАНДШАФТА НА НЕСКОЛЬКИХ ПРИМЕРАХ	14
<i>Семикин П.В., Груздева Е.А., Герасимов Е.П.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ МАЛЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ ФОРМ ДВОРОВ «АЛИСА» И «ГУЛЛИВЕР»	19
<i>Шалыгина Д.Н.</i> ПОСТ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ (ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)	25
<i>Дроботова Н.В.</i> ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ В БЕЛАРУСИ	31
<i>Киселёва М.С.</i> АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АГРОЭКОТУРИСТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ БЕЛАРУСИ	36
АРХИТЕКТУРА ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ	41
<i>Лазовская Н.А.</i> ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	41
<i>Книга Е.Н.</i> РЕКОНСТРУКЦИЯ ШКОЛЫ В ЦЕНТР ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (STEAM)	46
<i>Матюхина К.С.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗДАНИЙ БЫВШИХ СИНАГОГ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ БЕЛАРУСИ	51
<i>Панова Н.Г.</i> АРХИТЕКТУРНЫЙ ЯЗЫК РИКАРДО ЛЕГОРРЕТЫ	57

<i>Марьясова М.К., Туманик А.Г.</i> ДЕКОНСТРУКТИВИЗМ КАК ТЕНДЕНЦИЯ ЭКСПРЕССИОНИЗМА	63
АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ	71
<i>Шафрай С.Д.</i> ФРАКТАЛЫ В АРХИТЕКТУРЕ И ФИЛЛОТАКСИС	71
<i>Шафрай С.Д.</i> САМОПОДОБНЫЕ ТРЕУГОЛЬНИКИ В АРХИТЕКТУРЕ БИОФОРМ	76
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ЗАДАЧИ И АКТУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДИЗАЙНА	81
<i>Якименко А.В.</i> О КОНВЕРГЕНЦИИ ДИЗАЙНА СОВРЕМЕННЫХ СУПЕРЪЯХТЫ И МАЛОГО КРУИЗНОГО СУДНА	81
<i>Удальцова М.Б.</i> ДИЗАЙН КАК РЫНОЧНАЯ СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ МАРКИ. КЕЙС-СТАДИ НА ПРИМЕРЕ ЧАСОВОЙ И МОТОЦИКЛЕТНОЙ ИНДУСТРИИ	87
<i>Таубе М.В., Бекк Н.В.</i> ДИЗАЙН-РЕШЕНИЯ ТРАНСЛЯЦИИ СИБИРСКОГО МЕНТАЛИТЕТА В ОБЪЕКТЕ «ПОСУДА»	92
<i>Хельмянов С.П., Киселев А.А., Спицин А.С.</i> АФФЕКТИВНЫЙ ДИЗАЙН СИСТЕМЫ ДИЗАЙН-ОБРАЗОВАНИЯ	95
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ, ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И ДИЗАЙНА. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ	103
<i>Сергеев С.К., Духанов С.С.</i> О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЕ В АРХИТЕКТУРЕ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ	103
<i>Панина Н.Л., Звир М.А.</i> ТВОРЧЕСТВО ЭДМОНА БОДУАНА: НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ТРАДИЦИЙ, ЖАНРОВ, ИСКУССТВ	109
<i>Субботин О.С.</i> АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПОСЕЛЕНИЙ ТАМАНИ	113
<i>Голодяев К.А.</i> ВОПРОСЫ САНИТАРНОЙ ОЧИСТКИ НОВОСИБИРСКА В XIX–XXI вв. (от выгребной ямы до ультрафиолета)	120

Громова А.С. АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	129
Иванова-Везн Л.И. К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕТРОГРАДСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МАСТЕРСКИХ 1918–1922 гг.	133
Алексеев Е.П. ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ШКОЛА В ЧИТЕ. ИЮЛЬ 1919 – ЯНВАРЬ 1921 гг. ..	139
Донгузов К.А. К 100-ЛЕТИЮ УФИМСКИХ СГХМ	146
Духанов С.С. 1919-й ГОД В АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	150
Лисов А.Г. ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СМОЛЕНСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫХ МАСТЕРСКИХ	157
Баснина Е.Ю. ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ ПЕРВОГО СОВЕТСКОГО ПОЛИТЕХА В ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ. 1918–1920 гг.	164
Беляева Г.А. САРАТОВСКИЕ СВОМАС (1918–1920 гг.). ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ Г.И. КОЖЕВНИКОВА	169
Голенкевич Н.П. ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ХУДОЖНИКОВ-ПЕДАГОГОВ ГСХУМ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА (1919–1921 гг.)	177
Кузеванов В.С. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ «ОМСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО СТРОИТЕЛЬНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ И СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ»	184
Атапин И.И. НОВОЕ ЖИЛЬЕ ДЛЯ «ЗНАТНЫХ ЛЮДЕЙ»: ДОМА УДАРНИКА И ДОМА СПЕЦИАЛИСТОВ В ГОРОДАХ КУЗБАССА	189
Блинов Е.Н. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО (НОВОСИБИРСКОГО) ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ	195
Старостенко Ю.Д. ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ УЧЕБНИК ПО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВУ: ПОПЫТКА ОБОБЩЕНИЯ НАКОПЛЕННОГО ОПЫТА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.	200
Овсянникова Е.Б., Васильев Н.Ю. АВТОРЫ АРХИТЕКТУРНЫХ АНСАМБЛЕЙ ПОСЛЕВОЕННОГО СЕВАСТОПОЛЯ	205
Шагаева О.А. ПРЕДПОСЫЛКИ ОТКРЫТИЯ АРХИТЕКТУРНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ В г. КРАСНОЯРСКЕ	211

<i>Духанов С.С.</i> ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРНОЙ МЫСЛИ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ 1950-х – НАЧАЛЕ 1960-х гг.	215
<i>Прищепина А.И.</i> ПРОЕКТИРОВЩИКИ СУРГУТА 1960-х – НАЧАЛА 1970-х гг.	221
<i>Самарина Н.Д.</i> АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНИСЛАВСКОГО ЖИЛОГО МАССИВА (г. НОВОСИБИРСК)	226
<i>Белинская А.А.</i> НЕУДАВШЕЕСЯ СОЦИАЛЬНОЕ ЖИЛЬЕ В ПРИГОРОДАХ ПАРИЖА	232
АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	237
<i>Арбатский В.П., Гамалей А.А., Романовский В.Г.</i> ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КАФЕДРЫ ДИЗАЙНА АРХИТЕКТУРНОЙ СРЕДЫ НГУАДИ	237
<i>Иванова Е.Г.</i> ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ В.И. САЗОНОВА В ПРОГРАММАХ ВУЗА И ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ АРХИТЕКТОРОВ	243
<i>Булгаева Г.Д.</i> ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФОРМ В МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ	248
<i>Лукин А.Е., Аникина А.В.</i> ПОСТРОЕНИЕ КУБА В ЛИНЕЙНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	252
<i>Беляев А.И.</i> ПРОБЛЕМЫ ТОНА В ЖИВОПИСИ АКВАРЕЛЬЮ И ГУАШЬЮ	259
<i>Самойлов В.В.</i> СТИЛИЗАЦИЯ В НАТЮРМОРТЕ	262
<i>Ушков В.И.</i> ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НА ВЫЕЗДНОЙ «ЖИВОПИСНО-ГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ» В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	265
<i>Зинченко Н.И.</i> ПРЕПОДАВАНИЕ ИСКУССТВА ГОБЕЛЕНА В НГУАДИ	269
<i>Фоминцев И.А.</i> ОПЫТ ОБУЧЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ СКУЛЬПТУРЕ НА СТУДИИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ	272
SUMMARY	275
СОДЕРЖАНИЕ	292

РЕГИОНАЛЬНЫЕ
АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ШКОЛЫ

2019

№ 1

Ответственный редактор *С.С. Духанов*
Составитель *С.С. Духанов*
Редактор *С.С. Духанов*
Компьютерная верстка *С.С. Духанов*
Дизайн обложки: *А.В. Радзюкевич, С.С. Духанов*

Подписано в печать 26.11.2019. Формат 84×108/16.
Усл. печ. л. 31,1. Тираж 500 экз. (1 завод 1-50)
Заказ № 289.

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
630099, г. Новосибирск, Красный проспект, д. 38

Отпечатано в типографии ООО Издательство «Сибпринт»
630099, г. Новосибирск, ул. М. Горького, д. 39

